

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИТЕКТУРНО-СТРОИТЕЛЬНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ (СИБСТРИН)

ЭКСТРЕМИЗМ КАК ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ВЫЗОВ

Коллективная монография

НОВОСИБИРСК 2012

УДК

ББК

Издание подготовлено при финансовой поддержке РФФИ, грант № 12-06-06077-Г, название проекта: «Экстремизм как цивилизационный вызов».

Экстремизм как цивилизационный вызов :

коллективная монография / науч. ред. д-р филос. наук, профессор В. Ш. Сабиров ; Новосиб. гос. архитектур.-строит. ун-т (Сибстрин). – Новосибирск : НГАСУ (Сибстрин), 2012. – с.

ISBN

В коллективной монографии рассматривается экстремизм как цивилизационный вызов, угрожающий самому существованию человечества. Данная книга является продолжением двух предыдущих: «От экстремизма к толерантности: этические и социокультурные аспекты» и «Экстремизм как философская проблема». Книга рассчитана на специалистов и всех интересующихся проблемами современного экстремизма и терроризма.

ISBN

Печатается по решению научно-технического совета
НГАСУ (Сибстрин)

© Авторы, 2012

© НГАСУ (Сибстрин), 2012

Авторство:

Сабилов В.Ш., Соина О.С. (1.1); Щекотин Е.В.(1.2);
Плешивцева Е.Ю. (1.3); Мельников М.В. (1.4); Боровой
Е.М. (1.5); Чуркина Н.А. (1.6); Зимбули А.Е. (2.1);
Мартъянов В.С. (2.2); Барышкова Н.Г. (2.3); Рязанов Д.С.
(2.4); Бабич Н.С. (2.5); Левикова С.И. (2.6); Тепляков О.В.
(3.1); Павлий Г.Ю. (3.2); Андронов И.С., Егоров М.И.(3.3,
4.3), Смагулов Е.М. (3.4); Коновалов А.В. (3.5); Мартынова
О.А. (4.1); Юрченко И.В. (4.2); Юрченко Н.Н.(4.4);
Тимощук А.С., Тимощук Е.А. (5.1); Добаев И.П.,
Гаджибеков Р. Г. (5.2); Жирухина Е.В.(5.3); Зети П. П.
(5.4); Смержевская О.А. (5.5); Чудинов С.И. (5.6); Гурский
В.В. (5.7); Кушнаренко С.П. (6.1); Исаев А.А. (6.2); Буряк
А.А. (6.3); Кобзистая М.В. (6.4); Парменов А.А. (6.5);
Каримов А.Р. (6.6); Плотникова Е.В. (6.7).

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1. Современный мир в контексте новых цивилизационных угроз

- 1.1 Цивилизация, цивилизованность и экстремизм
- 1.2 Экстремизм и качество жизни в условиях неустойчивости
- 1.3 От толерантности к интолерантности, или парадоксы терпимости
- 1.4. "Новые огораживания" как проявление элитного экстремизма: социально-философский аспект проблемы
- 1.5. Страх смерти в западном обществе и стратегия «неограниченного террора»
- 1.6. Феминизм как экстремистская идеология

Глава 2. К проблеме определения экстремизма: обзор методологических подходов

- 2.1. Протест. Эпатаж. Провокация. Экстремизм: смысловые грани и социокультурное значение
- 2.2. Экстремизм как моральный вызов: стратегия деуниверсализации Модерна
- 2.3. Экстремальность и экстремизм
- 2.4. Развитие теоретических подходов к осмыслению понятия "экстремизм" в зарубежной научной литературе
- 2.5. Позитивная ассимиляция экстремизма: миноритарная методология как подход к обеспечению достоверности выводов социальных наук
- 2.6. Политика как истинная причина и движущая сила экстремизма и терроризма

Глава 3. Социальная и историческая динамика экстремизма

- 3.1. Общие тенденции развития идеологии экстремизма
- 3.2. Генезис политического экстремизма: западный и отечественный опыт
- 3.3. Социетальный комплекс формирования и распространения экстремизма в молодежной среде
- 3.4. Терроризм как угроза политической стабильности на постсоветском пространстве (на примере Республики Казахстан)
- 3.5. Методы легитимизации межгосударственного экстремизма

Глава 4. Российская цивилизация в противостоянии экстремизму

- 4.1. Русская философская мысль о миссии России: экстремизм и толерантность
- 4.2. Экстремизм как угроза безопасности современного полиэтничного социума
- 4.3. Влияние внешней миграции на становление и проявления экстремизма
- 4.4. Совершенствование системы управления в РФ как ответ на цивилизационные вызовы

Глава 5. Религиозно-политический экстремизм в России и Ближнем зарубежье

- 5.1. Экстремизм как дискурс
- 5.2. Особенности развития террористического движения на Северном Кавказе

- 5.3. Анализ информационного пространства «Имарата Кавказ»
- 5.4. Типологизация видео материалов экстремистского содержания
- 5.5. Постмодернистские вызовы для христианства: неоязычество
- 5.6. Манифестация радикального этоса в онтологических и историософских представлениях неоязычества
- 5.7. К вопросу о возможности преодоления религиозного экстремизма

Глава 6. Философское обоснование профилактики и противодействия экстремизму

- 6.1. Параллелизм философских оснований экстремизма в политике и литературе
- 6.2. Философские размышления о терроризме (на примере философии А. Камю)
- 6.3. Человек без свойств – фигурант экстремизма
- 6.4. Культура толерантности и ее формирование в условиях противодействия экстремизму
- 6.5. Толерантность как фактор нравственного воспитания личности
- 6.6. Становление идеалов толерантности в татарской философии XIX-XX вв.
- 6.7. Воспитание способности различения как предупреждение экстремизма

Глава 1.

СОВРЕМЕННЫЙ МИР В КОНТЕКСТЕ НОВЫХ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ УГРОЗ

1.1. ЦИВИЛИЗАЦИЯ, ЦИВИЛИЗОВАННОСТЬ И ЭКСТРЕМИЗМ

Современный экстремизм во всем разнообразии его видов и форм является закономерным следствием развития человеческой цивилизации последних 4-5 столетий, а также станет, по всей вероятности, определяющим фактором ее дальнейшего существования.

Под экстремизмом традиционно понимаются крайние формы поведения людей, общественных групп и движений, чреватые социальными катаклизмами, нестабильностью и хаосом. Экстремизм ассоциируется с агрессивным, вызывающим поведением. Он нередко сопровождается эпатажем, ниспровержением ценностей и норм, принятым в данном обществе. Экстремизм всегда объективирует зло, т.е. ищет внешних врагов, которых он стремится морально дискредитировать или физически уничтожить.

Что касается понятия цивилизации, то оно является весьма многозначным.

Во-первых, оно обозначает *сообщество разумных существ*, населяющих планету Земля. По сути дела, речь идет о *глобальной цивилизации*, рассматриваемой в ее историческом развитии и современном состоянии.

Во-вторых, под цивилизацией подразумевается локальное социокультурное образование, ограниченное пространственными и временными рамками. Эти *локальные цивилизации* стали предметом изучения в теориях культурно-исторических типов (от Н.Я. Данилевского до С. Хантингтона). Каждая из этих

цивилизаций обладает своим специфическим набором ценностей и смыслов, в то же время морфологически они схожи, так как все они когда-то возникают, проходят стадию становления, затем период наивысшего расцвета и, наконец, претерпевают деградацию и сходят с арены мировой истории. А. Тойнби полагал, что судьбы цивилизаций зависят от того, как они способны отвечать на внутренние или внешние вызовы, а С. Хантингтон предрекал неизбежность столкновения цивилизаций.

В-третьих, в XVII и XIX веках вслед за шотландским ученым А. Фергюссоном философы и социальные мыслители понятие цивилизации стали рассматривать как *стадию развития человеческого общества*, приходящую на смену дикости и варварству и сопряженную с распространением письменности и развитием городов.

В-четвертых, О. Шпенглер в понятие цивилизации стал вкладывать смысл вырождающейся культуры. Будучи одним из ярчайших представителей теории культурно-исторических типов, он полагал, что всякая культура в последней стадии своего существования концентрируется на материальных ценностях, впадает в гедонизм, утрачивает духовные смыслы и упования. Эту закономерность немецкий мыслитель проследил в конечной стадии существования Римской империи, предрекая грядущий закат Западной Европе и Западному миру в целом.

Можно с полной уверенностью утверждать, что все эти значения понятия цивилизации внутренне связаны друг с другом, и необходимы в контексте данной темы. Дело в том, что в каждый исторический период в силу разных причин доминирует та или иная цивилизация (культура), носители которой, во-первых, отождествляют свою цивилизацию с общечеловеческой, а, во-вторых,

считают представителей других культур варварами. Так было, например, в период расцвета греко-римской, античной цивилизации, которая по сути дела воспринимала и осмысляла себя как олицетворение человеческой цивилизации как таковой. В Новое время в связи с развитием капитализма лидирующее положение в мире стала занимать западноевропейская цивилизация. Успехи в развитии науки и техники, бурное развитие промышленности сформировали у западных европейцев сознание своей исключительности, которое идеологически оформилось как европоцентризм. Философы Нового времени, фактически изучая западноевропейский разум со свойствами ему специфическими нормами, смыслами и ценностями, придали ему универсальное значение, представив его в виде эталона для всего остального человечества, которое воспринималось европейцами как нецивилизованное. Как показывает исторический опыт человечества, оценка человека, людей или целого общества как нецивилизованных (дикарей или варваров) часто являлось и до сих пор остается удобным предлогом для агрессии против них, дескридации их традиций, жизненных устоев и ценностей, а в конечном итоге заканчивалось их физическим истреблением. Нельзя не вспомнить в этой связи испанских и португальских конкистадоров, варварски расправлявшихся с индейцами в Южной Америке, или колонизаторов Северной Америки, практически уничтоживших коренное население занятых территорий.

Европоцентризм фактически идеологически и морально санкционировал колониальную политику Запада по отношению к остальному миру. Было бы не совсем верным воспринимать колониализм как чисто политическое или экономическое явление. В своей основе он имел претензии именно культурного слома

колонизированных народов и навязывания им западноевропейских ценностей, норм и смыслов, выдаваемых за общечеловеческие и универсальные. Пока западноевропейская цивилизация сохраняла в своих основаниях христианские духовные основания, ее притязания на мировое лидерство если и не принималось полностью колонизированными народами, то, по крайней мере, претерпевалось ими, поскольку достижения западноевропейской цивилизации были несомненны и усваивались многими народами с большим или меньшим успехом.

Ситуация радикально изменилась во второй половине XX столетия. Это было обусловлено эволюцией западного либерализма. Современная западноевропейская цивилизация только номинально может считаться христианской. Идеи человеческой свободы и гуманизма в их либеральной, а сейчас уже в неолиберальной интерпретации, ничего общего не имеют с христианскими представлениями и ценностями. Более того произошла смена субъекта мирового лидера. Здесь имеется в виду трансформация либеральных ценностей в *универсалистский неолиберальный проект*, сменивший бывший *европоцентризм* на *американоцентризм*. Идея глобализма – это именно американская идея, представляющая собой попытку построить современный мир на единых ценностных основаниях, сложившихся в лоне именно североамериканской цивилизации. Между тем многие ценности и стандарты поведения, декларируемые неолиберальной идеологией, противоречат не только нормам христианской морали, но, порой, и здравому смыслу. Так, например, под влиянием феминистских движений в США и ряде стран Западной Европы гендерные различия между людьми стали восприниматься чуть ни как кощунственные или неполиткорректные.

Вместо «папы» и «мамы» рекомендуется употреблять слова «родитель № 1» или «родитель № 2». Неолиберальное общество легализует однополые браки, более того, в ряде стран вводятся санкции против священнослужителей, отказывающихся религиозно освящать такого рода «супружеские союзы». Таким образом, западная цивилизация в целом, сохраняя свое доминирующее положение в мире в силу своего экономического и военно-технического могущества, в духовном и моральном планах претерпевает глубокий кризис и деградацию, что не может не вызывать протест со стороны людей и народов, придерживающихся традиционных представлений, норм и ценностей.

Конец XX и начало XXI столетий ознаменовался новым всплеском экстремистских движений, как в мире, так и в нашей стране. На передний план современной международной жизни и в ряде стран, включая и Россию, в последние годы выдвинулся экстремизм и терроризм под знаменами радикального ислама. После событий 11 сентября 2001 года многие ученые и политики осознали опасность исламского фундаментализма, экстремизма и терроризма. Однако попытки силового подавления исламского терроризма не являются успешными, более того, события последних лет на Ближнем Востоке показывают, что происходит тотальная эскалация исламского фундаментализма во всех сферах человеческой жизнедеятельности. Однако было бы ошибочным считать, что современный исламский фундаментализм, экстремизм и терроризм имеет под собой исключительно политические и экономические причины. Как нам представляется, по существу, он есть ничто иное как особый «цивилизационный вызов» со стороны стран и этносов исламистской ориентации, так называемой, западно-христианской цивилизации, пережившей принципиальный

пересмотр собственных социокультурных основ в эпоху модерна, и продолжающей осуществлять своего рода радикальную ценностную модернизацию в политике, культуре, морали, нравах и образе жизни людей.

Столкновение между современным исламом и неолиберализмом, анархо-правовым и нигилистическим либертинизмом в таких обстоятельствах является столкновением *двух универсалистских картин мира*, приобретающим обостренно экстремистскую форму конфронтаций различных типов сознания, диаметрально противоположных по ценностным установкам, но на удивление единых в агрессивно-эпатажной манере демонстрации своих убеждений.

Россия занимает особое положение в этой явной или скрытой конфронтации Запада и Исламского мира. Стремление России ассимилировать свои устои и ценности с неолиберальными устремлениями западноевропейской цивилизации, предпринятые в 90-е годы XX века, не увенчалось успехом. Причем, это связано не только с грубыми ошибками отечественных реформаторов, криминальным характером приватизации, трудностями формирования гражданского общества, но и откровенным нежеланием западных элит и значительной части населения Европы и Америки считать Россию и русских в полной мере равными себе. Глубокий, по сути дела, онтологический *прастрах* (термин В. Шубарта) Запада перед Россией вновь провел незримую границу между ними, чреватую новым витком конфронтации. В этой драматической ситуации Россия оказывается в сложных отношениях и с исламским миром. С одной стороны, она есть новый геополитический союзник ряда стран исламского мира, а с другой (как христианская страна, генетически связанная с общеевропейскими ценностями) –

несомненный враг, ибо так или иначе предлагает исламистски ориентированной молодежи иную систему ценностей, другой культурный код с особыми моделями социально-гражданского поведения, личностной мотивацией и пр. В этом контексте в нашей стране формируется, существует и развивается целый комплекс духовных, идейных, культурных, политических и иных движений с разными векторами сил притяжения. Именно на этой почве возникает экстремизм с откровенно неолиберальными ориентациями, демонстрирующими чрезвычайно широкую палитру умонастроений и форм поведения. С другой стороны, несомненно заявляет о себе и экстремизм происламской направленности (в частности, он находит свое выражение в вахабизме, получившем распространение на Северном Кавказе и в республиках Поволжья), конечной целью которого является построение исламского Халифата, в состав которого должна войти значительная часть территории России). Само собой разумеется, что протагонисты исламистского экстремизма представляют собой особые типы экстремистского сознания и деятельности, со своей своеобразной системой мотивации и духовно-ценностными предпочтениями.

Таким образом, в нашей стране образуется сложный симбиоз экстремистских движений, организаций и людей с многообразными вариантами экстремистского сознания, самым сложным, противоречивым и парадоксальным образом связанными друг с другом современным социокультурным контекстом. Об этом весьма красноречиво свидетельствуют события на Болотной площади в Москве и все движения, возникшие до и после последних парламентских и президентских выборов в России.

Примечания

1. Тойнби А. Постигание истории. М., 2008.
2. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2009.
3. Шпенглер О. Закат Европы. Том 1. Новосибирск. 1999.
4. Шубарт В. Европа и душа Востока. М., 1997.

1.2. ЭКСТРЕМИЗМ И КАЧЕСТВО ЖИЗНИ В УСЛОВИЯХ НЕУСТОЙЧИВОСТИ

Особенностью современного этапа цивилизационного развития является стремительное усиление неопределенности, хаотизация социальной реальности, возрастающая нестабильность и неустойчивость функционирования всех социальных систем. В этой ситуации изменяется содержания качества жизни, а также необходимо изменяется роль экстремизма как фактора нестабильности социальной системы.

Японский специалист в области управления качеством Г. Тагучи впервые обратил внимание на такую важную меру качества как потери. Согласно Тагучи, «качество – это потери, нанесенные обществу с момента поставки продукта» [1, 132]. К потерям общества можно отнести несоответствие требованиям с точки зрения пригодности к использованию; отклонения от нормального функционирования; вредное воздействие продукта на окружающую среду и др. Все потери, вызванные неудовлетворительными рабочими характеристиками продукта, должны быть отнесены к атрибутам его качества.

Если применить подход Г. Тагучи к определению понятия «качество жизни», то качество жизни с этой точки зрения следует рассматривать как совокупность

возможных потерь, которые может понести индивид и общество в процессе своей жизнедеятельности. Количественным выражением величины возможных потерь будет риск. Таким образом, риски являются характеристикой условий человеческой жизни, они отражают ограничения человеческой жизнедеятельности, опасности и угрозы, которые реально ухудшают положение человека в природном и социальном окружении.

Качество жизни – это совокупность возможных рисков, угроз и опасностей, характеризующая условия человеческой жизнедеятельности, реализация которых может привести к реальным неблагоприятным последствиям для человека. В первую очередь речь идет о природно-техносферных, социальных, политико-правовых и финансово-экономических условиях жизни людей. Качество жизни в такой трактовке представляет собой определенную нормативную величину – социальную норму, которая является совокупностью требований к условиям человеческого существования. Риск как характеристика возможных потерь является мерой отклонения от принятой нормы качества жизни. Под риском будем понимать возможные события, явления и процессы, последствия которых могут оказать негативное воздействия на различные аспекты состояния человеческой жизни, т.е. тем или иным образом могут ухудшать положение человека.

В той или иной мере риск как главный фактор качества жизни закрепился в общественном сознании. Если раньше специалисты выделяли в обществе отдельные группы риска (больные некоторыми заболеваниями, бывшие заключенные и т.д.), то сегодня практически любая социальная группа нашего общества является «группой риска». О.Н. Яницкий в своем исследовании, используя материалы выступления официальных лиц, публичных

фигур, лидеров низовых инициатив и протестных групп, насчитал более 50 групп риска [2, 91-92]. Хотя этот список не является в строгом смысле научной классификацией, тем не менее, здесь можно уловить важный момент: сегодня каждая следующая критическая ситуация в обществе порождает новую группу людей, идентифицирующих себя как «группу риска».

При этом многие из этих групп одновременно являются и «жертвами» и источником риска. Если раньше выделялись зоны социальной патологии (особенно в крупных городах), то сегодня эти группы, пересекаясь и накладываясь друг на друга, создают в совокупности повседневную рискогенную социальную среду. Это среда захватывает все общество целиком, практически не оставляя «зон безопасности». Такой взгляд на структуру общества свидетельствует, что риск становится организующим принципом, структурирующим социальное пространство.

Предлагаемый подход во многом опирается на футурологические и прогнозные исследования будущего. Так, например, исследовательская группа С.Б. Переслегина выделяет следующие тренды нашего «неизбежного будущего» до 2020 г.:

1. Экономическая неустойчивость.
2. Политическая неустойчивость.
3. Финансовая неустойчивость муниципальных образований.
4. Рост мирового антропотока, культурная анклавизация.
5. Политическая поляризация общества
 - разрушение среднего класса
 - ренессанс «левого проекта»
 - усиление «новых правых»
 - нарастающие конфликты в треугольнике «власть-

бизнес-общество»

6. Снижение глобальной безопасности, распространение терроризма и смена его форм.

7. Замедление научного и технологического развития [3, 56].

События последних двух-трех лет очень ярко демонстрируют верность этого прогноза. Ситуация сложившаяся в ряде стран Евросоюза (в первую очередь в Греции и Испании), «арабская весна», гражданская война в Сирии, угроза экономической рецессии, рост протестных настроений (в том, числе в РФ), природные катаклизмы и техногенные аварии (Фукусима, наводнения в Китае и т.д.) и прочие факты наглядно демонстрируют общее усиление неустойчивости.

Востребованность нового взгляда на качество жизни определяется самой социальной реальностью. Концепция социального государства, «государства всеобщего благоденствия», в рамках которой и было возможно оценивать качество жизни по удовлетворенности потребностей, на наших глазах становится вчерашним днем. Социальные гарантии и социальная защищенность уходят в прошлое. Реформы, проводимые в странах Евросоюза, недвусмысленно свидетельствуют об этом.

Справедливой представляется точка зрения Д. Смита, главного редактора журнала "Current Sociology": «Борьба за обладание большим постепенно будет вытесняться борьбой за сохранение того, что уже есть, которая, в свою очередь, ...постепенно превратится в основополагающую борьбу за выживание» (цит. по [4, 5]).

Особую группу рисков, влияющих на качество жизни населения, составляют политические или, если более широко рассмотреть это понятие, политико-правовые риски. Политические риски являются важной частью качества жизни. Этим понятием принято обозначать

потери, которые могут понести компании в процессе своей внешнеэкономической деятельности, т.е. политические риски рассматриваются как элемент экономических рисков. Однако это узкое понимание политических рисков. Важными элементами являются и внутривнутриполитические, и правовые риски.

В отличие от прочих рисков – природно-техногенных, социальных и экономических рисков, политические риски в меньшей степени изучены и одной из важных проблем здесь является отсутствие общепринятой системы понятий и определений, значительные расхождения в трактовке ключевых терминов. Политический риск трактуется очень широко: «начиная от прогнозирования политической стабильности и заканчивая оценкой всех некоммерческих рисков» [5, 20].

Попытки учитывать политический риск, вызванный действиями отдельных государственных деятелей или правительств, предпринимались еще в XIX веке. Банкир Ротшильд так организовал систему информации о политических событиях, что получал сообщения о них раньше, чем правительство. Понятие «политический риск» появилось в лексиконе американских деловых кругов в 1959 г. в связи с приходом к власти на Кубе Ф. Кастро.

Д.В. Быченков выделяет две группы подходов к политическому риску, сложившиеся в зарубежной и отечественной научной литературе. Первая группа определяет политический риск в терминах государственного вмешательства в проведение деловых операций (С. Кобрин, Ф. Вестон, Б. Сордж, Р. Алибер). В рамках данного подхода риск определяется как:

- действия национального правительства, которые мешают проведению деловых операций, изменяют условия соглашений или приводят к частичной или полной конфискации собственности иностранных компаний;

- конфликт между корпоративными целями и устремлениями органов государственной власти;
- контроль государства за перемещением капитала [6, 123-124].

В этом ключе дает определение политическому риску С.А. Красиков: «политический риск – это возможность возникновения убытков или сокращения размеров прибыли, являющихся следствием государственной политики» [7, 69]. Л.Н. Тепман также является сторонником такого подхода к определению политического риска [8, 21]. В.В. Глушенко также отмечает, что политические риски проявляются в изменении условий, улучшении или нарушении условий производственно-торгового процесса по причинам, определяемым деятельностью органов государственного управления [9, 46].

Вторая группа связывает политический риск с политическими событиями или действиями, накладывающими ограничения на деятельность компаний (Г. Райс, И. Махмауд, К. Смит, Р. Родригес, Е. Картер). В данном случае политический риск понимается как:

- непредвиденные обстоятельства, возникающие в политической среде или вызванные политическими событиями или процессами и принимающие обычно форму ограничений в ходе проведения операций;
- внутристрановые и международные, неконфликтные и интеграционные события и процессы, которые могут (или не могут) привести к изменениям в правительственной политике внутри страны или в зарубежных странах, что выразится в неблагоприятных условиях или дополнительных возможностях (связанных, например, с прибылью, рынками, персоналом);
- неопределенность среды, в которой действуют все нерыночные силы; здесь факторами политического риска

становятся не только кризисные явления (революции, военные перевороты и т.п.), но и такие события как изменение законодательства, смена политических элит и т.п. [6, 124].

В рамках данного подхода большое внимание уделяется вопросу политической стабильности, которая в значительной мере определяет политические риски. В отечественной научной литературе такое широкое определение политического риска разделяет Г.И. Плясуля: «политический риск можно определить как деятельность в сфере политики, связанную с преодолением неопределенности в ситуации неизбежного выбора, в процессе которого имеется возможность количественно и качественно оценить вероятность достижения цели, отклонения от цели или неудачи» [10, 17]. В этом определении политический риск в большей степени связывается с политической неопределенностью, факторами которой могут быть как государственные структуры, так и иные субъекты политического процесса.

С ситуацией неопределенности связывает политический риск и Дж. Пикфорд: «Политический риск – это неопределенность, полностью или частично обусловленная властью, которой пользуются правительственные и неправительственные игроки» [11, 200]. Данный подход к определению политического риска разделяет О.А. Моторин, под которым он понимает «возможность изменения реального властного положения (статуса) политического субъекта и связанных с этим изменений в политической системе» [12, 17].

На наш взгляд такая позиция более точно отражает сущность понятия «политический риск». В современных условиях глобального миропорядка, когда оказывают огромное влияние различные неправительственные организации, структуры, силы (легальные и нелегальные –

террористические, криминальные международные группировки и проч.), ограничивать политические риски только государственным вмешательством было бы неправильно. Политические риски продуцируются не только вследствие непосредственного регулирования, но и в результате взаимодействия государственного управления с общим политическим контекстом той или иной социальной системы.

В.В.Глущенко выделяет особую группу политических рисков – геополитические риски, которые включают географические, политические, экономические, военные, экологические, демографические, культурные, религиозные, этнические факторы [9, 47]. Геополитические риски носят стратегический характер, они приобретают огромное значение в конце XX-начале XXI вв. в контексте обострения борьбы за природные ресурсы на международной политической арене.

Сложной задачей анализа политического риска является его оценка. Измерение политического риска является важной проблемой, т.к. здесь трудно подобрать систему объективных, статистических показателей, в значительной мере такая оценка опирается на субъективные представления исследователя. В то же время, можно выделить базовую группу факторов политического риска, которая интуитивно понятна.

М.В. Братерский выделяет наиболее значимые и известные факторы политического риска: политическая нестабильность, политическая эффективность и подотчетность, социально-экономические условия, внутренние и внешние конфликты, коррупция, участие военных в политике, религиозные противоречия, качество бюрократии, денежная и фискальная политика [13, 144-152].

И.В. Данилин, И.В. Джус и Э.Г. Соловьев выделяют

четыре группы факторов внутренних и внешних политических рисков: собственно политические факторы, социальные, политико-экономические и правовые [14, 12]. Политические факторы являются прямыми индикаторами степени политических рисков. Авторы отмечают устойчивую зависимость: чем стабильнее политическая система, тем большую значимость приобретают социально-экономические факторы политического риска, и наоборот, чем политическая система нестабильнее, тем более важными для анализа и оценки политических рисков становятся политические факторы.

Качество жизни как характеристика условий жизнедеятельности в наибольшей степени детерминирована такими показателями политико-правового риска: внешние политические риски (угроза войны, военного конфликта; терроризм; внешнеполитическая обстановка: международные санкции, эмбарго; геополитическая ситуация, отношения с соседями; международный статус), внутренние политические риски (внутренняя нестабильность: угроза гражданских беспорядков, столкновений, акций протеста; стабильность правительства; доверие к власти; разделение властей; политический режим), правовые риски (уровень преступности; уровень преступности против личности; угроза утраты собственности: мошенничество, кража, конфискация, экспроприация; свобода СМИ; соблюдение конституционных прав), риски политической эффективности (подотчетность правительства, уровень коррупции, смена правительства, выборы; качество бюрократии; идеология, политическая воля).

В свете всего вышесказанного особое значение для стабильности функционирования той или иной системы приобретает такой вид политического риска как угроза экстремизма. Экстремизм не ограничивается теми

деяниями, которые перечислены в ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» №114-ФЗ от 25.07.2002г. Экстремизм в этом случае является существенным фактором глобальной нестабильности и его последствия имеют фундаментальные последствия для качества жизни населения.

Согласно методологии исследования неравновесных систем, состояние системы, находящейся в таком состоянии, можно изменить при помощи незначительной воздействия. Неравновесная система легко переходит из одного состояния в другие под действием небольших флуктуаций. Современный мир все больше погружается в такое неравновесное состояние, и экстремизм выступает примером как раз таких незначительных по энергозатратам воздействий. Чтобы изменить состояние социальной системы достаточно отдельного экстремистского акта в момент неустойчивости социальной системы.

В качестве наиболее свежих примеров можно привести факт, положивший начало «арабской весне». Отдельный экстремистский по своему содержанию акт (если квалифицировать по 114-ФЗ) – самосожжение молодого человека в Тунисе – привел к кардинальному изменению всей геополитической ситуации в регионе. В итоге состояние качества жизни многих миллионов людей ухудшилось. Еще один пример – это реакция, вызванная фильмом «Невинность мусульман». Минимальный по затратам экстремистский акт привел к существенным потрясениям, в том числе и к гибели людей.

Таким образом, экстремизм является разновидностью политического риска, который приобретает особую опасность в условиях неустойчивости. Экстремизм в своем философском измерении является не только деянием, нарушающим права личности или создающим угрозу государственной власти, это фактор глобальной

нестабильности, возрастающей энтропии. В этом смысле экстремизм является не менее опасным явлением, чем террористическая угроза. Как показывают приведенные примеры, экстремистские акты могут приводить к катастрофическим последствиям.

На наш взгляд экстремизм как разновидность политического риска является существенным фактором качества жизни. Учитывая сложность нелинейных связей, единичное проявление экстремизма может привести к существенному снижению качества жизни населения целой страны.

Примечания:

1. Капырин В.В., Корнев Г.Д. Системы управления качеством. – М.: Европейский центр по качеству, 2002. – 323 с.
2. Яницкий О.Н. Социология риска. – М.: LVS, 2003.
3. Переслегин С.Б., Ютанов Н.Ю., Куклина И.Р., Попов М.В., Тараненко С.Б. Сценарирование технологического развития. Ч.2. Мировое пространство форсайтов и факторы, определяющие российское неизбежное будущее до 2020 г. – М.: РНЦ «Курчатовский институт», 2009.
4. Яницкий О.Н. Кризис и социология // СОЦИС. – 2009. – № 5. – С.3-13.
5. Подколзина И.А. Проблемы дефиниции и оценки политического риска в зарубежных исследованиях//Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. – 1996. – № 5.
6. Быченков Д.В. Политический риск: проблемы дефиниции и классификации//ОНС. – 2008. – № 3. – С. 123-133.
7. Красиков С.А. Социально-политические риски и перспективы управления ими в современном российском обществе. – Н. Новгород: Изд-во ННГУ,

2007.

8. Тепман Л.Н. Управление рисками: учеб. пособие. – М.: Анкил, 2009.
9. Глущенко В.В. Управление рисками. Страхование. – Железнодорожный: ТОО НПЦ «Крылья», 1999.
10. Плясуля Г.И. Анализ политического риска. – Новосибирск: СибАГС, 2003.
11. Пикфорд Дж. Управление рисками. – М.: Вершина, 2004.
12. Моторин О.А. Политический риск в отношениях государства и корпораций современной России. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. к. полит. н. – М., 2009.
13. Братерский М.В. Экономические инструменты внешней политики и политические риски. – М.: Изд. дом Гос. ун-та-Высшей школы экономики, 2010.
14. Данилин И.В., Джус И.В., Соловьев Э.Г. Политические риски иностранных инвестиций в РФ. – М.: ИМЭМО РАН, 2010.

1.3. ОТ ТОЛЕРАНТНОСТИ К ИНТОЛЕРАНТНОСТИ, ИЛИ ПАРАДОКСЫ ТЕРПИМОСТИ

**Толерантность – это добродетель людей, которые
ни во что не верят.**

Г. Честертон.

**Я полагаю, что в нарождающемся мире
основным источником конфликтов будут уже не
идеология и не экономика. Наиболее значимые
конфликты глобальной политики будут
разворачиваться между нациями и группами,**

**принадлежащими к разным цивилизациям.
С. Хантингтон.**

На фоне последних мировых событий (и особенно в арабском и северо-африканском регионах) все более муссируется, одновременно во все возрастающем дискуссионном ключе, вопрос толерантности, не только как терпимости, но и как насущной необходимости «понять другого», будь то другой человек, иная культура, иная вера. На какой основе должен строиться межкультурный, межцивилизационный диалог, возможно ли в принципе выработать какие-то критерии отношений в мире, где все возможности равны. В.С. Библер писал: «Европейская культура сосредоточивается как некое «многоместное множество» коренным образом отличающихся друг от друга форм разумения, или, если взять сопоставление из другой сферы, трудный контрапункт самостоятельных Разумов, различных ответов на (различным образом поставленный) вопрос: «Что означает понимать...» – себя, других людей, вещи, мир?». [1, с. 4] В рамках парадоксального глобального пространства этот вопрос начинает остро звучать в отношении уже не только (а, возможно, и не столько) европейской цивилизации, но и мира в целом. Проблема, на наш взгляд, здесь кроется в сложном, нелинейном характере той социокультурной ситуации, того культурно-исторического контекста, событийно насыщенного, сложного по своим характеристикам, неоднозначного в оценочном плане, в рамках которого разворачивается бытие современной культуры и ее субъекта. В эпоху глобализации намечается парадоксальная ситуация существования общества и человека: тенденция к унификации сочетается с глубоким социокультурным разобщением и противостоянием. Неоднозначность

восприятия социокультурного контекста в его аксиологическом наполнении в рамках различных культур (Восток – Запад, Запад – Россия, Россия – Восток) в ситуации современной глобальной «перетасовки» социального пространства отнюдь не способствует устранению того неравновесного, чреватого многочисленными конфликтами состояния, в котором существует мировое сообщество.

Попытки прийти к взаимопониманию, а уже из него к терпимости (поскольку невозможно по-настоящему достигнуть общности с другими людьми при отсутствии хотя бы минимального понимания их устремлений) наталкивается на два полярных момента: человечество, упивавшееся собственной толерантностью, похоже, начинает понимать, что, с одной стороны, терпимость, не предполагающая каких-то разумных пределов, неизбежно приводит к своей противоположности, а именно, к интолерантному отношению. Во-вторых, даже те минимальные достижения, которые так усиленно пропагандировались, теряют свои позиции, что указывает, на наш взгляд, на некоторого рода прокламационный характер призывов к взаимопониманию и терпимости.

Все это приводит к изменению «тональности» в проблеме исследования толерантности к более критическому уклону: на первое место выступает вопрос о границах толерантности. Как отмечает в своей статье «Должна ли быть толерантность безграничной?» доктор психологических наук кафедры психологии образования Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета Н. И. Виноградова: «Применительно к толерантности понятие меры, границы пока не исследовано». И далее: «Справедливо ли во всех жизненных ситуациях утверждение, что «толерантность – это хорошо, а интолерантность – плохо»? Всегда ли

человек обязан не только терпеть, но и признавать право существования иного, чуждого ему? Ведь известно, нет индивидов, которые абсолютно ко всему относились бы толерантно, равно как и нет индивидов, которые ко всему бы проявляли интолерантность. В этом смысле толерантность и интолерантность всегда конкретны». [2, с. 103.] И именно в этом смысле мы должны понимать приведенное в качестве эпиграфа к нашей статье высказывание Честертона.

С чем связан «подрыв» оптимистических настроений, в контексте становления «культуры толерантности»? Одним из факторов, вызывающих настороженное отношение к таким процессам как глобализация, диалог культур, толерантность является, как отмечалось выше, прокламационный, лозунговый характер внедрения базовых установок принципа терпимости, при котором не учитывается реальный, сложный весьма противоречивый контекст существования поликультурного мирового порядка в «неевклидовом пространстве многих пространств».[1, с.284] Некие готовые решения фиксируются на всех уровнях от актуальных философских работ до резолюций на уровне ООН и ЮНЕСКО: «объявить 1995 год Международным годом Толерантности», осуществить «внедрение в массовое сознание позитивных установок по отношению к толерантности».[3, с. 12] создать «благоприятные юридические и политические предпосылки». [4, с. 294] Не секрет, однако, что межэтническая, межнациональная, межконфессиональная напряженность за те семнадцать лет, что прошли с 1995 года, вряд ли стала менее выраженной, а скорее, мы должны зафиксировать усиление напряженности в мире и острое нежелание конфликтующих сторон идти на компромисс.

Более глубинные механизмы означенных процессов

выявляются при анализе нарастания таких негативных тенденций как попустительство, всепрощение и, как порождение этого, вседозволенность. По сути, речь идет о сформировавшемся в обществе требовании терпимости к тому, что неприемлемо, нетерпимо с позиций общечеловеческих ценностей: к сожалению, можно бесконечно долго приводить примеры расизма, глумления над достоинством человека, насилия. Американский журнал с вызывающим в данном контексте названием «Puff» (здесь мы сошлемся на книгу Адама Парфрея «Культура времен Апокалипсиса») на своих страницах открыто пропагандирует насилие над детьми; почему бы и нет, если это кому-то нравится? И почему бы не отнестись к этой чей-то прихоти толерантно? Анализируя понятие «толерантность» Виноградова указывает на опасную и все возрастающую в современном обществе «возможность допущения релятивизма в теории и волюнтаризма на практике». [2, с. 106]

Почему современное общество толерантно к интолерантности, проявляет ложную гуманность по отношению к тому, что должно строго пресекаться как антигуманное? Проблема в том, что общество, если так можно выразиться «заигралось» с идеей толерантности, не проработав критериев и границ допустимости терпимости, а по-сути, отбросив те критерии, которые изначально вкладывались в понятие терпимости. «Определение границ толерантности связано с понятиями Добро и Зло ... добро и зло относятся к наиболее общим понятиям морального сознания, разграничивающим нравственное и безнравственное» [2, с.104], и, не выработав общезначимые ценностные ориентиры, не имея общих телеологических оснований, игнорируя духовную основу для осуществления столь сложных и тонких социокультурных подвижек, невозможно решить

проблему гармонизации межэтнических и межкультурных отношений.

Как было сказано выше, вопрос о критериях и границах толерантности приходится фактически ставить заново, так как оказался нарушенным тот принцип, который изначально был заложен в трудах Локка, исследован и развит Шефтсбери, Хатчесоном, Юмом, а в последствии Поппером, а именно: толерантность не может действовать там, где нарушена норма «быть толерантным», т.е. нельзя быть **толерантным к интолерантности**. Это положение восходит и к пониманию свободы у Локка как возможности следовать собственному желанию во всех случаях, когда это не запрещено, озвучивается в том парадоксальном утверждении, которое мы находим у Поппера как постулирование факта исчезновения толерантности при ее избыточности (неограниченности).

Но вот еще один парадокс: уже у отцов-основателей толерантного мировоззрения мы выявляем тенденцию к интолерантности, в частности, тот же Джон Локк отнюдь не распространял свою концепцию веротерпимости на атеистов, католиков и магометан. Мы вполне можем согласиться с тем, что такая позиция известного английского философа вызвана исторической необходимостью: период Республики и Реформации порождает сложный религиозный контекст и из него же исходит. Однако, с другой стороны, именно этот сложный контекст и привел к осознанию необходимости проявления веротерпимости, к чему первично сводилось понятие толерантности: решающим фактором в возникновении и развитии толерантности явилось установление республики в Англии (известно, что в армии Кромвеля были представители пуританских сект, индипенденты, левеллеры) и Реформация.

Культурная и религиозная ситуация в Европе

Нового времени вызывала необходимость установления общности в условиях плюрализма, и особенно эти процессы сильны были именно среди англосаксов. Возникшее в 16 веке понятие «терпимость», как принцип оформляется в трудах Джона Локка («Письмо о веротерпимости»). Более того, в Англии в 1689 году терпимость к иной вере закреплена законодательно.

Вольтер, как известно, был «благодарным зрителем» тех событий в Англии, которые привели к тому, что «в условиях религиозного плюрализма и религиозной толерантности был достигнут гражданский мир и установилась общая атмосфера милосердия».
[dic.academica.ru, с.4]

Так ли это? Конечно, именно веротерпимость была тем лозунгом, который выдвинула новая эпоха и эта новая эпоха Просвещения, век Разума начиналась в Англии. Игорь Шайтанов в предисловии к интереснейшей книге, сборнику политических памфлетов, в которых Англия этого периода («общей атмосферы милосердия») показана глазами самих британцев (поэтов, писателей, мыслителей, политических деятелей) пишет: «О веротерпимости говорили много, что не удивительно после нескольких десятилетий гражданской войны, распри и вражды под религиозными лозунгами. За веротерпимость ратовали, за нее боролись, она становилась *яблоком раздора* и поводом к самым *непримиримым разногласиям*. [5, с. 10] (курсив наш – Е.П.). Д. Аддисон отмечает тенденцию к жестокости и безжалостности, которые порождаются из лучших побуждений, а именно из попыток достичь единства. Шефтсбери, подчеркивая неумение и нежелание идти на компромисс, сблизиться в попытке понять друг друга пишет о том сколь люди *скудны на диалоги*»; «Теперь любят немедленно выбирать *свою сторону*» [6, с. 83], сетует философ. (курсив наш – Е.П.)

Действительно, разногласия в религиозных и политических взглядах, приводили не только к противостоянию в литературе (памфлетная война), но к вполне ощутимым актам нетерпимости. Примером может служить судьба Дефо в связи с его попыткой призвать к терпимому отношению к диссентерам: «Нет, джентльмены, дни снисхождения и милосердия кончились! Чтоб уповать теперь на миролюбие, снисхождение и благость, вам следовало и самим их прежде соблюдать! Но за последние четырнадцать лет мы ни о чем таком от вас и слыхом ни слыхивали!». [7, с.187] Известно, что за свои взгляды известный писатель и мыслитель жестоко поплатился; Дефо был приговорен к тюремному заключению и, кроме того, к позорному столбу. Это пример того, что не идет и речи о терпимости в рамках религиозности. Другой пример – памфлет Свифта, раскрывающий истинное положение дел в Ирландии, что отнюдь не свидетельствует в пользу толерантности на уровне межнациональном: «Слишком хорошо известен тот факт, что мы вынуждены подчиняться законам, на которые никогда не давали своего согласия... мы поставлены в положение больных, которым шлют лекарства далекие врачи, не знакомые ни с их организмом, ни с природой их недуга». [7, с.416]. Какой национальной трагедией уже в XX веке обернулась религиозная нетерпимость англосаксов к этому кельтскому народу, исповедующему католическую веру нет нужды напоминать, как нет необходимости особо напоминать и то, что ответное противостояние ирландцев вылилось в экстремальные формы, вплоть до террористических актов.

Как пример политической нетерпимости можно привести постоянные распри тори и виггов. И это лишь ничтожная толика примеров интолерантности в стране, заложившей основы культуры толерантности.

Возможно, этот культурно-исторический ракурс был

бы излишним, если бы провозглашаемая в современном мире единственной носительницей толерантного мировоззрения западная, а точнее говоря, англосаксонская цивилизация не являла бы миру столь же поразительных примеров как нетолерантного отношения к другим странам и народам, так и примеров толерантности к интолерантности (а попросту говоря попустительства, прикрываемого лозунгами о терпимости ко всему и вся); достаточно упомянуть в этом контексте абсолютно неадекватные в политическом отношении заявления кандидата на пост президента США от республиканцев Митта Ромни в отношении России.

В чем причина такого двойственного отношения к проповедуемым представителями англосаксонской культуры принципам толерантности?

С одной стороны, это существование некоторого жизненного стандарта, который навязывается мировому сообществу определенной культурой, вставшей, по меткому выражению А.Х. Абдибекова и А.Г. Догалакова «в штопор этнической исключительности» [8, с. 18], что предполагает уже использование силовых механизмов социокультурного процесса, когда диалог-полилог многих культур заменяется монологом одной культуры (или одним определенным типом культуры), в ее притязании превратиться в некий Абсолют.

Еще одна проблема, как замечает Френсис Фукуяма, коренится в самой сути либерального общества, а именно в системе либеральных ценностей, навязываемых мировому сообществу в качестве единственно возможных. «Имеются ли в либеральном обществе какие-то неразрешимые в его рамках противоречия? Напрашиваются две возможности: религия и национализм». [9, с. 145] И далее: «Еще одно «противоречие», потенциально неразрешимое в рамках либерализма, – это национализм и иные формы расового и

этнического сознания».[9, с. 146] Но такой подход, выражающийся в практической ассимиляции других культур с западной культурой (Хантингтон называет такую ситуацию вхождения в доминирующую культуру Запада «вскочить на подножку поезда»), сильны тенденции именно к сегрегации и этнической маргинальности, уже не говоря об открытой этнической нетерпимости, предполагающей радикальные и экстремистские действия на фоне эскалации ценностных оснований доминантной (или считающей себя таковой) культуры.

Если подобного рода утверждения и опасения западных философов кажутся несколько устаревшими в XXI веке, веке «массовой толерантности», стоит, пожалуй, напомнить о возросших в странах Европы (в том числе и Восточной Европы и в странах бывших республиках СССР) националистических, вплоть до откровенно фашистских, настроений. Сошлемся еще раз на пример Великобритании. Сторонники праворадикальных настроений в этой стране либеральных ценностей никогда не теряли своих вполне ощутимых позиций, в том числе и в политике. Созданный в 1967 году «Национальный фронт», несмотря на попытки некоторых политических деятелей Британии отмежеваться от подобного рода взглядов, практически открыто поощрял сторонников как неоимперских, так и неонацистских настроений. Как отмечает в своей статье Д.Д. Курносов (кафедра европейских исследований Санкт-Петербургского государственного университета) представители как «идеологической» фракции НФ (Дж. Тиндолл), так и более умеренной «прагматической» фракции (Дж. Кингсли Рид) фактически открыто провозглашают превосходство европейской расы над «цветными». Последовательница НФ Британская Национальная Партия (БНП) в новом тысячелетии переместила акцент «с расовой проблематики

и «еврейского вопроса» на мусульманское население и определила его в качестве основной «угрозы»». [10, с. 134] Однако, как далее отмечает Д.Д. Курносков, и расовый фактор не канул в лету, о чем свидетельствуют заявления известного праворадикального деятеля Н. Гриффина: «Следует заметить, что под руководством Гриффина БНП сохранила... норму устава о том, что целью партии является возвращение Великобритании к этническому образцу 1948 г.». [10, с. 134]

Как видно из приведенных примеров, клубок противоречий, непримиримых разногласий, которые характеризовали ситуацию межкультурных, межнациональных, межрелигиозных отношений еще в пору становления принципа толерантности, и в наше время не дает поводов к каким-либо оптимистичным настроениям (в этом смысле, как и во многих других отношениях, мягко говоря, несколько неожиданно смотрится присуждение Нобелевской Премии Мира Евросоюзу).

Конечно, решение проблемы видится не в пустых лозунгах уважать другую культуру, ее ценности. Можно еще раз озвучить необходимость межкультурного диалога, принять еще одну Декларацию принципов толерантного отношения между представителями разных этносов и культур, назвать еще один год годом толерантности, но, не выработав общезначимые ценностные ориентиры, не имея общих телеологических оснований, игнорируя духовную основу для осуществления столь сложных и тонких социокультурных подвижек, невозможно решить проблему гармонизации межэтнических и межкультурных отношений. Мировые культуры вступили в процесс формирования нового общего и вместе с тем поликультурного пространства, не выработав общезначимые ценностные ориентиры, не имея общих

телеологических оснований, игнорируя духовную основу для осуществления столь сложных и тонких социокультурных подвижек, без чего имеется опасность замены многообразия культур унификацией, диалога – диктатом, увлечение чрезмерным гуманизмом приводит к дегуманизации, понятие толерантности начинает восприниматься как синоним попустительства, стремление уйти от абсолютистских тенденций может обернуться попыткой абсолютизации той или иной культуры и ее ценностей, что в рамках имеющих место процессов глобализации может обернуться противостоянием этих процессов и националистических тенденций.

Примечания:

1. *Библер В.С.* От наукоучения – к логике культуры. Два философских введения в двадцать первый век / В.С. Библер. – М., 1991.

2. *Виноградова Н.И.* Должна ли быть толерантность безграничной? // Исторические, философские и политические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012, № 6 (20).

3. *Степанова И.Н., Карпова Н.Г.* Сакрализация толерантности в Священных писаниях / Толерантность в контексте многоукладности российской культуры. – Екатеринбург, 2001.

4. dic.academica.ru

5. *Шайтанов И.* «Столетье безумно и мудро...» / Англия в памфлете. Английская публицистическая проза начала XVIII века. – М.: «Прогресс», 1987.

6. *Шефтсбери А.* Эстетические опыты. М., 1975.

7. Англия в памфлете. Английская публицистическая проза начала XVIII века. – М.: «Прогресс», 1987.

8. *Абдибеков А.Х., Догалаков А.Г.* Диалог культур:

метафизические проблемы и современность / Диалог культур: XXI век. – Балашов, 2001.

9. Фукуяма Ф. Конец истории? /Ф. Фукуяма // Вопросы философии. – 1990. №3.

10. Курносоев Д.Д. Идеологический профиль британских праворадикальных политических сил: историческая эволюция и актуальные тенденции // Исторические, философские и политические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012, № 6 (20).

1.4.«НОВЫЕ ОГОРАЖИВАНИЯ» КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ЭЛИТНОГО ЭКСТРЕМИЗМА: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ

*На пустыре земля оголена.
А в двух шагах стоит обращена
К ветрам палящим старая стена.*

*За ней благоуханье и прохлада.
Так создает садовая ограда
Особенную атмосферу сада.*

Роберт Фрост

Под именем «огораживаний» известна практика фактической, сначала в форме захвата, а затем и законодательно обоснованной, приватизации общественных или пространств и владений, осуществляемая наиболее широко в Англии в XVI веке. Огораживаниями занимались светские и церковные феодалы, а также предприимчивые и зажиточные крестьяне. Однако попытки завладения общинными

землями известны уже в X – XIII вв., когда во многих странах Западной Европы широко развернулась коллективная борьба крестьян за общинные угодья, в частности, за леса. Огораживания воспринимались крестьянами очень болезненно. Кроме лесов огораживанию подвергались и общинные пастбища, луга, пустоши, обочины дорог и пахотные земли. Эти процессы происходили и в России. В XIV - XV вв. захват осуществлялся особенно интенсивно.

Оценка огораживаний была одним из самых злободневных вопросов английской морализаторской литературы XVI в. Ф.Тридж, священник и экономист, обращал внимание на антиобщественный и антихристианский характер огораживаний: «Те, кто огораживает себе отдельную землю, нарушают заповедь Христовой церкви об общности житья, ибо они не хотят, чтобы кто-нибудь селился по близости их [6, с.90]».

В начале XXI в. философы, социологи и общественные активисты снова пишут об антиобщественной и антихристианской сущности процесса, который позволительно именовать «новыми огораживаниями». Как и в эпоху первоначального капиталистического накопления под «новыми огораживаниями» можно понимать практику приватизации общественных (public) пространств, осуществляемую меньшинством исключительно в своих интересах.

Наиболее заметной и глобальной по охвату и общественному эффекту попыткой приватизации общественных пространств, или «новых огораживаний» является создание во многих странах мира от Канады до Южно-Африканской республики закрытых жилых сообществ (буквально: gated communities, где gate – ворота). Дж.Грант и Л.Миттелстидт определяют закрытые жилые сообщества (далее в тексте – ЗЖС) как «посёлок,

построенный на землях, находящихся в собственности его жителей, всеобщий доступ на территорию которого ограничен по воле жителей с помощью стен, заборов, решёток, ворот и естественных преград [16, с.913]». Э.Блейкли и М.Г.Снайдер пишут о ЗЖС как о фешенебельных жилых кварталах, территория которых, будучи ранее нормально публичным пространством, открытым для всеобщего доступа, теперь приватизирована [13].

История ЗЖС уходит корнями и в реальную историю человечества, и в мифологию, и в фантастику – научную и проектирование идеального общества (утопии). В древности во многих обществах, где уровень социального неравенства между людьми был особенно высоким, правящее меньшинство (далее – элита) ограждало места своего обитания рвами и стенами, находящимися под охраной. Под такой же охраной находились после изгнания Адама и Евы и райские врата. Самое желанное для многих людей прошлых веков и некоторых людей нашего времени место пребывания – рай – означает «отовсюду огороженное место» [9, с.13]. «Потерянный Рай» Джона Мильтона заканчивается так [5, с.366-367]:

Оборотясь, они в последний раз
На свой недавний, радостный приют,
На Рай взглянули: весь восточный склон,
Объятый полыханием меча,
Струясь, клубился, а в проеме Врат
Виднелись лики грозные, страша
Оружьем огненным...

Подобные представления о Рае, как находящемся на краю земли манящем, но запретном и «отовсюду огороженном месте» (от староиранского *pairidaeza*) бытовали в Европе вплоть до эпохи Возрождения. В сознании человека Нового времени память о Рае

сохранялась в форме утопического теоретизирования, объектом которого было конструирование идеального социального пространства и общественного устройства, а также в форме представления о желанном для него обустройстве частного пространства, доступ в которое был бы ограничен волей находящегося в нём или владеющего им лица.

Другой библейский образ закрытого для посторонних пространства – Ноев ковчег. Аллегорически его можно понимать, как попытку сохранить в каком-то небольшом месте, изолированном от окружающего и ожидающего всеобщей катастрофы мира часть цивилизации. Согласно писателю Питеру Слотердейку, Ковчег есть «искусственный и герметически закрытый мир, который в определённых обстоятельствах становится единственным мыслимым убежищем [14]».

Существенный рост ЗЖС начинается в США в конце 1980-х годов, что обусловлено рядом причин – социальных, экономических, психологических. Главные причины – растущее социальное неравенство, атомизация общества, кризис социальной солидарности. Появление ЗЖС связано с явлением, именуемым отдельными учёными как

«восстание элит» (К.Лэш) и «бунт богатых» (Дж.Гэлбрейт). Имеется в виду стремление элиты снизить всеми возможными способами, в том числе и посредством физического отгораживания, свою ответственность за вышеупомянутые проблемы, хотя их появление и было вызвано, во многом, эгоизмом и равнодушием элиты к общему благу.

Идеологически появление ЗЖС обосновано и оправданно в работах Л.фон Мизеса, Ф.фон Хайека и М.Фридмана – виднейших представителей либеральной социальной философии в современной экономической

теории. Л. фон Мизес в своих работах, посвящённых либерализму, рассматривает его в теснейшей связи с индивидуализмом и защитой частной собственности. Суть их научно-идеологических воззрений можно хорошо, как мы полагаем, продемонстрировать с помощью следующих цитат. «Не любовь, не милосердие, не какие-либо иные благие чувства, а правильно понятый эгоизм есть то, что изначально побуждает человека приспособляться к требованиям общества, уважать права и свободы окружающих и заменить вражду и конфликт мирным сотрудничеством» [4, с.160]. Ф. фон Хайек высказывается не менее откровенно. В основе индивидуализма, уходящего корнями в античную философию и христианство, лежит признание абсолютного суверенитета взглядов и наклонностей человека (личности) в сфере его жизнедеятельности. История Европы есть история постепенного освобождения индивида «от разного рода норм и установок, сковывающих его повседневную жизнедеятельности». Когда этот процесс «набрал достаточную силу, стало расти понимание, что спонтанные и неконтролируемые усилия индивидов могут составить фундамент сложной системы экономической деятельности» [10, с.42]. Он высказывается критически о попытках «скорректировать» результаты, достигнутые в рыночном обществе, в направлении «социальной справедливости». (Любопытно, что Хайек берёт в кавычки социальную справедливость и не делает этого с рыночным обществом). То, что называют борьбой за социальную справедливость, Хайек осмысливает как усиление несправедливости в форме требования новых привилегий, эгоизма закрытых групп и возрождения племенной морали. Главные обвинения предъявляются социализму и государству, которое создаётся обществом - спонтанно-развивающейся сетью связей между индивидами и

организациями – и призвано обеспечить внешние рамки, в которых зарождается и существует стихийный порядок общества [11, с.461].

Однако в тех странах, где рост ЗЖС особенно высок, растут именно вражда и конфликты, а эгоизм закрытых групп и возрождение племенной морали происходит, прежде всего, в элитных группах, а не в народных массах.

Численность таких посёлков наиболее высока в США в штатах Калифорнии, Флориде и Техасе. В последние годы их количество растёт особенно быстро в Мексике, Бразилии, Индии, Китае. Появились ЗЖС и в России. В Индии, где рост городского населения особенно высок, привлекательность ЗЖС обусловлена теми же причинами, что и в США. Их резидентов привлекают такие ожидаемые преимущества жизни в подобных местах, как безопасность, престиж, эксклюзивность и приватность. Шилва Сопал, консультант по маркетингу, проживающая в Нирване, одном из таких ЗЖС в Гургаоне, выросшем за 20 лет буквально на пустом месте пригороде Нью-Дели, говорит: «Я больше всего ценю защищённость и безопасность. Такие, как я люди, очень чувствительны на этот счёт. Мы, жители Нирваны, очень хорошо понимаем друг друга». Резиденты ЗЖС стремятся обезопасить и оградить себя в прямом и переносном смысле от многолюдного шумного и грязного огромного города, который очень сложно контролировать. Социолог Санджай Шривастава отмечает, что места вроде Нирваны привлекательны для индийского среднего класса потому, что их легче контролировать, так как их резиденты в этом весьма заинтересованы, потому что у них много общего друг с другом – ценности, сфера деятельности, образ жизни, ожидания и т.д. Некоторые из жителей Нирваны ничего не знают и знать не хотят о жителях, находящихся за стенами ЗЖС трущоб. Но другие жители Нирваны,

например упомянутая выше Шилва Сопал пытаются им помочь. Они участвуют в программах по обучению безработных женщин из трущоб каким-то ремёслам, чтобы они имели возможность повысить свои доходы. Шилва признаёт, что для многих бедняков приобщение к культуре потребления и посещение моллов с целью шопинга и развлечения есть совершенно невозможная вещь. «Они никогда не смогут стать частью всего этого мира» [15].

О том, как выглядят некоторые ЗЖС в Америке, написал Л.Туроу [8, с.314]. В Калифорнии есть сообщество со стеной, крепостным рвом, подъёмным мостом и устройством «боллард», выстреливающим трехфунтовый металлический цилиндр в днище машины, которую не захотят пропустить. И хотя это крайний случай, отмечает Туроу, в США создано тридцать тысяч сообществ, богатые жители которых, как в Средние века, отделяют себя от внешнего мира стенами и охраной, стоящей у ворот их городских или пригородных анклавов. Если считать многоквартирные дома с частной охраной, то теперь 28 миллионов американцев живет в таких сообществах. Афроамериканский писатель Р. Бенджамин, автор книги «В поисках Уайтопии (он соединил два слова – white, «белый» и утопия), описывает менталитет их постоянных жителей как смесь самодовольства и страха перед грозящими извне опасностями, существующую, несмотря на стены, нередко с колючей проволокой вверху, и круглосуточной охраной [12]. Дэвид Грюсел (Greusel) отмечает, что жизнь за стеной таких посёлков сводит к минимуму для их обитателей риск быть ограбленным или просто потревоженным, но оценивает, «мысля христиански», их существование, как аморальное и несправедливое [17]. Путь на их территорию закрыт для тех, кто не является местным землевладельцем: бездомных, арендаторов, странствующих рабочих и коммивояжеров, фланёров и т.д. В каждом из таких людей

собственники и охранники ЗЖС видят потенциальных нарушителей спокойствия, замышляющих против зажиточных землевладельцев что-то недоброе. Дистанцирование жителей ЗЖС от контактов с теми, кого они рассматривают как нежелательные для них персоны, приводит, по мнению Грюсела, к их депривации, то есть ограничению возможностей живого и обогащающего их контакта с теми людьми, кто не похож на них. Грюсел делает вывод, что дистанцирование постоянных жителей (резидентов) ЗЖС от других людей способствует разобщению и недоверию не только в отношении резидентов с теми, кто не принадлежит к элите, но и в отношении между самими резидентами. В христианских терминах это означает, что в отношениях между людьми растёт страх, а не любовь, к чему призывал Иисус Христос. Именно поэтому Грюсел в начале XXI века, как и Тридж в начале XVI века оценивает значение «новых огораживаний» как антиобщественное и антихристианское.

Об антиобщественной сущности «новых огораживаний» пишут и многие другие исследователи. Воздвигнутые стены и заборы между домами и кварталами символизируют появление или укрепление стен между людьми современного общества и между гражданами. Растёт недоверие и дистанция между людьми, снижаются их возможности понять друг друга как разных, но составляющих единое сообщество людей, их желание и понимание необходимости доверять друг другу и полагаться друг на друга во имя каких-то общих для всех них целей. Исчезает античная форма города (полиса) и демократическая полисная культура открытого обсуждения всех важных вопросов всеми свободными гражданами. Подлинные основы гражданской культуры, гражданственности укоренены в приобщении горожан (сограждан) к общим делам и к общей ответственности.

Безопасность и защищённость от криминала во многом зависит от активной бдительности сограждан и от их равнодушия к делам друг друга, дома, квартала, района, города и всего общества. Ворота и заборы непроницаемы для серьёзных преступлений, но они не могут снизить уровень преступности за стеной.

Французские учёные М.-К.Жайе и Ж.Донзело ещё в 1988 году поставили вопрос о риске пространственного обособления разных страт городского сообщества [1]. Обитатели закрытых жилых зон самоизолируются от коллективных форм жизни и проявлений социальной солидарности. Налоги, которые они платят, не используются на местные нужды - в частности, для развития услуг или помощи нуждающемуся населению, которое характеризуется жителями ЗЖС не просто как бедное, а как социально недееспособное. Обособление, таким образом, означает одновременно желание отделиться и в пространстве, и в обществе.

Главная ответственность за общее ухудшение безопасности и свободы в современном обществе должна быть возложена не на бедных, безработных и малообразованных граждан, а на представителей элиты, действующих эгоистично и малодушно. Вместо того чтобы брать на себя ответственность за судьбу всего общества и тех его членов, которые находятся на «нижних этажах» системы социальной стратификации, элита снимает с себя эту ответственность и отгораживается от общества непроницаемыми стенами. Тем самым, она демонстрирует антиобщественное и антисоциальное поведение.

Б.Фрей и Д.Сэвидж провели исследование, посвященное поведению людей в условиях, когда на кону стоит их жизнь [18]. Они сравнили поведение пассажиров из разных стран, пливших на "Титанике", затонувшем сто лет тому назад. Исследование показало, что у англичан

было на 10% меньше возможностей остаться в живых в катастрофе, чем у представителей других национальностей, например, американцев, так как благовоспитанные английские джентльмены считали своим долгом уступить место в шлюпке детям и женщинам.

Именно такие действия отличают представителей подлинной общественной элиты. В современном мире она без боя уступает своё место новой элите, которая в трудные для всех времена действует иначе, руководствуясь примитивными эгоистическими инстинктами самоизоляции и самосохранения, с одной стороны, и стремлением аккумулировать почти все общественные блага и ресурсы, включая и физические пространства, в своих руках, с другой стороны. Осуществляемые ею только в своих частных интересах социальные действия, примером которых и являются «новые огораживания», позволительно называть новым и весьма опасным для всего общества видом экстремизма, который мы предлагаем называть элитным экстремизмом.

Целесообразность использования этого понятия обусловлена следующим. Ранее нами было отмечено, что «экстремизм представляет собой деятельность и позицию вблизи условной границы, безнаказанное пересечение которой угрожает установленному – легально и легитимно – порядку культурного, политического, социального, этического устройства человеческого существа и существования» [2, с.47]. Социальный теоретик Т.Парсонс полагал, что в основе всякого общества лежит определенный общий консенсус (согласие) в отношении норм и ценностей. Эти два понятия являются основными при изучении культурных оснований общества. Ядром общества как системы является структурированный нормативный порядок, посредством которого и организуется жизнедеятельность общества. Как порядок,

он содержит ценности, дифференцированные нормы и правила, причем все эти нормы, в том числе и законы, должны соотноситься с культурой для того, чтобы быть значимыми и легитимными. Лишь в этом случае обществу будет гарантирована возможность избежать серьезных потрясений.

Идеология, философия и практика «новых огораживаний» демонстрирует явное нарушение элитой этого общего согласия. Открытое для всеобщего доступа публичное пространство приватизируется элитой без всякого общественного обсуждения, и нередко без каких-либо законных оснований, а просто по праву сильного. Эта антиобщественная деятельность широко осуществляется и в современной России. Незаконные огораживания открытых общественных пространств в современной России, осуществляемые имущественным классом, являются весьма распространенными, несмотря на то, что они почти всегда вызывают у людей, чей путь преградили какой-то забор, шлагбаум и решётка, сильное возмущение. О том, что приватизация открытых для свободного доступа общественных пространств оценивается людьми критически, свидетельствуют многочисленные факты и данные многих социологических исследований.

Пространство есть, прежде всего, какой-то простор, есть то, что простирается, есть свобода и раздолье, величие и огромность. В «Словаре русского языка XI – XVII вв.» приведены девять значений слова «пространство»: 1) простор, 2) площадь, 3) протяженность, 4) обширность и вместительность, 5) величие, 6) огромность, 7) свобода и раздолье, 8) обилие, довольство процветание, 9) простота, простодушие, наивность. Особое подчёркивается, что пространство противоположно всякое тесноте и ограничению. «Отца убо...от тесноты на пространство, от тмы на свет» (Смерть Авр., XVI в.) [7, с.239]. Появление в

городах всё большего количества захваченных и приватизированных элитами общественных пространств вызывает в граждан чувство возмущения и протеста. В идеологии международного общественного движения «Захвати Уолл-стрит» большое значение имеет мотивация «вернуть обществу и людям» те общественные пространства, особенно городские, которые участники движения считают «захваченными» и «оккупированными» представителями социального класса, ответственного, по мнению участников движения, за кризис 2009 года и многое другое. Другим примером активного протеста против приватизации общественных пространств следует рассматривать социальное движение сквоттеров. Оккупирование, или сквотирование – это занятие частного пространства и превращение его в публичное пространство, это обобществление квартиры, земельного участка, любой площади с определенной целью – его «освобождения для людей, для общества». Современный сквоттинг представляет собой использование чужого жилья, как правило, необитаемого на момент его захвата сквоттерами, без согласия собственника. Сквоттеры противопоставляют себя капиталистической системе и тем, кого они называют спекулянтами недвижимостью. Отсутствие у сквоттеров собственного жилья не обязательно играет ключевую роль в их желании захватить или «передать обществу» чужую недвижимость. Главная идея сквоттинга – это анархистское противопоставление свободы выбора и образа жизни в городе, где заборы и стены как нельзя свидетельствуют о наличии границ и уважении частной собственности.

Общественная и гражданская активность «оккупантов» и сквоттеров рассматривается властью имущими как экстремистская деятельность и нещадно преследуется. Однако элита не замечает собственного

разрушительного для общества и человеческой социальности экстремизма. Это легко объяснить. Определение какой-либо деятельности как экстремистской даётся обычно представителями господствующих в обществе классов и групп, а также поддерживающими их учёными, юристами, идеологами и церковниками. Любые проявления активности, способной поколебать их господство как *частной* силы, оцениваются ими как *общественно* опасные. Однако следует провести решительную черту между деятельностью, которая во всех отношениях является разрушительной для человека и человечности (терроризмом, массовым насилием), и деятельностью, которая объективно может привести к позитивным для всего общества изменениям (массовые демонстрации, вооружённые восстания). В последнем случае мы имеем дело не с разрушением легитимного нормативного порядка общества, а с его общим движением и его общим изменением в лучшую сторону и в интересах большинства людей. Народное движение «Захвати Уолл-стрит» и даже сквоттинг идейно и концептуально направлены на общественные интересы. Экстремистскими их можно назвать лишь с очень большими оговорками и со ссылками на то, что определение чего-либо как экстремизма отвечает интересам, прежде всего, элиты, а не общества и народа. «Новые огораживания», напротив, представляют собой деятельность в сторону атомизации общества и общественного пространства. Они являются общественно опасными, то есть экстремистскими, ещё и потому, что провоцируют подобные же действия и со стороны людей, к элите не относящихся. Незаконным захватом занимаются не только богатые и обладающие властью, но и обычные граждане. Например, вдоль побережья Бердского залива (Новосибирская область) появилось большое количество заборов, которые мешают

людям свободно гулять по берегу и выходить к воде. В одном случае территория была заграждена яхт-клубом Royal Marine. На его территории расположены места для отстоя яхт, катеров и прочих судов, краны, чтобы поднимать их на землю и опускать на воду, теннисные корты, рестораны, места для пикника и прочее. Также здесь осуществляется продажа яхт стоимостью до 2,5 миллионов рублей. В интервью корреспонденту сайта ngs.ru директор яхт-клуба заявил: «Никаких заборов мы убирать не собираемся! Они защищают нашу собственность, у нас на территории дорогие яхты, проход к которым посторонним людям крайне не желателен! Автостоянки с дешевыми машинами ограждают, и это нормально! На нашей же территории — дорогостоящие яхты. Хотя если суд скажет убрать, придется делать все по закону» [3]. Другой участок побережья был захвачен дворцом творчества детей и учащейся молодежи «Юниор». Его руководители также привели свои аргументы, сказав, что их заборы оберегают детей, отдыхающих в лагерях «Звездный бриз» и «Созвездие Юниор», от посторонних, а ограждения в воде не дают им возможности уплыть слишком далеко, чтобы не утонули. На территории некоторых дачных обществ, находящихся вблизи рек, многие владельцы дач возле воды делают свой частный выход к воде и отгораживают акваторию с трёх сторон.

Эти и другие факты свидетельствуют о том, что элитный экстремизм является весьма заразительным, и что известная концепция Н.Элиаса, согласно которому, процесс цивилизации развивается сверху вниз, то есть его «возбудителем» является высшее общество, имеет свои ограничения. «Новые огораживания» доказывают, что сверху вниз может не только «развиваться прогресс», но и нисходить социальная атомизация и деградация социальной природы человека, культуры общежития,

товарищества и солидарности.

Примечания:

1. Жайе М.-К. От социальной сегрегации к пространственной самоизоляции: крупные города Европы перед риском десолидаризации общества / М.-К.Жайе // Крупные города и вызовы глобализации / Под ред. В.А. Колосова и Д. Эккерта. – Смоленск: Ойкумена, 2003. С. 175-179
2. Мельников М.В. Понятие границы и проблема оценки экстремизма / М.В.Мельников // Экстремизм как философская проблема: коллективная монография. – Новосибирск: НГАСУ (Сибстрин), 2011. – С.46-55. – С.47
3. «Никаких заборов мы убирать не собираемся» [Электронный ресурс] / Режим доступа: // <http://nnnsk.ru/nikakih-zaborov-my-ubirat-ne-sobiraemsa.htm> (дата обращения: 16.07.2012)
4. Мизес, Л., фон Человеческая деятельность: Трактат по экономической истории / Л.фон Мизес. - М.: ОАО «НПО «Экономика», 2000.
5. Мильтон Дж. Потерянный Рай. / Дж.Мильтон. - М.: Художественная литература, 1982.
6. Семенов В.Ф. Огораживания и крестьянские движения в Англии XVI века. Из истории обезземеления крестьян в Англии. / В.Ф.Семенов. - М. – Л.: Издательство Академии наук СССР, 1949.
7. Словарь русского языка XI – XVII вв. Выпуск 20 (Присвоение – Прочнуться) / Институт русского языка. – М.: Наука, 1995. – 288 с. – С.239
8. Туроу Л. Будущее капитализма. Как сегодняшние экономические силы формируют завтрашний мир / Л.Туроу. - Новосибирск: Сибирский хронограф,

- 1999.
9. Федоров В.В. Пространство социального бытия. / В.В.Федоров, М.Х.Килясханов. - Тверь: Полипресс, 2010.
 10. Хайек Ф.А., фон. Дорога к рабству / Ф.А. фон Хайек. - М.: Новое издательство, 2005.
 11. Хаейк Ф.А., фон. Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики / Ф.А. фон Хайек. М.: ИРИСЭН, 2006.
 12. Benjamin R. The Gated Community Mentality [Электронный ресурс] / R.Benjamin. – Режим доступа:
<http://www.nytimes.com/2012/03/30/opinion/the-gated-community-mentality.html> (дата обращения: 01.09.2012)
 13. Blakely E.J. Divided We Fall: Gated and Walled Communities in the United States / E.D.Blakely, M.G.Snyder. // Architecture of Fear. Nan Ellin, ed. New York, Princeton Architectural Press, 1997
 14. Degoutin S. Built Metaphors – Gated communities and fiction [Электронный ресурс] / S.Degotin, G.Wagon. - Режим доступа: // www.nogoland.com/urban/bm.pdf (дата обращения: 01.09.2012).
 15. Goodyear S. Do Gated Communities Threaten Society? [Электронный ресурс] / S.Goodyear. - Режим доступа: // <http://www.theatlanticcities.com/neighborhoods/2012/04/do-gated-communities-threaten-society/1737/> (дата обращения: 01.09.2012).
 16. Grant J. Types of gated communities / J.Grant, L.Mittelsteadt. // Environment and Planning B: Planning and Design. - 2004. - Volume 31.- PP.913-930
 17. Greusel D. The injustice of gated communities

[Электронный ресурс] / D.Greusel. - Режим доступа:
// <http://thinkchristian.net/the-injustice-of-gated-communities> (дата обращения: 12.10.2012).

18. Titanic, il galateo prime di tutto: I gentleman inglesi pronti a morire [Электронный ресурс] / Режим доступа:
//http://www.corriere.it/cronache/09_febbraio_15/titani_c_superstiti_galateo_buona_educazione_51914e86-f67c-11dd-aeff-00144f02aabc.shtml (дата обращения: 01.09.2012)

1.5. СТРАХ СМЕРТИ В ЗАПАДНОМ ОБЩЕСТВЕ И СТРАТЕГИЯ «НЕОГРАНИЧЕННОГО ТЕРРОРА»

С. Хантингтон обозначил современную ситуацию развития человечества как «конфликт цивилизаций». Западная цивилизация после крушения СССР столкнулась с новой угрозой – противостоянием исламского мира. Существуют значительные различия между данными культурами, определяемые разницей мировоззрений, образов жизни, социальным устройством, экономикой. Но важным здесь для нас будет другой момент, различия технологий ведения войны.

В рамках западного мира были выработаны определённые правила ведения классической «европейской войны» Военные силы НАТО делают упор на столкновение техники, а не людей. В рамках «холодной войны» подобные правила обычно не нарушались. Но в противостоянии с исламским миром Запад столкнулся с иной логикой ведения войн. Исламский мир использует те новые военные стратегии, которые современный Запад называет «террористическими». Технологической основой современного терроризма выступает стратегия «неограниченного террора». Стратегия «неограниченного

террора» предполагает не противостояние техники, не противостояние армий в классическом понимании, а использование небольших террористических групп и террористов-смертников. Акции террористов-смертников не ограничивается ни территориально (теракт может быть совершён в любом месте – будь то магазин, офис фирмы, самолёт), ни моральными ограничениями (например, захваты школ или убийства мирных граждан). Конечно, в координатах европейского гуманистического сознания подобные акции выглядят чудовищно. Однако не следует забывать, что с точки зрения восточных и южных цивилизаций страны Запада также ведут против них игру без правил. Силовые операции НАТО, проводимые односторонне, без учёта мнения мирового сообщества (последний характерный пример этого – военная операция западных стран в Ливии), безусловно, разламывают существующий международный порядок, и, следовательно, в противостоянии им, которое Юг и Восток рассматривают исключительно как оборону, по их мнению, также можно не считаться ни с какими правилами и законами.

В подобной ситуации западный мир оказывается беззащитен перед стратегиями «неограниченного террора», показывает неспособность приспособления к новым правилам ведения войн. Причём подобная слабость Запада проявилась не сейчас. Вспомним здесь хрестоматийный пример, военную кампанию Наполеона против России в 1812 году. Наполеон, вторгшийся в Россию, жаловался, что русские воюют против него не по правилам: партизанские отряды разрушают коммуникации войск, нападают с тыла, захватывают обозы с продовольствием и боеприпасами. Тогда как, согласно доминирующим воззрениям той эпохи, гражданское население во время военных действий должно было сидеть по домам и после исхода кампании безропотно перейти под управление победителя.

В чём заключаются причины подобной незащитности западной культуры? «Страны Запада имеют колоссальную слабость перед странами Востока и Юга: в западной культуре традиционно высока ценность человеческой жизни» [1, с. 152], - указывает А.М. Столяров. Страны Запада при осуществлении военных действий панически боятся людских потерь и стараются избегать их всеми возможными способами. Все последние военные операции НАТО сводятся исключительно к подавлению противника с помощью авиаударов без прямого столкновения с силами противника.

Столяров А.М. видит источник этой слабости западной культуры в различном отношении христианской и исламской религий к ценности жизни. В христианской религии человек устремлён к Богу, наивысший смысл жизни – соединиться с создателем, однако при этом за человеком всё-таки остаётся свобода выбора и конкретный путь к спасению души он выбирает самостоятельно. В исламе же человек Богу – принадлежит, жизнь его предначертана и заранее определена божественной волей, человек не имеет права уклониться от исполнения долга, и если бог во имя высоких целей требует жизнь, то человек её безропотно отдаёт [1, с. 154]. Вполне можно было бы согласиться с этой позицией, если бы не одно НО. Современное западное общество не является уже христианским в своей основе. Истоки этой проблемы заключаются в либеральной основе современного потребительского общества. Но прежде чем касаться этого вопроса, необходимо остановиться немного на другом.

Абсолютизация ценности жизни непосредственно связана с таким экзистенциалом как страх, а точнее с осознанием страха смерти.

Смерть является онтологической характеристикой человека как существа живого, следовательно,

ограниченного временными рамками. Вместе с тем от всех прочих живых существ человек отличается осознанием своей смертности, наличием определённого образа смерти в каждой конкретной культуре. Представление о смерти (понятие о своей конечности, предстоящем разложении тела, вера в загробную жизнь, переселение душ, воскрешение и т. д.) есть один из родовых, отличительных признаков человека как существа способного предвидеть своё будущее. Смерть всегда внушала человеку весьма негативные чувства, но вот сам механизм ослабления страха смерти в различные исторические эпохи, в разных культурах был непохожим.

Восприятие смерти в культурах, где индивид ещё не выделился из племени, из рода отличается от истолкования этого феномена там, где господствует персоналистическая идея. В тех обществах, в которых процесс индивидуализации зашёл не очень далеко, конец индивидуального существования не оценивается как проблема, поскольку слабо развито ощущение индивидуального бытия. Смерть ещё не воспринимается как нечто радикально отличное от жизни. Кончина человека толкуется как закономерное завершение определённого жизненного цикла.

Страх смерти возрастает по мере развития индивидуализации и представители коллективистских культур менее подвержены воздействию этого типа страха небытия. Носитель ценностей, ориентированных на индивидуализм, более остро осознаёт страх не самоактуализироваться, не исполнить своё предназначение. Какой бы ни была богатой духовная культура, человека, видимо, всегда будет одолевать вопрос-сомнение: возможно ли вообще другое существование моего «Я» вне этого мира? Не иллюзия ли человеческого сознания дихотомия «этот мир – иной мир»? Может быть, и нет этой

дихотомии, а есть один мир, этот мир? И проживание в мире и есть единственная возможность бытия? Бытие, возможно, - это только тут-и-сейчас-бытие. Видимо, дихотомия здесь другая: «Бытие – Ничто».

Отличие коллективизма от более индивидуализированных культур обусловлено особым типом мужества, который свойственен устойчивому коллективизму и который подавляет страх смерти. Но уже тот факт, что мужество должно быть создано посредством множества психологических и ритуальных действий и символов, свидетельствует о том, что даже коллективизм вынужден преодолевать этот основополагающий страх. Человек в своём качестве человека независимо от той культуры, к которой он принадлежит, негативно осознаёт угрозу небытия и нуждается в мужестве утверждать себя ему вопреки. Очень характерно данные различия в осознании страха смерти проявляются сейчас в западной и исламской культурах.

Западная культура, разрушив систему христианских ценностей, выдвинула на первый план новые черты социального характера человека. Ведущей чертой социального характера западного человека является индивидуализм. К важным для нас особенностям индивидуализма можно отнести: 1) неразрывную связь индивидуализма с соревнованием, основанным на принципах конкуренции; 2) на первом месте стоит сила отдельного человека, противопоставляемая коллективным ценностям; 3) личный успех в соревновании становится безусловной ценностью. Всё это приводит к крайней актуализации страха смерти в повседневной жизни.

«Нашим временем правит не бытие, а обладание» [2, с. 240], - указывает Дж. Фаулз. Бытие выступает как мёртвый конгломерат тел, недостойных нашего соучастия, но являющихся вещами заслуживающими тотального

обладания ими. Наиболее важной формой обладания в западном обществе выступает потребление. Э. Фромм указывал, что личность – потребитель общества обладания можно охарактеризовать с помощью формулы: «Я есть то, чем я обладаю и что я потребляю».

Наличность существования человеческого Я в данном случае определяется через процессы обладания и потребления. Возведение в абсолют принципа обладания приводит к тому, что вся сложность и многообразие бытия сводится к вещному рассмотрению всех онтологических объектов и структур. В качестве вещи начинает пониматься и личность любого другого человека. Ведущую роль в принципе обладания в рамках классического капитализма играл критерий полезности той или иной вещи или способность ею эффективно владеть. Культура, сформировавшаяся на основе принципа обладания и оформленная в виде системы ценностей принуждает человека постоянно стремиться к владению определённым набором вещей, что определяет его социальный статус и материальное положение.

Система капитализма опирается на основополагающую идею владения вещами. В рамках потребительского капитализма вещь выступает как объект желания. Согласно Лакану многие действия человека связаны с удовлетворением принципа желания. Но в отличие от Фрейда это удовлетворение желаний связано не с реализацией либидо, а с желанием обладания вещью. В лакановском языке это обозначается категорией *objet a*. *Objet* означает объект-причина желания. Буква *a* – сокращение от французского слова *autre* – «другой». Под «другим» может пониматься либо конкретный человек (*autre* – «маленький другой») либо некая социально-символическая инстанция (*Autre* – «большой Другой»), например закон, общее мнение, вождь, Бог и т.п. Без

другого обладание вещью теряет свою ценность. И главным здесь выступает не просто обладание вещью, а стремление желать то, что желают другие, возжелеть не вещь, но опосредованность вещи чужим желанием. «Желание, направленное на природный объект, человечно только в той мере, в какой оно «опосредовано» желанием другого, направленным на тот же объект: человечно желать то, что желают другие, - желать, потому что они этого желают» [3, с. 14], - указывает А. Кожев.

В рамках потребительского капитализма возникает феномен того, что А. Кожев обозначал как «неудовлетворённая диалектика желания», когда происходит постоянное перенацеливание и переключение интереса. В этом случае предмета желания, по сути, не существует. Ведь как только объект влечения обналичивается в определённую и потребляемую вещь, сразу находится вещь другая и вещь у другого – более интересная и интригующая. Современный потребитель постоянно ищет и ищет новые вещи для потребления. В книге «Прочти моё желание» И. Жеребкина определяет этот алгоритм так: «Парадокс желания состоит в том, что оно возникает не в отношении конкретного объекта реальности, а в отношении символического, «потерянного» объекта...Объект желания у Ж. Лакана – всегда не реальный, а символический объект» [4, с. 89]. Парадокс современной системы потребления, как указывает В.В. Корнев [5, с. 23] и заключается не в какой-то патологической отсталости обывателя, а в этой принципиальной неутолимости человеческого желания как такового в обществе потребительского капитализма.

Обладание вещью в современном мире приобретает не столько материальную, сколько искажённо символическую составляющую. Ту составляющую, которую Ж. Лакан обозначал как «прибавочное удовольствие». Престиж

смещается с материальных качеств товара в сторону символически-культурных его качеств (дизайн машины, снобистский эффект исключительности и т.д.). Происходит смешивание и подмена потребления товаров и потребления культуры. Возрастает спрос на культурно «обогащённые», эстетически утончённые, эстетически рафинированные вещи. Спросом пользуются продукты, чья мотивация на продажу не отвечает общему удовлетворению потребности, а обращена на какой-то определённый культурный слой.

Обладание определённым набором вещей позволяет человеку не только комфортно себя чувствовать в рамках потребительского общества, но и символически определяет его социальный статус. Ф. Гирш в своей теории «статутных благ» все вещи разделяет на тривиальные, т.е. товары массового потребления, доступ к которым возможен всем и статусные, которые символически определяют статус и положение человека в обществе. Статусные вещи становятся всё дороже относительно товаров массового потребления, которые по мере их преумножения теряют привлекательность, и отдельный человек вынужден в итоге всё дороже оплачивать те товары, которые ему действительно необходимы для поддержания своего символического статуса.

Чем больше потребляет человек, тем больше ему хочется. Идеал потребительской свободы парадоксально и органично сочетается со страхом человека. Западное общество потребления глубоко пронизано идеей страха. Западный человек боится утратить то чем обладает и боится того, что может оказаться в ситуации невозможности обладания новыми вещами. Особенно это касается символического обладания набором статусных вещей. Если человек теряет к ним или к их заменителям доступ, то он начинает осознавать свою неуспешность, у

него формируется позиция, что он проиграл конкурентную борьбу за обладание вещами этого мира. Подобное поражение в борьбе за вещи аллегорически можно обозначить как состояние своеобразной смерти конкретного потребителя.

Желание обладать и страх смерти тесно взаимосвязаны в контексте западноевропейской культуры. Рост индивидуализации человека напрямую связан с бытийным принципом обладания, а страх смерти выступает здесь как страх утраты обладания вещами этого мира. Утрата веры в Бога, веры в идеала демократии и свободы, веры в либеральные ценности привела к тому, что у потребителя остался лишь один безопасный критерий его нахождения в бытии – владение вещами этого мира. Утрата этой возможности абсолютизирует погружение человека в латентное состояние страха и приводит к искажениям нравственной составляющей человека.

Западное общество оказалось в ситуации, которую С. Перселегин обозначил как экзистенциальный голод. Под экзистенциальным голодом понимается потеря обществом духовных основ и редукция социально значимого потребления к материальному потреблению. Экзистенциальный голод проявляется в страхе смерти, ощущении бессмысленности существования, синдроме хронической усталости. Подобное общество тяготеет к эстетизации жизни, навязчивому продуцированию всевозможных мер по обеспечению безопасности, повышенному вниманию к проблеме продления жизни вплоть до физического бессмертия [6, с. 35].

Утратив систему христианских ценностей, западный человек цепляется за материальные основания мира, сводящиеся к социальному престижу, комфорту и благополучию. Но вещизм не только не ослабляет страх смерти, а наоборот его усиливает. Двойное усиление

страха смерти произошло, когда западный человек столкнулся со стратегией «неограниченного террора», столкнулся с культурой, для которой человеческая жизнь не имеет такой самооценности. Сама мысль, что можно случайно и неожиданно погибнуть от рук террористов не просто страшит, а наводит ужас. Человек оторванный от духовный основ бытия в одно мгновение может оказаться и оторванным от всего материального и его крайний индивидуализм превратится в ничто. Подобный страх смерти можно нейтрализовать исключительно через осознание абсолютных основ своего существования. В ином случае под давлением усиливающейся стратегии «неограниченного террора» государственная система Запада погрузится в состояние хаоса.

Примечания:

1. Столяров А.М. Освобождённый Эдем / А.М. Столяров. – М.: АСТ, 2008.
2. Фаулз Дж. Аристос / Дж. Фаулз. – М.: ЭКСМО-пресс, 2002.
3. Кожев А. Введение в чтение Гегеля / А. Кожев. – Спб.: Наука, 2003.
4. Жеребкина И. «Прочти моё желание». Постмодернизм. Психоанализ. Феминизм / И. Жеребкина. – М.: Идея-Пресс, 2000.
5. Корнев В.В. Философия повседневных вещей / В.В. Корнев. – М.: ООО «Юнайтед Пресс», 2011.
6. Переслегин С. Острая бритва Оккама / С. Переслегин. – М.: АСТ, 2011

1.6. ФЕМИНИЗМ КАК ЭКСТРЕМИСТСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ

Поскольку жизнь в этом обществе, в лучшем случае, абсолютная тоска, и ни одна сфера общества не имеет отношения к женщинам, то им, сознательным гражданам, ответственным, жаждущим приключений женщинам остается только свергнуть правительства, разрушить денежную систему, внедрить полную автоматизацию и уничтожить мужской пол.

Соланас В. Манифест ОПУМ

История взаимоотношений полов с древности разворачивается в русле патриархата – системы господства представителей мужского пола над женским, во всех сферах человеческой жизнедеятельности. В рамках патриархата выстраивается жесткая система зависимостей, на вершине которой располагаются так называемые гегемонные мужчины (Р.Коннелл), то есть доминантные в сфере власти, экономики и пр. Далее идут представители, так называемой соучаствующей маскулинности (И.С.Кон), те, кто по каким-то причинам был не в состоянии достичь гегемонного уровня. И, наконец, можно говорить о существовании маргинального уровня маскулинности, на котором располагаются, к примеру, представители сексуальных меньшинств. Женщины, как представительницы пола, в рамках данной иерархии занимают всегда подчиненное положение.

Патриархальная система господствовала в человеческом обществе в течение тысячелетий и обуславливала нормативный канон маскулинности и феминности. С момента зарождения патриархата

мужчина считал себя обладателем некого преимущества (П.Бурдые отмечает, что быть мужчиной означает быть заведомо облеченным властью). Патриархат предписывает женщине строго определенные черты – послушание, скромность и пр., а также устанавливает связь между физической свободой и психологическим развитием. Данные представления являлись общезначимыми, разделялись большинством членов общества и передавались от поколения к поколению, а их нарушители подвергались жестким санкциям.

Формирование ценностей патриархальной системы было обусловлено бинарной структурой ментального пространства человека. Картина мира, основанная на патриархальных представлениях и стереотипах, рассматривает мужчину и женщину как противоположные, хотя и взаимодополняющие начала. Такое положение вещей признавалось, прежде всего, результатом природных и репродуктивных особенностей человека.

Одним из важнейших условий становления маскулинности традиционно являлось дистанцирование от женского начала, которое и в обыденном сознании, и в философской традиции, рассматривалось как низовое, подчиненное и даже ущербное (так, например, с точки зрения Платона, тот из мужчин, кто не проживет отмеренный ему срок должным образом, во втором рождении сменит свою природу на женскую) [8]. Таким образом, патриархальный уклад четко демаркирует женское и мужское, формируя женские и мужские ментальные пространства и, в определенном смысле, отчуждая представителей полов, друг от друга.

Социальный статус женщины был крайне низким вплоть до XIX века. По сравнению с мужчинами они не могли обладать гражданскими и имущественными правами, были отчуждены от власти. Впоследствии

утверждение капиталистических отношений начинает способствовать укреплению экономического положения женщин, что привело к появлению женской эмансипации, и стремлению женщин преодолеть свое маргинальное социально-политическое положение. Инструментом достижения данной цели становится феминизм – «теория равенства полов, лежащая в основе движения женщин за освобождение» [9, с. 315]. Феминизм, не являясь универсальной теорией, включает в себя множество теоретических направлений и поведенческих стратегий (либеральный, радикальный, марксистский, экологический и др.).

С начала своего возникновения феминизм понимался как система «идей и общественного движения за социально-политические изменения, основанные на критическом анализе привилегированного положения мужчин и подчиненного положения женщин в данном обществе» [Цит. по 7, с. 311]. В рамках такой постановки вопроса все без исключения представители мужского пола рассматривались как противники и конкуренты. Это способствовало тому, что интересы полов феминистской идеологией оценивались как противоположные, а методы, используемые феминистками для достижения своих целей, были направлены непосредственно против мужчин и граничили с экстремизмом.

Смысловые характеристики понятия «экстремизм» (от латинского *extremus* – крайний) являются крайне широкими.

Сюда относится:

- противоправная деятельность человека;
- отрицание нормативных общественных стандартов;
- агрессия и физическое противостояние с противником;

□ отказ от толерантности, как средства установления социальных конвенций.

Уже представительницы либеральной феминистской идеологии, течения, появившегося в XIX веке, и ставящего перед собой задачу добиться предоставления женщинам равных с мужчинами прав в публичной сфере общества, использовали экстремистские методы для достижения своих целей. Например, первые суфражистские организации в Великобритании привлекали внимание общественности к проблемам избирательных прав женщин, устраивая демонстрации, уличные манифестации, осуществляя нападения и физическое насилие над политическими противниками – мужчинами, то есть сознательно нарушали общественный порядок и законность. Такие крайние проявления активности, с одной стороны, действительно способствовали актуализации женского вопроса, однако, с другой стороны, давали основание для выдвижения обвинений в адрес суфражисток в агрессивности, бесконтрольности и пр., что явно не способствовало их стремлению занять лидирующие места в политической сфере [11].

К середине XX века, в большинстве стран мира, политическая сторона женского вопроса была урегулирована, представительницам женского пола были предоставлены равные с мужчинами политические и имущественные права. Однако это не остановило дальнейшее развитие феминистского движения, так как на смену либеральному феминизму пришел радикальный феминизм, перенесший внимание своих последователей на положение женщин в приватной сфере. Радикальные феминистки актуализируют проблемы домашнего насилия, право женщины на прерывание беременности, проблемы, связанные с бракоразводной сферой.

В качестве главного положения своей идеологии

радикальные феминистки рассматривают подчиненное положение женщин в обществе, что, с их точки зрения, автоматически ставит представительниц женского пола в оппозицию мужчинам. При этом представительницы этого направления феминизма (К. Миллет, С. Файерстоун, В. Соланас, А. Дворкин и др.) выступили против основных положений либерального феминизма, в частности, против представлений о равенстве женщин и мужчин, а также говорили о принципиальных различиях мужской и женской природы.

Радикальные феминистки, с одной стороны, выступают против мужского начала, отрицая мужские практики, но, с другой стороны, усваивают и демонстрируют в своем поведении именно мужские черты. Более того, одной из основных целей радикального феминизма была кардинальная трансформация женской сущности и привнесение в поведенческий арсенал женщин характеристик, ранее свойственных, прежде всего, мужчинам – агрессии, демонстративной сексуальности, силы и пр. Подобная трансформация половых характеристик – гендерная инверсия, может быть понята как «полная смена гендерной идентичности» [Цит. по 1, с. 126].

Одним из проявлений гендерной инверсии выступает маскулинизация феминности.

Традиционно понятие маскулинизация относилось к медицинской сфере и обозначало видоизменение особей женского пола по мужскому типу. Однако уже в конце 90-х годов возникает иное, социально обусловленное, толкование данного понятия. Маскулинизация женщин начинает трактоваться как «возрастание роли женщин в производственной, общественно-политической, духовной и семейно-бытовой жизни общества, а также тенденция подражания части женщин мужчинам в стиле поведения, в

манере одеваться, в привычках, включая такие отрицательные, как курение, сквернословие, употребление спиртных напитков и т. д.» [12, с. 224]. В процессе маскулинизации происходит расширение женского сознания за границы Своего и принятие ценностей и норм Другого. Это означает, что традиционные женские роли – жены, матери, хранительницы домашнего очага, и связанные с ними ценности, с точки зрения представительниц радикального феминизма, должны быть изжиты. Например, американская феминистка Б. Фридан призывала женщин «отбросить мистику женственности» и «назвать себя людьми» [13].

Однако в то же время представительницы радикального феминизма демонстрируют крайний негативизм и агрессию к представителям мужского пола, так что есть основания считать такое отношение мизандрией (от греч. *misos* - ненависть, отвращение; *andros* - мужчина), то есть мужененавистничеством. Ярким примером мизандрии является документ, созданный в 1968 году американской феминисткой Валери Соланас, и названный ею «Манифест ОПУМ (общества полного уничтожения мужчин). В своем Манифесте Соланас утверждает, что «мужчина - это биологическая случайность», «мужская особь - незавершенная женская особь, ходячий аборт, выкидыш на генной стадии», «быть мужчиной - значит быть дефектным, эмоционально ограниченным» и призывает к их физическому уничтожению и ниспровержению всей социальной системы, основанной на патриархате [10]. При этом Соланас убеждена, что никакие конвенции между представителями полов принципиально невозможны, так как «любой мужчина, по существу, являясь случайностью природы или неполноценной женщиной, всегда будет стремиться женщину подавить, унижить и оболванить,

попутно обвинив её во всех типично мужских качествах: глупом тщеславии, крайнем эгоцентризме, зависти, неглубокости чувств, недалёкости ума, поверхностности всей натуры» [10]. Свое отношение к мужчинам Соланас продемонстрировала на практике, осуществив покушение на культовую персону в истории поп-арт-движения, американского художника, продюсера, писателя и кинорежиссёра Э. Уорхола, который едва остался жив после пулевого ранения в живот.

В отношении мужчин радикальные феминистки выказывают односторонний подход, основанный, в большей степени, на инстинктивном или архетипическом базисе, который, по мнению К.Г.Юнга, не подчиняется действию социальных механизмов. Архетипическое мышление основывается на бинарных архетипах (добро-зло, свет-тьма, жизнь-смерть, женщина-мужчина), причем полюса дихотомии имеют определенную ценностную маркировку. Если традиционно мужское рассматривалось как норма и добро, а женское – как нечто чуждое и злое, то в мизандрийном мышлении происходят инверсионные процессы, в рамках которых ценностная маркировка переворачивается: мужчина рассматривается как «недочеловек», «чужой». Например, А.Дворкин, американская радикальная феминистка сравнивает мужчин с нацистами, которые в печально известную Хрустальную ночь осуществляли избиения, убийства и насилие [6].

Во многих работах феминисток можно обнаружить призывы к насилию против мужчин, вплоть до их физического уничтожения. Недаром одна из книг А.Дворкин, в которой собраны ее публикации за несколько лет, посвященные критике порнографии и сексуального насилия над женщинами, носит название «Письма с фронта».

Таким образом, в силу своей принципиальной

чуждости миру женщин, мужчина рассматривается как существо, на которое уже не распространяются принятые в обществе ценности и нормы, что открывает дорогу одному из важных проявлений экстремизма – агрессии.

Традиционно агрессия приписывалась мужскому полу, а для женщин считались свойственными мягкость, уступчивость, слабость. Однако в современном обществе для женщины все более значимыми становятся именно мужские поведенческие стереотипы, ценности и образцы поведения. Поэтому радикальные феминистки рассматривают женскую агрессивность как способ адаптации в мужском, патриархальном мире. Тем более что агрессия может принимать разные формы. Так, с точки зрения Бэрона Р., Ричардсона Д., агрессия имеет место, если результатом действий являются какие-либо негативные последствия. Поэтому помимо оскорблений действием, такие проявления, как выставление кого-либо в невыгодном свете, очернение или публичное осмеяние, лишение чего-то необходимого и даже отказ в любви и нежности могут при определенных обстоятельствах быть названы агрессивными [4]. Таким образом, представительницы радикального феминизма демонстрируют такой уровень агрессии и конфликтности по отношению к мужчинам, который не предполагает достижения консенсуса, учета взаимных интересов полов в обществе и призывают к подобной тактике поведения других женщин.

Феминистки стремятся доказать, что призыв к устранению представителей мужского пола является вынужденной мерой, ответственность за которую они возлагают на самих мужчин, так как именно мужчины проявляют нежелание сотрудничать и крайний индивидуализм. Более того, мужчины изначально враждебны по отношению к женщинам, о чем

свидетельствует практики избияния, изнасилования, принуждения, которые они демонстрируют в отношении женского пола. Для достижения полного контроля над женщиной мужчина изолирует ее в рамках семьи от других мужчин и от общества в целом. Эта проблема ярко представлена в работе А. Дворкин «Гиноцид, или китайское бинтование ног», где рассматривается механизм дискриминации женщин посредством эстетических идеалов – тоталитарного стандарта, основанного на традициях угнетения одного пола другим, который на протяжении тысячелетий определял отношение женщины к самой себе[5]. Нормативы, навязанные женщинам сильным полом, ограничивают для женщины возможность осуществлять личностную и социальную самореализацию и виктимизируют представительниц женского пола.

Между тем радикальные феминистки сами стремились к осуществлению тотального контроля над жизнью человека, как женщины, так и мужчины: в сферу их интересов попали отношения сексуального плана, супружеские и детско-родительские отношения.

Сферой, где продуцируются и передаются следующим поколениям патриархальные ценности, по мнению большинства представительниц радикального феминизма, является семья. Именно семья «поддерживает патриархальную власть в мире и сама является источником угнетения женщин» [3, с. 205]. В семье формируются такие качества женщин, которые служат источником ее дискриминации. Стремление женщин достигнуть семейного благополучия вызывало у феминисток негативную оценку, в частности, они выступили противниками «женской американской мечты» (дом, автомобиль, муж, дети), в которой воплотились идеалы представительниц среднего класса послевоенного мира.

Так, в книге американки Б. Фридан «Загадка женственности» описывается счастливый мир американской домохозяйки. «Американская жена, — пишет Фридан, — это женщина, освобожденная научными достижениями и бытовой техникой от изнуряющего домашнего труда, от опасностей родов и болезней, которыми страдала ее бабушка. Она здорова, красива, образованна, ее интересует только муж, дети и дом. Она обрела истинное женское предназначение. Жена и мать, она уважаема как полноправный и равный мужчине партнер. Она сама может выбрать марку автомобиля, одежду, электробытовую технику, супермаркеты; у нее есть все, о чем может мечтать женщина» [13]. Этот «женский рай» Б. Фридан сравнивает с концентрационным лагерем, где женщины, окруженные красивыми вещами, духовно деградировали и страдали физически. Причиной этого выступает система «женских» ценностей, в основе которой лежит женственность, основанная на подчинении своих интересов интересам и потребностям детей и мужа. Страх потери женщиной своей женственности сильнее страха смерти. Фридан говорит о женщинах, умирающих от рака в больнице, которые отказывались принимать лекарства, которые, как доказали исследования, могли спасти их жизнь: считалось, что побочный эффект убивает женственность [13]. Таким образом, феминистки вступают против семейного уклада, деторождения и открыто призывают женщин к установлению лесбийских отношений, которые, по их мнению, не предполагают насилия и дискриминации партнеров.

Экстремизм феминистской идеологии, направленной против существующей гендерной структуры и провозглашающей необходимость ликвидации любых половых различий, может породить целый ряд противоречий в отношениях полов. Утверждение равенства

между полами, на котором настаивал либеральный феминизм, в рамках радикального феминизма сменяется идеей доминирования женского начала. Радикальный феминизм утверждает различия полов, что может быть чревато усилением социальной атомизации, нарушением гендерной гармонии, то есть соразмерности и всесторонней согласованности в отношениях мужчин и женщин. Абсолютизация различий полов приводит к оценке мужского как Чужого – не понятного, пугающего, враждебного, которое необходимо уничтожить. Борьба с мужчинами радикальный феминизм предлагает как с помощью передачи власти в обществе женщинам, так и посредством полного контроля над репродуктивными функциями. Также речь идет о демаркации культуры на женскую и мужскую, переписывание истории с точки зрения феминистской позиции.

В то же время, характеристики, свойственные мужчине, как Чужому – сила, активность, высокий статус, представляются желанными: феминистки убеждены, что женщины способны совершить все, что могут делать мужчины во всех сферах жизни человека. Маскулинизация женщин порождает конкуренцию между полами, что выступает источником ослабления мужского начала в обществе и приводит к распространению аддиктивного и аутоагрессивного поведения мужчин. В то же время маскулинизация может привести к разрушению женской идентичности, утрате женственности, и появлению гротескных андрогинных личностей – людей вне пола. «Обезьянить мужчину, стать мужчиной второго сорта, отречься от женского начала - вот в чем полагают честь женщины передовые борцы женской эмансипации, – отмечал Н.А.Бердяев [2].

Экстремизм идеи преодоления женщиной своего пола и утверждения себя в обществе, постулируемой

феминизмом, заключается в том, что такое преодоление осуществляется на основе гендерной инверсии, в рамках которой женский пол присваивает себе основные качества мужского и отрицает свойственные себе. Радикальный феминизм идет по пути утверждения сексизма и гендерного дисбаланса в обществе, только теперь в положении «второго» пола должен оказаться мужской.

Более продуктивной и обоснованной представляется позиция, предложенная Н.А.Бердяевым, который определял пол как «разрыв» и призывал преодолеть пол, создать цельного человека на основе творческого соединения полов [2]. Действительно, процесс взаимодополнения, взаимообогащения, андрогинизации, но без насилия и упрощения гендерных особенностей позволит сделать отношениям между полами более гармоничными и установить более эффективное гендерное партнерство в обществе.

Примечания:

1. Бем С. Л. Линзы гендера. Трансформация взглядов на проблему неравенства полов: [пер. с англ.]. – М.: РОССПЭН, 2004. – 331 с.
2. Бердяев Н.А. Метафизика пола и любви //Эрос и личность (Философия пола и любви). – М., Прометей, 1989. – С. 17-51.
3. Брайсон В. Политическая теория феминизма: введение / под общ. ред. Гурко Т. - М.: Идея-Пресс, 2001. - 302 с.
4. Бэрн Р., Ричардсон Д. Агрессия. — СПб: Питер, 2001. — 352 с.
5. Дворкин А. ГИноцид, или китайское бинтование ног //Антология гендерной теории /Сост., коммент. Гаповой Е., Усмановой А. - Минск: ПроPILEI, 2000. – С. 12-28.

6. Dworkin A. Letters from a war zone. Lowrence Hill Books, Brooklyn, New York, 1993. – 337 p.
7. Королева Т.А. Феминизм как идейно-политический феномен //Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2010. – № 126. – С. 311-319.
8. Платон Филеб; Государство; Тимей; Критий : [Диалоги / Платон; Пер. с древнегреч. Аверинцева С.С. и др.]. - М. : Мысль, 1999. - 656 с.
9. Современная западная философия: Словарь /Сост.: Малахов В.С., Филатов В.П. – М.: Политиздат, 1991.– 414 с.
10. Соланас В. Манифест общества полного уничтожения мужчин / Валери Джин Соланас; пер. с англ. О.Липовской. — Тверь: МИТИН ЖУРНАЛ, KOLONNA Publications, 2004. — 102 [10] с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kolonna.mitin.com/archive.php?address=http://kolonna.mitin.com/archive/mj59/manifest.shtml>
11. Сульженко Г. А. Битва полов: возможно ли перемирие: феминизм как явление историческое, социальное, богословское / Галина Сульженко. - СПб. : Шандал, 2004. - 94 с.
12. Толковый словарь обществоведческих терминов [Текст]: словарь /Н.Е. Яценко. - СПб. : Лань, 1999. – 524 с.
13. Фридан, Б. Загадка женственности: Пер. с англ. /Б. Фридан ; [Вступ. ст. О.А. Ворониной]. - М.: ПРОГРЕСС, 1994. - 496 с.

ГЛАВА 2.

К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЭКСТРЕМИЗМА: ОБЗОР МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ

2.1. ПРОТЕСТ. ЭПАТАЖ. ПРОВОКАЦИЯ. ЭКСТРЕМИЗМ: СМЫСЛОВЫЕ ГРАНИ И СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ЗНАЧЕНИЕ

*Мне осталась одна забава:
Пальцы в рот и веселый свист.
Прокатилась дурная слава,
Что похабник я и скандалист.*

С.Есенин

Выкинуть коленце

Обиходное выражение

Человек коварный сеет раздор.

Притч. 16: 28

Людам издавна знакома такая форма поведения как *протест*. Капризничаящий ребёнок, самоопределяющийся подросток, негодующий зрелый человек, обиженный старик – каждый в меру своего понимания и остроты переживания ситуации выказывают своё несогласие с тем, что их возмущает. Словарь иностранных слов определяет протест как «решительное и категорическое возражение, заявление о несогласии с чем-либо [1, С. 472]. В Словаре Даля особо важным представляется следующее обстоятельство: там отмечено, что протест возникает как реакция на то, что является (от себя добавим: или видится) незаконным, несправедливым [2, Т.3, С. 519]. Сожаления и удивления достойно то, что в словарных статьях самого солидного отечественного справочного издания по этике, Энциклопедии «Этика» [3], данное понятие не представлено. Впрочем, там нет и статей про *провокацию*, про *экстремизм*, про *ложь*, про *запрет* и *предписание*, даже про *поступок*, *поведение* и *уважение*. Остаётся надеяться, что в дальнейшем эти недочёты будут исправлены. Но сейчас речь не о

недочётах, не о дальнейшем, а о *теперь*. О заявленных в заглавии нравственно-значимых феноменах. Для начала – опять о протесте. Представляется очевидным, что *протест* не равнозначен *провокации*.

Решающие отличия – в мотивах и целях. Мотив протеста – несогласие. Мотив провокации – куда более многовариантен. Это могут быть зависть, ревность, недоброжелательство. Даже скука. Протест часто не имеет цели. Упомянутый в самом начале рассуждений капризный ребёнок не просчитывает возможные варианты развития событий. Кипящие негодованием работники, отваживающиеся на забастовку, движимы прежде всего болью от собственного бессилия и досадой, что не могут прокормить детей. Тогда как для провокации (кстати, и в Словаре Даля это понятие не выведено. Жизнь, судя по всему, полтора столетия назад была менее насыщена подобными сюжетами) главное – именно расчёт. Расчёт на ожидаемое действие подстрекаемого субъекта. В Малом Академическом словаре русского языка объясняется, что слово «provocator» происходит от лат. provocator – бросающий вызов, подстрекатель [4, Т.3, С. 472]. Правда, там поставлена не точка, а запятая. И далее значит: «действующий с целью предательства». Лично я думаю, что цели могут быть очень разные. Но то, что цели здесь, в отличие от протеста, обязательно ставятся – в данном случае самое существенное. В Словаре иностранных слов тоже читаем: «Провокация – 1) предательское поведение, подстрекательство кого-либо к действиям, которые могут повлечь за собой тяжёлые для него последствия; 2) агрессивное действие с целью вызвать военный конфликт» [1, С. 467]. Опять-таки думаю, что определение «предательское» не вполне точное. Скорее нужно было бы вести речь о поведении коварном, содержащем неожиданный подвох. Когда Булгаковский Коровьев

предложил Ивану Бездомному: нужно кричать «Караул!» и разинул рот, но сам кричать не стал – провокация имела место. Но кроме того, что проходившие мимо девушки испуганно шарахнулись от Ивана и кто-то назвал его пьяным [5, С. 377], данная ситуация ничего непосредственно дурного и вредного не принесла. Совсем по другому сценарию развиваются события в старинной бандитской уловке, когда к прохожему задирается кто-то мелкий, а потом за задиру вступает группа хорошо вооружённых налётчиков. Это уже провокация, вплетённая в организованный разбой. Итак, протест порождается внутренним ощущением несогласия-обиды, и фокусируется на этих ощущениях, он чист от рефлексии. Тогда как провокация вызывается иными внутренними ощущениями (кстати, это может и быть совершенно трезвый расчёт, вовсе свободный от переживаний), и характеризуется продуманным отношением к подстрекаемому. Главное в провокации – наличие расчёта, причём расчёта злокозненного. Не удивлюсь, если со временем возникнет раздел этики «провокациология». Уж с недостатком материала эта наука вряд ли когда столкнётся. Ведь приёмами, привычными для громил из подворотни, издавна охотно пользовались деятели самых разных эпох, стран и социальных уровней. Примечательно, что в более современных языках термин «провокация» выделен в смысловую ячейку, тогда как в греческом языке, даже современном, сложно отмежевать провокацию от открытого вызова противнику: «провокация = πρόκληση» [6, С. 205], «πρόκλησις = вызов, предложение; [...] предложение со стороны тяжущегося своему противнику или принять от него, или дать ему решительное доказательство по спорному делу [...], [...] предложение добровольной сделки»» [7, Стлб. 1059]

Так или иначе, провокация предстаёт феноменом куда

более многообразным, нежели протест. Между прочим, нетрудно заметить: то, что обычному человеку проблема – для какого-нибудь специалиста (по сельскохозяйственным вредителям, паразитам или хворям) будет предметом живого интереса и видаться большой исследовательской перспективой. Честно говоря, я не хотел бы оказаться в роли отстранённого «исследователя проблем». Мне близки и понятны переживания людей, доведённых до протеста или задеваемых провокацией. Но как бы и с какой колокольни мы ни рассматривали протест и провокацию, структурно протест выглядит более бесхитростно:

субъект + обстоятельства → выказываемое возмущение.

Ситуация же провокации предполагает наличие куда большего числа компонентов:

Субъект 1 (кто) + субъект 2 (кого) + в каких целях + при каких обстоятельствах + какими пользуясь средствами вызывает на ответные действия + как реагирует подстрекаемый + как это воспринимается окружающими и провокатором + какова финальная реакция всех участников события на произошедшее. Из соображений экономии места не будем рассматривать пояснения к этой структуре. В любом случае ясно, что карапуз, который выбрасывает из кровати погремушку и следит за реакцией взрослых сородичей, нельзя равнять с американским пастором, публично сжигающим Коран. Или с западноевропейскими журналистами, солидарно печатающими карикатуры на пророка Мухаммеда. Никакие рассуждения о высокой ценности свободы вообще и свободы слова в частности не оправдывают неуважения к соседу. Насколько мудрее в этом отношении был Н.К.Рерих, дававший своим сыновьям совет: «Никаким кумирам не поклоняйся, ничьих святынь не оскверняй».

Причём вот ещё что важно. Срочно принимаемый в

России закон, запрещающий оскорблять чувства верующих, конечно же, нужен. Но не очевидно ли, что помимо этого закона, по логике вещей, придётся принимать законы, защищающие от оскорблений людей разных профессий, регионов обитания, цвета волос, комплекции, роста, возраста, форма носа, глаз и т.п.? Не про такую ли ситуацию давным-давно высказывался Тацит: «В наиболее испорченном государстве наибольшее количество законов»?

Между нами, существует ещё один немаловажный вопрос, что считать испорченным государством? Если в неназванной стране гражданина, отправившего на тот свет семьдесят семь соотечественников, судит передовой-гуманный суд, и за каждую загубленную душу полагает три с небольшим месяца; если этого крупносерийного убийцу то и дело показывают по телевизору и поселяют в трёхкомнатном «заточении», предоставив ему возможность пользоваться компьютером и писать мемуары – передовая ли это страна? Подчеркну: по моим представлениям, Брейвик не провокатор, а прямой злодей, и нужно ли с ним так цацкаться? Я не к тому, избави Бог, чтобы с него сдирать шкуру. Но считать выпавшее ему наказание адекватным как-то очень трудно. Вероятно, тамошнее правосудие исходит из принципа: «Пусть живёт долго, и пусть ему будет стыдно». Да не мучается он, и нисколько ему не стыдно! Впрочем, речь об этой мрачной фигуре речь зашла только потому, что был упомянут вопрос об испорченности государства. По этому поводу – ещё одна иллюстрация. Американский госдепартамент в клубке вопросов относительно скандального кинофильма «Невинность мусульман» упорно защищает свободу слова. Но этот же департамент назвал поведение журналистов, что опубликовали записки бывшего американского посла в Ливии, отвратительным. Где последовательность? Ведь, по

логике вещей, или свобода слова ценится, или нет. Похоже, в подобных случаях происходит серьёзных сбой нравственно-оценочной системы координат. Сбой по причине необъективности, злобы, обиды, ревности. Впрочем, нельзя исключать и того, что причинами сбоев могут быть и любовь, и великодушие. Но вряд ли американские высшие чины оказались в данном случае преисполнены великодушия и всепрощающей любви к кому бы то ни было.

Именно сбоем нравственно-оценочной системы координат могу я объяснить то, как хамское поведение попрыгуний в Храме, возведённом в честь великой победы в Отечественной войне 1812 года, лукавые журналисты стали именовать «панк-молебном». Как бы, интересно, эти служители пера назвали перформанс, устроенный Геростратом?

Интересно мне и то, как это получается, что в СМИ распространяется фото- и видеозапись спиливания поклонного креста молодой бабёнкой с голым торсом, причём её окружают не менее десятка бойких хроникёров. Простите, а разве человек, видящий злодеяние и не противящийся ему, не несёт за происходящее ответственности? Разве не нужно было бы усаживать на одну скамью (или в одну кутузку) всех устроителей подобных безобразий?!

Могу признаться: когда несколько месяцев назад группа хулиганствующих юнцов изобразила на Литейном мосту фаллос, я негодовал, недоумевал и задавался вопросом: а что дальше? Дальше оказались курица, вынесенная из магазина молодой особой при помощи способа, который трудно описать литературным языком, и пляски в Храме Христа Спасителя.

О подобных событиях даже и думать, честно говоря, не хотелось бы. Но – приходится. Куда спрячешься от

наступательного зла-порока! Так вот, пытаюсь осмыслить эти омерзительные события, нетрудно понять: это явно не протест. Но провокация это? Или, может быть, *эпатаж*?

Данное слово я услышал впервые в давние студенческие годы на лекции по одному из эстетических спецкурсов в ЛГУ. Григорий Наумович Голдобский рассказал нам о том, как забавлялись римские патриции. Устраивают пирушку, выставят щедрое угощение. А потом пустят сытых гостей прогуляться по благоустроенному саду. И где-нибудь между аккуратно подстриженными кустиками те встретят статую, изображающую не красивых юношу или девушку, а омерзительную старуху. Приколисты! Я твёрдо усвоил, что подобные забавы свойственны людям сытым и скучающим. Возможно, не обязательно злым, но явно не очень добрым.

Если заглянуть в словари, то оказывается следующее. У Даля этого слова нет. Возможно, он считал, что подобные забавы безвозвратно ушли в прошлое, подобно страусиному перу для опустошения желудка у тех же древних римлян, или деревянным колодкам для ножек маленьких китаянок. По определению Словаря иностранных слов, эпатаж – «скандальная выходка; поведение, нарушающее общепринятые нормы и правила» [1, С. 691]. Эта формулировка слово в слово совпадает с формулировкой из Малого Академического словаря русского языка [4, Т.4, С. 762]. Но вот что характерно. Выше, всматриваясь в словарные определения провокации, я не однажды отметил, что не спешу соглашаться с тем, будто цели провокации обязательно предательские. Здесь, в отношении эпатажа, мне тоже не всё представляется убедительным. Если сопоставить эпатаж с провокацией и протестом, то скорей всего следовало бы признать:

Протест – явление, в сущности, психологическое.

Эпатаж – эстетическое.

А провокация – нравственное (с негативным содержанием).

Тот, кто ведёт себя эпатирующим образом, часто не аморален, но *времорален*, *доморален*. И в этом смысле я совсем не удивлён отсутствию статьи Эпатаж в Энциклопедии «Этика». Данная тема просто проходит по другому ведомству. Но зато провокатор – явно аморален.

И начиная с этого места приходится всматриваться в смысловой ряд, выстроенный в заголовке статьи, особо пристально. Где происходит переход психологического состояния в нравственно-значимое, в социально-направленное поведение? Где желание позабавиться и подтрунить над знакомым перерастает в безжалостное издевательство над посторонними?

И вот что приходит на ум. Там, где происходит просто выяснение отношений между двумя субъектами: между соседями или незнакомыми людьми, между друзьями, желающими друг над другом подтрунить, между начальником и подчинённым, – типы взаимоотношений не так трудно идентифицировать. Скажем:

причинённая обида → протест;

сытость + жажда развлеченья → эпатаж,

недоброжелательство → провокация. Но как только отношения перерастают масштаб атомарных, всё несопоставимо усложняется. Когда в разворачивающиеся события вовлекаются невольные свидетели, а то и невинные жертвы – тут уже не до смеха.

Очень похоже, что об этом усложнении далеко не всем хочется задумываться. И нарастают из-за этого не смыслы, а проблемы. Даже странно, как взрослые люди не отдают себе отчёт, что действие обретает социокультурный смысл в результате сложения, по меньшей мере, следующих параметров: замысла, исполнения, времени, места, зрителей.

Кабы слова про Богородицу и Путина были исполнены на сцене в сельском клубе, или на студенческом капустнике – кто-нибудь по этому поводу ломал бы копыя? Но кому-то, похоже, был нужен именно международный скандал. А если кто-то хочет скандала – разве есть от этого спасение? Допустим, все бы промолчали после частушек в Храме Христа Спасителя – так наверняка бы в СМИ за рубежом разразилась буря негодования: «Позор! Россия не умеет защитить свои святыни! Совсем освиначились эти россияне, историю свою не уважают!».

Читаю в новостях: «Группа молодых людей вывесила плакат в поддержку осужденных участниц российской панк-группы Pussy Riot на бастионе «Виктория» в эстонском приграничном городе Нарва. Участники акции в поддержку Pussy Riot, одетые в балаклавы, разместили полотнище размером 24 м х 8 м на стене бастиона «Виктория». На плакате на трех языках — английском, русском и эстонском — написано: «Свободу не украдешь. Освободите Pussy Riot!» [8].

Если свобода для упомянутых эстонцев заключается в дозволенности хамить, скандалить в публичных и даже освящённых традицией местах, то для меня уже не встаёт вопрос о том, какую страну считать испорченной.

Или ещё вот что. Где-то в интернет-сетях прочитал историю:

«Год назад три обнаженных активиста из арт-группы Fuck for forest зашли во время праздничной мессы в кафедральный собор Осло и попытались совокупиться прямо на алтаре. В ролике, выложенном на сайте FFF, хорошо видно, как молодых людей аккуратно выводят из храма, служба при этом даже не прерывается. В полиции на хулиганов завели дело и отпустили домой. Результат: на суде, который состоялся через месяц, обвиняемых приговорили к штрафам от 7500 до 9000 норв. крон (35-45

т.р.) или к 15 суткам ареста. Комментируя акцию в храме, Епископ Осло сказал, что "испытывает печаль, когда думает о тех, кто сделал это"» [9]

...Он – "опечален". Мне, даже просто читающему про это безобразие, не *печально*, а *омерзительно*. Европейцы, похоже, не только бедны, обделены здоровыми эмоциями, но и хотели бы нас сделать таковыми!

Кстати, на моей памяти хвалёные либералы-демократы американцы (уж не знаю, по недостатку эмоций, или из-за их избытка) разбомбили дом, самочинно занятый бомжами. И что-то не припомню, чтобы кто-либо высказывал по этому поводу протест в самих США, или у посольств их европейских партнёров...

Не сомневаюсь, Христос, который некогда попокидывал в храме столы торговцев, – московским попрыгуньям, может быть, и не надавал бы по голове, но уж мобильную технику, на которую провокаторы снимали происходящее, растоптал бы точно!

Чтобы продолжать выгораживать не к ночи упомянутых плясуний, именовать их «узницами совести», нужно или безоглядно им симпатизировать, или столь же безоглядно ненавидеть Россию. А может – ненавидеть лично В.В.Путина. Но разве не понятно, что если мы искренне ненавидим Гитлера и гитлеризм, разве под этим предлогом позволительно срывать спектакль в театре или захватывать заложников в самолёте?!

Разворачивающийся абсурд состоит в том, что если кто выигрывает от всей этой шумихи, то именно В.В.Путин, настолько отвратительный у российских потребителей новостей складывается образ его противников...

Ещё раз касаясь темы протеста, нужно бы констатировать следующее. Во все времена встречались подлецы, тунеядцы, жулики, но по этой причине не нужно ставить крест ни на какой идеологии, ни на каком ремесле.

На врачах, на судьях, на милиции и т.п. Конечно, жадный, равнодушный врач, вороватый сотрудник правоохранительных органов, угодливый прокурор - возмущают донельзя. Но что же после этого – суды закрывать, поликлиники взрывать?

И уже совсем подходя к финалу рассуждений, хотелось бы уточнить: там, где в решение каких бы то ни было задач (политических, экономических, бытовых) оказываются против воли вовлечены ни в чём неповинные люди, там, где их жизнь и благополучие подвергается дерзкому манипулированию, имеет место уже не протест, не провокация, и тем более не эпатаж, а *экстремизм*. Экстремизм, таким образом, привязан прежде всего именно к средствам – посторонние жизни становятся для экстремиста орудием в достижении собственных целей.

Экстремизм – тяжёлая болезнь современной культуры, явление социально-политическое, свидетельствующее об угрожающе низком нравственно-психологическом уровне сограждан, и лечить её нужно, объединяя усилия всех, кто способен ответственно задумываться про завтрашний день – минимизируя поводы для социальных протестов, совершенствуя правовое самосознание, развивая всё человеческое во всех и в каждом из нас.

Примечания:

1. Булыко А.Н. Большой словарь иностранных слов. – М. : Мартин, 2004. – 703с.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т.3. – М.: Издательство иностранных и национальных словарей, 1956. – С. 519.
3. Этика: Энциклопедический словарь. – М.: Гардарики, 2001. – 669с.
4. Словарь русского языка: в четырёх томах. – М. Русский язык, 1987.

5. Булгаков М.А. Мастер и Маргарита // Избранные произведения в двух томах. Т.2. – К., Днепро, 1989. – С. 333 – 722.
6. Сальнова А.В. Карманный русско-греческий словарь. – М.: Русский язык, 1992. – 286с.
7. Вейсман А.Д. Греческо-русский словарь: репринт V-го издания 1899г. – М.: Греко-латинский кабинет Ю.А.Шичалина, 1991. – 693с.

8.

<http://www.vedomosti.ru/politics/news/2012/08/25/3267031#ixzz24>

9.

<http://www.facebook.com/andrey.loshak/posts/223069327815636>

2.2. ЭКСТРЕМИЗМ КАК МОРАЛЬНЫЙ ВЫЗОВ: СТРАТЕГИЯ ДЕУНИВЕРСАЛИЗАЦИИ МОДЕРНА

Экстремизм: не идеология, но действие

Несмотря на все более активное присутствие в информационно-политической повестке дня, в законодательной и правоприменительной практике, реальная значимость и воображаемая опасность экстремизма в глазах граждан России уменьшается. Согласно результатам опросов, проведенных в августе 2012 года Левада-Центром, среди отмеченных гражданами проблем экстремизм является аутсайдером, а угрозы терактов вызывают опасения лишь у 6% опрошенных (в 2005 году – 15%). Гораздо больше население волнуют такие проблемы как рост цен – 72%, бедность - 48%,

коррупция – 35% [1]. Таким образом, самоопределение и легитимация через борьбу с экстремизмом более важны для властных элит, нежели в той реальности, в которой живет население.

Прежде чем перейти к анализу нормативных интерпретаций экстремизма в российском законодательстве и разбору практики борьбы с его проявлениями попробуем очертить исходное теоретическое и функциональное пространство экстремизма. В самом общем приближении экстремизм – это *политическая практика*, в основе которой лежат *радикальные идеи*, отрицающие идейно-институциональные основы данного общественно-политического устройства и призывающие к немедленному насильственному изменению легитимного конституционного строя. Следует уточнить, что понятие экстремизма – понятие эпохи Модерна, рожденное столкновением национальных государств с *новым комплексом вызовов морально-политического плана*.

Таким образом, мы исходим из того, что *экстремизм не может быть идеологией или политическим учением*, но лишь видом различных практик, таких как геноцид, этноцид, терроризм, религиозные войны. В политике могут быть только радикальные идейные учения, которые переходят в экстремизм только *на практике*. Поэтому мы можем говорить далее лишь об экстремистских практиках, а в классификации политических учений и законодательстве не может быть отдельно существующего *экстремистского политического мышления или экстремистской идеологии*.

Экстремизм бросает наибольший радикальный вызов действующей власти и государству, заключающийся в насилии. Черта между двумя насилиями – государственным и экстремистским – это вопрос нравственной противоположности. Аргументы в пользу

того, что существующие государственные аппараты принуждения, законы, институты являются легальными, а то, что им противостоит таковым не является – на самом деле являются релятивными.

Для обоснования экстремистской практики радикальные учения при всей своей маргинальности должны предложить своим адептам в отличие от конструктивной реформаторской оппозиции альтернативный проект общественного устройства или мифологию построения абсолютно нового общества. Как правило, подобные проекты тотального переустройства общества или возвращения к его истокам характеризуются значительной иррациональностью и одномерностью мышления. Мифологическое упрощенчество социально-политической реальности обычно идет по самому простому пути. Экстремизм на практике наиболее часто выступает в виде различных форм ксенофобии, которая в большинстве случаев является не более, чем мифогенной формой выражения социально-экономических протестов и наличия конфликтов в обществе. В результате можно наблюдать феномен смещения, когда классовые и экономические конфликты переинтерпретируются в более простых ксенофобских и этноцентристских мифологемах [2].

Основным объективным критерием отнесения к области экстремизма являются формы политической практики, в которой реализуется те или иные политические идеи. Представляется, что *экстремизм законодательно и объективно можно «зафиксировать» только тогда, когда крайние формы политического мышления переходят в «экстремизм действия» – террор, гражданскую войну, нелегитимное насилие, геноцид, этноцид, нарушение прав и свобод человека, закрепленных в Конституциях современных государств и нормах международного права.*

Поэтому политический радикализм становится экстремизмом только тогда, когда переходит от слов к действию, на теоретическом и идеологическом уровне разницы между ними нет. В данном случае под политическим (публичным) действием также подразумевается публичная речь людей, говорящих от имени тех или иных официальных структур и/или занимающих государственные посты. Экстремистская деятельность – крайние формы нелегитимного индивидуального и коллективного насилия. Она может проявляться в различных сферах: политической – терроризм, расизм, шовинизм; религиозной – фундаментализм (ваххабизм, сионизм и т.п.), тоталитарные культы; правовой – нигилизм, нарушение юридических и оскорбление моральных законов и т.д.

Для субъектов экстремистской деятельности характерен правовой нигилизм и тотальное отрицание данного общественного строя (государства), легитимирующих его идей, традиций, институтов. Практика экстремизма характерна нетерпимостью, бескомпромиссностью, редукцией многомерных общественных проблем к простым решениям, черно-белым делением мира на друзей-врагов, стремлением к тотальному разрушению существующего общественного строя как условию реализации сакрально-мистических идеи иной социо-культурной реальности. Часто эта тенденция проявляется в стремлении экстремистов насильственно «очистить» в целом приемлемое для них общество от появившихся в какой-то момент негативных явлений, недостатков, используя риторику очищения, изгнания, насильственного перевоспитания и т.д.

Дополнительно следует отметить некоммуникативность экстремистской практики, даже не пытающейся достичь своих целей в рамках действующих

институтов и правил. Субъекты экстремизма отрицают любые формы политического диалога и компромисса со своими оппонентами. Они проявляют нетерпимость к идеологическому плюрализму и инакомыслию, отказывая своим противникам в праве на альтернативную точку зрения. Соответственно практика экстремизма направлена к свертыванию идеологического многообразия и самой публичной сферы современной политики.

Экстремист готов реализовывать свою политическую программу ценой любых жертв. Для него не существует дилеммы цели и средств, экстремистское мышление целерационально. Сверхценность политической цели оправдывает любые методы, что неизбежно приводит к нелегитимности, насилию и аморальности экстремистской политической практики. Принципиальным моментом, позволяющим говорить об экстремизме политического субъекта, является его готовность достигать свои цели ценой прямого нарушения прав и свобод граждан, в том числе отрицание основополагающего права любого человека на жизнь.

Как правило, идеалы экстремистов являются недостижимыми, так как не обладают достаточными условиями и общественной поддержкой для своей реализации. Поэтому реальной, а не риторической целью экстремистов обычно является шантаж (устрашение) или дискредитация заведомо более сильного противника. Причины политического экстремизма разнообразны: экономические, религиозные и этнонациональные конфликты, отсутствие у корпораций и различных социальных групп механизмов легального участия в принятии политических решений, делегитимация политического режима в глазах тех или иных групп населения и т.п. Питательной средой экстремизма являются маргинальные и асоциальные слои общества.

Однако инициаторами экстремистской практики могут быть и «сильные мира сего», использующие маргинальные экстремистские организации как вспомогательный рычаг в реализации собственных интересов. Известно, что часть экстремистских организаций, например, «Аль-Кайда», изначально создавались с помощью государственных служб США как средство дополнительного давления на серьезных политических противников. Своего апогея экстремистская практика достигает, разворачиваясь в транснациональном, международном масштабе. Ее расцвет связан с развитием техногенной цивилизации, позволяющей совершать общественно значимые преступления малыми средствами, в том числе силами экстремистов-одиночек.

Идейно-правовые координаты экстремизма

Основная проблема при попытке законодательно определить область экстремизма заключается в том, что нравственная противоположность действующей власти и экстремистов, устанавливаемая через перечисленные выше общие различия часто стирается, так как границы возможного (приемлемого) и табуированного в конкретном обществе являются легитимными лишь тогда, когда устанавливаются в результате широких и гласных общественных дискуссий (легитимность), а не в одностороннем порядке, теми или иными нормативными актами (формальная легальность). Отсутствие общественного обсуждения критериев запрета государством тех или иных организаций и произведений культуры (музыки, фильмов, текстов, изображений), изменение этих критериев, их двусмысленность, субъективность, а тем более избирательность могут привести лишь к одному результату - борцы с терроризмом и экстремизмом сами постепенно становятся неотличимы

от террористов. А легитимное насилие вместо поддержания законов, общественных установлений и институтов становится кошмарной и повсеместной практикой моральной дискредитации действующего политического режима.

Таким образом, первый краеугольный камень в определении области экстремизма – это определение границ и форм политического насилия и его субъектов, которые являются легитимными и приемлемыми с позиций негласного общественного договора и того или тех, кто таковыми быть не может. Эта граница всегда относительна и подвижна в перспективе различных моральных, социальных и исторических позиций, присутствующих в том или ином обществе. Любое политическое насилие может обернуться как общественным благом, так и злом, поэтому границы экстремизма в человеческой истории всегда остаются подвижными. Исторически реализация прав и свобод угнетенного, бесправного человека часто осуществлялась с помощью насилия, будь то восстание рабов под руководством Спартака в Древнем Риме, крестьянские бунты за отмену крепостного права в России, освобождение рабов в ходе гражданской войны в США, буржуазные революции и т.п. Но это насилие имело нравственную легитимность и историческое оправдание, так как восстанавливало для значительной части населения всеобщие основы человеческих прав и свобод.

Для классификации экстремизма (с целью отделения от иных видов насилия) рассмотрим его в двух ключевых для политики взаимосвязанных измерениях: легитимное-нелегитимное, публичное-приватное. Если первая шкала в классификации экстремизма связана с критериями разделения легитимного и нелегитимного насилия, то вторая представляет собой необходимость разделения публичной (общественной) и частной (приватной) сфер

жизни в современном демократическом обществе, подразумевающим такое разделение. Представляется, что сфера деятельности современного государства и политики совпадает с областью публичного и общественного. Соответственно *экстремизм может быть только политическим, поскольку любое насилие, осуществляемое в сфере частной жизни граждан полностью совпадает с бытовыми, неполитическими преступлениями*, ответственность за которые предусмотрена в Кодексе об административных правонарушениях и Уголовно-процессуальном кодексе РФ вне зависимости от наличия идейных мотивов преступника или отсутствия оных. То есть все преступления, связанные с нанесением телесных и моральных повреждений в частной сфере являются бытовыми, их *дополнительная политизирующая классификация* в качестве политических и экстремистских избыточна. В противном случае любое преступление гражданина одной национальности или веры против другого, или поспраение тех или иных групповых символов, традиций и обычаев можно интерпретировать как экстремистское, хотя в подавляющем большинстве случаев содержание и мотивы подобных преступлений далеки от политики. Либо идейно-политические мотивы используются преступниками в качестве облагораживающего алиби, а обвинителями, наоборот, инкриминируются в качестве отягчающих обстоятельств.

Таким образом, *экстремизм более четко в сравнении с данным выше исходным определением можно обозначить как нелегитимное насилие, осуществляемое в публичной (политической) сфере*. Соответственно неполитическим экстремизм быть не может. Но в качестве такового он и не требует отдельного законодательного регулирования, так как полностью подпадает под те или иные преступные действия, ответственность за которые предусмотрены в

УК РФ. Экстремизм и легальное насилие различаются по нормативно-ценностному обоснованию. Распределение сфер возможного насилия в границах двух предложенных выше оппозиций выглядит следующим образом:

1. Публичное (политическое), легальное насилие – государство и его агенты – МВД, ФСБ, армия, чиновники и т.д.

2. Публичное (политическое), нелегальное насилие – *область политического экстремизма.*

3. Приватное (бытовое) легитимное насилие – «народные герои», добровольцы, дружинники, частные охранные предприятия, все те, кто действует не в качестве агента государства, а в порядке частной инициативы с целью поддержания существующих законов и порядков.

4. Приватное (бытовое) нелегитимное насилие – бытовой экстремизм, представляющий обыкновенную уголовную преступность как достижение частных криминальных целей незаконными в данном обществе методами (грабежи, убийства, хулиганство и т.п.).

Определяя суть экстремизма как нелегитимное насилие, мы должны логически признать, что совокупность подобных явлений на практике относится, прежде всего, к области *терроризма.*

Данная выше классификация является формальной, предполагая, что мораль и легитимность в обществе совпадают. Однако политическая практика постоянно производит примеры, когда данные критерии расходятся. Соответственно на практике возникают многочисленные противоречивые примеры легального, но несанкционированного общественной моралью насилия,

например, различные виды ущемления гражданских свобод и «необоснованных» репрессий. Собственно, вокруг них и разворачивается общественная дискуссия об экстремизме, когда позиция государства и ключевых социальных групп расходятся.

Основные трудности классификации экстремизма связаны а) с релятивностью исторических оценок акций экстремизма (примеры даны выше); б) с невозможностью точно определить, где кончается приватное пространство личности и начинается публично-политическое пространство. Последняя граница всегда условна, субъективна, подвижна и не поддается однозначной формализации. Например, сколько человек образует (публичное) политическое пространство? Как отличить «разжигание розни» от изложения политических убеждений и взглядов, информирования, комментария, изучения экстремистских доктрин и феноменов в рамках конституционных прав на свободу убеждений, вероисповедания, слова, свободу получения и распространения информации? Наконец, человек, излагающей определенные взгляды, может вовсе их не разделять, занимая позицию воображаемого оппонента. То же справедливо и в отношении хранения и чтения литературы признанной экстремистской, изображений и видеоматериалов, просмотр которых вовсе не производит автоматически человека в «пропагандиста» и «экстремисты».

Наконец, может ли экстремизм быть только словом, можно ли судить людей за слова, отражающие их убеждения? Представляется, что экстремизм может быть только действием, но не словом, а экстремистские высказывания могут преследовать в рамках обычных неполитических преступлений, если данные высказывания являются клеветой, ложью или оскорблением отдельных

лиц или их групп, но не в силу *экстремизма самих высказываний*. Поскольку политический экстремизм как *злоупотребление* свободой слова и убеждений является противоречием по определению. Свобода слова либо есть, либо ее нет, рассуждения о допустимости тех или иных позиций и убеждений являются субъективными и вторичными в отношении к свободе слова. Преследование тех или иных текстов, идей, высказываний, изображений как экстремистских является невозможным без ограничения прав и свобод, имеющих в Конституции РФ. Более того, если предположить, что составом экстремизма являются те или иные слова, то подобное обстоятельство дает широкие возможности для карательных и ограничительных мер в отношении любых субъектов критики статус-кво, заявляющих о необходимости кардинального изменения основ политического режима, его институтов и лидеров, изменения его целей.

Практики борьбы с экстремизмом: умножение пустых сущностей

Представляется, что борьба государства с экстремизмом, его профилактика, предупреждение и законодательное регулирование аналогичны борьбе с энтропией, способствующей ее увеличению. Полной безопасности не может быть нигде, никогда и ни для кого. Жертвой политического экстремизма российский гражданин может стать с вероятностью примерно в 1000 раз меньшей, чем жертвой автокатастрофы или преступления на бытовой почве. Однако на этом основании в российском обществе почему-то не наблюдается активных общественных движений и публикаций, ратующих за запрет автомобилей, самолетов или кухонных ножей. С политическим экстремизмом, несмотря на статистическую малость его реальных жертв, ситуация

противоположная, интерес к нему несоизмерим с реальной опасностью. Популяризация борьбы с экстремизмом не добавляет в нее эффективности, а назойливые призывы из всех динамиков к гражданам следить за подозрительными вещами и лицами лишь порождает массовый стресс: «В Америке было 4 захвата самолетов 11-го сентября. Однако в первой половине 70-х годов в Европе, в странах Азии и в Соединенных Штатах Америки среднее количество инцидентов по захвату самолетов составляло 15-18 раз в квартал. При таких масштабах какая бы истерия существовала сегодня!» [3].

Попадание экстремизма в сферу приоритетов официальных СМИ и власти обусловлено не столько реальной опасностью, сколько использованием этой темы для легитимации власти или канализации общественного мнения на выгодные для политического режима объекты и сюжеты, для чего оппозиция сразу назначается в агенты западного влияния, националисты переименовываются в ксенофобов и расистов, а хулиганы и футбольные болельщики, спешно классифицируются как скинхеды.

Проблема в том, что государство не может эффективно бороться с теми, кто готов умереть во имя неких экстремистских с официальных позиций целей. И люди готовые умереть за новые цели, за изменения, за надежду, за *«иное будущее»* не могут быть предупреждены или перевоспитаны, поскольку они выходят за грань тех оснований законов и морали, которые действуют в современных обществах, рассматривающих с позиций гуманизма человеческую жизнь как высшую ценность. Ясно лишь одно: когда люди готовы отдать жизнь за свои убеждения, аксиомы всей нашей современности перестают действовать. И вопреки всей суммарной гражданской и государственной «бдительности» они сделают то, что намерены сделать. Поэтому террористы как нарушители

негласной конвенции гуманистической современности приобретают воистину дьявольскую эффективность в технотронном обществе в сравнении со своими противниками, скованными гуманистической моралью, судами, законами и т.п. И все же экстремизм нельзя уничтожить аналогичными средствами. На место одного уничтоженного боевика придут новые, а отмщение со стороны государства не может стать на нравственный уровень закона и являться справедливой практикой возмездия.

Теперь рассмотрим актуальную практику борьбы с экстремизмом в России на примере теории и правоприменительной практики, вытекающих из специально принятого в 2002 году федерального закона №114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». Новый закон был призван установить объективные, четкие и прозрачные критерии определения экстремизма. И он их действительно дал - экстремизм и его производные в ключевом законе определяются через тавтологию и невнятные, двусмысленные формулировки!

В результате можно наблюдать прецеденты тоталитарной логики, которые можно было бы назвать анекдотичными, если бы они не были весьма грустными и не затрагивали судьбы реальных людей. Вот пара примеров: «Волгоградская газета «Городские вести» опубликована политически безупречную статью со столь же безупречным названием «Расистам не место во власти». Иллюстрацией к материалу послужила карикатура, на которой Моисей, Христос, Будда, Мухаммед смотрят телевизор. На его экране – две группы людей, готовых резать друг друга. «А ведь мы их этому не учили!» - говорит один из героев карикатуры... И как же отреагировали волгоградские прокуроры? А вот как: «Ах, вы призываете к недопущению межконфессиональной

вражды? Ну так мы против вас возбудим дело за... разжигание межконфессиональной вражды!» [4, с. 182-183].

А вот один из имевших место на практике примеров определения «экстремистского сообщества»: «Согласно твердой убежденности следователя прокуратуры г. Благовещенска по фамилии Рекун, Союз Русского Народа – организованная группа для совершения преступлений экстремистской направленности, экстремистское сообщество! Цитирую этот шедевр репрессивно-карательного творчества прокурора города Благовещенска Рекуна, принятый к исполнению судьей города Благовещенска Ситниковым: *«...организация имеет признаки экстремистского сообщества, а именно: иерархическую структуру с распределением ролей и функциональных обязанностей среди членов организации, наличие единого центра и руководящего органа, сбор членских взносов, комплектование состава организации, вручение членских билетов и знаков, создание атрибутики, печатных изданий, проведение акций гражданского неповиновения, митингов и шествий»*. Спасибо, г-н прокурор Рекун. Без вас, обосновавших основные признаки экстремистского сообщества, иными словами, бандитской шайки, мир никогда бы не узнал, что к экстремистским организациям следует причислить, к примеру, партию «Единая Россия». У «Единой России», равно как и у «Справедливой России», как и у КПРФ, и у ЛДПР налицо все перечисленные Рекуном признаки бандитской шайки, то есть экстремистского сообщества» [5].

Таким образом, в реальности вместо легитимных и эффективных способов профилактики экстремизма произошло умножение непрозрачных юридических сущностей и сомнительных фактов правоприменительной

практики. Это неоправданное умножение в итоге не укрепило, а наоборот, подорвало легитимность государства. Закон №114-ФЗ вошел в потенциальное противоречие с теми правами и возможностями, которые то же государство гарантировало своим гражданам ранее другими законами и, прежде всего, второй главой Конституции РФ «Права и свободы человека и гражданина». Хотели как лучше, а получилось...

Возникает закономерный вопрос: исходя из каких неведомых оснований люди, говорящие от имени российского государства, решили, что начиная с 2002 года опасность экстремизма так возросла, что потребовался даже специальный закон ФЗ №114 и внесение все новых поправок в УК РФ? Ведь факт занятия неких государственных постов вовсе не делает граждан легитимными «прогрессорами» в отношении всех остальных. Поскольку в мультикультурном и мультиконфессиональном обществе все наличные ценности имеют право на существование, в том числе, если они кому-то не нравятся. Любое определение экстремизма есть как минимум предмет общественных дискуссий и общественного согласия, а вовсе не повод для возбуждения уголовных дел людьми, которые полагают, что опираются на некие метаценности в отношении всех других.

Все чаще можно наблюдать как борьба с экстремизмом и соответствующее *антиэкстремистское политическое законодательство* превращается в алиби борьбы с оппозицией, оппонентами, критиками и несогласными? Ведь при существующей системе признания материалов экстремистскими, практически любой автор, что-то написавший, нарисовавший, сказавший может быть апостериори привлечен к административной и уголовной ответственности по системе с подобными скрытыми и двусмысленными параметрами оценки. А найти и привлечь

к делу «правильного эксперта», чье мнение совпадает с мнением обвинения, это скорее вопрос технический.

В 1990-е годы, в ельцинский период в России пропагандировалось и издавалось все, что угодно, почковались самые разные политические организации, с расистским, нацистским и фундаменталистами уклонами. Но при всей этой безмерной свободе, данной Конституцией РФ, почему-то ни одна из экстремистских групп или идеологий не оказала существенного влияния на политическую жизнь России, оставаясь в своем маргинальном политическом гетто. И такая ситуация изоляции экстремизма поддерживалась вовсе не благодаря запретам и законодательным усилиям власти, но благодаря широкому общественному согласию граждан в обществе, которое посредством перманентных дискуссий *само* определяет границы приемлемого и неприемлемого в политике.

Нынешней правящей элите российское население все более представляется не самостоятельными гражданами, а всего лишь опасными и несмышленными детьми, которые загораются любыми прочтенными или услышанными где-то идеями и начинают претворять их в жизнь, и от которых эти идеи как спички нужно прятать, иначе пожар. Но подобная неотрадиционалистская модель превращает российских граждан в подданных, которые не могут самостоятельно определить как им жить без оглядки на руководящую и направляющую роль монарха, партии-гегемона или цензора. Поэтому в современном секулярном мире запрет на любую информацию и обмен ею, в особенности адресованный взрослым людям и исходящий от инстанций государства, церкви или иной корпорации есть не что иное как попытка превратить рационально мыслящего и свободного индивида в несовершеннолетнего ребенка, якобы не способного отвечать за свои действия и

нуждающегося в «родителях», которые будут за него определять «что такое хорошо и что такое плохо», решать, что можно читать, писать, говорить, изображать, а что нельзя. Но в таких условиях искусственной инфантильности взросление граждан становится невозможным. Политический режим все более ограничивает собственных граждан в их возможностях, захлопывая автономное пространство частных свобод и расширяя регулируемое пространство публичности. И любой самостоятельный человек будет действовать скорее вопреки сомнительным внешним запретам, отстаивая пространство своей привычной свободы и солидаризируясь с теми, чью свободу пытаются поставить под сомнение путем низведения в искусственному состоянию детской неправоеспособности.

На самом деле, *практика реального террора* выходит далеко за пределы конвенциональных форм протеста, не нарушающих права и свободы других людей, которыми ее все чаще пытаются подменить российские законодатели и правоприменители – демонстрация, митинг, забастовка, пикет, голодовка, акции пассивного гражданского неповиновения, инакомыслие, уход в политический андеграунд, абсентеизм, голосование «против всех», подписание петиций и обращений, карикатуры, ведение личных блогов-дневников в Интернете и т.п. *Но все это не террор, а, следовательно, и не экстремизм, который прямо подпадает под статьи УК РФ, будучи связан с насилием!* Все перечисленное не более чем законодательно закрепленная или общественно приемлемая форма отстаивания своих интересов гражданами и их коллективами, так как право граждан на протест против тех или иных законов, решений и действий органов власти всех уровней является одним из главных и универсальных прав человека. Более того, право на

законный протест, соответствующие формы которого закреплены в законодательстве многих современных государств, наоборот, является одним из ключевых способов защиты прав, свобод и интересов граждан и их общностей.

Поэтому отдельное законодательство о политическом экстремизме является излишним. В отношении экстремизма пока он не переходит в уголовно и административно наказуемые *действия* никакие объективные и бесспорные критерии невозможны. В противном случае подобное дополнительное законодательство превращается в аналог новой инквизиции, решавшей на основании одной ей ведомых доводов, кто является ведьмой и еретиком, а кто праведником. Такие же политические инквизиторы от НКВД-КГБ действовали и в период СССР, борясь с троцкизмом, разными «уклонами», тунеядством, диссидентами, агентами империализма и прочими «ересями». Та же практика субъективного законодательства начинает на архетипическом уровне возрождаться снова в виде волн борьбы с учеными-шпионами; националистами; скинхедами; НКО, имеющими международные связи; слишком «критичными» для политического режима СМИ, такими как газеты «Дуэль» и «Лимонка», и прочей экстремистской литературой.

Прогноз дальнейшего развития ситуации прост. Запретные списки экстремистских материалов и организаций на основе сомнительных критериев будут множиться как снежный ком. В обществе потребления, где все доступно, сфера немногочисленных прямых запретов приобретает особый магнетизм. А само общество, будучи помещено в искусственное пространство интеллектуальной стерильности, сервильности и благонадежности во многом потеряет «естественный

иммунитет» как способность самостоятельно сопротивляться тем интеллектуальным болезням и инфекциям, от которых его якобы ограждают.

Примечания:

1. *Левада-центр* [Электронный ресурс] / Левада-центр. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/22-08-2012/rost-tsen-i-bednost-glavnye-trevogi-rossiyan> (дата обращения: 25.09.2012).
2. *Соколов М.М.* Классовое как этническое: риторика русского радикально-националистического движения / М.М. Соколов // ПОЛИС. – 2005 – №2. – С. 127-137.
3. *Иноземцев В.* Почему Россия – не Ирак? (интервью) / В. Иноземцев // Top-Manager. – № 8(74) – 2007. С.12-18.
4. *Никонов А.* Свобода от равенства и братства. Моральный кодекс строителя капитализма. / А. Никонов – М. : НЦ ЭНАС. 2007.
5. *Миронова Т.* Союз русского народа – экстремистское сообщество? [Электронный ресурс] / Т. Миронова – Режим доступа: <http://www.rusprav.org/2007/62.htm> (Документ доступен на 25.09.2012).

2.3. ЭКСТРЕМАЛЬНОСТЬ И ЭКСТРЕМИЗМ

Современное глобальное общество можно рассматривать как цивилизацию риска. Под обществом риска мы, таким образом, понимаем стадию цивилизационного развития человечества и состояние конкретно-исторического социума. При этом учитывается аспект глобализации. Она затрагивает и локальный российский социум. Рисковые обстоятельства, складывающиеся в планетарном масштабе (какова ни была бы их природа), не могут не затрагивать Россию и существенно влияют на нее. Рисковые

внутрицивилизационные условия усугубляются таким влиянием. На рубеже XX-XXI вв. цивилизационные процессы в России были отягощены ее болезненным вступлением в сферу рыночных отношений. Российский опыт существования, как подчеркивает В.И. Красиков, концептуализируется в форме рациональности контраста, сопряженной с опытом нахождения у пределов существования, выживания в экстремальных природно-климатических и историко-культурных условия [1, с.235].

Риск является системным свойством современного социума [3, с.280]. В таком понимании общества риска выражается цивилизационный подход. В этой связи представляется, что философский концепт «цивилизационный риск» способен прояснить цивилизационную принадлежность системных рисков пространственно-временной структуре глобального общества и такой глоболокальной его единицы, как Россия. Общество риска представляет собой особый тип организации современных обществ с высоким уровнем сложности, неопределенности и ситуативности общественных процессов, социальных структур, вызванных распространением компьютерных технологий и достижений посткнижной культуры.

Можно согласиться с А.Н. Чумаковым, что глобализирующееся общество теперь все больше нуждается в многомерном освещении. В этом контексте культура и цивилизация становятся важнейшими характеристиками общества. Они позволяют рассматривать его как бы в двухмерном пространстве, причем сразу с точки зрения его содержания и формы [9, с. 323]. Это стремление отразить современное состояние общественного развития заставляет рассматривать культуру и цивилизацию не просто во взаимосвязи, но и в их единстве. Это – некая целостность, разные сферы

единого общественного бытия, сосуществующие в тандеме, и как самостоятельные составляющие этого бытия, передающие его внутренние и внешние характеристики в их взаимопроникновении и многообразии. Такой подход позволяет рассмотреть человечество в его целостности: причем не только в его сущностных характеристиках и внешних связях, но и в динамике.

Мы будем придерживаться следующего понимания цивилизации: «Цивилизация есть особый социальный организм, который характеризуется спецификой его взаимодействия с природой, особенностями социальных связей и культурной традиции» [2, с.17]. Любая цивилизация предполагает особый тип культуры. И только благодаря этому типу культуры она воспроизводится. Культура включает подчас значительное разнообразие локальных, менее масштабных культур и субкультур. Каждая из них содержит некий код. Такой своеобразный культурно – генетический код это система мировоззренческих универсалий. Без изменения этого кода невозможны радикальные изменения социальных организмов. Как полагает В.С. Степин, «без этого новые виды общества возникнуть не могут» [2, с.18].

Цивилизационная динамика предполагает некоторый внутренний процесс накопления «критической массы» смыслового содержания, который формируется, в том числе, и в контркультуре. М. Фергюсон считает, что провозглашенная контркультурой «революция сознания» есть один из путей трансформации общества. Постепенное изменение стиля и смысла жизни одного человека неизбежно отразится и на жизни всего общества [4, с.46]. Как бы человек не отклонялся от осознания этого порядка, находясь в маргинальной жизненной ситуации, символический универсум позволяет ему вернуться к

реальности повседневной жизни. Самые тривиальные дела могут приобрести глубокое значение. Индивидуальное становится социальным.

Экстремальность как состояние социума, группы и человека имеет отношение к культуре, а именно, выражается в социокультурном радикализме, в некоей крайности. Эта идея о характере радикализма, но уже в отношении России, вполне подтверждается современными представлениями о цивилизационной динамике. Глубокие цивилизационные потрясения в условиях России определялись невиданным в истории радикализмом целей и задач: не развить и обогатить старые цивилизационные ценности и стандарты, не дополнить их новыми, а заменить на принципиально иные, внациональные.

Экстремальность как характеристика социальных условий существования, таким образом, порождает радикальное, контркультурное, экстремистское сознание. Экстремистское сознание, как полагает В.И. Красиков, есть определенный тип организации сознания. Экстремизм это определенные мировоззренческие установки сознания, представляющие мир в состоянии непрерывной внутренней разорванности и конфронтации по онтологически-ценностным основаниям: добра – зла, истины – лжи, наших – не наших. Носители экстремистского сознания воспринимают себя выразителями и защитниками позитивных онтологических начал, утверждая ненависть, агрессию, деструкцию по отношению к «онтологическому негативу».

Радикализм культуры связан с противостоянием господствующей системе ценностей, приоритетов, жизненных ориентаций. Он связан с революцией сознания, что проявляется, в частности, в новых «альтернативных» движениях.

Пространство современного общества отличается

высоким уровнем сложности, изменением институциональных отношений, альтернативностью поведенческих стандартов, становится благоприятной средой для появления самых различных по своей природе рисков. Российский опыт существования, как подчеркивает В.И. Красиков, концептуализируется в форме рациональности контраста, сопряженной с опытом нахождения у пределов существования, выживания в экстремальных природно-климатических и историко-культурных условиях [1, с.292].

Экстремальность является выражением рисковости, в свою очередь, переходя в радикализм, понимаемый как стремление идти до конца, до предела в любой преобразовательной (институциональной или неформальной) деятельности, в процессе самоидентификации человека, социальной группы и общества. Вслед за радикальной стадией экстремальность может переходить в экстремизм. Понятия «экстремизм» и «экстремальность» происходят от одного латинского корня и несут значение интенсивности, напряженности, остроты.

Однако экстремальность при этом отличает природный стихийный характер, что проявляется не только в активности человека, но и в активности внешней среды (стихийных бедствиях, природных катаклизмах и т. п.). Вот почему все экстремальное имеет внутреннюю логику, вызывается необходимостью и подчиняется закономерностям. У специалистов по экстремальным ситуациям есть даже термин «точное поведение». Под этим понимают такое поведение, которое в критических ситуациях исходит из единственно возможных решений, обеспечивающих выживание и спасение. В отличие от экстремальности экстремизм всегда несет с собой личностное начало, и экстремистское поведение всегда отмечено эгоцентризмом и своеволием [5, с.99]. Кроме

того, экстремальность — это не всегда кризис или конфликт. Экстремальность лишь заостряет проблему, акцентируя внимание на новом, как правило, более значимом, более высоком. Иное дело — экстремизм, который обостряет ситуацию, доводя ее до крайности, до режущих (а не колющих, как в творчестве) противоречий, в силу чего спокойное конструктивное решение проблемы, как правило, становится невозможным.

Истоки современного экстремизма (как злонамеренной чрезмерности), в конечном счете, необходимо искать в том сегменте проблематики зла, в котором господствуют аморализм и имморализм — отрицание всякой морали, сознательный отказ от законов нравственности, стремление стать «по ту сторону добра и зла». Нередко аморализм выражает позицию крайнего нигилизма, который также вырастает из отрицания общих для всех моральных норм, принципов, идеалов.

Как считает В.Н. Томалинцев, экстремистское сознание опирается на стихию изошренности и, прежде всего, на ту ее часть, которая противостоит творчеству и в отличие от совершенствования, играет на понижение, находя свое развитие в разрушении, в замещении сложноорганизованных процессов процессами менее организованными, нравственно не детерминированными. Им проводится различие между творческой экстремальностью и экстремизмом. Экстремальность всегда находит отзвук в душе человека. Она не только подавляет, но удивляет и восхищает, очищает и вдохновляет (катарсис), учит и закаляет [5, с.121]. Существенным признаком экстремизма остается не экстраординарность и неожиданность, не насилие и агрессия, а злой умысел, злонамеренность, злодейство, часто переходящие в изуверство. Ведь экстремизм характеризует не наличие насилия как такового

(применение насилия бывает необходимо для разрешения различных экстремальных ситуаций, допустим, при самообороне, в условиях пресечения преступлений и правонарушений и т. д.), а наличие его крайних, неоправданных форм. Экстремистскими, как полагает В.Н. Томалинцев, можно называть лишь такие действия, которые превышают необходимую степень воздействия независимо от используемых средств: физического насилия, морального принуждения, экономического давления. Экстремизм, в отличие от творчества и экстремальности, предстает как «биологически аномальная и филогенетически не запрограммированная «злокачественная» агрессия, которая представляет настоящую проблему и опасность для выживания человеческого рода» [5, с.101].

С точки зрения В.И. Красикова, экстремизм конституируется как характеристика специфических форм группового сознания. Экстремизм и агрессия как биологический феномен – это различные явления, и нельзя сказать, что экстремизм вырастает прямо из агрессии. Отношения между экстремизмом и агрессией можно уподобить отношениям между формой и содержанием, где экстремизм как активная сознательная форма сообщает первородной агрессивности определенные характерные оформления. Это бессознательно формируемый жизненный проект, оправдывающий амбициозные претензии некоторых групп, жаждущих власти, благ или славы.

Экстремизм есть, прежде всего, специфическая форма мировоззрения или система координат. Также он выражает специфическую идентичность определенных групп людей, которые находятся в ситуации открытого несогласия с нормами и ценностями доминирующей культуры. Подобная идентичность обнаруживает себя различными путями: вызывающим жизненным стилем, отличающейся

одеждой, жаргоном и т. п. [1, с.12].

Дифференциация понятий «экстремизм» и «экстремальность» объективно необходима. Как справедливо предупреждает Э. Фромм, «если называть одним и тем же словом действия, направленные на разрушение, действия, предназначенные для защиты, и действия, осуществляемые с конструктивной целью, то, пожалуй, надо расстаться с надеждой выйти на понимание «причин», лежащих в основе этих действий: ведь у них нет одной общей причины, так как речь идет о совершенно разнородных чтениях, и потому попытка обнаружить причину «агрессии» ставит исследователя в позицию, безнадежную с теоретической точки зрения» [7, с. 23] .

С позиции В.И. Красикова, определение особенностей человеческой агрессии является условием подхода к анализу экстремизма. Во время жизненного подъема, с ростом жизненной интенсивности происходит и возрастание потенциала экспансивности: напористости, наступательности, решительности. По его мнению, в этот период у живых организмов, в том числе и у человека, объективно возрастает «отталкивающая» ориентация в их активности. За счет временного усиления собственной мощи возрастает, в сравнении с другими жизненными состояниями, степень подавления окружающих, или агрессия.

Агрессия, понимается исследователем в контексте всей жизненности – шире, чем в биологии и психологии, где она трактуется как причинение видимого ущерба (человеческая – намеренное причинение). Однако подобные определения скорее описывают ее «всплеск», экстремумы агрессии. Агрессия есть одна из имманентных сторон активности живого, находящегося в пике своей жизненной формы (подъем), когда за счет возрастания собственной мощи временно становится возможным

«стиль подавления». Агрессия как «выброс», акт, может произойти, а может не произойти, но потенциально ею чреватые некоторые периодические состояния жизненности как таковой (подъемы). В этом объективность и естественность агрессии, ее метафизический смысл .

Категория экстремизма определяется В.И. Красиковым следующим образом: это действия и идеи, очевидно и решительно нарушающие нормы повседневной жизни, это обоснованные линии поведения, демонстративно конфронтующие с обычными практиками людей. Экстремизм есть специфическая формирующая структура сознания. Это интенциональные позиции, которые формируются и воспроизводятся определенным социальным развитием [1, с.16].

В.Н. Томалинцев считает, что при характеристике экстремизма, недостаточно сказать, что он есть простое пренебрежение общепринятыми нормами, правилами, законами, ибо такое же пренебрежение лежит в основе многих творческих актов. Скорее, экстремизм есть крайняя степень пренебрежения, то есть попрание уже установленных норм и принципов господствующего вкуса, общепринятого стиля, это нарушение меры в неуважительном отношении к здравому смыслу [5, с.104]. Экстремизм, являясь злом, не определяет зла в полном объеме. Термин «экстремизм» служит для обозначения лишь той части зла, которую характеризуют злонамеренность, зложелательство, зловредность. Экстремистское зло-деяние, в отличие от неумышленного, случайного зло-действия, исходит из абсолютизации всего крайнего и чрезмерного, из вполне сознательного убеждения в необходимости использования наиболее кардинальных средств [5, с.114].

А.А. Хоровинников также соотносит экстремальность и экстремизм. Экстремизм – это характеристика вполне

определенного явления социальной реальности. Экстремизм есть действия, направленные на достижение крайних, предельных состояний человеческого сознания, выражающиеся в системе деструктивной активности и провоцирующие конфликт. Экстремизм выступает осознанной деятельностью, направленной на достижение результата крайними средствами, отличающимися от установленных норм и правил. Экстремизм отражает деструктивно-деятельностный характер человеческой сущности, направленный на периферию процесса укоренения бытийного статуса. В целом экстремальность и экстремизм - явления, которые постоянно сопровождают человека с момента его зарождения как разумного существа в природе. Но экстремальность согласно дифференцированному подходу выступает более широким понятием, так как охватывает достаточно широкий спектр человеческой активности и состояний его сознания, а также характеризует состояние внешних условий, воздействующих на человека. Экстремальность - феномен способный при определенных условиях перетекать в экстремизм, который является своеобразной разновидностью предельных состояний действительности. Экстремальность может выступать механизмом реализации нестандартных действий, необходимых для быстрого принятия решений с целью выхода из кризисной ситуации [8, с.353].

Итак, мы считаем возможным выделить две концептуальные позиции по поводу прояснения сущности экстремальности в отечественном философском дискурсе. Первая позиция, представлена В.Н.Томалинцевым и А.А.Козловым, они понимают экстремальность как оптимум, оптимальность, как наиболее полное воплощение возможностей системы в экстремумах – минимуме и максимуме. Другая позиция сформирована

В.И. Красиковым. Она связана с тем, чтобы отмежеваться от физикалистской интерпретации экстремальности. Для него экстремальность означает не оптимум, а экстраординарность, сверхординарность, выход за границы порядка, в котором воплощается полнота. По существу, В.И. Красиков как нам представляется, говорит об экстремальности, однако, это экстремальность понимается им как крайность. Он выявляет и другие, собственные, основания экстремальности по сравнению с физикалистской интерпретацией. Они лежат в человеческой природе, в первородной агрессии, а не в идее совершенства как полноте реализации.

Экстремальность нами понимается не как полнота, а как максимальные значения системы, ее предельно максимальные выражения. Истоки экстремальности заключены, с нашей точки зрения, в экзистенциально-антропологической области. Вместе с тем, оба названных подхода к пониманию экстремальности предполагают их взаимную дополнительность. Нами предпринята попытка синтезировать эти подходы.

Мы полагаем, что экстремальность остается в границах системы и не ведет сама по себе к ее разрушению, к деструкции. Экстремальность не ведет к уничтожению социального единства, как это происходит с экстремизмом. Экстремальность – это максимум в обществе, но есть и минимум, проявленный в социальной инертности, социальной пассивности. В границах этого максимума как экстремальности и минимума как пассивности и инертности достигается полнота общественной жизни, которая не переходит в абсолютный хаос в результате экстремистских действий и преобладания экстремизма в сознании. Здесь для нас приемлема оптимология, включающая экстремальность как экстремум максимума, но не полноту в смысле единства максимума и

минимума в физикалистской позиции. Представители такой позиции трактуют экстремальность как оптимальность только потому, на наш взгляд, что идут по существу от семантики слова, называя границы полноты экстремумами. Можно понять оптимальность, как нечто лежащее между экстремумами, но оптимальность от этого не становится экстремальностью. Итак, в нашем понимании экстремальности сохраняется традиция В.А. Асеева, О.С. Разумовского, В.Н. Томалинцева в интерпретации общества, как оптимума, как единства, имеющего границы, как некой сложной системы существующей на основе самоорганизации. Однако оптимальность и экстремальность для нас не тождественны. Что касается понимания экстремальности, как максимума, здесь мы согласны с В.И. Красиковым, в том смысле, что это экстремум максимума. В отличие же от него, полагающего основанием экстремальности агрессивность, мы в большей степени отталкиваемся от экзистенциалистской интерпретации человека.

В итоге рассмотрения современного общества риска можно его определить следующим образом. Общество риска есть опасное общество. Современное общество является средой, воспроизводящей неопределенность и угрозы, продуцирующей в связи с этим рисковость в сознании и поведении индивидов, социальных групп, общества в целом. Социальная экстремальность есть форма интенсивной деятельности на пределе возможностей человекообразной системы в условиях угрозы ее существованию или под влиянием потребности в идентификации при значительной неопределенности, неустойчивости, дезинтеграции социальной среды; пребывание на грани исчерпания ресурсов жизнедеятельности социума и человека. Экстремизм есть действия, направленные на достижение крайних,

предельных состояний человеческого сознания, выражающиеся в системе деструктивной активности и провоцирующие конфликт.

Примечания:

1. *Красиков В.И.* Экстрим. Междисциплинарное философское исследование причин, форм и паттернов экстремистского сознания / В. Красиков. – М.: Водолей, 2006.
2. *Степин В.С.* Философия и эпоха цивилизационных перемен // Вопросы философии. – 2006. – № 2. – С. 16-26.
3. *Стризов А.Л.* Риски современного российского общества: природа и специфика // Наука. Философия. Общество. Материалы V Российского философского конгресса. Т. III. С. 280-281.
4. *Султанова М.А.* Философия культуры Теодора Розака / М. Султанова. - М.: ИФ РАН, 2005.
5. *Томалинцев В.Н.* Экстремаль России: Прогноз развития / В. Томалинцев. – СПб.: Фонд Отечество, 2007.
6. *Устьянцев В.Б.* Цивилизационные концепты общества риска // Философия и будущее цивилизации: Тезисы докладов и выступлений IV Российского философского конгресса. Т. 3. М., 2005. С. 632.
7. *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности / Э. Фромм. - М: Республика, 1994.
8. *Хоровинников А.А.* Идеологические основания экстремизма // Человек в современных философских концепциях. Т. 2. - Волгоград: изд-во ВОЛГУ , 2007.
9. *Чумаков А.Н.* Метафизика глобализации, культурно-цивилизационный контекст / А.Чумаков. - М.:«Канон+» РООИ «Реабилитация», 2006.

2.4. РАЗВИТИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ К ОСМЫСЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ «ЭКСТРЕМИЗМ» В ЗАРУБЕЖНОЙ НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Несмотря на значительный исследовательский интерес российских ученых к проблематике экстремизма, на сегодняшний день не приходится говорить о достаточной изученности данного феномена. Этот тезис подтверждается, в том числе, тем обстоятельством, что в отечественной науке не сформировалось единого понимания сущности экстремизма, консенсуса относительно его свойств. В то же время обращает на себя внимание тот факт, что, используя в ходе научного поиска работы иностранных ученых как источник эмпирических данных, отдельных оценок, российские исследователи экстремизма зачастую не проявляют должного внимания к зарубежным теоретическим разработкам, в том числе касающимся определения понятия "экстремизм".

Целью данной работы является анализ основных теоретических подходов к осмыслению понятия "экстремизм" в зарубежной научной, в первую очередь в англоязычной, литературе.

Появившись еще в первой половине XIX в. в публицистике США, а позднее получив широкое распространение в газетах иных стран, проникнув в политический лексикон, понятие "экстремизм" долгое время оставалось вне поля специальных теоретических исследований. Его понимание ограничивалось определениями, в той или иной форме воспроизводящими впервые приведенную в словаре американского филолога Дж.Э. Вустера (1846 г.) дефиницию термина "экстремист" – "сторонник крайних доктрин и практик" [5, с. 265].

Своеобразной точкой отсчета периода формирования теории экстремизма в качестве развитой научной проблемы

может быть названа вышедшая в 1955 г. под редакцией известного американского социолога Дэниэла Белла коллективная монография "Новая американская правая" [23]. В данном сборнике, значительно переработанном и повторно опубликованном в 1963 г. под названием "Радикальная правая", было представлено не просто описание организаций конкретной части политического спектра, их идеологических установок, но предложены методологические ориентиры для изучения экстремизма как такового.

По мнению адъюнкт-профессора Университета Уилфрида Лаурье Д. Дж. Маллой (Канада), совокупность концепций, изложенных в данном сборнике, представляют собой некий "ортодоксальный подход" к изучению экстремизма. При этом Д. Дж. Маллой особый акцент делает "движущих силах новой системы" – работах Р. Хофstadтера и М. С. Липсета [19, с. 17].

В эссе "Псевдо-консервативное восстание" профессор Колумбийского университета, лауреат Пулитцеровской премии (1956 г. и 1964 г.) Ричард Хофstadтер рассматривает экстремизм как некий образ мысли, для которого характерна эмоциональная напряженность, массивная иррациональность, агрессивность, сублимирующая страх и фрустрацию, склонность к предрассудкам, антиинтеллектуальность, антиинконформизм, желание доминировать и, одновременно, подчиняться некой власти [13].

Позднее подобное политическое мышление было названо Р. Хофstadтером "параноидальной манерой", которая отличается от обычной паранойи тем, что "клинический параноик видит враждебный и имеющий характер преступного сговора мир, который, как он чувствует, направлен против него лично; в то время как представитель параноидальной манеры считает, что мир

направлен против нации, культуры, образа жизни, судьба которых зависит не только от него самого, но и от миллионов других людей. Поскольку он обычно не выделяет себя в качестве индивидуальной жертвы заговора, такой человек несколько более рационален и бескорыстен" [12, с. 4]. Таким образом, Р. Хофстадтер связывает отклонение от политической нормы с отклонениями от нормы психологической, увязывая экстремизм с определенными чертами личности, перечень которых в значительной мере повторяет характеристики "авторитарной личности" Т. Адорно (авторитарные представления, агрессивность, суеверия и стереотипы, пр. [1]).

Стоит отметить, что близкие идеи несколькими годами до того высказывались в работе "Истинноверующий: мысли о природе массовых движений" (1951 г.) оригинального американского мыслителя Э. Хоффера. Он писал: "Хотя различия между фанатичным христианином, фанатичным мусульманином и таким же националистом или между фанатиком-коммунистом и фанатиком-нацистом очевидны, однако в их фанатизме, несомненно, имеется и общее. ... Нет никакого сомнения, что в явлениях, связанных с фанатичной верой, стремлением к власти, к единению, самопожертвованию, – имеется известная общность" [4, с. 15]. Именно в качестве этой "общности", некоего качества психики Э. Хоффер и рассматривал экстремизм.

Работы Э. Хоффера и Р. Хофстадтера легли в основу подхода, склонного к изучению экстремизма в терминах психологических феноменов.

Декларируя приверженность подобным методологическим установкам, Д. Джордж (профессор политических наук и социологии Университета Центральной Оклахомы) и Л. Уилкоккс (основатель

"Коллекции материалов современных политических движений" Исследовательской библиотеки им. Кеннета Спенсера в Университете Канзаса) в книге "Нацисты, коммунисты, куклуксклановцы и другие крайности: Политический экстремизм в Америке" (1992 г.) постарались дать ответ на вопрос о сущности экстремизма в главе "Что такое экстремизм? Образ действий и тактика значат больше, чем цели". Там, в частности, говорится: "Многие люди могут придерживаться радикальных или неортодоксальных взглядов и излагать их в более или менее разумной, рациональной и недогматической манере. С другой стороны, встречаются и такие, чьи представления весьма близки политическому мейнстриму, но их идеи представлены в пронзительно бескомпромиссной, пугающей и отчетливо авторитарной манере. Последние продемонстрировали ярко экстремистский менталитет, в то время как первые – лишь идеологическую неортодоксальность, которую едва ли нужно бояться в таком относительно свободном обществе как наше" [9, с. 54].

Д.Джордж и Л.Уилкокспредлагают в качестве методологической основы исследований "поведенческую модель экстремизма". В её рамках выделяется 22 достаточно разнородных элемента, среди которых агрессивность, стереотипирование, чувство превосходства, миллениаризм, эмоциональность, "параноидальный стиль", иррациональность, алогичность, закрытость мышления, его коллективный характер, дуалистическое "манихейское мировоззрение", персонификация враждебности, отсутствие сомнений в собственной правоте, приверженность конспирологическим доктринам, "двойным стандартам", вера в то, что совершать "плохие" поступки можно, если они служат "благим" целям, пр. [9, с. 56-61].

Понимание экстремизма как своеобразного психического отклонения демонстрирует и крупный швейцаро-немецкий психолог А. Груен, который писал: "Отсутствие идентичности, ассоциируемое с экстремистами, является результатом саморазрушительной ненависти к себе, что приводит к чувству мести по отношению к самой жизни и принуждению убить собственную человечность" [10].

Профессор Университета Бургундии П. Салмон (Франция) подходит к изучению сущности экстремизма, используя термин "мономания". Он пишет: "Главный механизм, который может превратить в других случаях здравомыслящего человека в искреннего экстремиста, заключается в том, что ведет к радикальному сужению видения такого человека или его интереса. Иногда сужение приближается к патологии, подразумевающей искаженное и в целом угрожающее восприятие одного измерения мира, развития или будущего (например, когда все приписывается заговору)" [21, с. 72].

В отличие, например, от Р. Хофстадтера, Д. Джорджа и Л. Уилкокса, опиравшихся на исследования "авторитарной личности" Т. Адорно, П. Салмон основывается на более современной модели догматической личности (или закрытости мышления) видного американского психолога М. Рокича, который полагал догматизм центральным конструктом "авторитарной личности" как когнитивной организации, формирующей нетерпимость или избирательную терпимость к другим. Однако некоторая смена методологических установок не привела к принципиальным изменениям в понимании экстремизма в рамках подобного "социально-психологического" подхода, который, в значительной мере не смог преодолеть слабые места, отмечавшиеся еще в работах Э. Хоффера и Р. Хофстадтера.

Во-первых, попытки объяснить сложные социальные явления посредством изучения взглядов, настроений отдельных людей предстают как многократно подвергнутый критике психологический редукционизм.

Во-вторых, данный подход практически игнорирует идейные основания анализируемых политических движений, их специфику, различия социального контекста.

В-третьих, социально-психологические теории не учитывают динамику и развитие феномена экстремизма как изменчивого, гибкого социально-политического явления.

В-четвертых, данные концепции характеризуют "экстремизм" как относительное понятие, содержание которого определяется в зависимости от ему парного, отражающего некую норму, отклонением от которой экстремизм и является, что возвращает нас, по выражению Д. Дж. Маллой, к использованию "стилистических критериев в других одеждах" – к рассмотрению экстремизма как "крайности" с позиции большинства [19, с.21, 29].

Другое исследовательское направление в изучении экстремизма акцентирует внимание не на действиях экстремистов, их психологических особенностях, а на специфических характеристиках идеологических доктрин – экстремизм рассматривается как форма отрицания принципов либеральной демократии, провозглашающих необходимость достижения мирными средствами баланса власти большинства с правами личности и меньшинств.

В формировании теоретического ядра данного подхода большую роль сыграли труды "одного из величайших интеллектуалов нашего времени" (по оценке американского философа Ф. Фукуямы), социолога Сеймура Мартина Липсета (1922-2006 гг.), который, смог поставить изучение интересующего нас явления на прочную

методологическую основу, во-первых, последовательно определив в качестве теоретического фундамента новые для 50-х – 70-х гг. XX в. концепции политического процесса, и во-вторых, используя в качестве материала для обобщений эмпирическую базу широких социологических исследований.

Одним из первых обращений Липсета к проблематике экстремизма стала статья "Источники «радикальной правой»", опубликованная в упомянутом сборнике "Новая американская правая". В этой работе американский социолог обходит стороной проблему определения содержания понятия "экстремизм", его внимание концентрируется на изучении социальных корней североамериканских ультраправых организаций и доктрин, причин их возникновения, на построении циклической модели трансформации подобных феноменов как проявления смены периодов статусной политики (statuspolitics) и классовой политики. Однако в постановочной части данной работы Липсет, демонстрируя свои методологические ориентиры, пишет, что экстремизм "угрожает подорвать социальную ткань демократической политики", представляет собой угрозу демократическому процессу [16, с. 166].

Подобный подход получил развитие в работе Липсета "Политический человек: социальные основы политики" (1960 г.), в которой американский социолог в качестве форм экстремизма рассматривал ряд значительно различающихся социальных сил, в том числе фашизм, коммунизм (в отдельных случаях, с оговорками), маккартизм в США, перонизм в Аргентине, некоторые христианские хилиастические деноминации [14].

В работе "Политика абсурдности: Правый экстремизм в Америке, 1790-1970" Липсет в соавторстве с Э. Раабом посвящает объяснению сущностных черт

экстремизма (как правого, так и левого) целую главу. Приступая к анализу, ученые указывают на существование двух видов понимания экстремизма: 1) экстремизм как общая оценка отклонения от политической нормы; 2) экстремизм как специфическая тенденция к нарушению демократических процедур. И если первый подход является "более нейтральным и универсально приемлемым" ("политическая репрессия в стране, для которой репрессия является традицией, едва ли может быть названа экстремизмом"), то второе понимание "придает слову «экстремизм» особый аромат в эту политическую эру и в тех обществах, для которых традиционна политическая свобода" [15, с. 4].

Следуя подобным теоретическим установкам, Липсет и Рааб приходят к следующему определению: "Экстремизм означает выход за пределы нормативных процедур, которые определяют демократический политический процесс. Многие из этих процедурных норм сами постоянно пересматриваются. Но неизменным остается сердце демократического политического процесса" [15, с. 5]. Таким "центром" демократии называется "плюрализм" – "состояние общества, которое склонно защищать и лелеять независимое сосуществование различных политических единиц, этнических групп, идей" [15, с. 5].

Исходя из того, что плюрализм – это "сердце" демократического процесса, а экстремизм противостоит демократии, Липсет и Рааб приходят к выводу о том, что сутью экстремизма должно быть понятие, противоречащее плюрализму – "антиплюрализм" или "монизм" [15, с. 6], который "означает закрытие демократического рынка, значительным ли большинством или незначительным меньшинством" [15, с. 428].

Не претендуя на исчерпывающее перечисление, Липсет и Рааб также указывают ряд внешних черт

экстремистских доктрин: "упрощенчество" ("приписывание простых и единственных причин сложным событиям"); "историческое морализаторство"; стремление к осуществлению того, "что расценивается как «фундаментальная правда»"; склонность к популизму; использование "теории заговора"; представление о том, что управление обществом основано на манипуляции меньшинства большинством [15, с. 6, 8, 10, 12, 13, 18, 15].

Теоретическая модель экстремизма, представленная в работах Липсета, не идеальна.

Во-первых, предложенный подход основан в значительной степени на материале американского общества, об уникальности политического развития которого сам Липсет неоднократно говорил, в меньшей степени, на изучении развитых европейских стран. Потому требует особого внимания механический перенос подобных представлений на общества иных историко-культурных ареалов.

Во-вторых, основанием для построений Липсета являлась плюралистическая теория демократии, которая, сохраняя свои позиции в политологии, все чаще становится объектом критики. По этому поводу Д.Дж. Маллой пишет, "что кажущаяся нормальность, которую Липсет и Рааб считали «фиксированным духовным центром демократического политического процесса» – идеологическая конструкция" [19, с. 18].

Несмотря на отмеченные недостатки, концепция об антидемократической направленности, отрицании политического плюрализма как существенных свойствах экстремизма обрела значительное число сторонников в научных кругах и даже спустя десятилетия, прошедшие со времени своего возникновения, продолжает доминировать в социально-гуманитарном знании развитых стран. Например, в работе "Левые и правые" (1994 г.) один из

крупнейших итальянских мыслителей второй половины XX в. Н.Боббио, не ссылаясь на труды Липсета, приходит к близким выводам, акцентируя внимание на общем для экстремистов отрицании демократических ценностей [2].

Доктор философии по политическим наукам, доцент Школы политической науки Университета Хайфы Д.Канетти-Низим(Израиль) рассматривает "политический экстремизм в терминах индивидуальных проявлений поддержки антидемократических настроений" [7, с. 40].

Доктор философии, профессор политики Нью-Йоркского университета Р.Хардин противопоставляет экстремизм и "нормальную" демократическую политику [11].

Исследователь факультета международных отношений Лондонской школы экономики М.Ебата пишет, что определение экстремизма "является не столько вопросом определения его проявлений, сколько выявлением элементов, которые бросают вызов некоторым из основных принципов демократии и демократического государства". И приходит к выводу о том, что экстремизм "направлен на ликвидацию современного демократического государства" [8, с. 33].

Голландский политолог, преподающий в американском Университете Де Паув, К. Мадди пишет, что в ФРГ определение экстремизма, как политического феномена, направленного против демократии, является доминирующим[18, с.11-12]. К аналогичному выводу в ходе анализа немецкой научной литературы приходит отечественный исследователь Е.П. Сергун[3, с. 3, 25].

В пользу влияния данного подхода в немецкомсоциально-гуманитарном знаниисвидетельствует признание научной общественностью ежегодника с характерным названием "Экстремизм и демократия", который издается с 1989 г. профессором Технического

университета Дрездена У.Бэксом и профессором Технического университета в Хемнице Э.Джесси.

Другой немецкий ученый, профессор политических наук Свободного университета Берлина Р.Стёсс также определяет экстремизм как "совокупность антидемократических взглядов и моделей поведения, направленных против парламентской/плюралистической системы правления"[22].

В качестве явного свидетельства, подтверждающего факт широкого распространения представлений о сущности экстремизма как антидемократического феномена, может быть рассмотрено использование описанной концепции как теоретической основы ряда правовых документов европейских стран. В частности, Резолюция Парламентской ассамблеи Совета Европы 1344 (2003 г.), утверждает, что экстремизм – "форма политической деятельности, которая открыто или завуалировано отрицает принципы парламентской демократии" [20].

Оказывая значительное влияние на изучение экстремизма, описанные основные концепции, которые условно могут быть названы "социально-психологической" и "политологической", не исчерпывают всего разнообразия попыток осмысления экстремизма. Несмотря на наличие серьезной традиции теоретического анализа экстремизма, в зарубежной литературе и на современном этапе иногда воспроизводятся подходы, основывающиеся на словарном понимании экстремизма, многократно ранее подвергнутом критике.

В частности, исследователь из Университета Иллинойса С.И. Аткинс(США) в "Энциклопедии современного международного экстремизма и экстремистских групп" приводит определение экстремизма как "движения, группы или организации", "которые

отклоняются от нормальных экономических, политических, религиозных или социальных стандартов. ... Хотя уголовные преступники и попадают под это определение, они редко действуют более чем на личную выгоду или психологическое принуждение. Экстремисты же обладают повесткой дня, которая выходит за пределы личной выгоды и психологического принуждения" [6, с. ххi].

Профессор экономики и содиректор Группы политэкономических исследований Университета Западной Онтарио Р.Уинтроб (Канада) пишет: "Лица или движения могут быть названы экстремистскими, потому что их взгляды по некоторым вопросам далеки от мейнстрима, или потому что они используют насилие для достижения собственных целей, или потому что они жестки и нетолерантны к другим точкам зрения" [24, с. 6]. К моральным нормам как некоему критерию экстремизма обращается профессор политических наук факультета международного мира и разрешения конфликтов Ратгерского университета М.И. Мидларски (США) [17, с. 337-359].

Теоретическая слабость подобных взглядов с середины 50-х гг. XX в. аргументируется указанием на размытость понятия политической нормы, а также отсутствием в данных моделях четких критериев, позволяющих отличить нонконформизм, неортодоксальность, эпатаж, протест, существование которых является неотъемлемым признаком открытого общества, и несущий ему угрозу экстремизм.

Дальнейшее изучение развития теоретических подходов к изучению экстремизма в научной литературе иностранных государств будет способствовать углублению теоретической проработки проблематики экстремизма, в том числе посредством сокращения некоторого отрыва отечественной науки от зарубежного социально-

гуманитарного знания.

Примечания:

1. *Адорно Т.* Исследование авторитарной личности / Под общ.ред. В. П. Култыгина. – М.; Серебряные нити, 2001. – 416с.
2. *Боббио Н.* Правые и левые // Неприкосновенный запас. – 2003. – №5(31). [Электронный ресурс] / Боббио Н. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2003/5/bobbio.html> (дата обращения: 15.11.2010).
3. *Сергун Е. П.* Экстремизм в российском уголовном праве: диссертация ... кандидата юридических наук / Саратовская государственная академия права / Сергун Е.П. – Тамбов, 2009. – 235 с.
4. *Хоффер Э.* Истинноверующий: Мысли о природе массовых движений / Хоффер Э. – Минск: ЕГУ, 2001. – 200 с.
5. A universal and critical dictionary of the English language: to which are added Walker's Key to the pronunciation of classical and Scripture proper names, much enlarged and improved, and a pronouncing vocabulary of modern geographical names / J.E. Worcester; J. Walker. – Boston: Wilkins, Carter, and Co., 1849. – 956 p.
6. *Atkins S. E.* Encyclopedia of Modern Worldwide Extremists and Extremist Groups / Atkins S. E. – Westport, CT.: Greenwood Press, 2004. – 404 p.
7. *Canetti-Nisim D.* Two Religious Meaning Systems, One Political Belief System: Religiosity, Alternative Religiosity and Political Extremism / Canetti-Nisim D. // Religious Fundamentalism and Political Extremism / Ed. by L. Weinberg, A. Pedahzur. – L.: Frank Cass, 2004. – Pp. 35-54.
8. *Ebata M.* Right-Wing Extremism: In Search of a

- Definition / Ebata M. // *The Extreme Right: Freedom and Security at Risk* / Ed. by A. Braun, S. Scheinberg. – Boulder, CO: Westview Press, 1997. – Pp. 12-35.
9. *George J. Nazis, Communists, Klansmen, and Others on the Fringe: Political Extremism in America* / George J., Wilcox L. –Buffulo, NY: Prometheus Books, 1992. – 523 p.
 10. *GruenA. An unrecognized pathology: The mask of humaneness* / GruenA.// *Journal of Psychohistory*. – 2003. – Vol. 30(3). –Pp. 266-272.
 11. *Hardin R. The Crippled epistemology of extremism* / Hardin R. // *Political Extremism and Rationality* / Ed. by A.Breton, G.Galeotti, P.Salmon, R. Wintrobe. – Cambridge - NY: Cambridge University Press, 2002. – Pp. 3-22.
 12. *Hofstadter R. J. The Paranoid Style in American Politics* / Hofstadter R. J.// *The Paranoid Style in American Politics and Other Essays*. –Cambridge, Mass.: Harvard university press, 1996. – Pp. 3-40.
 13. *Hofstadter R. J. The Pseudo-Conservative Revolt* / Hofstadter R. J.// *The New American Right* / Ed. by D. Bell. –NY: Criterion Books, 1955. –Pp. 33-55.
 14. *Lipset S. M. Political Man: The Social Bases of Politics* / Lipset S. M. –Garden City, NY: Doubleday, 1960. –436 p.
 15. *Lipset S. M. The Politics of Unreason: Right Wing Extremism in America, 1790-1970* /Lipset S. M., Raab E.– NY: Harper & Row, 1970. – 554 p.
 16. *Lipset S.M. The Sources of the "Radical Right"* / Lipset S.M. // *The New American Right* / Ed. by D. Bell. – NY: Criterion Books, 1955. – Pp. 166-233.
 17. *Midlarsky M. I. Origins of Political Extremism: Mass Violence in the Twentieth Century and Beyond* / Midlarsky M. I.–Cambridge: Cambridge University Press, 2011. – 442 p.
 18. *Mudde C. The Ideology of the Extreme Right* /Mudde –

Manchester, England: Manchester University Press, 2000. –225 p.

19. *Mulloy D. J. American Extremism: History, Politics and the Militia Movement* / Mulloy D. J. – NY: Routledge, 2004. –249 p.
20. Resolution 1344 "Threat posed to democracy by extremist parties and movements in Europe". Adopted by The Parliamentary Assembly on 29 September 2003 (26th Sitting) // СайтСоветаЕвропы. [Электронный ресурс] / http://assembly.coe.int/Documents/AdoptedText/ta03/ERE_S1344.htm. (дата обращения: 15.11.2010).
21. *Salmon P. Extremism and Monomania* / Salmon P. // *Political Extremism and Rationality* / Ed. By A. Breton, G. Galeotti, P. Salmon, R. Wintrobe. –Cambridge - NY: Cambridge University Press, 2002. – Pp. 69-88.
22. *Stoss R. Politics Against Democracy: Right-Wing Extremism in Western Germany* / Stoss R. – Oxford: Berg, 1991. xvi+272 p.
23. *The New American Right* / Ed. by D. Bell. –NY: Criterion Books, 1955. –260 p.
24. *Wintrobe R. Rational Extremism: The Political Economy of Radicalism* /Wintrobe R.–Cambridge – NY: Cambridge University Press, 2006. – 298 p.

2.5. ПОЗИТИВНАЯ АССИМИЛЯЦИЯ ЭКСТРЕМИЗМА: МИНОРИТАРНАЯ МЕТОДОЛОГИЯ КАК ПОДХОД К ОБЕСПЕЧЕНИЮ ДОСТОВЕРНОСТИ ВЫВОДОВ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

Социальный ученый всегда является частью той реальности, которую он изучает, поэтому, по определению, не может занимать отстраненную, исключительно

объективистскую позицию. Ангажированность, вольная или невольная, является важным фактором, влияющим на мировоззрение, онтологические и эпистемологические установки исследователя. Поэтому истинность (в смысле отношения к реальности) выводов социальной науки, очень часто может быть поставлена под сомнение на основании совпадения их с интересами той социальной группы, которая осуществляет научную деятельность. Причем в качестве субъекта сомнения, в таком случае, чаще всего выступают представители более или менее экстремистски настроенных сил, так как у сторонников доминирующей парадигмы критическая мотивация, по определению, гораздо слабее. Критиками господствующей точки зрения в социальной науке в разное время становились левые радикалы, феминистки, постколониалисты, квир-теоретики, и многие другие, подобные им последователи идеологий меньшинств. Все они, на протяжении второй половины XX – начала XXI века, создали категориальный и методологический арсенал, который позволяет, так или иначе, подрывать авторитет любого тезиса, выдвигаемого социальными исследователями. Причем речь идет не только о консервативных, но и сколь угодно либеральных и радикальных тезисах, поскольку многие инструменты критического арсенала оказываются обоюдоострыми.

Сложившаяся ситуация может рассматриваться как кризис децентрализации и фрагментации социального знания, выражающийся в росте узкой специализации и разрыве связей между локальными теоретическими школами. Однако, с другой стороны, многочисленные экстремистские идеологии, будучи ассимилированными, создают предпосылки для использования крайних, радикальных точек зрения в качестве инструмента установления достоверности выводов социальной науки.

Результаты исследования, которые выдерживают критический тест сразу во многих теоретических плоскостях, могут быть признаны весьма надежными и достоверными. Таким образом, позитивное использование отдельных (прежде всего, эпистемологических) тезисов экстремистских идеологий открывает новые возможности для обоснования социального знания. В представляемом далее вниманию читателей материале мы систематизируем некоторые черты той совокупности критических методов и концептов, которую предложили представители различных теорий, исходящих из перспективы социальных меньшинств.

Первой и наиболее фундаментальной чертой миноритарной методологии является актуализация социальных различий. Именно различие служит базовым, конститутивным принципом конструирования социальной реальности. Это логически следует из отношений сходства и тождества. Тождество объектов, отсутствие между ними каких либо отличий, приводит к их «схлопыванию» в один объект. Сходство же нуждается в способности воспринимающего субъекта разделять объекты в своём сознании, значит сходство – это функция не тождества, а различия, и любая возможная онтология, описывающая более одного сущего, опирается на этот принцип. Но даже после теоретической деонтологизации и сведения к одному из ряда понятий рефлексии, различие «позволяет перейти от подобных соседних видов к тождеству включающего их рода, т.е. выделить или вычленить родовые тождества в потоке непрерывного чувственного рода» [4, с. 53]. Поэтому основной идеей общественных движений меньшинств, как правило, становится идея несоответствия между каждым отдельно взятым представителем этих меньшинств и стереотипами, накладываемыми на них доминирующими социальными группами. Согласно

принципу «тождества неразличимых», выведенному еще Лейбницем, не существует двух абсолютно не дифференцированных субстанций, поскольку, если допустить их существование, то эти две субстанции неизбежно совпадут и станут единой тождественной субстанцией [5, с. 450]. В социальных терминах это означает невозможность унифицированного описания общественных групп и заведомую логическую неадекватность стереотипов: любые системы высказываний, построенные на обобщающих социальных определениях типа «хитрые евреи», «агрессивные кавказцы» или «глупые женщины», легко поддаются рациональному опровержению. Нет ничего легче, чем доказать их неуниверсальность.

Миноритарная методология, «расколдовывающая» сходства, позволяет выработать подход, учитывающий тотальную партикулярность социальной реальности. Она базируется отнюдь не на этическом императиве защиты интересов угнетенных (хотя это, безусловно, важный мотив), а на том простом факте, что кроме меньшинств и конструируемых ими символических универсумов в обществе ничего больше и не существует. Основной вопрос миноритарной методологии состоит в том, кто определяет господствующий символический порядок. Основной ответ на него: группа, наиболее способная к насилию.

Под насилием мы, разумеется, понимаем не прямое физическое, а социально-символическое насилие, обеспечивающее интернализацию господствующего дискурса. Проблема состоит в избирательном игнорировании одних типизирующих социальных различий и актуализации других. Наиболее ясно это видно на примерах возрастной, расовой и гендерной дифференциации, которые всегда редуцируются до

анатомо-физиологического критерия.

Сам факт конституирования социального неравенства биологическими признаками еще не является основанием для делегитимации социального порядка. Скорее наоборот, сопряженность различий, происходящих из, казалось бы, независимых символических универсумов (например, природа и культура) может способствовать идеологической натурализации status quo. Что наблюдается в любых рассуждениях о «естественных» ролях мужчин и женщин, биологических различиях в интеллекте разных этносов и т.п. Подобная натурализация работает по принципу круговой отсылки (это не совсем *circulus in demonstrando*, потому что, как правило, в повседневных идеологических практиках отсутствует логическое членение процесса доказательства), констатирующей законность дискриминации на основе ее широкого распространения, и оправдывающей такое распространение «естественными» законами. Политический плюрализм и демократическая система не образуют условий, достаточных для миноритарной критики. «Демократическая» иллюзия относительно демократии заключается в том, что *забывается о существовании определенных условий, обеспечивающих доступ к сформированному и высказываемому политическому мнению* [3 с.121].

Второе основание миноритарного подхода является прямым следствием лейбницевского принципа. Если все члены общества бесконечно отличаются друг от друга, то их объединение в какие-то группы, по большому счету, произвольно. Таким образом, мы приходим к пониманию социального сходства как неузнавания различий: образование общностей состоит в избирательном игнорировании одних типизирующих социальных признаков и актуализации других. Так как это обратимая ситуация, меньшинства используют подобную логику,

когда демонстрируют присутствие среди доминирующих групп тех же недостатков, которые приписываются доминируемым (например, высокого уровня преступности), тем самым, дезавуируя расистские (в широком смысле слова) притязания на превосходство. Дело в том, что, если некоторые различия между социальными общностями признаются легитимными, «то они становятся знаками (естественного) отличия, функционирующими как символический капитал и способными обеспечить ренту за отличие, тем более высокую, чем более они дефицитны» [2, с. 269]. Такой процесс требует, с одной стороны, социальной дифференциации и даже сегрегации, с другой – групповой консолидации. И если второе условие обеспечивается забвением различий, то первое – произволом в этом забвении, стремящимся максимизировать символическую прибавочную стоимость, т.е. размер ренты за отличие. Рентой за отличие детей от взрослых служит практически неограниченная власть последних. Она основана на забвении того факта, что поведение совершеннолетних людей зачастую бывает гораздо более неразумным и безответственным, чем поведение большинства детей.

В качестве третьего признака миноритарной методологии служит своеобразный взгляд на общество, согласно которому оно сплошь состоит из меньшинств. Это положение – следствие первых двух принципов. Отсутствие индивидов, между которыми наблюдалось бы полное социальное сходство, делает все критерии общественного деления относительными, а это, в свою очередь, ведёт к возможности выделения такого количества социальных групп, что ни одна из них практически не способна образовать значимое большинство. Скажем, патриархальный тезис о превосходстве мужчин над женщинами, выделяя мужчин в качестве единой группы,

игнорирует возможное разделение их по таким признакам, как: сексуальная ориентация, образование, профессия, национальность, политические взгляды, религия, возраст, и т.д. Любой из этих критериев может быть актуализирован в любой момент, что неизбежно превратит часть доминирующей группы в меньшинство. Так подрывается восходящая к платонизму нормативная онтология, предполагающая существование идеального образца, который люди просто копируют в своих действиях. Эти образцы – не способы существования социальной реальности, а лишь способы ее описания высокоформализованными институциями (наукой, правом, религией и т.п.).

Взаимодействие макросоциального организма с меньшинствами и их субкультурами неизбежно является насилием с миноритарной точки зрения, поскольку требует универсализации уникального символического порядка, устанавливаемого в жизненном мире меньшинства.

В связи с этим необходимо выделение особой группы меньшинств, называемых «элитами», практики которых и порождают универсальный дискурс. Меньшинства, не обладающие привилегией конструирования дискурса общественных отношений, представляют собой «Id» (фрейдистское «Оно») общественного сознания. Это особенно справедливо применительно к общностям, конституированным биологическими признаками: полом, возрастом, расой. Поэтому они и подвергаются цензурированию принципом реальности идеологии господствующих социальных групп, дискурсивному вытеснению из доминантных областей социального пространства, таких, как образование, политика, бизнес.

Четвертое основание, общее для всех миноритарных подходов – социокультурный релятивизм. В обществе, состоящем из меньшинств, по определению не может быть

единой нормативно-ценностной системы. В случае ранней занятости это означает размывание категорий пользы и вреда, поскольку различные социальные группы имеют право придерживаться совершенно непохожих представлений, как о трудовом процессе самом по себе, так и о его полезности для подрастающего поколения. Например, в некоторых общностях желательными могут быть дисциплина и ответственность, а в других – свободомыслие и творчество.

Социокультурный релятивизм приводит к возникновению пятого отличительного признака миноритарной методологии – признанию равноценности всех возможных субкультур. Осуществление этого признания означает, по сути дела, отмену концепции субкультуры в смысле разновидности (чаще всего «испорченной») некой «общей» культуры [8]

Важнейшая черта миноритарного подхода – активная политическая позиция. Все успешные классовые, гендерные, национальные, расовые и т.п. движения начинались не только с научного анализа положения угнетенных социальных групп, но и с гражданского протеста против нарушения их прав и относительно худших условий жизни. Необходимость для миноритарной точки зрения в особой политической активности возникает потому, что идеологический плюрализм и демократическая система сами по себе еще не образуют условий, достаточных для критики существующего социального устройства со стороны меньшинств. По замечанию Э. Бенвениста, «все семиотические подсистемы внутри общества будут системами, интерпретируемыми языком, поскольку общество все их включает в себя и само общество интерпретируется через язык» [1, с.79]. То есть привилегированная позиция вне социальной системы, которая позволяла бы её однозначно описывать,

отсутствует.

Процедура описания объекта предусматривает его помещение в систему родо-видовых отношений. Однако никаких других обществ, кроме человеческого, мы не знаем, и, несмотря на всё разнообразие его форм, нам просто не с чем сравнивать. Здесь можно применить тезис Н. Лумана о том, что относительно общества, «возможны две формы рефлексии тождества системы: тавтологическая и парадоксальная. Соответственно можно сказать: общество есть то, что оно есть; или же общество есть то, что оно не есть» [6, с.197]. Подобное определение становится актуальным в результате глобализации, когда стираются различия в символических порядках географически локализованных социумов, и все общественные процессы приобретают эндогенный характер.

Институционально логической схеме Лумана соответствует манхеймовская оппозиция идеологии, как знания об обществе, продуцируемого господствующим классом, и утопии, как социальной теории угнетенных [7, С.52-95]. Содержательно же тавтология и парадокс функционируют при помощи риторического механизма, который детализируется у Р. Якобсона [9, 1996], выделяющего отождествление явлений разного рода по сходству (метафора) и по смежности в пространстве (метонимия). Второе представляет собой, как правило, уравнение части и целого. В свете вышесказанного, можно скомпоновать тенденции самоописания общества, представленные в таблице 1.

Таблица 1. Сопряженность форматов самоописаний общества

Практический аспект	Институцио	Логически	Риторический аспект
	-	й	

	нальный аспект	аспект	
критика	утопия	парадокс	метафора
легитимаци я	идеология	тавтология	метонимия

Как видим, господствующий дискурс обладает тенденцией к информационному вырождению, замыкаясь на легитимации метонимических тавтологий. Развитие общественных отношений происходит за счет парадоксальной критики, осуществляемой меньшинствами. В глобальном сообществе такая критика становится наиболее важным фактором самотрансценденции социальной системы, потому что она исходит от групп, локализованных не в физическом, а в социальном пространстве.

Примечания:

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.
2. Бурдые П. Практический смысл. СПб., 2001.
3. Бурдые П. Социология и демократия// Поэтика и политика.М.–СПб.,1999.
4. Делез Ж. Различие и повторение. СПб., 1998.
5. Лейбниц Г. В. Переписка с Кларком // Лейбниц Г. В. Сочинения: В 4 т. М.: Мысль, 1982. Т. 1. С. 430-528.
6. Луман Н. Тавтология и парадокс в самоописаниях современного общества // Социо-Логос.М.,1991.
7. Манхейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994.
8. Хойруп Т. Модели жизни. СПб., 1998.
9. Якобсон Р. О. Два вида афатических нарушений и два полюса языка // Якобсон Р. О. Язык и бессознательное. М., 1996.

2.6. ПОЛИТИКА КАК ИСТИННАЯ ПРИЧИНА И ДВИЖУЩАЯ СИЛА ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА

В последние два десятилетия в нашу не только политическую и информационную, но и бытовую жизнь прочно вошло слово «экстремизм». Не проходит и дня, чтобы средства массовой информации не сообщили нам об очередном экстремистском действии или происшествии, связанном с ним, а затем граждане в различных уголках земного шара не обсудили бы экстремистское событие за чашкой чая или по дороге на работу. В результате экстремизм до того вошел в наш обиход, что его стали воспринимать как нечто само собой разумеющееся и обыденное. И никого уже не удивляет, что на входе в различные места скопления народа – в культурно-увеселительные заведения, музеи, аэропорты, а также в различные крупные офисы – необходимо проходить через рамки металлоискателей и подвергать досмотру имеющиеся при себе сумки. Таким образом, экстремизм превратился в обыденность, в элемент нашей повседневной жизни.

Однако что есть экстремизм? Толковый словарь Д.Н. Ушакова определяет его как «склонность, приверженность к крайним взглядам и мерам, преимущественно в политике» [1]. Интересно, что аналогичные формулировки, которые практически слово в слово повторяют эту, можно найти и в других словарях [2, 3, 4, 5, 6, 7 и др.]. При этом обращает на себя внимание тот факт, что какой бы словарь или любое иное справочное издание мы бы не взяли, обязательно в конце определения, возможно, в скобках или с припиской «преимущественно», «как правило», «обычно» и т.п. мы найдем отсылку к политике или политической сфере.

Обращаюсь далее к справочным изданиям, чтобы выяснить, какие бывают разновидности экстремизма и все ли экстремистские действия напрямую или косвенно имеют отношения к политике. Первая разновидность, которую я нахожу – это религиозный экстремизм. В чем его суть? В «Словаре конфликтолога» отмечается, что эта разновидность экстремизма проявляется в «стремлении к крайним взглядам» (остается лишь вопрос, что за этим стремлением стоит), а также в «стремлении наиболее фанатичных групп верующих, руководителей и активистов религиозных организаций, а также околоцерковных кругов любыми методами, в том числе и противозаконными, затормозить кризисные процессы, протекающие в том или ином культе, добиться определенных целей». И далее: «Исторический опыт свидетельствует, что одной из причин религиозного экстремизма, наряду с социальной несправедливостью, ошибками в государственно-церковных отношениях, была деятельность отдельных личностей, стремящихся к власти, лидерству или личному обогащению». Поэтому религиозный экстремизм экстремистски настроенных лиц, стремящихся к своим целям, инициирует или «провоцирует конфликтные действия и рано или поздно вторгается в сферу государственной компетенции, смыкаясь с политическим экстремизмом» [8]. Отсюда и религиозный экстремизм, так или иначе, рано или поздно приводит к политическому экстремизму или является его разновидностью.

Дальнейшие поиски по справочным изданиям разновидностей экстремизма приводят к так называемому языковому, или лингвистическому экстремизму. Вот уж воистину неожиданный поворот. Скорее всего, здесь мы имеем дело совсем не с политическим явлением. Однако выяснение сути этого понятия опять приводит нас к политике. Так, под этой, то есть языковой или

лингвистической, разновидностью экстремизма понимают «стремление создать вместо единого литературного языка несколько литературных языков путем придания статуса литературных языков отдельным диалектам...». Так, «Некоторые политики и лингвисты пытаются добиться признания валенсийского диалекта каталанского языка самостоятельным языком». Казалось бы, это не имеет никакого отношения к политике. Но на практике все оказывается иначе: «этот процесс идет в рамках реализации идей национального сепаратизма» [9].

Еще одной разновидностью экстремизма является национал-экстремизм, или экстремизм на национальной почве. Он выражается в «идеологии и практике использования силы как самого эффективного средства решения национального вопроса. Он характеризуется нетерпимостью к другим нациям и расам, верой в национальную исключительность, догматизмом, нетерпением, максимализмом, отсутствием чувства реальности». [10]. Если национал-экстремизм поднимается на государственный уровень, то в основе его лежит «стремление части правящей элиты укрепить свое господство за счет демонстрации силы, разжигания ненависти населения к "иностранцам", территориальных приобретений и т.д.» [10]. И, безусловно, все это не оставляет в стороне и политику, воплощающуюся в действиях правящих элит. Данное замечание подтверждается тем, что национал-экстремизм проявляется в межнациональных конфликтах, которые определяются, в том числе, и как «одна из форм обострения политической обстановки, национальных отношений внутри многонационального государства» [11]. Однако даже если создается такое впечатление, что то или иное проявление национал-экстремизма не поднимается до государственного уровня и, будучи вызванным социальной

неоднородностью общества, различиями в уровнях доходов, власти, престижа и т.д., реализуется лишь на бытовом уровне, то тщательное изучение фактов подобного экстремизма все равно приведут нас пусть даже к косвенному, но отношению к политике. Ведь и социальная неоднородность общества, и различия в уровнях доходов, власти, престижа и т.д. не возникают самопроизвольно, а являются результатами той или иной проводимой политики.

Итак, беглый экскурс в разновидности экстремизма с очевидностью показал, что в большинстве случаев за экстремистскими действиями стоят либо явные, либо неявные политические интересы или силы. Но «в большинстве случаев» не означает «всегда». Существуют и случаи так называемого «бытового» экстремизма, который выражается именно в приверженности к крайним действиям. Примером подобной разновидности экстремизма может служить потребительский экстремизм, суть которого кратко можно охарактеризовать как поведение потребителя товаров и услуг, нацеленное лишь на то, чтобы получить определенную выгоду и доход от манипулирования «законодательством о правах потребителей в корыстных целях» [12]. Однако данная разновидность, хотя и является экстремизмом, не столь распространена и затрагивает не столь большую сферу социальной жизни (не в смысле того, что сфера потребления мала, а в смысле того, что подобная разновидность экстремизма носит единичный характер). Основная же часть экстремизма как социального явления и его проявлений имеет ту или иную политическую подоплеку, даже если мы имеем дело с такой разновидностью экстремизма как экстремизм в Интернете, который, по сути, сводится к активной пропаганде и романтизации тех или иных идей.

Следует отметить, что близким по смыслу к «экстремизму» является понятие «терроризм». Примечательно, что и оно в основном имеет политическую окраску. Так, в Универсальной научно-популярной онлайн-энциклопедии «Кругосвет» терроризм напрямую связывается с политикой и определяется как «один из вариантов тактики политической борьбы, связанный с применением идеологически мотивированного насилия» [13]. А в «Политологическом словаре-справочнике» смысл понятия терроризм раскрывается как «нелегальная форма политического участия, осуществление политической борьбы средствами запугивания, насилия, физической расправы с политическими противниками» [14]. На связь терроризма с политикой указывается и в других справочных изданиях: «Терроризм (от лат. terror – страх, ужас) – это форма, метод социально-политической борьбы, осуществляемые путем систематического применения неограниченного насилия или угрозы его применения, вплоть до убийства, в целях устрашения, подавления и уничтожения политических и др. противников» [15]; «Терроризм – идеология и политика, основным орудием которых является террор. Состоит в систематическом применении ничем не ограниченного, не связанного с военными действиями насилия, преследующего цель устрашения и подавления политических и др. противников» [16].

Несмотря на то, что «экстремизм» и «терроризм» являются взаимопересекающимися понятиями и провести четкую грань между ними сложно, все же представляется возможным отметить, что в отличие от терроризма, нацеленного на достижение искомого результата с помощью запугивания и приведения в ужас противной стороны, экстремизм нацелен лишь на крайние меры достижения результата. При этом, подчеркну еще раз, и за

экстремистскими, и за террористическими действиями явно или неявно стоят политические силы и интересы. Именно завязанность на политику делает задачу предотвращения экстремистских и террористических действий чрезвычайно трудной.

Только что сделанный промежуточный вывод о политической подоплеке экстремизма и терроризма ставит под очень серьезное сомнение, хотя и гуманистическую, но во многом утопическую идею о том, что посредством этического образования, а также духовного воспитания человека (не без участия в этом воспитании традиционных конфессий) вполне возможно предотвращать экстремизм и терроризм или вести их продуктивную и действенную профилактику. Ведь еще великий Никколо Макиавелли сделал гениальное открытие, обнаружив и объяснив, что мораль и политика представляют собой отдельные, нигде не пересекающиеся сферы, и заявив, что политика вне морали [17]. Подчеркну: не аморальна, а внеморальна. И, несмотря на то, что являюсь активной сторонницей этического образования и в школе и в вузе, я с полной уверенностью и ответственностью могу сказать, что в плане профилактики или предотвращения экстремизма или терроризма, движимыми политическими целями и силами, это образование практически бессильно и непродуктивно. Оно разве что способно помочь людям, ставшим жертвами теракта, если им посчастливится выжить и пострадать минимально, с честью выйти из ситуации, в которой они оказались по иронии судьбы.

Кстати, внимательное прочтение наследия Макиавелли [17] позволяет увидеть, что в деятельности правителя, государя он выделяет две сферы: личную, частную или приватную, и общественную, публичную или политическую. В сфере приватной государь руководствуется законами и нормами морали, а в сфере

общественной – законами и нормами политики. То есть суть того, о чем писал Макиавелли, состоит в том, что в политике часто применяются иные категории, чем в частной жизни. Политика имеет свои собственные категории, свою собственную мораль, свои государственные соображения. Таким образом, координаты морали: «добро – зло», «хорошо – плохо» оказываются просто не применимыми к действиям правителя, государя, который руководствуется координатами политики: «порядок – хаос», «действительно – недействительно».

Кроме этического образования, а также духовного воспитания человека в качестве панацеи от экстремистских и бед и террористических актов, как правило, предлагается с начальной школы прививать детям терпимость и миролюбие в социуме. Вот и звучат ото всюду призывы к толерантности. Однако вряд ли в случае с экстремизмом и терроризмом подобные призывы возымеют действие. Это, практически, равносильно тому, чтобы уговаривать голодного человека отказаться от принесенной ему еды.

Примечания:

1. Ушаков Д.Н. Толковый словарь // <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/1096654>
2. <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/56279>
3. Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов. – М., 2006 // http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/446/%D0%AD%D0%9A%D0%A1%D0%A2%D0%A0%D0%95%D0%9C%D0%98%D0%97%D0%9C
4. Большой словарь иностранных слов. – М., Изд-во «ИДДК», 2007 // http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/446/%D0%AD%D0%9A%D0%A1%D0%A2%D0%A0%D0%95%D0%9C%D0%98%D0%97%D0%9C

5. Новый словарь иностранных слов // EdwART, , 2009 // http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/446/%D0%AD%D0%9A%D0%A1%D0%A2%D0%A0%D0%95%D0%9C%D0%98%D0%97%D0%9C
6. Толковый словарь иноязычных слов. – М., 2004.
7. Малый академический словарь. – М., Институт русского языка Академии наук СССР. Евгеньева А.П., 1957 – 1984.
8. Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Словарь конфликтолога. – М., 2009 // <http://vocabulary.ru/dictionary/887/word/yekstremizm-religioznyi>
9. Словарь социолингвистических терминов. – М., РАН. Институт языкознания. Российская академия лингвистических наук. Отв. редактор: д.филол.н. В.Ю. Михальченко, 2006 // http://sociolinguistics.academic.ru/951/%D0%AF%D0%B7%D1%8B%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B9_%D1%8D%D0%BA%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B5%D0%BC%D0%B8%D0%B7%D0%BC
10. Крысько В.Г. Этнопсихологический словарь. – М., 1999 // <http://vocabulary.ru/dictionary/1067/word/nacional-yekstremizm>
11. Пограничный словарь. – М., Академия Федеральной ПС РФ, 2002 // http://border.academic.ru/503/%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D1%84%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D1%82_%D0%BC%D0%B5%D0%B6%D0%BD%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B9
12. Потребительский экстремизм // <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%BE>

<http://krugosvet.ru/enc/istoriya/TERRORIZM.html>
<http://www.politike.ru/dictionary/866/word/terorizm>
<http://www.politike.ru/dictionary/437/word/terorizm>
<http://vocabulary.ru/dictionary/887/word/terorizm>

13. <http://krugosvet.ru/enc/istoriya/TERRORIZM.html>

14. Погорелый Е.Д., Филиппов К.В., Фесенко В.Ю.

Политологический словарь-справочник //

<http://www.politike.ru/dictionary/866/word/terorizm>

15. Болдонов А., Башинова Т., Тармаханов Е. Краткий словарь-гlossарий по политологии. – М., 2005 //

<http://www.politike.ru/dictionary/437/word/terorizm>

16. Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Словарь конфликтолога. – М., 2009 //

<http://vocabulary.ru/dictionary/887/word/terorizm>

17. Макиавелли Н. Государь (любое издание).

ГЛАВА 3. СОЦИАЛЬНАЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА ЭКСТРЕМИЗМА

3.1. ОБЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ИДЕОЛОГИИ ЭКСТРЕМИЗМА

Тема противодействия проявлениям экстремизма отвечает требованиям исследований с позиции междисциплинарного подхода, чтобы более полно осмыслить столь многоплановые явления.

Несомненно в сложившейся обстановке необходимо научное, непредвзятое аналитическое изучение причин, истории, генезиса явления экстремизма и различных его

проявлений, чтобы выявлять в какое идеологическое обличье одевается любое экстремистское движение находящееся вне человеческого сообщества.

Угроза стабильному развитию государства заложена в нищете, социальных бедах, безграмотности, голоде, безработице. Этот комплексный дестабилизирующий фактор в нынешнее время не только уменьшается, а приобретает вселенские масштабы противостояния по принципу «компаса» север-юг, восток-запад.

Именно в этой ситуации все громче заявляет о себе явление под названием – экстремизм. В результате появлению этого феномена способствует наличие в обществе недовольных, которые не получили социальные блага в полном объеме. Далее возникают идеи для самооправдания, увеличения числа единомышленников, организации конкретных действий, чтобы, прикрываясь идеологией, которую приемлет определенная социальная группа осуществить политические перемены и перераспределить блага. При этом все социальные неурядицы являются благодатной почвой для посева и прорастания семян экстремизма под прикрытием декларирования различных идеологических лозунгов.

Сегодня следует учитывать, что наиболее крайнее проявление экстремизма – терроризм стал более практичным. В отличие от терроризма времен «холодной войны», когда главной целью асимметричной борьбы являлась иллюзорная идеология всемирного мессианства, современные цели инициаторов раскручивания маховика «чумы 21 века» более практичные – это борьба не за публичную, а за реальную власть. Где терроризм является одним из инструментариев, с помощью которого эффективно можно достигать своих корыстных целей. Таковой является обратная сторона медали глобальных процессов происходящих в мире.

Не случайно все чаще специалисты в области террорологии приходят к единому мнению, что современный мир живет в эпоху «невидимой войны», которая идет на пространстве всей планеты, под прикрытием различных идеологических догм за сознание каждого человека, без какого - либо исключения, без перемирий, круглые сутки, с существенными потерями и жертвами.

Изучение этого вопроса следует начать с обоснования актуальности проблемы идеологии экстремизма для современного этапа развития российского общества. Идеология экстремизма, являясь социально опасным явлением, заняло в ряду этих многоплановых угроз одно из центральных мест. Проблема создания информационного щита распространению идеологии экстремизма в современном знании об обществе является наиболее сложной и наименее разработанной темой.

В разработку механизма изучения этого социального явления необходимо подходить:

1. Со стороны анализа предусматривающего изучение социально-культурных и социально-психологических механизмов формирования экстремистского мировоззрения и ориентированного типа личности.
2. Рассмотрение экстремизма как продукта целенаправленной деятельности идеологизированных групп различных направлений стремящихся к достижению социальных, политических целей с использованием экстремистских средств и методов реализации своих идеологических доктрин и удовлетворение своих социальных интересов.

Чтобы разобраться с этим явлением следует дать ответить на следующие вопросы:

- Понятие идеологии?
- Что же такое идеология экстремизма?
- Из каких элементов экстремизм, состоит, и какой из них

является главенствующим?

Ответов на эти вопросы сегодня множество. Но при всем этом разнообразии разъяснений феномена экстремизма по-прежнему является чудовищной загадкой, где основополагающую роль играет идеологический фактор.

Специалисты - террологи всего мира изучают разрушительную силу деструктивных идеологий, которые сначала захватывают и разрушают сознание индивидуума, который впоследствии становится потенциально опасным элементом для общества.

За последние 30 лет рост масштабов и география этого явления тому подтверждение. Если с 1970 по 1980 год во всем мире было совершено около 2000 террористических актов, то за период с 1980 по 1986 число их удвоилось, а в начале 21 века это число можно умножать на четыре раза {1, с. 26}. Подобному угрожающему распространению радикальных идеологий различных направлений способствует возрастающий компонент каналов распространяющих информацию.

Рассматривая идеологическую сущность экстремизма, следует помнить, что он скрывается под различными масками, которые напрямую не связаны с прямыми ультра - радикальными пропагандистскими лозунгами. Это явление настолько многогранно, что в нем соседствуют различные идеологические фундаменты.

Чтобы понять сущность возникновения той или иной экстремистской идеологии следует обратиться к экономическим и социальным условиям жизни общества. По Ральфу Дарендорфу, «неравенство и власть продолжают быть мощными факторами столкновения интересов и борьбы» {2, с. 74}. В подобном случае возникает первоначальное состояние конкурирующих групп - потенциальный конфликт. С последующим развитием и

переходом его в плоскость реального противостояния, когда друг другу начинают противостоять конкретные индивиды.

На первый взгляд кажется, что процессы политических конфликтов и взаимодействий, обусловленных различиями целей и интересов участников политического процесса непредсказуемы. Хотя в реальности обнаруживается определенная последовательность их действий, которые подчинены определенной логике. Этим фактором выступает политическая идеология, как стимулирующий фактор, чтобы лидер за собой повел возмущенный люд.

Понять, почему авангардом любого политического направления является идеология, следует обратиться к его определению. Политическая идеология (от греч. «ideo» – понятие и «logos» - знание) – эта система идей, взглядов, представлений, содержащая теоретические (концептуальное) осмысление политического бытия с точки зрения интересов, потребностей, целей и идеалов определенных социальных групп и слоев, национальных образований. {3, с. 64}.

Идеология и идейно-политические течения занимают особое место среди форм и направлений политической мысли соединяющие в себе способ разьяснения политической реальности и способ политического действия выражающейся в рациональной модели и эмоциональном настрое, что позволяет человеку иметь целостный тип ориентации в социально политической жизни.

Таким образом, выполняются следующие функции политической идеологии различных направлений:

1.Ориентационная - включает в себя основополагающие представления об обществе, социальном прогрессе, личности и власти, она задает систему смыслов и ориентаций человеческой деятельности.

2. Мобилизационная – предлагает идеалы более совершенного общества и выступает в качестве непосредственных мотивов политической деятельности и мобилизует общество, социальные группы на их реализацию.

3. Интегративная – наделяет смыслом политические действия в пределах предлагаемой фундаментальной картины мира, политические идеологии задают ему такую значимость, которая по своим масштабам превосходит любой индивидуальный или групповой интерес. Политические идеологии противостоят частным интересам и тем самым выступают интегрирующим фактором.

4. Амортизационная – будучи способом интерпретации политической действительности, политические идеологии служат усилению или ослаблению социальной напряженности в ситуации, когда возникает несоответствие между потребностями общества, группы, индивида и реальными возможностями их удовлетворения. Предлагаемые идеалы выступают в качестве вдохновляющих смыслов, заставляющих индивида, группу находить в себе силы после неудач вновь стремиться к активным действиям по их реализации. Выражение и защита интересов определенной социальной группы выражается в определенной политической идеологии, возникающей на базе интересов какой – либо социальной группы и призвана противопоставить этот интерес другим группам. Обоснование, оправдание и создание позитивного образа определенной линии политического поведения и действия, соответствующего интересам определенного класса, нации, государства, стимулирование действий граждан.

Эти функции политическая идеология выполняет благодаря двум свойствам:

- Претензии на тотальную значимость

□ Нормативность

Любая политическая идеология стремится подавить другие идеологии, заявить о своем великом призвании, изменить мир и использовать все во имя реализации выдвинутой идеи. Предлагаемая конкретной идеологией интерпретация требует приверженности со стороны ее сторонников ценностям и нормам, которые она культивирует {4, с.78}.

Данное явление включает ценности, которые, выступая в качестве мировоззрения определенной целевой аудитории, и обладает силой веры. Будучи частью теоретического сознания, его ядром, идеология способна оказывать огромное влияние на сознание широких масс, она превращается в мощную преобразующую силу {5, с. 112}. К. Маркс в своей работе «К критике гегелевской идеологии философии права» указывал, что «...теория становится материальной силой, как только она овладевает массами» {6, с. 422}.

Идеология играет великую роль в жизни общества. Она способна оказывать огромное влияние на ход общественного развития, приводит к крупным социальным преобразованиям. История показывает, что всем значительным общественным переменам обычно предшествовала идеологическая подготовка. Причем измененное под воздействием идеологии сознание масс, реализуясь в практической деятельности огромного количества людей, само начинает оказывать активное влияние на ход исторического развития – ускоряя или замедляя его.

Какое влияние – положительное или отрицательное – будет оказано на социальный процесс, в значительной степени зависит, какая идеология усваивается обществом. Исторически всегда побеждает та идеология, которая способна обеспечить ее усвоение широкими массами.

Соответственно политическая структура, продвигающая свое идеологическое направление способна повести за собой большинство людей. Поэтому каждая политическая организация стремится активизировать проведение своей идеологической линии в духовной жизни, усилить свое влияние на массы.

Сегодня экстремистские группировки различной политической направленности ведут активную борьбу за умы людей не только в своих странах, но и на всей планете. Они пытаются дестабилизировать общественно-политическую обстановку в регионах своих стратегических интересов, чтобы расколоть ряды тех, кто пытается противостоять этому злу. Их духовным оружием в этой борьбе является реакционная политическая идеология, которая представляет собой извращенное представление реальности затемняющая правильное понимание действительности. Таким образом, стараясь превратить стихийный протест отдельных представителей социума в сознательную борьбу и подвести их под негативное воздействие экстремистской идеологии.

Идеология экстремизма не является статическим явлением, она развивается вместе с обществом, которое его порождает. Немаловажную роль на уровень распространение экстремистской идеологии в обществе играют следующие факторы: политическая зрелость общества, исторические традиции, психологические черты национального характера, политическая культура и традиции общества.

Современная жизнь насыщена всплесками экстремизма разной остроты и масштаба. Сегодня этот феномен проявляется в различных формах, и стал значимым также для России, переживающей период коренных социальных преобразований, сопровождающихся усилением экстремистских

проявлений.

Рассматривая явления политического экстремизма, следует обращаться к тем периодам, когда общество переживает глубокий кризис идеологической и государственно-правовой системы. Именно в такие периоды происходит зарождение недовольства, порождающего необратимые процессы внутри социума, которые способствуют появлению оппозиционных групп.

Крах миража об иммунитете западных стран к экстремизму произошел в конце 70-х годов прошлого века, когда Европу накрыла волна экстремистских организаций различных идеологических направлений. К осмыслению данного феномена подключился ученый мир, который приступил к исследованию этой проблемы с учетом их идеологического составляющего. Однако вопрос об исследовании объекта остается открытым и многие «белые пятна» еще не ликвидированы.

На отсутствие адекватной и общепризнанной научной теории о политическом экстремизме и его идеологии обратил внимание английский исследователь терроризма П. Вилкинсон, который высказал следующие мысли: «Несмотря на большой общественный интерес, все еще отсутствует согласие в понимании того, что представляет собой экстремизм... Никто из ученых не преуспел в создании общей теории экстремизма и терроризма»{8, с.125}.

Причиной тому является сложность и многоликость этого феномена, его быстрая эволюция с процессом проникновения идеологии экстремизма в социальную жизнь с помощью широкой сети коммуникационных каналов распространения информации.

При возникновении подобных ситуаций лидеры недовольствующих миноритарных элементов начинают изыскивать идеологию. В ее основу закладываются

политические, этнические или религиозные идеи доступные большинству социума с целью образования фронта противостояния светским порядкам и законам. Именно в такой среде создается благодатная почва для проявления экстремистских тенденций, расшатывающих основы государственного строя.

Каждому социуму, где господствует подавление воли людей путем строительства иерархии единоличного лидерства над широкими массами, присуща своя идеология экстремизма. В этих условиях образуется специфическая среда, порождающая особое сознание людей, готовых воспринимать утопические идеологические установки, замешанные на фанатичном восприятии реального мира без всякого анализа конечных целей происходящего. Нахождение субъектов в подобных условиях порождает возникновение дефицита ощущения реальности происходящего, который, в свою очередь, восполняется чувством «опьяняющего превосходства» индивидуума над социумом.

Длительное нахождение в подобном измерении радикальных образований приводит к появлению своего рода «экстрим-среды», которая имеет специфическое мышление, кардинально отличающееся от сознания представителей обычного социума. Все это способствует появлению «интеллектуалов-теоретиков» являющихся ядром образования радикальных группировок. Вокруг них начинают группироваться формирования, пытающиеся реализовать идеи теоретиков-радикалов на практике, а также «теневые кардиналы» заинтересованные в развитии данных событий, которые поддерживают данную среду финансами.

При отсутствии данной категории «доноров» лидеры радикальных групп начинают изыскивать свои пути добывания средств, необходимых для реализации своих

идей. В результате вся тяжесть бремени ложиться на общество, которое подпадает под двойной прессинг миноритарных групп. Они в своих целях используют идеологию и социальную базу большинства, чтобы создать порочный своеобразный круг философии экстремизма, из которого отсутствует возможность вырваться в виду присутствия «принципа домино», когда за падением одной кости следует разрушение всей собранной фигуры.

В подобных условиях возникает наивысший потенциал социальной нестабильности, когда социум слабо верит обещаниям элиты вывести общество из социального кризиса. Отсюда возникает готовность определенной части населения поверить популистским обещаниям экстремистов. На развитие подобного хода событий оказывает крайне низкий образовательный уровень, политический нигилизм, порождающий наивность широких слоев населения, отсутствие демократической политической культуры.

Процесс формирования объединений экстремистской направленности можно представить в виде своего рода «пирамиды», где в роли фундамента выступают социальные конфликты, в результате которых возникает противоборство противоположных целей общественного развития и интересов различных социальных групп, столкновение их реальных носителей-индивидов, социальных групп, классов, государств по поводу обеспечения своих интересов.

Не случайно еще великий философ древности Аристотель отмечал: «Важнейшим источником конфликтов («распрей») в обществе является имущественное неравенство людей и неравенство в получении ими почестей, когда нарушается мера и справедливость их распределения. С одной стороны, способствует возрастанию корыстолюбия и тщеславия, что, в конце концов,

ведет к перерождению государственного строя. С другой стороны, чрезмерное стремление к богатству и почестям знатных мужей приводит к возникновению недовольства у простых граждан государства и становится причиной государственных переворотов» {9, с. 132}.

Для любого социального конфликта характерно наличие противоборствующих сторон, интересы которых противостоят друг другу. Конфликтующие стороны осознают несовместимость своих целей, и потому их отношения приобретают характер противоборства. В результате каждая из сторон стремится к реализации собственных интересов, за счет другой стороны. При этом слабая сторона, стремясь к решению вопроса о власти в свою пользу, может взять на вооружение экстремизм и его крайнее проявление – терроризм.

Фундаментальным источником конфликтов в обществе выступает признак «ущербности», играющий в «пирамиде» роль надстройки и порожденный: неравенством доступа к власти, неравенством социальных групп, неравенством этнических общностей, неравенством религиозных конфессий.

На первой стадии развития экстремизма осознание «ущербности» порождает недовольство тем, что их интересы не учитываются другой стороной, что, в свою очередь, формирует враждебность к угнетателям.

Далее на второй стадии самоидентификация личности и группы становится опорой, необходимой для ощущения социальной защищенности, прочных житейских взаимосвязей. И в этом смысле формируется отчетливая ориентация на общность (группу), которая в любой сложной ситуации может оказать поддержку. В последствие происходит своеобразный “всплеск” самосознания, усиливающийся в групповом менталитете и играющий объединяющую роль, в формировании

протестующих групп.

На третьей стадии происходит объединение «аутсайдеров», стремящихся преодолеть неравенство социальных групп, национальных общностей, религиозных конфессий и доступа к власти.

На четвертой стадии начинается активная агитация и пропаганда своих взглядов, поиск единомышленников, складывается оппозиция существующей власти, открыто выступающая со своими требованиями.

На заключительной этапе начинается процесс формирования полноценной непримиримой оппозиции способной прибегать к созданию условий дестабилизирующих политическую и социально-экономическую обстановку в стране.

При этом следует учитывать, что, даже если происходят позитивные изменения в экономике и политической сфере, проявления экстремизма автоматически не исчезают. Они имеют собственную логику развития и определенную инерцию, связанную со способностью социумов долго хранить историческую память о нанесенных обидах. Как правило, массовое сознание, живущее в условиях социального неравенства поколений не в состоянии быстро преодолеть чувство неприязни из-за пережитых несправедливостей, даже если они уже остались в прошлом и тенденция к улучшению объективного социального положения очевидна.

При этом необходимо учитывать, что в случае, когда речь идет об «ущербности» исторически сложившейся территориальной общности с развитым региональным самосознанием, рост недовольства существующим социально-экономическим положением, выступающий в качестве мощного ускорителя «протестного реагирования», в конечном счете, ведет к усилению центробежных процессов, сепаратизму создающему угрозу единству и

целостности государства.

Примечания:

1. Фундаментализм.- М.: Институт востоковедения РАН – Издательство «Крафт+», 2003. – С. 26-33.
2. *Покровский И.Ф.* Контпропаганда в идеологическом противоборстве. – Л.: Знание, 1986.
3. Политология (конспект лекций). – М.: «Издательство ПРИОР», 1999.
4. *Мухаев Р.Т.* Основы политологии: Учебник для средней школы. – М.: новая школа, 1996.
5. *Покровский И.Ф.* Контрпропаганда в идеологическом противоборстве. – Л.: Знание, 1986.
6. *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч., т.1, с . 422.
7. *Ленин В.И.* Полн. Собр. Соч. т.12, с. 137.
8. *Wilkinson P.* Political terrorism/ NY, 1974. P.125.
9. *Аристотель Стагирит.* Собрание философских трудов. - т. 4. М., 1973. – С. 132-133.

3.2. ГЕНЕЗИС ПОЛИТИЧЕСКОГО ЭКСТРЕМИЗМА: ЗАПАДНЫЙ И ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ОПЫТ.

Развитие политического экстремизма в России и на западе носит, безусловно, различный характер. Для того что бы определить природу различий политического экстремизма в различных странах необходимо сравнить этапы появления и распространения экстремистских идей.

Невозможно точно определить, когда появился политический экстремизм в России. Генезис экстремизма исключительно сложен, в нём тесно переплетаются, взаимно подпитывая друг друга, негативные факторы объективного и субъективного свойства. Находят выражение противоречия и конфликты в сфере политики, экономики, культуры, идеологий, межнациональных,

межрелигиозных и социальных отношений. В современной российской политологической литературе не существует общей периодизации развития политического экстремизма в России, однако всегда отмечается, что его проявления всегда активизируются в периоды кризисов и общественных потрясений. Одним из самых ярких примеров проявления политического экстремизма в истории России является «российский терроризм во второй половине XIX - начале XX в. (народники, эсеры, анархисты), который относится к классическим формам левого политического экстремизма» [12, с. 201]. Следует говорить о широком распространении политического экстремизма в России именно в этот период.

Следующим этапом активизации экстремизма в России выделяют 20-30 гг. XX столетия. В частности С.В. Богданов рассматривает проявления экстремизма через понятие «хулиганство»: «анализируя как опубликованные, так и архивные документы государственных и партийных органов того времени, можно сделать вывод о том, что волна хулиганства буквально накрыла страну... После убийства С.М. Кирова в 1934 г. большое число правонарушений стало рассматриваться с политической точки зрения. Политический подтекст стали активно приписывать и хулиганам – факт нарушения общественного порядка рассматривался как преступление против устоев социализма, политического курса Советского правительства и ВКП(б)» [2, с. 98]. В.Н. Арестов рассматривая проявления экстремизма в СССР отмечает: «экстремизм в СССР не есть постоянное и массовое явление, развивающееся по восходящей, для него характерна этапность – экстремизм на социальной базе в 20-е годы; спад в 30-е; полное отсутствие в 40-50-е; рецидив в 60-70-е; кризис в 80-е» [1. с. 20].

В 20-е годы XX века основной социальной базой экстремизма является молодежь. Качественно новый период в развитии экстремизма начинается в стране в 70-е годы. В этой связи В.В. Тулупов выделяет четыре «условных этапа развития экстремизма среди молодежи как основного актора, на основе анализа среды: 1971-1985 гг.; 1985-1991 гг.; 1991-1995 гг.; 1995-2008 гг.»[14].

- 1971 – 1985 гг. Эти годы чаще называют «временем застоя», но есть и другая оценка: «время политической и экономической стабильности». Действительно, положение СССР в мире казалось незыблемым – страна являлась лидером политического блока «Варшавский договор» и Совета экономической взаимопомощи (СЭВ), объединявшего страны социалистического содружества. Не будем говорить о методах сохранения такой стабильности, но кризисные явления уже проявлялись, и народ ощущал их в полной мере. Война в Афганистане, отсутствие свобод, ощущение постоянного дефицита (пища, одежда, жилье), особое положение партийной элиты не могло не отразиться на раздвоенности сознания. Немошные лидеры, поддерживаемые агитпропом, вызывали только насмешку. Молодежь отвергала «официальную культуру», создавая свою – андерграундную (самиздат, рок, мода и т.п.). Улица имела гораздо больший авторитет, чем устоявшиеся социальные институты. Протестные явления со стороны молодежи не вызывали у населения особого осуждения, поскольку внутреннее, скрытое диссидентство охватило даже партийные круги.

- 1985 – 1991 гг. – «время перестройки». Абсолютно искренняя многомиллионная поддержка начинаний М.С. Горбачева с одновременным противостоянием партийной машины. Взрыв интереса к «белым пятнам» истории и литературы. Мощный поток независимой прессы.

Открытые дискуссии о прошлом, настоящем и будущем страны. Критика коммунистических идей, коммунистических режимов и коммунистических лидеров. Обострение центробежных сил в Восточной Европе и СССР. Молодежь активно включилась в политическую жизнь, но большая ее часть осталась в стороне, наедине со своими проблемами. Идеологический вакуум, смена буквально всех приоритетов и ценностей привела к растерянности.

- 1991 - 1995 гг. - «время постперестройки». Ожесточенная политическая борьба, национальные конфликты, «горячие» точки внутри страны, кризис в экономике... Взрослое население было озабочено лишь одним – сохранить семью, выжить (задержки и невыплаты зарплат, безработица, талонная система, огромные очереди). Молодежь опять осталась предоставленной самой себе. Согласно данным аналитического Центра Юрия Левады (опрос декабря 2005 г.), 70 % россиян уверены, что в исторической перспективе эпоха Бориса Ельцина принесла России больше плохого, чем хорошего. Согласно данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (опрос декабря 2005 г.), лишь 1 % респондентов заявил о своем желании вернуться во времена правления Бориса Ельцина.

- 1995 – 2008 гг. – «время стабилизации»: высокие цены на нефть и газ позволили выйти из экономического коллапса (в 2005 г. рост ВВП – 6,4 %, рост фондового рынка – 88 %), реализуются национальные проекты; страна вернулась в мировую политическую элиту. Правда, характеризуя нынешнее состояние России, как зарубежные, так и отечественные политологи оперируют довольно резкими формулами: от «имитация авторитарного строя и демократии», «бескровно-обманной революции и бескровно-обманной реформы» до «дикого» или

«государственно-олигархического капитализма». Что же касается молодежи, то на нее стали обращать некое внимание (организация политических движений, реформа образования и др.).

Однако в истории современной России выделяют другие этапы развития экстремистских идей. Развитие экстремальных настроений в России носит волновой характер. Рассматривая историю современной России можно выделить 3 этапа:

- 1991-2000 гг. Время жестокой политической борьбы, становления новой российской государственности, национальных конфликтов, «горячих» точек внутри страны, кризиса в экономике, а в последствие и в политике. «Ельцинская» эпоха принесла большие надежды и большие разочарования, однако в плане протестной активности можно наблюдать большой всплеск в начале 90-х годов и некоторое ослабление к «нулевым». В целом всё десятилетие характеризуется громкими протестными акциями, характерными для всех регионов страны. Главные площади российских городов собирали, порой тысячи недовольных людей.

- 2000-2011гг. Время так называемой стабильности. При новом президенте активнее начинают работать социальные сферы, наступает относительный рост экономики, благодаря росту цен на нефть и газ. У населения снова появляются общие надежды на «лучшее будущее для своих детей», национальные конфликты перестают носить острый характер, переходя в латентную фазу, появляется общий враг – «террорист». Протестная активность носит «точечный» характер и характерна больше для федеральных центров таких как Москва и Санкт-Петербург, таким образом регионы не задействованы в массовом протесте, порой даже не подозревая о недовольствах властями.

- 2011-.... С 2011 года можно наблюдать новую волну протестной активности, что связано с проведением и результатами выборов в Государственную Думу VI созыва. Оппозиция набирает вес за счет радикально настроенных группировок, которые формировались автономно последнее десятилетие. Массовые протестные акции нового формата, проходят не только в федеральном центре, но и в регионах страны. Новый формат этих акций заключается в том, что, во-первых лидеры оппозиции как радикальной, так и умеренной «выходят» под одними лозунгами (за честные выборы и т.д.). Во-вторых, на базе стихийных протестных акций начинают появляться новые общественные организации, так называемых «гражданских активистов». Оппозиция начинает объединяться. Так же наблюдается рост радикальных настроений среди простых граждан.

В.И. Карпец считает, что корни современного экстремизма хронологически уходят в начало 80-х годов. В 80-е по его словам появились так называемые «любера» (правые), которым в то время противопоставляли панков, хиппи и рокеров (левые). Таким образом, автор выделяет две группы радикализма, которые зародились во времена перестройки. Первых характеризовала приверженность национал-социалистической идеологии у части молодежи, в основном рабочей и малообеспеченной, с окраин и из маленьких городов. «На эту молодежь и оказались направлены все страхи либералов и «благополучных граждан». Речь идет, конечно, о скинхедах. Это движение, безусловно, наследует «болельщикам» начала 80-х и «люберам»[6. с. 65]. Говоря о второй группе, он отмечает что в современном варианте экстремизм левого спектра в России можно обозначить как «так называемых антифа», которые в большинстве действительно идейные левые (анархисты, троцкисты, анархо-коммунисты) Как пишет

психолог М. В. Вершинин, «особенность субкультур в России выражается в том, что большинство «молодежных субкультур» являются заимствованными из западной культуры и не являются исторически сложившимися «очагами» субкультуры в нашей стране. «Скинхеды», «неонацисты», «красные», «анархисты», «антиглобалисты», «рэперы» – все они представители европейской и американской культуры» [6, с. 66]. Говоря о причинах возникновения различных группировок экстремистского толка В.И. Карпец говорит о их зарождении в современной форме в начале 80-х годов «перестройки еще не было, но все чего-то ждали» [3, с. 41]. Таким образом можно выделить социально-политические причины появления политического экстремизма в России среди молодежи.

Однако Э.А. Паин выделяет национализм, то есть этнополитические причины зарождения политического экстремизма в современной России, в качестве основного фактора. Он пишет «В подавляющем большинстве европейских стран формирование гражданского общества и гражданской нации опиралось на предшествующие объединения националистического толка. Все постимперские европейские страны сначала становились националистическими» [10, с. 368]. По его словам есть высокая вероятность того, что «уровень этнической озабоченности и этнической консолидации еще только будет расти. Причем он развивается по принципу маятника. Вначале этническая консолидация и проявление этнического национализма и экстремизма были характерны для нерусских народов» [10, с. 369]. Как пример – этнические конфликты 90-х годов, которые происходили между этническими меньшинствами. Русские, проживавшие на территории Северного Кавказа или Поволжья, оказывались «невольной жертвой» этих

конфликтов. И лишь в конце 90-х начал развиваться русский национализм. Теперь, в ответ на рост русского национализма, снова возникает обратное движение «маятника», и вновь формируются различного рода экстремистские организации этнического и религиозного характера на окраинах России. Как только развивается один вид ксенофобии, тут же возникает и другой. Таким образом «взаимодинамика, взаимоотталкивание разных групп национализма показывает, что в перспективе эта тенденция будет только нарастать»[10, с.396].

Таким образом, Россия пережила время исторического слома, концентрации нескольких «эпох», время перманентной конфронтации. Население привыкло к состоянию борьбы, воспринимает его как нормальное, и это напрямую отразилось на их формировании как индивидуумов, членов общества, граждан. Кризис российской семьи – также не новость. Количество неполных семей, количество разводов неуклонно растет. Тяжелая ситуация в стране негативно отражалась на каждом. Агрессия во взаимоотношениях близких стала нормой. Изменилась парадигма отношения к жизни – доминантой стал эгоцентризм (я – все остальные; моя семья – все остальные; моя родня – все остальные; моя нация – все остальные), а также культ силы и денег [8]. Социальные корни экстремизма есть совокупность объективных и субъективных причин социального, экономического, национального, идеологического, психологического характера. Применительно к Российской Федерации наиболее существенными называются такие причины: распад СССР как единого государства, усиление сепаратизма и национализма, глубокий системный кризис, охвативший все сферы жизни, и как следствие - ухудшение социально-экономического положения населения, что привело к увеличению доли маргинализированных и

люмпенизированных слоев общества, нарастанию в нем социального напряжения, участием в борьбе за власть политических партий и движений, криминализацией общества и политизацией уголовной преступности, правовому нигилизму граждан, широкое расслоение населения по имущественному признаку, ликвидацию советской системы социальной защиты, разрушение и кризис образования и патриотического воспитания молодежи, разрушение основ семьи, деформацию семейных отношений, насилие в семье, отсутствие бесплатных учреждений досуга, проповедование в СМИ культа жестокости и насилия [11, с. 56]. Динамика экстремизма коррелирует с процессами социальной маргинализации, нравственным релятивизмом, сегментацией политической культуры, неопределенностью векторных тенденций развития общества и экономическим кризисом.

В этих условиях в политической сфере активизируются экстремисты левого толка, которые берут на вооружение лозунги о провале экономической и социальной политики власти. Так Петрищев В.Е. считает, что «следует прогнозировать рост протестных акций левого политического экстремизма, в которые будут вливаться люди, потерявшие работу или граждане, уровень материального обеспечения которых опустится ниже прожиточного минимума»[11, с. 76]. Но более опасной является активизация правого экстремизма, организаторы которого ориентируются на поддержку молодежи, начиная с несоциализированных слоёв: пролетарских, люмпенских, скинхедских и даже представителей образованной студенческой молодежи.

Социологические опросы, проводимые среди населения России, фиксируют наличие достаточно широкой социальной базы в российском обществе и

распространенность ксенофобных настроений. Они представляют своеобразный компенсаторный механизм. Находясь в состоянии фрустрации, вызванной бедностью и ощущением социальной несправедливости, люди ищут виновников своих бедствий. А так как агрессивная реакция носит преимущественно нерациональный и спонтанный характер, она направляется, как правило, на тех, кто находится по ту сторону разделения «мы - они». И одним из самых простых способов социальной маркировки является раса и этничность. Как отметил в 2004 г. Э.А. Паин «в 90-е годы социальные проблемы политизировались: во всем виноваты правительство, президент, «демократы все развалили» и т.д. Сейчас социальные проблемы этнизируются: «они» плохие не только потому, что олигархи, но и потому, что этнически «чужие»[9, с. 129]. Это можно объяснить достаточно просто, психологической особенностью большинства индивидов является обвинение во всех бедах того кто не входит в группу «мы» (например приезжего, который занял достойное место работы), то есть не самого себя, в большинстве случаев это происходит бессознательно. Л.Д. Гудков отмечает, что в современной России «комплекс социальных обид растет очень сильно, но, что характерно, он не становится социально окрашенным, а принимает форму национальных обид, чувства притеснения со стороны других, этнически чужих, национальных противников и врагов. И тогда возникают мифы: о «засилии» черных, азербайджанцев, цыган и др.» [4, с. 23]. Ведущий эксперт Левада-Центра Б. Дубин сообщил результаты исследования ксенофобных настроений в России, закончившегося в августе 2005 года. Он подчеркнул: «Уровень ксенофобии в России никогда еще не был столь высок» [5, с. 164]. По данным социологов, 45% опрошенных считают, «что во всех бедах виноваты

представители «нацменов», которых слишком много в верхах власти». Около 60% убеждены, что правительство должно вести ограничительную и запретительную политику по отношению к въезду и проживанию в стране «этнических чужаков». Две трети населения с той или иной степенью жесткости поддерживают идею «Россия для русских» [7, с. 148].

По данным МВД РФ количество преступлений экстремистской направленности неуклонно растёт, так в 2004 году по стране это число составляло 130 и увеличивалось с каждым годом приблизительно на 60% в год, и уже к октябрю 2010 года это число превышает число в 550 преступлений экстремистского толка. Глава МВД Рашид Нургалиев, говоря об экстремизме в интервью «Российской газете», опубликованном в июне 2007 года, сообщал, что на учете у милиции состоят 302 неформальных молодежных группировки, в которые входит в общей сложности около десяти тысяч человек. Всего, по данным МВД на 2007 год, в России около 98 тысяч подростков являлись членами группировок «антиобщественного, экстремистского и иного характера» [8, с. 25].

Если в истории России экстремизм начал зарождаться в русле леворадикальной теории, то в Германии наблюдается обратный процесс. История Германии XX века связана с развитием правого экстремизма. Итак, на примере ФРГ можно выделить четыре качественных этапа распространения экстремизма: 1) нацистская Германия (1918-1945 гг.); 2) временное затишье (1945-1960 гг.); 3) вспышки экстремизма в западной части германии (ФРГ), рост протестной активности против разделения Германии (1960-1990 гг.); 4) Активизация правого и левого экстремизма (1990-2011 гг.).

□ 1918-1945 гг. Экстремизм на государственном

уровне. В 1918 году вице-канцлер и бывший министр финансов правительства Веймарской республики Матиас Эрцбергер подписал Компьенское перемирие, которое стало подтверждением поражения Германии в Первой мировой войне. В 1921 году во время прогулки по маленькому городку в Шварцвальде он был застрелен правым экстремистом. Именно с этого периода началась активизация подпольных праворадикальных экстремистских организаций. По некоторым оценкам, в период с 1918 по 1922 год правые экстремисты совершили 354 политических убийства, в то время как левые группировки - 22. «Приговоры были очень красноречивы: если левых экстремистов осуждали на долгие сроки заключения, а иногда даже приговаривали к смерти, то правые экстремисты уже через несколько месяцев выходили из тюрьмы... Правые тайные союзы, поддерживавшие тесные связи с военными, несколько позже объединились в нацистские организации, ставшие авангардом гитлеровского террора.»[13]

□ 1945-1960 гг. Разделение Германии, возведение «Берлинской стены», присутствие военных баз различных стран на территории Германии привело к тому, что как такового экстремизма в Германии не было. Безусловно, в стране остались приверженцы праворадикальных идей, начали развиваться «левые» идеи, однако проявлений экстремизма практически не было. Экстремистские организации различных толков развивались автономно друг от друга.

□ 1960-1990 гг. В прессе стали появляться сообщения о возобновлении политических убийств. «Радикальные группировки, в том числе и запрещенная в 1980 году «Оборонно-спортивная группа Хоффмана» (Wehrsportgruppe Hoffmann), устраивали учебные занятия огневой подготовки и репетировали путч. В сентябре 1980

года во время знаменитого Мюнхенского праздника Октоберфест, на который собираются тысячи людей, в урне взорвалась бомба, начиненная гвоздями и шурупами. 13 человек погибли, 213 были ранены.»[13]. В 1990-х годах вдруг в разных городах Германии началась серия поджогов общежитий, в которых размещали людей, желавших получить политическое убежище, и квартир, в которых жили иностранцы. Росло число недовольных разделением Германии на две части как в ФРГ, так и в ГДР.

□ 1990-2011 гг. Падение «Берлинской стены», рост числа иммигрантов из ряда восточных стран привело к тому, что в восточной части воссоединенной Германии значительную активность развили скинхеды и неонацистские товарищества, ратовавшие за создание «национально чистых зон», появилось понятие «неонацизм». «Шоковые экономические преобразования, слабое развитие восточных земель, многочисленные социальные проблемы способствуют тому, что граждане Германии все больше симпатизируют левым партиям и правым экстремистам, вплоть до радикальных левацких и ультраправых. Например, в 1999 году в земельный парламент Бранденбурга прошли пять депутатов от правоэкстремистской партии Германский народный союз, в Саксонии-Ангальт от этой же партии прошли 16 депутатов.»[15. 232]. На современном этапе развития Европы и Евросоюза всё больше граждан национальных государств поддерживают националистов, так как в Европейских странах растёт число иммигрантов имеющих широкие социальные льготы и государственную поддержку. Немецкая спецслужба предупреждает о том, что в стране наблюдается активизация деятельности активистов леворадикальных подразделений. На ряду с правым и левым экстремизмом в Германии появился феномен исламского экстремизма. «Согласно докладу

Федерального бюро защиты конституции, число мусульман, связанных с экстремистскими группировками в Германии, выросло по официальным данным с 36270 человек в 2009 г. до 37470 человек в 2010 г. Большинство из них (около 31370) связаны с турецкими группировками. В частности, многие принадлежат к группировке Милли Горус, ратующей за создание чисто исламского государства в Турции.» [17] Кроме того, в докладе отмечено снижение числа правых политических экстремистов в Германии: с 26600 в 2009 г. до 25000 человек в 2010 г. Число левых экстремистов, напротив, выросло с 31600 до 32200 человек. Однако при этом также отмечается рост числа неонацистов, по официальным данным – с 5000 до 5600 человек.

Особенностями экстремизма в Германии становится то, что он является более зрелым и насильственным, чем в России. Основной социальной базой экстремистских групп являются люди старше 40 лет. Так, например, согласно исследованию фонда имени Фридриха Эберта, проведенному в 2006 году: «правый экстремизм в Германии наиболее распространен среди мужчин старше 60 лет, проживающих на Западе ФРГ».[16]

Таким образом, появление экстремизма в различных странах связывают с коренными политическими преобразованиями и социальными кризисами. Для России и стран запада характерно наличие различного спектра экстремистских организаций. Общим так же является то, что экстремизм становится реакцией на политику проводимую государством. Экстремистские группы в Германии отличаются большей организованностью и более долгой историей своего существования. Согласно заключению ряда экспертов следует ожидать рост преступлений экстремистской направленности.

Примечания:

1. *Арестов В.Н.* Религиозный экстремизм: содержание, причины и формы проявления, пути преодоления. Киев, 1984.
2. *Богданов С.В.* Молодежный экстремизм в советской России в 1920-е годы. Курск: КурскГТУ, 2006.
3. *Вершинин М.В.* Современные молодежные субкультуры: скинхэды // Соционика, психология и межличностные отношения: человек, коллектив, общество. - 2005. - № 2.
4. *Гудков Л.Д.* Динамика этнофобий в России последнего десятилетия: Доклад на конференции «Национальные меньшинства в Российской Федерации». - М., 2003.
5. Динамика ксенофобии в постсоветской России // Вестник Института Кеннана в России. - М., 2005.
6. *Карпец В.И.* Молодежный экстремизм // ФСБ: за и против. - 2009. - №1.
7. *Колобов О.А.* Национал-экстремистские молодежные организации: История и современность. Монография. – Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2007.
8. *Нуруллаев А.А., Нуруллаев Ал. А.* Религиозно-политический экстремизм // Вестник Российского университета дружбы народов. - Сер.: Политология. - 2003. - № 4
9. *Паин Э. А.* Социальная природа экстремизма и терроризма // Общественные науки и современность. - 2002. - №4.
10. *Паин Э.А.* Куда качнётся этнополитический маятник? Динамика и механизмы этнической тревожности в постсоветской России // Россия реформирующаяся: Ежегодник – 2003 М.: Институт социологии РАН, 2003.
11. *Петрищев В. Е.* Заметки о терроризме. М., 2001.
12. *Поляков Л. В., Федотова В. Г.* Россия в зеркале

политологии. – М., 2001.

13. Рабиц К. Истоки правого экстремизма в Германии [электронный ресурс] // Интернет-версия журнала Deutsche Welle / Режим доступа URL: <http://www.deutsche-welle.cn/dw/article/0,,15567179,00.html>
14. Тулунов В. В. Аудитория СМИ как элемент гражданского общества // Relga.ru. -2008. - №15.
15. Федорова О. О. Феномен германской «остальгии» [Текст] / О. О. Федорова // Молодой ученый. — 2010. — №10.
16. Янзен Ф. Девять процентов немцев настроены правозэкстремистски [электронный ресурс] // Zukunft 15 декабря 2006 URL: <http://www.zentralratjuden.de/ru/article/1187.html>
17. Rising D. Germany says Islamic terrorism still a threat [электронный ресурс] // Associated Press AP – Fri, Jul 1, 2011. URL: <http://news.yahoo.com/germany-says-islamic-terrorism-still-threat-100849448.html>

3.3. СОЦИЕТАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС ФОРМИРОВАНИЯ И РАСПРОСТРАНЕНИЯ ЭКСТРЕМИЗМА В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

Условия социальной неопределенности и непредсказуемости являются основанием для усиления социальной напряженности и укоренения негативно окрашенных социально-психологических и эмоциональных состояний молодежи, что отражается на характере ее отношений с окружающими представителями других социальных групп. Низкая оценка молодыми людьми уровня ожиданий, уверенности, безопасности и, напротив, высокая – уровня тревоги, страха и безразличия в отсутствие целенаправленного регулирования этих

процессов нередко приобретают экстремальный характер: от социальной апатии до антиобщественной активности (экстремистские проявления).

Таким образом, подобные проблемы и противоречия носят институциональный характер, т.е. связаны с дисфункцией основных социальных институтов как механизмов социальной регуляции. Накапливаясь, они создают социальное поле неопределенности как условия эскалации экстремистских настроения и взглядов молодежи [1, с. 100-101].

Не таким простым представляется ответ на вопрос, что лежит в основе молодежного экстремизма и в чем его основные причины. В поверхностных и бытовых рассуждениях, получающих широкое распространение в СМИ, принято считать, причиной экстремизма является ряд социально-экономических и политико-правовых характеристик, присущих тому или иному обществу и государственной системе.

В первую очередь, речь идет о безработице, коррупции, неравном доступе к материальным и культурным благам, низком уровне и качестве жизни, что, безусловно, сказывается на настроениях в обществе и создает неблагоприятный эмоциональный фон.

Но вряд ли только это является детерминантой экстремальности сознания молодежи и экстремистских проявлений в молодежной среде современности. Ведь печально известные события 22 июля 2011 г. в Норвегии (два теракта, произошедшие в один день, подготовленные и свершенные Андерсом Брейвиком: взрыв в центре Осло и расстрел мирных молодых граждан на острове Утёйа) говорят о том, что даже в достаточно благополучных странах существует угроза такого рода. В той же Норвегии своих сторонников нашел и Вячеслав Дацик, известный в нашей стране как сторонник неофашистских идей. До

этого в 2009 г. Норвегия возглавила список ООН самых благополучных стран из 182 представленных и лишь совсем недавно уступила его Исландии.

К причинам вовлечения в экстремистскую деятельность молодых лиц можно отнести возрастные кризисы, которые могут усугубляться условиями проживания в семье. В этом контексте, безусловно, имеет значение вопрос о том, какое влияние оказывает экстремистская пропаганда на вовлечение молодежи в экстремистскую деятельность.

Например, Александр Тарасов, заведующий отделом ювенологии Центра новой социологии и изучения практической политики «Феникс», говоря о типичном социальном портрете скинхеда в России, отмечает, что это не дети социальных низов, алкоголиков и уголовников – видимо, подростки из этого слоя вербуются непосредственно в криминальный мир. Скинхеды – это несколько более высокий уровень и развития, и социального статуса. Типичный скинхед – это ребенок из семьи, бывшей советским вариантом западного «среднего класса»: высокооплачиваемых квалифицированных и инженерно-технических рабочих, сотрудников НИИ, конструкторских бюро и т.д. За 10 лет реформ социальный и экономический статус этих людей резко упал, они превратились в «челноков», рыночных торговцев, охранников. Некоторые сохранили свой имущественный уровень, однако человек, ранее бывший ведущим инженером, а ныне ставший мелким предпринимателем, ощущает фрустрацию. Пережитое семьями социальное унижение и недовольство социальной действительностью причудливо выразилось у детей в уходе в скинхеды [2]. Также и С.В. Беликов в своей книге «Антифа. Молодежный экстремизм в России» отмечает, ссылаясь на исследования среди скинхедов Москвы, что они являются

детьми полицейских, военных и др. и не представляют собой выходцев из маргинальных групп.

Таким образом, стоит отметить, типичного социального портрета для агентов экстремистских групп нет. Существует несколько форм проявления экстремизма (политический, религиозный, этнический и т.д.), и если вовлеченность молодежи в криминальный экстремизм может быть обусловлена одним социальным статусом ее представителей, то, допустим, для политического или религиозного экстремизма свойственны иные социально-статусные характеристики его представителей.

Следовательно, любая классификация социальных причин возникновения экстремизма достаточно условна. Но вполне очевидно, что считать главной, а тем более, единственной причиной молодежного экстремизма частное материальное неблагополучие или более широкий спектр социально-экономических условий не совсем оправдано. Хотя, безусловно, социально-экономическое неблагополучие в стране является серьезным фактором риска.

По мнению авторов статьи, целесообразно давать оценку причинам возникновения экстремизма в молодежной среде, которая является благодатной почвой для потенциальных и реальных экстремистских угроз, анализируя, во-первых, возрастные, социально-психологические и социокультурные особенности самой молодежи, а во-вторых, более широкий спектр факторов социальной среды в общем.

Молодежь как социально-демографическая группа является, несомненно, гетерогенной по своему составу, но формирующие ее элементы обладают некоторым общим набором специфических, характерных черт:

- во-первых, нестабильность социального положения молодежи, неопределенность и отсутствие вектора в

общественно полезной деятельности, обусловленные общим контекстом социально-экономических и политических проблем в России, которые отразились на мировоззрении людей. Отсутствие четкой системы молодежной политики, по сравнению с советским периодом, который характеризовался опытом общественной социализации через соответствующие детские и молодежные организации (пионерия, комсомол). Сюда же можно отнести и ряд ограничивающих факторов социальной мобильности: недостаточный образовательный и/или профессиональный уровни, вследствие чего – невысокая степень доходов, невозможность удовлетворения своих потребностей различного характера, а также незначительное представительство молодежи в государственном аппарате;

- во-вторых, комплексы «социальных обид» и «социальной неполноценности», как следствие из них – специфическое и порой превратное восприятие себя и происходящих вокруг процессов, мира в целом, осознание себя как лишнего, лишенного перспектив в будущем, несправедливо ущемленного при распределении общественных благ. Все вышеизложенное в двух данных абзацах приводит к юношескому нигилизму, циничному отношению к другим, вспышкам агрессии и т.д.;
- в-третьих, психологические и психофизиологические проблемы становления личности, связанные с регулированием и контролем собственных чувств, эмоций, мыслей, а также управлением ими.

В итоге, для большинства молодых людей способом самооправдания и наиболее простого ухода от толкования

существующих проблем становится принцип переложения вины на «других». Выстраивание противопоставления «мы – они» приводит к формированию враждебных, иногда антагонистических противостояний. Причем в роли «другого» может выступать не только человек иной национальности или вероисповедания, что гораздо чаще привлекает к себе внимание общественности и имеет больший резонанс, но и приверженцы / представители прочих молодежных субкультур, возрастных или профессиональных групп и т.д.

Другой фактор формирования экстремизма в молодежной среде – это слабое внимание, уделяемое государством проблемам молодежной политики, участие общества через общественные организации в воспитании и социализации молодежи. Государственная молодежная политика является деятельностью государства, направленной на создание правовых, экономических и организационных условий и гарантий для самореализации личности молодого человека и развития молодежных объединений, движений и инициатив. Одним из обязательных условий реализации молодежной политики является повышение участия молодежи в вопросах управления государством и в ряде других общественных процессов.

Принято подразделять молодежную политику на два блока: 1) социальная защита молодежи – предоставление и обеспечение определенного набора прав и гарантий молодого человека, необходимых для его активной жизнедеятельности, всестороннего развития его личности; 2) включение молодежи в общественные процессы, предоставление «социальных лифтов».

Одним из основных условий реализации молодежной политики – обеспечение участия молодежи в общественных процессах, повышение социальной,

гражданской и предпринимательской активности молодого поколения через общественные объединения молодежи и молодежные инициативы.

В Концепции государственной молодежной политики Российской Федерации сказано, что молодые граждане участвуют в формировании и реализации государственной молодежной политики посредством реализации общественно значимых инициатив, обращений в федеральные органы власти, органы государственной власти субъектов РФ и органы местного самоуправления; вносимые молодыми гражданами, молодежными, детскими общественными объединениями в федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов РФ, органы местного самоуправления предложения о реализации государственной молодежной политики в РФ рассматриваются указанными органами в соответствии с их полномочиями и в порядке, которые определены законодательством РФ; федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов РФ вправе привлекать молодежные, детские общественные объединения и их ассоциации с согласия указанных объединений для проведения консультаций и координации деятельности соответствующих органов государственной власти и других субъектов в области формирования и реализации государственной молодежной политики в РФ; в целях привлечения молодых граждан к формированию и реализации государственной молодежной политики в РФ, федеральные органы государственной власти совместно с молодежными, детскими общественными объединениями раз в три года созывают всероссийский конгресс молодежи [3]. Но на самом деле, молодежь достаточно социально неактивна, она старается больше принимать позицию социального иждивенчества, чем предпринимать шаги к лоббированию своих интересов

через молодежные объединения и инициативы. В широком смысле слова, можно говорить о кризисе воспитания гражданственности в нашей стране.

На смену контролируемым государством и правящей элитой пионерии и комсомолу не пришло ничего. Попытки искусственно стимулировать молодежное движение, по сути, ни к чему не привели. Те молодежные организации, которые существуют в нашей стране, или являются придатками политических партий – «Молодые социалисты России» (Справедливая Россия), «Молодая гвардия» (Единая Россия), «Молодежное Яблоко» (Яблоко), «Соколы Жириновского» (ЛДПР), «Союз коммунистической молодежи» (КПРФ) и т.д. – и служат интересам этих политических партий, или не являются активными участниками общественных процессов, формально представляя интересы узких групп молодежи (в качестве примера, студенческие профсоюзы – студсоветы в вузах). То есть государство и общество устранились от вопросов воспитания и социализации молодежи, полностью переложив эти функции на семью, церковь, образование, которые так же находятся в определенном кризисе и не способны обратить вектор развития молодежи в том направлении, которое необходимо усиливать государству и обществу, да и сами государство и общество не могут четко сформулировать, какое молодое поколение им нужно.

В ситуации всеобщей неопределенности молодые люди считают целесообразным самим искать смыслы социального бытия. «Учителями», социальными агентами социализации становятся массовая культура, транслируемая СМИ, уличные субкультуры, заполняющие собой идеологический вакуум.

Вхождение молодых людей в неформальные молодежные объединения, в т.ч. экстремистского толка, обусловлено желанием реализовать себя, иметь сильную

поддержку в лице сверстников, самоидентифицироваться. Включаясь в жизнь группы, внутренние отношения, новые ее члены усваивают те нормы и ценности, которые приняты в группе, принимают те цели, которые ставит перед собой группа.

Проблема заключается и в том, что нет тех эффективных механизмов реабилитации и ресоциализации молодых людей, вовлеченных в экстремистскую преступную деятельность. Невозможно вырвать молодых людей из экстремистских групп и вовлечь их в другую общественно полезную и одобряемую деятельность. Как показывает практика, пенитенциарная система не перевоспитывает человека, а наоборот, загоняет его в рамки криминальной субкультуры, т.е. не является эффективным способом ресоциализации.

То, на чем сосредоточено внимание молодежной политики сегодня, – проведение культурно-массовых и спортивных мероприятий, пропаганда здорового образа жизни и общественно одобряемого поведения через СМИ – не достаточно. Существующая ситуация требует глубокого изменения социальных отношений. Деятельность должна быть направлена на повышение социальной компетентности молодежи – правовая грамотность, гражданская активность, образование и др.

Министерством спорта, туризма и молодежной политики совместно с МВД и ФСБ были созданы методические рекомендации по профилактике и противодействию экстремизму в молодежной среде. Касаясь причин и факторов, которые способствуют распространению данного явления, авторы методических рекомендаций отмечают особенности экстремизма в молодежной среде:

- во-первых, экстремизм формируется преимущественно в маргинальной среде, он

постоянно подпитывается неопределенностью положения молодого человека и его неустановившимися взглядами на происходящее;

- во-вторых, экстремизм чаще всего проявляется в ситуациях, характерных отсутствием действующих нормативов, установок, ориентирующих на законопослушность, консенсус с государственными институтами;
- в-третьих, экстремизм проявляется чаще в тех обществах и группах, где проявляется низкий уровень самоуважения или же условия способствуют игнорированию прав личности;
- в-четвертых, данный феномен характерен для общностей не столько с так называемым «низким уровнем культуры», сколько с культурой разорванной, деформированной, не являющей собой целостности;
- в-пятых, экстремизм соответствует обществам и группам, принявшим идеологию насилия и проповедующих нравственную неразборчивость, особенно в средствах достижения целей [4].

Здесь необходимо обратить внимание на некоторые расплывчатые моменты. В первую очередь, не до конца ясно, что имеется в виду под «неопределенностью положения»: неопределенность трудоустройства, политических, религиозных и иных убеждений или же связанная с вопросами материального благополучия и низкого социального происхождения неопределенность.

Существует и ряд других моментов, которые требуют уточнения. Например, какие нормативы и установки ориентируют на законопослушность – наверное, правильнее было бы сказать, что сама законопослушность, как социальная характеристика личности, близкая по своему смысловому содержанию понятию

«гражданственность». С другой стороны, говоря о консенсусе с государственными институтами, не стоит забывать, что наличие «обратной связи», диалога власти с обществом благотворно влияет на ситуацию с молодежью.

То есть надо отметить, что и у представителей власти нет на сегодняшний момент полного понимания, что такое молодежный экстремизм, каковы его причины и основные характеристики.

Говоря о причинах возникновения экстремистских настроений в молодежной среде, авторы методических рекомендаций отмечают следующие факторы:

1. Обострение социальной напряженности в молодежной среде (характеризуется комплексом социальных проблем, включающим в себя проблемы качества и уровня образования, «выживания» на рынке труда, социального неравенства, снижение авторитета правоохранительных органов и др.);
2. Криминализация ряда сфер общественной жизни (в молодежной среде это выражается в широком вовлечении молодых людей в криминальные сферы бизнеса);
3. Изменение ценностных ориентаций (значительную опасность представляют зарубежные и религиозные организации и секты, насаждающие религиозный фанатизм и экстремизм, отрицание норм и конституционных обязанностей, а также чуждые российскому обществу ценности);
4. Проявление так называемого «исламского фактора» (пропаганда среди молодых мусульман России идей религиозного экстремизма, организация выезда молодых мусульман на обучение в страны исламского мира, где осуществляется вербовочная работа со стороны представителей международных

- экстремистских и террористических организаций);
5. Рост национализма и сепаратизма (активная деятельность молодежных националистических группировок и движений, которые используются отдельными общественно-политическими силами для реализации своих целей);
 6. Наличие незаконного оборота средств совершения экстремистских акций (некоторые молодежные экстремистские организации в противоправных целях занимаются изготовлением и хранением взрывных устройств, обучают обращению с огнестрельным и холодным оружием и др.);
 7. Использование в деструктивных целях психологического фактора (агрессия, свойственная молодежной психологии, активно используются опытными лидерами экстремистских организаций для осуществления акций экстремистской направленности);
 8. Использование сети Интернет в противоправных действиях (обеспечивает радикальным общественным организациям доступ к широкой аудитории и пропаганде своей деятельности, возможность размещения подробной информации о своих целях и задачах, времени и месте встреч, планируемых акциях) [4].

Безусловно, все перечисленные факторы имеют место быть, но они являются не причинами, а следствиями распространения экстремистских идей. Естественно, пережитые и переживаемые страной серьезные социально-экономические, духовно-культурные и политические изменения играют свою роль в возникновении и распространении экстремизма.

Возникновение экстремизма в молодежной среде детерминировано взаимодействием негативных факторов

социальной среды – экономическим неравенством и несправедливостью распределения собственности, высокой социальной напряженностью и конфликтностью общественных отношений, падением престижа политической власти, неуправляемостью процесса социализации, размыванием системы приоритетных духовных ценностей, ослаблением регулирующей роли государства и нарастанием криминогенности в обществе.

Названные факторы выступают объективными условиями, которые являются благоприятной средой для проявления в сознании и поведении молодых людей негативных факторов субъективного порядка – завышенности социальных ожиданий, склонности к максимализму, радикализму, нигилизму, насилию, деструктивности, крайним средствам и способам достижения целей.

Взаимодействие сложных объективных условий и субъективных склонностей молодого поколения представляет собой источник социальной детерминации процесса утверждения и распространения экстремистских проявлений среди молодежи, выражения индивидуальных и групповых, стихийных и организованных форм социального протеста и недоверия к власти, авторитету, ведущей роли старшего поколения в обществе.

Экстремизм в молодежной среде представляет собой индивидуальное и социально-групповое проявление крайних, неумеренных в нравственном и правовом отношениях средств и способов жизнедеятельности молодежи как особой социальной группы и специфической возрастной категории населения. Специфика проявления социального экстремизма в молодежной среде обусловлена, прежде всего, особенностями самой молодежи – незавершенностью

процессов экономической, политической и духовной социализации, мировоззренческой неустойчивостью, недостаточной социально-психологической зрелостью, поверхностным восприятием противоречивости социального бытия, безоглядным стремлением к решительному обновлению форм и способов жизнедеятельности, склонностью к проявлению различных форм социального протеста и неумеренностью в выборе средств и способов достижения жизненных целей.

В силу названных особенностей молодое поколение представляет собой наиболее благоприятную социальную среду для утверждения и распространения экстремистских проявлений, выражения индивидуальных и групповых, стихийных и организованных форм социального протеста и недоверия к ведущей роли старшего поколения в обществе. В сложных и специфических условиях современной России исключительно важно выявить содержание смысложизненных приоритетов и ценностных ориентаций молодежи в интересах формирования социокультурных условий активного противодействия экстремистским тенденциям и проявлениям в молодежной среде.

Содержание, характер и направленность ценностных ориентаций современной молодежи России детерминированы ее объективным положением, ролью и местом в системе общественных отношений. Молодежь как социальная группа и возрастная категория населения объективно занимает промежуточное место в обществе, не играет в нем ведущей роли, находится в положении объекта социализации, подчинении и зависимости от взрослого поколения, в состоянии недостаточной определенности и незавершенности выбора

смысложизненных ценностей и приоритетов, а потому не может в полной мере реализовать свой ресурсный потенциал в экономической, социально, политической и духовной сферах общественной жизнедеятельности.

Субъективным выражением объективных условий противоречивого социального положения молодежи, наряду с позитивными устремлениями, является потенциальный ресурс пассивности и недоверия к старшему поколению, озабоченности и неудовлетворенности своим положением, проявлений индивидуальных и групповых, стихийных и организованных форм социального протеста и деструктивности, разнообразных элементов радикализма и нигилизма, агрессии и экстремизма.

Примечания:

1. Чупров, В. И. Молодежный экстремизм: сущность, формы проявления, тенденции / В. И. Чупров, Ю. А. Зубок. – М.: Academia, 2009.
2. Тарасов, А. Н. Скинхеды – субкультура воинствующе антиинтеллектуальная... [Электронный ресурс] / А. Н. Тарасов, Ф. Морозова. – Режим доступа: http://screen.ru/Tarasov/interview_skins.htm (дата обращения: 04.08.2012).
3. Концепция государственной молодежной политики Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.budgetrf.ru/Publications/Magazines/VestnikSF/2001/vestniksf141-10/vestniksf141-10090.htm> (дата обращения: 18.08.2012).
4. Методические рекомендации по профилактике и противодействию экстремизму в молодежной среде [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<http://www.childpsy.ru/lib/articles/id/24789.php> (дата обращения: 18.08.2012).

3.4. ТЕРРОРИЗМ КАК УГРОЗА ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН)

Терроризм выходит за рамки стандартной политической практики и воспринимается как явление маргинальное, не вписывающееся в общепринятые правила политической борьбы. Вместе с тем в последние десятилетия он превратился в один из заметных феноменов политической жизни. Ученые относят террористическую деятельность к насильственным неконвенциональным типам политического поведения и участия.

Терроризм как тактика устрашения и насильственных действий направлен на достижение определенных политических целей. Террористы стремятся изменить внутреннюю или внешнюю политику государства. Кроме того, террористы диктуют обществу определенную линию поведения. Как метод политического действия терроризм избирают те политические силы, которые в силу различных обстоятельств не могут достичь своих целей, действуя в рамках, установленных рамками системы. Террористы бросают вызов признанным моральным и политическим ценностям, политическим и социальным институтам.

Характерной чертой, отличающей терроризм от уголовных преступлений, является проведение таких насильственных акций, которые способны ввергнуть общество в состояние шока, получить широкой резонанс, повлиять на ход политических событий и принятие решений.

Терроризм и экстремизм относятся к числу наиболее опасных и трудно прогнозируемых явлений современности, которые приобретают все более разнообразные формы и угрожающие масштабы. Террористические акты ведут к массовым жертвам, влекут разрушение материальных и духовных ценностей, подрывают стабильность политической и экономической системы государства, приводя к последствиям, которые приходится преодолевать в течение многих десятилетий.

С одной стороны, терроризм проявляет себя как несистемное маргинальное явление. Террористы бросают вызов государству и обществу, отвергая основы политической системы и разрушая действующие механизмы власти и управления.

С другой стороны, терроризм оказывается вплетенным в политическую жизнь, становясь одной из реалий, влияя на существенные моменты функционирования целого ряда политических институтов. Известно, что теракты не только оказывают существенное влияние на эмоционально-психологическое состояние общества. В ряде случаев отмечалось влияние активности радикалов на исход выборов, назначения и отставки высокопоставленных политических руководителей, деятельность партий и общественных движений.

Террористы стремятся заручиться поддержкой и сочувствием общества, апеллируя к фундаментальным принципам международного и национального права, стремясь, насколько это возможно при сохранении их убеждений, интегрироваться в политическую систему общества. Известно, что целый ряд террористических движений (например, в Северной Ирландии, баскских регионах и др.) имеют легальные политические ответвления, участвующие в выборах, а также сеть сочувствующих им средств массовой информации,

общественных объединений.

Можно спорить о политической эффективности современного терроризма с точки зрения декларируемых целей, но эмоционально-психологическое воздействие на политическое сознание, производимое терактами, очевидно.

Угроза терроризма становится все более универсальной в современном мире. Проблема противодействия террористическим вызовам актуальна практически для всех государств. События последних лет показали, что ни одна, даже самая благополучная и далекая от известных очагов радикализма страна не может быть застрахована от возможных террористических актов, причем источники их могут иметь как внешние, так и «отечественные» корни.

Выход терроризма на политическую арену стал сравнительно новым явлением для постсоветского пространства. Позже других государств с этим столкнулся Казахстан, где власти впервые признали террористические акты лишь в 2011 году. До этого угроза рассматривалась лишь как потенциальная, причем имеющая внешнее происхождение. В масс-медиа и ранее появлялись сообщения о задержании в стране иностранных террористов, участии казахстанцев в деятельности отдельных группировок в Афганистане, на Кавказе и на Ближнем Востоке. Но эти события рассматривались как частные случаи, не характеризующие ситуацию в целом.

Для Казахстана эскалация террористического насилия пришлась на прошлый год, когда взрывы и нападения на представителей силовых органов произошли сразу в нескольких регионах. Вслед за этим последовали спецоперации, аресты и суды над членами террористических организаций. Если ранее было принято считать, что Казахстан находится вне поля деятельности

террористов, и даже если они и появляются, то это лица, которые прячутся от преследования в своих странах. Серия взрывов и нападений на сотрудников правоохранительных органов, осуществленных за последние полтора года, оказалась неожиданностью не только для обывателей, но и для экспертов и государственных органов.

Более того, в прошлом году террористы в Казахстане впервые публично, с помощью размещенного в интернете видеобращения, предъявили претензии к власти. В частности, неизвестная прежде группировка «Джунд аль-Халифат» («Солдаты Халифата») потребовала внести изменения в законодательство о религии, пригрозив терактами. Позже радикалы взяли на себя ответственность за вылазки в Атырау и Алматинской области.

Согласно данным социологических опросов, население все серьезнее воспринимает угрозу терроризма. Так, согласно результатам опроса исследовательского агентства «Рейтинг.kz», проявления терроризма и экстремизма вошли в тройку наиболее существенных рисков для стабильного развития Казахстана [1].

В обществе так и не сложился единый взгляд на причины и проявления терроризма. В объяснении причин «внезапной» вспышки террористической активности на казахстанской почве одни придерживаются точки зрения о детерминированности данных явлений деформациями социально-экономического и политического развития последних десятилетий. Другие возлагают ответственность на внешние силы, будь то западные либо восточные государства или международные сети, имеющие далеко идущие экономические и геополитические интересы в регионе. Третьи же усматривают причины радикализации в закулисной борьбе, происходящей в среде политической элиты, прямо или косвенно использующей радикалов в своих корыстных целях.

Действительно, терроризм имеет целый комплекс причин социально-экономического, идеологического и политического характера. Кроме того, не последнюю роль играет внешний фактор, связанный с наличием очагов напряженности в ряде сопредельных государств.

Рост террористической активности связан со снижением уровня социальной, политической, экономической стабильности в обществе. Это дает почву для роста недоверия к власти и радикализации определенных социальных страт. Однако не следует проводить линейную связь между усилением террористической активности и уровнем социально-экономического развития. Безусловно, кризисные явления и снижение уровня жизни оказывают влияние на рост терроризма. Однако вспышки терроризма отмечаются и в экономически благополучных государствах.

Власть не уделяет достаточного внимания совершенствованию социальной структуры, что приводит к выключению части общества из легального политического поля, создавая ресурсную базу для пополнения экстремистского и террористического подполья.

В значительной степени распространение терроризма связано с идеологической атмосферой в обществе. Так, в определенных кругах культивируется романтическое восприятие радикализма как борьбы за веру и справедливость в противовес аморальной и коррумпированной власти.

На сегодняшний день, несмотря на жесткие действия властей, радикалы не испытывают трудностей в привлечении новых сторонников. Одним из наиболее эффективных методов рекрутирования в ряды террористических группировок является вербовка в местах заключения.

Терроризм в Казахстане, имея далеко идущие политические цели, объединяется с миром криминала, о чем свидетельствуют события в колониях в Балхаше и Актау, где были совершены масштабные попытки побега заключенных – приверженцев крайних религиозных течений. Сращивание радикализма с организованной преступностью и организация преступных сообществ по сетевому принципу становится реальностью.

Процессы интеграции терроризма, организованной преступности и радиальных группировок, действующих под различными политическими, религиозными или иными лозунгами несут угрозу политической системе.

В недавнем выступлении начальник управления «А» Министерства внутренних дел Казахстана Канат Лакбаев признал, что «экстремистские и террористические организации начали активно вмешиваться в криминальную деятельность, делить сферы влияния с преступными группировками для получения финансовых потоков и продолжения подрывной деятельности». По его данным, представители террористических организаций организуют в местах лишения свободы свои ячейки и начинают успешно конкурировать с традиционной преступной уголовной средой [2].

Террористы все чаще эксплуатируют религиозный фактор. Эта тенденция является общей для мусульманского мира, где по-прежнему злободневным является противостояние между умеренными светскими режимами и исламистским радикализмом. Наиболее реалистичной угрозой светским режимам представляется светским режимам мусульманских государств, которые, по мнению террористов, являются марионетками в руках Запада. Им на смену радикалы стремятся привести свои режимы, опирающиеся, с их точки зрения, на истинно исламские

ценности.

Между декларациями террористов и их реальными намерениями, как правило, существует значительная дистанция. Происходящее нужно рассматривать в контексте их стратегических и тактических целей. Лидеры подполья понимают, что создание Халифата как конечная цель – это утопия. На сегодня они формируют социальную и идеологическую базу с перспективой выхода на политическую арену. Им выгодна нестабильность в обществе, атмосфера страха, паники, разочарование во власти.

В будущем подобная «несистемная» оппозиция может стать реальным фактором политической жизни. Уход в ислам на фоне общего роста религиозности населения может стать для многих формой протеста против низкого уровня жизни, безработицы, коррупции. Нельзя не учитывать рост религиозности населения, что особенно характерно для поколения нынешних 20-30-летних молодых людей, сформировавшихся после краха атеистического режима. Отношение многих из них к вере уже выходит за рамки традиционных форм религиозности, бытовавших в Казахстане много десятилетий. Новое поколение мусульман не будет устраивать сложившаяся культовая практика. И чем глубже люди знают ислам, чем больше значит для них религия, тем более очевидны для них недостатки в работе структур официального духовенства и в идеологической работе.

В ближайшее время применительно к Казахстану и некоторым другим государствам Центральной Азии можно прогнозировать выход на авансцену политических сил, апеллирующих к ценностям ислама. Вопрос в том, будут это сторонники традиционных ценностей религии или радикалы, идеологически ориентирующие на внешние модели. Вспомним десятилетия противостояния власти

(прежде всего армии и силовиков) с «исламистами» на Ближнем Востоке. Там радикальные организации (в том числе практиковавшие террор) были под запретом, не допускались к выборам. Однако это не помешало им завоевать популярность и стать влиятельной силой. Это сыграло не последнюю роль в «арабской весне» и приходе к власти, в частности, в Египте, «братьев-мусульман».

Если запросы многих социальных слоев не находят своего удовлетворения в рамках действующих норм и правил, общество обращается к «третьим силам». Склонность использовать религию в своих целях резко возрастает. Религия может превратиться не в созидательную духовную энергию, а в инструмент радикалов в борьбе за власть. Есть признаки того, что некоторые политики рассматривают возможность разыграть исламскую карту. Следует предостеречь их. Можно выпустить джинна из бутылки. Безусловно, ныне вряд ли кто-то даже из экстремистских идеологов всерьез рассчитывает на превращение Казахстана в часть всемирного Халифата. Но для них более злободневной является задача примерить на себя образ мучеников, борцов с режимом, таких мусульманских Робин Гудов. Эти силы могут постепенно обрести и политические амбиции, удовлетворять которые они будут, естественно, не в том формате, который задается действующей системой.

Культивируемые радикалами модели социального и политического поведения зачастую оказываются несовместимыми с государственно-политическими институтами (в том числе и с институтами традиционного ислама), а потому в своем развитии требуют формирования новых институтов власти, форм общежития и социальной организации.

Политический и религиозный терроризм – радикальные феномены, несущие серьезную опасность для

национальной безопасности и светского государственного строя. Этой угрозе необходимо противопоставить систему мер правового, идеологического, социально-политического и иного противодействия.

В современной действительности проблема борьбы с терроризмом стоит особенно остро. Терроризм в любых формах своего проявления превратился в один из наиболее серьезных вызовов системе национальной безопасности. Власти должны осознать, что терроризм – это не изолированная проблема, которую можно решить, оставляя все остальное в обществе в неприкосновенности. Терроризм порождается коррумпированной и нетранспарентной политической реальностью. Все это – благоприятная среда для радикализма любых мастей.

Силовое сдерживание было долгое время основным элементом в борьбе с терроризмом. При этом недостаточное внимание уделялось проблеме ресурсной базы террористического подполья террористического подполья, а также вопросам восприятия антитеррористических мер в различных социальных группах. Для Казахстана и других государств СНГ по-прежнему актуальным остается вопрос о формировании системы контрпропаганды и антитеррористического просвещения.

Идеологические устои общества должны отвергать любое политически мотивированное насилие. При этом необходимо обратить внимание на формирование среди различных социальных групп соответствующих установок нетерпимости к силовым методам решения политических проблем.

Важной предпосылкой противостояния терроризму служит стабилизация экономического и политического положения, укрепление демократических принципов в общественно-политической жизни. Необходимо

сформировать сильные институты гражданского общества, в котором резко сузится социальная база терроризма.

Для вытеснения терроризма необходима выработка высокой политической и правовой культуры в обществе, четкое установление правовых санкций за террористические действия.

В долгосрочной перспективе необходимо признать, что без разрешения политико-экономических и социальных проблем, приведших к возникновению терроризма, борьба с ним никогда не будет в полной мере успешной. Требуют исследования вопросы формирования и функционирования социальных ниш, в которых возвращается идеология терроризма, а также вербуются сторонники радикальной идеологии.

На сегодня и в среднесрочной перспективе у религиозных радикалов не будет возможности институционализироваться в качестве легитимной политической силы в Казахстане. Во-первых, действующая Конституция не допускает возможности создания партий на религиозной основе. Во-вторых, даже если этот запрет будет снят, формализация и легализация радикальной религиозной оппозиции потребует длительного времени. И, в-третьих, террористы и экстремисты вряд ли смогут заручиться широкой поддержкой в обществе. Но радикализм ищет почву в среде слабых и угнетенных. Поэтому движения, заявляющие о приверженности исламу, стремлению к равенству, противостоянию несправедливости и коррупции, могут заручиться определенной поддержкой.

Тем не менее, можно утверждать, что на сегодня терроризм уже превратился в серьезный фактор дестабилизации политической системы Казахстана и других государств постсоветского пространства. Пока радикальные силы представляют собой внесистемный

фактор на политическом поле и оказывают лишь косвенное влияние на социально-политические процессы, однако в будущем не исключены попытки интеграции сил, близких к экстремистским и террористическим группировкам, в политическую систему.

Примечания:

1. Рейтинг вероятных рисков для стабильного развития Казахстана // <http://agencyrating.kz/rating-ugroz-2/>
2. Терроризм в Казахстане вышел на самофинансирование // http://news.headline.kz/chto_v_strane/terrorizm_v_kazahstane_vyishel_na_samofinansirovanie.html

3.5. МЕТОДЫ ЛЕГИТИМИЗАЦИИ МЕЖГОСУДАРСТВЕННОГО ЭКСТРЕМИЗМА

Заявление кандидата в президенты США от Республиканской партии Митта Ромни о том, что не Иран и КНДР, а Россия выступает главным геополитическим врагом США, можно оценивать не иначе, как экстремистским. Несмотря на то, что позже американская администрация призвала политиков Республиканской партии выбирать выражения в комментариях по вопросам международных отношений и заверила Россию, что отнюдь не считает ее врагом, становится очевидным, что в политических кругах США немало сторонников взглядов Ромни.

Критика антирусской позиции сенатора Ромни и реверансы в сторону России вполне объяснимы – необходимо притупить опасения и обеспокоенность потенциального противника и заставить его поверить в отсутствие враждебности по отношению к нему.

Красноречиво говорит о недружелюбной позиции политической элиты, идеологов и организаторов военной доктрины США их упорное нежелание свернуть программы по подготовке системы противоракетной обороны НАТО в странах Восточной Европы и «опоясывание» границ России военными базами Североатлантического альянса в странах Ближнего Зарубежья.

То, что эта система ПРО направлена не против России, а против Ирана, уже мало кого убеждает. Особенно после того, как российская сторона предложила блоку НАТО разместить систему ПРО в Азербайджане и получила невнятный, но тем не менее недвусмысленный отказ. Видимо близ России военная система защиты американских интересов от иранских «агрессоров» куда эффективнее, нежели если бы она размещалась по соседству с Ираном!

Кстати, представление «главных геополитических врагов» американских национальных интересов США «агрессорами» в глазах мировой общественности – излюбленный метод укрепления политической и экономической мировой гегемонии США и геополитического «расширения НАТО на Восток».

Все это приводит к мысли, что главными субъектами межгосударственного экстремизма, агрессорами являются как раз те страны, кто активно позиционирует себя главными борцами с экстремизмом и терроризмом. Просто сенатор Ромни, может быть, случайно оговорившись, открыто высказал то, о чем думают его коллеги по политическому цеху, но всеми силами стремятся это не афишировать.

Рассмотрение России как врага номер один и фактически враждебная политика США к России, прикрытая завесой показного дружелюбия, приравнивается

к экстремистским взглядам и такого же рода действиям, носящим крайний характер, поскольку экстремизм – это «приверженность крайним взглядам и мерам» [2].

Если к России агрессия США в целом завуалирована, если не считать недоразумений вроде высказываний возможного будущего президента США Ромни, то угрозы в адрес правительств Сирии, Северной Кореи, Ирана, а ранее Ливии, Ирака, Афганистана, Югославии, политика которых шла и идет вразрез с национальными интересами США, в общем-то, и не скрываются. Вспомним хотя бы то, что готовящееся развертывание ПРО направлено якобы не против Российской Федерации, но против Ирана. Подобная открытость вполне понятна. Иран более слаб, не говоря уже о Сирии и Северной Корее, чем Россия, а США и другие страны НАТО в последнее десятилетие действуют в основном с позиции силы. Если в 1990-е годы по окончании противостояния СССР и США последние вмешивались во внутренние дела других государств под прикрытием борьбы за права человека, демократизации «тиранических» режимов, миротворческой деятельности, то в 2000-е годы после провозглашения бывшим президентом США Джорджем Бушем-младшим «новой доктрины» НАТО главным предлогом военной интервенции блока стала «защита национальных интересов США». Уже вызывает недоумение тот факт, что другие страны НАТО, по сути, обслуживают большей частью не свои, а «национальные интересы США». То есть блок НАТО стал неким сателлитом или вассалом США.

Важной причиной открытой недоброжелательности мирового гегемона к странам-изгоям является их «демонизация» в сознании мирового сообщества. Формирование негативного имиджа экономического конкурента или политического противника всегда было эффективным оружием на службе мировых

«конкистадоров», несущих цивилизацию варварским народам. Вспомним сравнительно недавний инцидент грузино-осетинской войны августа 2008 года, когда режим Михаила Саакашвили устроил побоище южных осетин. То же самое было бы и с абхазами, если бы не вмешалась Россия. США не только не выразили возмущение по поводу нарушений прав человека в Грузии и геноцидом грузинами осетин (как когда-то они возмущались тем же самым, но уже в адрес российского федерального правительства, ущемляющего права чеченского народа), но более того выдавали в средствах массовой информации пылающий осетинский Цхинвали за грузинский Гори, а бесчинства грузин – за действия российских военных подразделений, вторгнувшихся на территорию соседнего государства [1]. То есть уже сегодня ясно, что это было больше, чем грузино-осетинский или грузино-абхазский конфликт, это была провокация спецслужб США для дискредитации «главного геополитического врага» – России, а возможно и развязывания войны против России, хотя мы не можем это с точностью утверждать, так как провокация сорвалась.

Дискредитация неугодных государств, формирование негативного имиджа таких государств в мировом общественном сознании является главным инструментом легитимизации экстремистской деятельности стран – устроителей глобального мирового порядка.

Неугодными мировым державам страны могут быть, как минимум, по трем причинам – либо они отчаянно пытаются сохранить свою независимость от мировых хозяев в силу собственной самодостаточности, как это было с Югославией, либо стремятся выйти из-под опеки транснациональных корпораций, управляющих мировым сообществом главным образом через страны НАТО, как это было с Ливией, Ираком и Афганистаном, либо ресурсы

этих стран находятся в сфере экономических интересов ведущих держав (это опять же Ливия, Ирак и Иран).

Создание образа страны-агрессора, являющееся предлогом и оправдательным мотивом для вмешательства стран-лидеров во внутренние дела стран-изгоев, может иметь разные формы.

Во-первых, запускается массовая истерия по поводу наличия оружия массового поражения у стран-изгоев и намерений его применения в отношении других государств. В качестве примеров можно привести факт поиска оружия массового поражения в Ираке; правда, в Ираке это оружие так и не нашли, зато свергли правящий режим Ирака, казнили через международный трибунал Саддама Хусейна, принесли Ираку смерть, хаос и разруху [3]. Или Северная Корея, которой оказалось непозволительно иметь ядерное оружие, хотя все мирятся с тем, что у ведущих держав мира оно есть [4].

Во-вторых, вскрываются факты геноцида титульной нации по отношению к национальным меньшинствам (примером может служить Югославия, где сербы обвинялись в истреблении хорватов, боснийцев и косовских албанцев).

В-третьих, вмешательство во внутренние дела государств может осуществляться в ходе «миротворческих операций» с целью урегулирования внутренних межэтнических, межконфессиональных, социальных конфликтов, прекращения гражданских войн. Примером является Югославия (правда смущает то, что бомбардировки мирного населения оцениваются как миротворческая операция) [5] и Сирия. Историческим примером является интервенция стран Антанты во время Гражданской войны в Советской России 1918 – 1922 годов.

В-четвертых, миссия приобщения к претендующим на универсальность таким западным ценностям, как

демократия, толерантность и права человека, стран со слабыми, по оценке мировых экспертов, «демократическими и гуманистическими традициями» может проводиться с намерением мониторинга и выявления неблагонадежных стран, абсолютно не способных к усвоению западных ценностных парадигм. В данном случае в таких странах возможна либо прямая военная интервенция «цивилизаторов», либо организация «цветных революций», организованных оппозицией, финансируемой из-за рубежа, и заканчивающихся заменой элиты правящих режимов марионеточными правительствами, подконтрольными мировым державам. Причем внедряются с большей силой в сознание «цивилизуемых» народов не самые продуктивные эталоны толерантного отношения. Все более навязчиво проталкивается идея толерантного отношения не столько к национальным и религиозным (это незаметно начинает отступать на второй план), сколько к сексуальным меньшинствам. У народов, большинства которых все еще сохраняют устойчивый комплекс традиционных ценностных ориентиров, особенно превалирующих религиозных устойчивых установок это неизбежно вызывает раздражение и отторжение, что дает повод полагать наличие у этих народов высокого порога сопротивляемости к «общечеловеческим» принципам и, как следствие, неразумности. А, как известно, с неразумными договориться невозможно, и в связи с этим вполне оправданно применение силы к этим народам, что также повышает возможности военной интервенции «конкистадоров» мирового глобализма.

Конечно, это далеко не полный перечень методов легитимизации межгосударственного экстремизма, однако он имеет вполне актуальную, реальную основу, он нам задан не потенциально, а уже состоялся или имеет место

быть. Это реальные вызовы времени, несвоевременные и неадекватные ответы на которые могут привести в тупик развитие мировой цивилизации.

Примечания:

1. Борисов Т. Подлог в прямом эфире: Телеканал CNN обманул своих зрителей, используя чужие съемки // Российская газета – Федеральный выпуск №4747 [Электронный ресурс] // Т. Борисов – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2008/09/10/podlog-cnn.html> (Дата обращения: 10.09.2008).

2. Бубнов Ю. Протестное поведение и права человека [Электронный ресурс] // Ю. Бубнов. – Режим доступа: <http://terroristica.info/node/303> (Дата обращения: 11.11.2010).

3. Оружие массового поражения в Ираке — «Большая ложь» Буша и кризис американского империализма [Электронный корпус] // Режим доступа: www.wsws.org/ru/2003/jun2003/wmd-j24.shtml (Дата обращения: 10.10.2012).

4. Шарий Л. Северная Корея и Совет Безопасности – кто кого напугает: интервью с Владимиром Кумачевым, вице-президентом Института национальной безопасности и стратегических исследований [Электронный ресурс] // Любовь Шарий – Режим доступа: <http://www.politcom.ru/article.php?id=3564> (Дата обращения: 17.10.2006).

5. Югославия. Геноцид братского народа // Темная сторона Америки империализма [Электронный корпус] // Режим доступа: <http://www.usinfo.ru/jugoslavijaindex.htm> (Дата обращения: 11.10.2012).

ГЛАВА 4.

РОССИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ В ПРОТИВОСТОЯНИИ ЭКСТРЕМИЗМУ

4.1. РУССКАЯ ФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ О МИССИИ РОССИИ: ЭКСТРЕМИЗМ И ТОЛЕРАНТНОСТЬ

Лейтмотивом русской философской мысли были проблемы свободы, ответственности, совершенствования мира и человека. По словам С.Л. Франка, «русское мировоззрение можно считать практическим в высоком смысле слова: оно изначально всегда рассчитано до некоторой степени на улучшение мира, мировое благо и никогда - лишь на одно понимание мира. Едва ли можно назвать хотя бы одного национального русского мыслителя, который бы не выступал одновременно в качестве морального проповедника или социал-реформатора, иначе говоря, в некотором смысле не стремился бы улучшить мир или возвестить идеал»[6]. Однако Ф.М. Достоевский, говоря о стремлении изменить мир, показывает два лица этого стремления: Ивана Карамазова (высокое, философское явление революционности и мессианизма, человека, которому «не надо миллионов, надо мысль разрешить») и Павла Смердякова (низкое, лакейское проявление этой тенденции). По словам Н.А. Бердяева, «Смердяков есть другая половина Ивана Карамазова, обратное его подобие.... Смердяков - внутренняя кора Ивана»[1]. Поэтому необходимо разобраться в целях и средствах русского мессианизма.

Мессиански настроенные мыслители, безусловно, преследуют благие цели. Все они видят несовершенство окружающего мира, в частности, современной им Европы.

Все они без исключения признавали тот факт, что в научно-техническом развитии Европа ушла далеко вперед и может послужить примером для остального мира. Неприятие философов вызывала не Европа в целом, а ее современное состояние, приметой которого они называли бездуховность, разобщенность, искусственное уравнивание людей и отсутствие нравственных ориентиров. Кроме того, все они без исключения считают, что, прежде чем менять мир, Россия должна изменить, улучшить себя. Мыслители высказали много горьких истин о многолетнем деспотизме и рабской психологии народа как его следствии («Каким же образом, скажите, - с возмущением спрашивает П.Я. Чаадаев - могли зародиться хотя бы самые элементарные понятия справедливости, права, какой-либо законности под управлением власти, которая со дня на день могла превратить в рабов целое население свободных людей?... Было бы притом большим заблуждением думать, будто влияние рабства распространяется лишь на ту несчастную, обездоленную часть населения, которая несет его тяжелый гнет; совершенно наоборот, изучать надо влияние его на те классы, которые извлекают из него выгоду. В России все носит печать рабства – нравы, стремления, просвещение и даже вплоть до самой свободы, если только последняя может существовать в этой среде[7]»), противоречивом и неустойчивом характере русского человека, допускающем любые подлости (чего стоит фраза К.Н. Леонтьева, что русский человек может быть святым, но не может быть честным), о пассивности людей. Даже сохраненные Россией основы «правильной» жизни в настоящее время искажены и частично забыты. Поэтому для осуществления своей миссии в мире Россия должна сначала обнаружить и осуществить идеал в самой себе. Подобная самокритичность – одна из предпосылок толерантности.

Говоря о несовершенстве мира, русские мыслители желали построить новый мир на гуманной и справедливой основе. П.Я. Чаадаев говорил, что предназначение России – учесть в своем развитии опыт всех народов и построить новый мир. Славянофилы видели в России носительницу истинной веры и цельного духа – начал, на которых должен быть создан новый мировой порядок. Социалисты - утописты (А.И. Герцен, Н.Г. Чернышевский) и революционные народники (П.Л. Лавров, М.А. Бакунин) считали, что в силу сохранившегося общинного устройства Россия может без потрясений и ужасов капитализма перейти к социализму и увлечь своим примером Европу. Для К.Н. Леонтьева миссия России заключалась в сохранении остатков византизма и отделении от Европы (он единственный из упомянутых мыслителей не верит, что Европа последует за Россией). Для В.С. Соловьева – в осуществлении Россией диалектического объединения невежественной цельности Востока и ученой разобщенности Запада, результатом чего должно стать единение человека с Богом и превращение его в Богочеловечество. Для Н.А. Бердяева – в ликвидации зависимости людей от материального мира и уничтожение различий между культурами. Даже марксизм, по мнению Н.А. Бердяева, нашел в России благодатную почву в силу своего мессианского элемента. В интерпретации русским мыслителем марксизма «человек целиком детерминирован экономикой в капиталистическом обществе.... Но в будущем может быть иначе, человек может быть освобожден от рабства. И активным субъектом, который освободит человека от рабства и создаст лучшую жизнь, является пролетариат. Ему приписываются мессианские свойства, на него переносятся свойства избранного народа Божьего, он новый Израиль»[2]. Все мессиански настроенные мыслители, за исключением К.Н. Леонтьева,

были уверены, что в будущем глобальном мире установится всеобщее счастье и исчезнут противоречия между людьми. В новом мире не будет места насилию и притеснению одних людей другими.

Улучшение мира, по общему мнению философов, немислимо без улучшения каждого отдельного человека. Славянофилы, а вслед за ними В.С. Соловьев уверены, что путь к соборному и богочеловеческому единству начинается с обретения личностью цельного знания и цельной жизни. Цельное знание должно быть основано на синтезе всех человеческих способностей – разума, воли, веры – и проникнуто любовью к миру и стремлением его улучшить. По словам И.В. Киреевского, "главный характер верующего мышления заключается в стремлении собрать все отдельные части души в одну силу, отыскать то внутреннее средоточие бытия, где разум и воля, и чувство, и совесть, и прекрасное, и истинное, и удивительное, и желанное, и справедливое, и милосердное, и весь объем ума сливается в одно живое единство, и таким образом восстанавливается существенная личность человека в ее первозданной неделимости"[5, с.275.]. Идея любви к человеку присутствовала и в воззрениях революционеров. Говоря о радикально настроенных мыслителях, в частности, о В.Г. Белинском, Н.А. Бердяев отмечает, что «исток... атеизма было сострадание к людям, невозможность примириться с идеей Бога в виду непомерного зла и страданий жизни. Это атеизм из морального пафоса, из любви к добру и справедливости. Из сострадания к человеку, из бунта против общего (идеи, разума, духа, Бога), давившего живого человека, Белинский делается социалистом»[2]. Таким образом, в новом обществе, которого желали русские философы, не должно быть подавления личности.

Еще один признак русской философии – повышенная

ответственность за судьбы людей и мира в целом. Думая о человечестве и собственной роли в его жизни, А.С. Хомяков писал: «Не говорите много о праве и правах, и не очень слушайте тех, которые говорят о них; но слушайте охотно тех, которые говорят об обязанности, потому что обязанность есть единственный живой источник права. Знание собственного права в сильном ничего не значит, освящая только его волю, а в бессильном оно ничтожно по самому его бессилию. Знание же обязанности связывает сильного, созидавая и освящая права слабых. Себялюбие говорит о праве; братолюбие говорит об обязанности»[8, С.126]. Один из героев Ф.М. Достоевского (его прототипом, по наиболее распространенной версии, был старец Паисий Величковский) был убежден, что человечество станет счастливым лишь тогда, когда каждый человек поймет, что он один виноват в грехах всех людей, и будет дено и ношно пытаться искупить все человеческие ошибки. Эти мысли повторяют идейные противники религиозных мыслителей - философы – революционеры. В.Г. Белинский говорил: «если бы мне и удалось влезть на верхнюю ступень лестницы развития, – я и там попросил бы отдать мне отчет во всех жертвах условий жизни и истории, во всех жертвах случайностей, суеверия, инквизиции Филиппа II и пр., и пр.: иначе я с верхней ступени бросаюсь вниз головой. Я не хочу счастья и даром, если не буду спокоен насчет каждого из моих братьев по крови – костей от костей моих и плоти от плоти моей»[Цит. по 2]. С этой мыслью перекликается теория П.Л. Лаврова, призывающего интеллигенцию «вернуть долг народу».

Таким образом, русские мыслители желают построить новое общество, в котором не будет места насилию, подавлению личности, экстремизму. Однако факты русской истории (террор «Народной воли» и эсеров, революции

1905 и 1917 гг.) показывают, что экстремизм был достаточно распространен в России и часто поощряем определенными слоями населения. Так, теоретик революционного народничества П.Н. Ткачев полагал, что основная идея борьбы за лучший мир - захват власти революционным меньшинством. Для этого нужно дезорганизовать существующую власть путем террора. Народ, по мнению Ткачева, всегда готов для революции, потому что он лишь материал, которым пользуется революционное меньшинство. Факторы, способствующие развитию экстремизма, можно поделить на исторические, ментальные и религиозно-философские.

Н.А. Бердяев, исследуя факторы, приведшие Россию к революции, отмечает, что русские революционеры провозглашают идеи мессианизма (религиозный мессианизм постепенно заменяется у них мессианизмом социалистическим) – мира, любви, справедливости. Однако далее мыслитель выделяет причины, по которым «русский делает историю Богу из-за слезинки ребенка, возвращает билет, отрицает все ценности и святыни, он не выносит страданий, не хочет жертв. Но ... он увеличивает количество пролитых слез, он делает революцию, которая вся основана на неисчислимых слезах и страданиях»[1].

История и современная революционерам ситуация в России во многом провоцировала терроризм и насилие. Одна из причин склонности интеллигенции к экстремизму – в социально-политической ситуации в России. В условиях самодержавной власти большинство людей (дворян, интеллигенции, не говоря о других слоях общества) было отстранено от реальной деятельности по преобразованию страны, проявления инакомыслия сурово наказывались (достаточно вспомнить репрессии против А.Н. Радищева, И.В. Киреевского, А.И. Герцена, В.Г.

Белинского, Н.Г. Чернышевского, казни и ссылки декабристов и петрашевцев). В этой обстановке террор часто был единственным способом изменить страну и заставить власть к себе прислушаться.

Еще одна причина, обусловившая экстремистскую форму борьбы за лучший мир - крепостное право. По мнению Н.А. Бердяева, оно имело двойственное влияние на взгляды русской интеллигенции. С одной стороны, ее мучило постоянное чувство вины перед народом и стремление улучшить его жизнь. С другой стороны, многие историки и мыслители отмечают разрыв интеллигенции с народом, полное непонимание его интересов и желаний. Так, В.О. Ключевский отмечал, что русская интеллигенция скоро почувствует себя в положении продавщицы конфет голодным людям. Поэтому среди революционной интеллигенции было распространено желание улучшить жизнь народа, не спрашивая его мнения. Многие радикально настроенные мыслители были согласны (не всегда осознанно) с мыслью, с горечью высказанной П.Я. Чаадаевым: «что бы ни совершилось в слоях общества, народ в целом никогда не примет в этом участия; скрестив руки на груди – любимая поза чисто русского человека, – он будет наблюдать происходящее и по привычке встретит именем батюшки своих новых владык, ибо – к чему тут обманывать себя самих – ему снова понадобятся владыки, всякий другой порядок он с презрением или гневом отвергнет»[7].

Корни экстремизма можно проследить также в особенностях русского национального самосознания. Многие наблюдатели отмечают такую особенность русского сознания, как склонность к крайностям, отсутствие чувства меры. По словам Н.А. Бердяева, «Русский народ с одинаковым основанием можно характеризовать как народ государственно-деспотический

и анархически-свободолюбивый, как народ, склонный к национализму и национальному самомнению, и народ универсального духа, более всех способный к всечеловечности, жестокий и необычайно человечный, склонный причинять страдания и до болезненности сострадательный»[2]. Часто религиозность русских резко переходит в воинствующий атеизм, слепая покорность власти – в анархизм, желание до основания разрушить существующие порядки.

Еще одна особенность русского сознания, обусловившая революцию и особенности ее протекания, - догматизм, некритическое восприятие существующих идей. По словам Н.А. Бердяева, даже материализм, основанный на естественнонаучных знаниях, воспринимался в России не как научно – философская теория, а как религиозная доктрина. Это в значительной мере обусловило радикализм решения социальных вопросов.

Мысли и выводы, к которым пришли философы, также провоцировали насилие и нетерпимость. Причиной экстремистских проявлений являются, как ни странно, мессианские взгляды русских мыслителей. Говоря об особом положении, знании и предназначении России, философы возвышают Россию над другими странами и противопоставляют ее остальному миру. Так, сравнивая Европу и Россию, И.В. Киреевский пишет: «там раздвоение сил разума - здесь стремление к их живой совокупности; там движение ума к истине посредством логического сцепления понятий - здесь стремление к ней посредством внутреннего возвышения самосознания к сердечной цельности и средоточию разума; там искание наружного, мертвого единства - здесь стремление к внутреннему, живому; там Церковь смешалась с государством, соединив духовную власть со светскою и

сливая церковное и мирское значение в одно устройство смешанного характера, - в России она оставалась не смешанною с мирскими целями и устройством; там схоластические и юридические университеты - в древней России молитвенные монастыри, сосредоточивавшие в себе высшее знание; там рассудочное и школьное изучение высших истин - здесь стремление к их живому и цельному познанию; там взаимное прорастание образованности языческой и христианской - здесь постоянное стремление к очищению истины; там государственность из насилий завоевания - здесь из естественного развития народного быта, проникнутого единством основного убеждения; там враждебная разграниченность сословий - в древней России их единодушная совокупность при естественной разновидности; там искусственная связь рыцарских замков с их принадлежностями составляет отдельные государства - здесь совокупное согласие всей земли духовно выражает неразделимое единство»[4, с. 210]. Поэтому в учениях консервативных мыслителей мессианизм приобретает ярко выраженную национально-конфессиональную окраску. В таком ключе ответственность за судьбу мира (и у консерваторов, и у революционеров) перерастает в навязывание народам своего образа жизни. Н.А. Бердяев предостерегал от подобного понимания миссии России, говоря, что подлинный мессианизм не должен иметь национальной окраски, а Россия, уверенная в своем национальном превосходстве и праве решать чужие судьбы, часто становится не спасительницей других народов, а их угнетательницей[3].

Религия также сыграла двойственную роль в понимании экстремизма и толерантности. С одной стороны, именно в ней мессиански настроенные мыслители черпали свои идеалы. В духе православия были воспитаны не только А.С. Хомяков, И.В. Киреевский, В.С.

Соловьев, Н.А. Бердяев, но и Н.А. Добролюбов, Н.Г. Чернышевский, А. Желябов. Кроме того, религиозное воспитание сообщило многим из них такие черты, как самоотверженность, любовь к людям. По словам Н.А. Бердяева, «удивительная жертвоспособность людей нигилистического мирозерцания свидетельствует о том, что нигилизм был своеобразным религиозным феноменом»[2].

С другой стороны, в глазах религиозных мыслителей православие отграничивает Россию от мира и способствует росту нетерпимости. А.С. Хомяков оставил такой отзыв о католической церкви: «Христианин, некогда член Церкви, некогда ответственный участник в ее решениях, сделался подданным Церкви. Она и он перестали быть единым: он был вне ее, хотя оставался в ее недрах. Ни испорченность всей христианской среды, ни даже личная испорченность самого папы не могли иметь на непогрешимость никакого действия. Папа делался каким-то невольным оракулом, каким-то истуканом из костей и плоти, приводимым в движение затаенными пружинами. Для христианина этот оракул ниспадал в разряд явлений материального свойства, тех явлений, которых законы могут и должны подлежать исследованиям одного разума; ибо внутренняя связь человека с Церковью была порвана. Закон чисто внешний и, следовательно, рассудочный, заступил место закона нравственного и живого, который один не боится рационализма, ибо объемлет не только разум человека, но и все его существо»[9, с. 68]. Подобные взгляды не могут способствовать диалогу церквей. Революционеры же, разочаровавшись в христианской религии, создали свой тип религии. Как отмечал Н.А. Бердяев, «нигилизм нужно признать религиозным феноменом. Возник он на духовной почве православия, он мог возникнуть лишь в душе, получившей православную формацию. Это есть

вывернутая наизнанку православная аскеза, безблагодатная аскеза. В основе русского нигилизма, взятого в чистоте и глубине, лежит православное мироотрицание, ощущение мира лежащим во зле, признание греховности всякого богатства и роскоши жизни, всякого творческого избытка в искусстве, в мысли». Подобные взгляды вкупе с отрицательным отношением к существующим порядкам и желанием их изменить часто порождают экстремистские поступки.

Таким образом, социально-политическое состояние России, особенности русского менталитета, философские взгляды формировали благие цели – мир гармонии, добра и справедливости. Однако для достижения этих целей часто предлагается использовать насильственные, экстремистские средства.

В «Легенде о Великом инквизиторе» Ф.М. Достоевский ставит вопрос: можно ли осчастливить людей насильно, если они не знают и не понимают предлагаемого счастья? Писатель дает однозначно отрицательный ответ. История знает множество подтверждений того, что насилие даже в самых благих целях не приносит людям счастья, не улучшает мир и часто оборачивается против самих экстремистов.

Примечания:

1. Бердяев Н.А. Души русской революции // <http://lib.ru/HRISTIAN/BERDQEW/duhi.txt>
2. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма // <http://lib.rus.ec/b/169602/read>
3. Бердяев Н.А. Судьба России // <http://lib.ru/HRISTIAN/BERDQEW/rossia.txt>
4. Киреевский И.В. О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России // Киреевский И.В. Разум на пути к истине. М.:

- "Правило веры", 2002.
5. Киреевский И.В. Отрывки // Полн. Собр. Соч. - СПб.: 1911.
 6. Франк С.Л. Русское мировоззрение // http://www.patriotica.ru/religion/frank_rus_mir.html
 7. Чаадаев П.Я. Отрывки и афоризмы / Чаадаев П.Я. Философические письма (сборник) // <http://www.lib.rus.ec/b/168572/read>
 8. Хомяков А.С. К сербам. Послание из Москвы // Русский архив. Кн. 3. М., 1876.
 9. Хомяков А.С. Несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях // Хомяков А.С. Сочинения богословские. – СПб.: Наука, 1995.

4.2. ЭКСТРЕМИЗМ КАК УГРОЗА БЕЗОПАСНОСТИ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИЭТНИЧНОГО СОЦИУМА.

Современная социальная ситуация в мире, характеризующаяся динамизмом, усиливающимися тенденциями изменчивости, разнообразием формирующихся социальных контекстов, порождает высокую вариативность поведенческих моделей и идеологических установок. Тем самым стержневые элементы общества, вокруг которых оно консолидируется, размываются и могут становиться неопределенными. Экстремизм является наиболее серьезной угрозой безопасности общества, личности и государства. Источники развития экстремистских форм самосознания связаны с нарушением представлений о самом понятии гражданства для отдельных представителей российского общества: с одной стороны, формальная принадлежность к государству, а с другой -

очень слабое ощущение защищенности и безопасности. При выборе жизненных ориентиров в условиях переходного общества усилилась тенденция к риску и агрессии (особенно в молодежной среде). Застойная бедность, социальное отчуждение порождают недовольство, тревожность и попытку обеспечить «самозащиту» в меру субъективного представления о допустимом, что проявляется в крайней агрессивности, девиации, фанатизме и нигилизме. В настоящее время Северо-Кавказский федеральный округ является самым сложным регионом России с точки зрения обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития Российского государства. Особенность его геополитического положения, наличие национальных республик, возникновение горячих точек, появление массовых потоков этнических миграций, активная деятельность международных террористических организаций создает необходимость в глубоком комплексном пространственно-временном анализе и моделировании социально-экономических и социально-политических процессов на юге России. Эту работу осуществляет Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН.

Эффективность и практическая значимость таких исследований имеет несомненный результат лишь в том случае, если в его основу положен комплексный мониторинг, основанный на использовании геоинформационных технологий и представляющий собой систему повторяющихся наблюдений, оценки и прогноза состояния террористической активности в регионе на различных территориальных уровнях.

Целью такой работы является разработка геоинформационной экспертной системы, позволяющей

проводить пространственно-временной мониторинг террористической активности, оценивать и прогнозировать угрозы национальной и региональной безопасности на Юге России.

Возникновение межэтнических проблем, политизация этничности, имевшая место в 1990-х годах, привела к серьезным проблемам на Юге страны, не урегулированным полностью до настоящего времени [1, С. 9].

Политологи, психологи, антропологи, этнографы уже давно уделяют внимание проблемам экстремизма, радикализма, терроризма на Юге России. [2, С. 233-245] Юг России представляет собой пограничное пространство, в котором назревают различные проблемы, связанные в первую очередь с многонациональностью региона. Можно выделять конфессиональные, социально-экономические, социально-демографические и политические причины этих проблем.

Проведя анализ этнополитических и этноконфессиональных процессов на Юге России экспертами выделяются определенные этапы развития экстремизма и радикализма [3, С. 27-28]. В 2003-2005гг. отмечалось распространение расизма, привнесенного из других регионов, появление скинхедов, конфликты на расовой почве. Экстремистскими силами предпринимались попытка использовать мигрантофобию, исламофобию, кавказофобию в своих интересах с целью раскола полиэтничного социума, распространения языка вражды, взаимного недоверия и последующего распада единого государства.

Экстремизм (от лат. *extremus* – крайний) – приверженность к крайним взглядам и, в особенности, мерам (обычно в политике). Понятию «экстремизм» ПАСЕ дала определение еще в 2003 году. Согласно которому, «экстремизм – это такая форма политической

деятельности, которая прямо или косвенно отвергает принципы парламентской демократии». Экстремизм - идеология и практика политической борьбы с применением самых крайних мер, методов и средств, пренебрегающих и попирающих все нравственные и правовые нормы общественной жизни.

В России юридическое определение того, какие действия считаются экстремистскими, содержится в статье 1 Закона «О противодействии экстремистской деятельности». В июне 2006 в Госдуму внесено предложение, существенно расширившее перечень деяний, рассматриваемых как экстремистские, в частности - деятельность общественных организаций, СМИ или физических лиц по организации действий, направленных на насильственное изменение основ конституционного строя; нарушение целостности и подрыв безопасности РФ; захват или присвоение властных полномочий; создание незаконных вооружённых формирований и др. Так, в статье 13 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» сказано: « на территории Российской Федерации запрещается распространение экстремистских материалов, а также их производство или хранение в целях распространения», а в «Российской газете» 29 декабря 2011 года опубликован Федеральный список экстремистских материалов [4].

В обществе, переживающем острый кризис, активно идет процесс имущественного расслоения, идеологического размежевания, организационного оформления политических движений, партий, различного рода фронтов и организаций, исповедующих различные политические взгляды и ведущих борьбу за власть. Происходит полномасштабная социально-экономическая, политическая и даже психологической поляризации населения. Значительно повышается интерес к

экстремизму у людей, испытывающих фрустрации и депрессии, в переломные периоды развития переходного общества.

Подобная поляризация очень выгодна представителям несистемной оппозиции и характерна для экстремистских представлений. Экстремистское сознание характеризуется отражением социального мира в сугубо черно-белых красках, отражением, в котором противостоящие в конфликте субъекты представляются как абсолютно несовместимые и взаимно исключающие друг друга противоположности. То есть, непримиримо враждебного противоречия, могут разрешаться, по мнению экстремистов, только в бескомпромиссной и беспощадной борьбе - борьбе «не на жизнь, а на смерть». На подобном разделении общества выстраиваются представления о себе и о мире, поведенческие стратегии, установки и стереотипы, начиная с ксенофобии и заканчивая терроризмом. Так, Паин Э.А., проводя причинно-следственные связи между ксенофобией и экстремизмом, подтверждает эти идеи: «На уровне социума, этнических и религиозных общностей проявления экстремизма нарастают в периоды начавшихся, но не завершенных исторических перемен, модернизаций. В таких условиях почти неизбежен так называемый кризис идентичности, связанный с трудностями социального и культурного самоопределения личности. Стремление к преодолению этого кризиса порождает ряд следствий, которые могут выступать предпосылками политического экстремизма, а именно: возрождается интерес людей к консолидации в первичных, естественных, или, как их еще называют, «примордиальных» общностях (этнических и конфессиональных); усиливаются проявления ксенофобии; возрастает влияние идеологии традиционализма, перерастающей зачастую в фундаментализм (идея

«очищения от нововведений и возврата к истокам»). Ксенофобия как предтеча этнического и религиозного экстремизма возникает также вследствие негативного самоутверждения примордиальных общностей» [5, С. 114].

В современной этнополитологии сложилось весьма разветвленное научное направление, которое уделяет главное внимание изучению роли так называемых этнических и религиозных предпринимателей, т.е. людей, наживающих политический капитал на акцентировании межгрупповых различий и эксплуатации ксенофобии. А.А. Попов [6] выделяет основные стадии этого процесса: «эмоциональную актуализацию ксенофобий», при которой все прошлые и настоящие, действительные и мнимые обиды должны быть выведены на поверхность общественного сознания и поданы в болезненно-заостренной форме как свидетельства и символы национального унижения и оскорбления. Такая психологическая обработка, осуществляемая с помощью специальной литературы и средств массовой информации, направлена на то, чтобы задеть наиболее чувствительные струны человеческой психики, затрагивающие честь и личное достоинство каждого представителя данной религиозной группы или этноса. Вторая стадия группового манипулирования – «практическая ориентация групп» – состоит в том, что массовое сознание («соотечественников» или «единоверцев»), разогретое пропагандой «народного возмущения», направляется на конкретные свершения с помощью привлекательных политических целей, программ, перечня популярных практических шагов. И, наконец, третья стадия – т.н. «моральная легитимизация насилия» – завершает процесс группового манипулирования. В этом случае намеченные к реализации цели, конкретные программные установки и практические шаги должны быть морально

санкционированы господствующим в данной среде общественным мнением, после чего любые акции этого национального движения, даже если они сопряжены с неминуемыми беспорядками и кровопролитием, заведомо будут восприниматься как нравственно оправданные, отвечающие высшим интересам нации или конфессии.

Человек находит в экстремистских взглядах опору своего существования, хотя это и приводит к изменению стиля жизни, отодвигает от реальности, «исключает» его из системы, но принадлежность к иному, крайнему становится защитой от опасности, он защищается от внешнего, враждебного по отношению к нему миру. А угроза существования, как конкретного человека, так и сторонника экстремистских взглядов, приводит к консолидации группировок, увеличивает групповое единство, поскольку каждый индивид обнаруживает, что под угрозой находится его собственный источник безопасности. [7, С. 408-409].

Олвин Тоффлер в книге «Футурошок», рассуждая о нарастании новизны и скорости, сопутствующих возрастающему информационному взрыву, говорит об ограниченности человеческой психики в восприятии всего массива окружающей информации. Именно поэтому люди тяготеют к включению в специфические субкультурные сообщества. Само постиндустриальное общество с его интенсификацией информационных и культурных сообществ создает условия для бегства большинства своих граждан в те или иные группы, которые защищают рамками своих простых, но законченных и целостных мировидений, от все нарастающего давления внешней информации. Э. Фромм [8] подробно анализирует механизмы подобного «бегства». Экстремизм вполне укладывается в рамки описанных им реакций человека на разрушение привычных социальных взаимоотношений и

давление со стороны системы. Одну из таких реакций Эрих Фромм обозначил как «разрушительность» и «деструктивность», когда индивид пытается уничтожить мир, в котором он чувствует себя одиноким и униженным.

Экстремизм как иррациональное мышление действует не «для чего-то», а «против», как состояние страха, негодования и протеста против той силы, которая вызывает этот страх. Выделенная Э. Фроммом реакция «автоматизирующего конформизма», также может быть соотнесена с рассматриваемым феноменом. Она представляет собой процесс превращения человека в запрограммированную машину, действующую по общепринятым стандартам и шаблонам, по предписанным ему нормам, но с сохранением иллюзии самостоятельности принимаемых решений. В результате подавляется способность к критическому мышлению и действию, а одиночество и бессилие вытесняются ценой растворения личности в массе. Преобладание пассивной формы самореализации в жизнедеятельности человека может привести к тяжким психологическим состояниям: «пассивная форма, обнаруживаемая в стремлении к бездействию и направленная преимущественно не вовне, как в деятельности, а на самого субъекта, замкнувшего все свои проявления на себя» [9, С. 17], выступает в различных видах крайнего аскетизма и отшельничества, выражаясь в разнообразных проповедях безучастности, безынициативности, являются основой для скрытой формы экстремизма и асоциальных настроений.

Одним из факторов, обострившим крайне националистические настроения в ряде регионов России, является усиление миграционных процессов [10, С. 30-32], что вызвало к жизни такой феномен как «мигрантофобия». Миграционные потоки, нарушающие исторически сложившийся баланс населения, могут деструктивно

влиять на межэтнические отношения и вызывать проявления экстремистского поведения и возникновения языка вражды. В этом плане, на наш взгляд, наиболее актуальными являются проблемы дискурсивного конструирования политики по обеспечению региональной безопасности [11, С. 209-220], формирования российской идентичности [12, С. 255-269], выявления конфликтного и интеграционного потенциала политического и медиа-дискурса.

Источники развития экстремистских форм самосознания связаны с нарушением представлений о самом понятии гражданства для отдельных представителей российского общества: с одной стороны, формальная принадлежность к государству, а с другой - очень слабое ощущение защищенности и безопасности. При выборе жизненных ориентиров в условиях переходного общества усилилась тенденция к риску и агрессии (особенно в молодежной среде). Застойная бедность, социальное отчуждение порождают недовольство, тревожность и попытку обеспечить «самозащиту» в меру субъективного представления о допустимом, что проявляется в крайней агрессивности, девиации, фанатизме и нигилизме.

Экстремизм и терроризм имеют как внешние, так и внутренние причины. К последним относятся коррупция, преступность, экономическая отсталость, социальная неустроенность, бедность, безработица, а также недостатки в работе с кадрами, проблемы межнациональных и межконфессиональных отношений и реальная заинтересованность т.н. несистемной оппозиции дестабилизировать ситуацию, разрушить сложившуюся политическую систему и ослабить основы государственности. В этом смысле внутренние причины смыкаются с внешними, а деструктивные силы внутри страны и за ее пределами могут консолидироваться и

использовать любой повод для создания критического социального напряжения.

Таким образом, в связи с многосоставным, мультикультурным характером российского общества, важен не только общенациональный, но и региональный уровень безопасности, особенно для субъектов ЮФО и СКФО, где угрозы безопасности, выраженные в проявлениях терроризма и экстремизма, создают серьезное социальное напряжение и ставят под сомнение процесс демократизации и устойчивого развития всей страны. Актуальной научной проблемой является рассмотрение ментальных основ безопасности общества, личности и государства, региональной специфики формирования гражданской общероссийской идентичности, а также дискурсивного конструирования политической реальности, выявление политических ресурсов (управленческих, дискурсивных, синергийно-информационных, ментальных, мировоззренческих) и эффективных механизмов обеспечения информационной безопасности как компонента системы национальной и региональной безопасности [13, С. 13-18]. И в научном, и в практическом отношении, важно определить источники возникновения экстремистских форм сознания как наиболее опасных угроз безопасности в информационно-сетевом обществе, выявить принципы кооперации индивидов в сетях, оценить их дискурсивную активность и направленность тематизации информационно- сетевого дискурса, предложить способы оптимизации политической деятельности на основе разработки эффективных технологий противодействия идеологии экстремизма на ментальном и когнитивном уровнях.

Особенно опасными в современном обществе являются информационные угрозы со стороны ультрарадикальных сил. Экстремистские и террористические проявления в

сети Интернет становятся наиболее частыми, а законодательство во многих странах мира не успевает за развитием информационных технологий. В этой связи средства массовой информации должны разработать систему внутреннего самоконтроля, а проблема свободы и ответственности средств массовой информации перед обществом и государством приобретает особую остроту, сложность и актуальность и в первую очередь в вопросах обеспечения информационной безопасности государства.

Проводимое исследование по проекту «Технологии противодействия идеологии экстремизма в политико-информационном пространстве (на материалах Юга России)» включает мониторинг и анализ политико-информационных ресурсов различных акторов политического взаимодействия, что позволит выявлять принципы кооперации групп риска, своевременно регистрировать сигналы экстремистского содержания в социальных сетях и разработать политические технологии упреждающего, профилактического и ответного характера, необходимые для создания эффективной функциональной системы информационной безопасности.

Проведение дискурс-анализа социально-сетевых коммуникаций в контексте преодоления экстремизма и обеспечения региональной безопасности основывается на определении способов повышения персуазивности текстов, методических приемов подмены понятий, манипулирования сознанием, исследования «лингвистики лжи» и «семиотики искажения истины» [14, С. 10]. На основе такого анализа возможна разработка модельных параметров эффективных политических технологий предотвращения, профилактики и упреждения идеологии экстремизма в политико-информационном пространстве, систематизация оценочных характеристик информационной среды, опасности экстремизма и

политических рисков в конкретных субъектах ЮФО и СКФО. В процессе исследования политико-информационного пространства проводится диагностирование состояния и определение сценарных прогнозов развития системы коммуникационных взаимодействий, а из всего массива собранного материала осуществляется выборка и классификация информационных сообщений конструктивной и деструктивной направленности.

Примечания:

1. Матишов Г.Г., Батиев Л.В., Котеленко Д.Г. Атлас социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России. Т. II. – Ростов-на-Дону, 2007. С. 9.
2. Авксентьев В.А. Этнополитические проблемы и конфликты на Юге России: факторы и тенденции. // Мировые процессы, политические конфликты и безопасностью – М., 2007. С. 233- 245.
3. Хоперская Л.Л. Проблема радикализма и экстремизма в южном федеральном округе. // Гуманитарная мысль Юга России. – Ростов-на-Дону, 2005. С. 27-28.
4. Федеральный список экстремистских материалов // Российская газета. 2011. 29 декабря.
5. Паин Э.А. Социальная природа экстремизма и терроризма // Общественные науки и современность. 2002. № 4. С.114.
6. См.: Попов А.А. Причины возникновения и динамика развития конфликтов // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. – М., 1997.
7. Региональные конфликты и проблемы безопасности Северного Кавказа. – Ростов н/Д. 2008. С.408-409.
8. Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для самого

- себя. – М., 2004. 400 с.
9. Феномен экстремизма. – СПб., 2000. С. 17.
 10. Юрченко И.В. Политика по обеспечению региональной безопасности (на материалах Краснодарского края) // Региональная власть: политико-правовые аспекты реализации и осуществления. Т.2. – Ростов-на-Дону, 2007. С. 30-32.
 11. Юрченко И.В. Роль политического дискурса в воспроизводстве государственности // Мировые процессы, политические конфликты и безопасность. – М., 2007. С. 209-220.
 12. Юрченко И.В. Формирование российской идентичности как условие обеспечения региональной безопасности на Юге России // Вектор идентичности на постсоветском пространстве. – Ростов-на-Дону, 2007. С. 255-269.
 13. См.: Юрченко И.В. Обеспечение национальной безопасности на региональном уровне: основные концепты и проблемы методологии // Человек. Сообщество. Управление. 2012. № 1. С.13-18.
 14. Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса. – М.: Флинта: Наука. 2006. С.10.

4.3. ВЛИЯНИЕ ВНЕШНЕЙ МИГРАЦИИ НА СТАНОВЛЕНИЕ И ПРОЯВЛЕНИЯ ЭКСТРЕМИЗМА

На данный момент в российском государстве не существует методов эффективной социальной адаптации мигрантов, как нет и методов выстраивания межкультурного диалога, несмотря на то, что этой проблеме уделяется порой завышенное (искусственно раздутое) внимание общественностью и СМИ. Причем,

если раньше жертвами межкультурных и межнациональных бытовых конфликтов были «приезжие» и «чужаки» – иностранные студенты, трудовые мигранты, представители коренных неславянских народов, – то ныне «пострадальцами» в большинстве случаев становятся представители местного русского населения. На наш взгляд, это говорит об обнажении новой стороны проблемы, не связанной с нетолерантным сознанием местного населения, его невежеством и агрессивностью. Такое положение вещей ставит свежие задачи как перед государством и обществом, так и перед гуманитарной наукой, от которой потребуются доскональное исследование проблемы и обозначение путей выхода из сложившейся довольно неблагоприятной ситуации.

Вектор развития современного мира во многом определяется глобальными процессами культурного обмена, осуществляемого по различным каналам. На сегодняшний день с развитием информационных технологий, в первую очередь сети Интернет, появляется возможность трансляции социальных и культурных ценностей в некое всеобщее медийное поле, открытое для широкого круга людей.

Межкультурная миксация, связанная с универсализацией социально-культурных ценностей и происходящая в виртуальном пространстве, имеет, в свою очередь, негативные тенденции, в частности, широкое распространение в Интернете материалов экстремистской направленности, вызывающих серьезное беспокойство в обществе и у правоохранительных органов.

Экстремизм распространяется как на сферу общественного сознания, общественной психологии, морали, идеологии, так и на отношения между социальными группами (социальный экстремизм), этносами (этнический или национальный экстремизм),

общественными объединениями, политическими партиями, государствами (политический экстремизм), конфессиями (религиозный экстремизм).

Одной из глобальных проблем человечества в XXI в. является проблема биполярности мира. Богатые страны Севера (Европа и Северная Америка) и бедные страны Юга (Азия, Африка, Латинская Америка) до сих пор не выработали систему политических и культурных взаимоотношений. Колониальные империи на сегодняшний момент сами подвержены тяжелому миграционному давлению со стороны бывших колоний.

В связи с этим была предпринята попытка проведения политики мультикультурализма, по сути, завершившаяся провалом, подтверждением чему являются, например, беспорядки во Франции, Великобритании, связанные с этническими меньшинствами. Преступление Андерса Брейвика в такой благополучной стране как Норвегия наглядно продемонстрировало, что политика «открытых дверей», толерантности, межнационального и межкультурного диалога не привела к желаемым результатам.

В России ситуация оказалась еще более сложной. При условии наличия огромного опыта сосуществования в рамках единого государства, но за отсутствием четкой системы миграционной политики и подходов к социальной адаптации мигрантов на территории нашей страны сложились негативные стереотипы, основанные на соответствующей практике межкультурного диалога между принимающим социумом и мигрантами.

По результатам социологического опроса, приведенного в журнале «Демографические исследования», россияне связывают с мигрантами такие явления как рост преступности (50,7%), рост межнациональной напряженности (41,1%), вытеснение

местных жителей с престижных рабочих мест (33,5%), вывоз денежных средств за рубеж (20,5%), угроза территориальной целостности России (16,5%), зависимость экономики страны от иностранной рабочей силы (12,3%), угроза национальной культуре народов России (10,3%) [1].

Отчасти опасения россиян подкрепляются заявлениями правоохранительных органов. Как отмечает Первый заместитель Генерального прокурора РФ, Председатель Следственного комитета при Прокуратуре РФ Александр Бастрыкин, на протяжении десяти последних лет наблюдается устойчивый рост преступлений, совершенных иностранцами и лицами без гражданства, 81% – совершены гражданами государств СНГ; в 2010 г. ими совершено 54 тыс. преступлений. Также он подчеркивает, что современная молодежь все больше подвергнута националистической пропаганде – за те же десять лет значительно возросло число преступлений на почве национальной ненависти и вражды с 9 до 15 тыс. [2].

В данной ситуации попытки через государственные структуры образования, культуры и молодежной политики воспрепятствовать росту национализма в нашей стране не имеют никакого успеха. Во многом подобное связано с проблемой нелегальной миграции, что является перманентной темой для обсуждения в СМИ.

Нелегальная миграция есть явление опасное для принимающей страны, в первую очередь, по экономическим соображениям: уклонение трудовыми мигрантами от налоговых выплат, работодателями от необходимых страховых отчислений; невозможность самими мигрантами как работниками воспользоваться своими правами, что в любой момент может создать реальную угрозу оказаться на улице и без работы. Социально-правовые и социально-бытовые проблемы

создают препятствия для адаптации и интеграции мигрантов, приводят к замкнутости их образа жизни, уменьшению числа социальных контактов.

По мнению ведущего специалиста по миграции Ж. А. Зайончковской, Россия должна сохранить статус прибежища для всех народов бывшего СССР, как бы трудно ей не было. Она считает, что уход пришлого населения не решит проблем перенаселенности в ряде стран нового ближнего зарубежья, поэтому рано или поздно начнется исход из этих стран и представителей их коренных этносов. Зайончковская пишет, Россия пока не слишком гостеприимная страна, ей еще предстоит осознать, что проблемы Средней Азии и Кавказа – это и ее проблемы. Другой авторитетный эксперт, российский демограф А. Г. Вишневский отмечает, что российская диаспора в «ближнем зарубежье» насчитывает примерно 37-38 млн. человек. В ее состав он включал этнических русских: не русское, но русскоязычное население и представителей коренных нерусских народов России, считающих родным язык своей национальности [3, с. 29].

В тоже время существует и ряд проблем, которые осложняют межкультурное взаимодействие, – в первую очередь, проблема культурно-языкового барьера. Молодые люди из Средней Азии и Закавказья, прибывающие в настоящее время в Россию на заработки, родились вне единого социума, многие из них застали только период распада СССР, сопровождавшегося межнациональными конфликтами по всей территории Союза, когда русский язык вытеснялся из школ, формировалось негативное отношение к историческому прошлому. Не оправдалась и надежда на возвращение русскоязычного населения из бывших республик СССР.

В Концепции социально-экономического развития России до 2020 г. сказано, что преимущество в

привлечении мигрантов будет отдаваться русскоязычному населению и высококвалифицированным специалистам. В тоже время, надо отметить, что поток русскоязычного населения из стран бывшего СССР значительно сократился. В 2006 г. интенсивность прибытия русских в Россию снизилась по отношению к 1999 г. Наиболее существенно это снижение произошло из Туркмении (2,2 раза), Таджикистана (2,6), Азербайджана (2,7), Казахстана (3,7), и Грузии (4,1) [3, с. 32].

Какой же имеется выход из существующей ситуации? Во-первых, необходимо определить те причины, которые лежат в основе проблем национализма в России.

Во-вторых, Россия нуждается в четкой концепции миграционной политики, учитывающей социально-экономические интересы россиян, мигрантов и государства в общем. Необходимы не только подходы к противодействию нелегальной миграции, но и совершенствование самого миграционного законодательства. Говоря о нелегальной миграции, журналисты и политики не принимают во внимание такие факторы, как бюрократизация и коррупция, с которыми сталкиваются мигранты.

В-третьих, становится очевидным, что должна существовать система социальной адаптации мигрантов. Безусловно, любой адаптационный процесс – достаточно сложное и стрессогенное состояние, и не все могут справиться с этим психологическим давлением.

Американский антрополог К. Оберг, назвав столкновение мигрантов с чужой культурой «культурным шоком», выделил шесть признаков данного явления:

- напряжение, сопровождающее усилия, необходимые для адаптации;
- чувство потери (друзей, родных, имущества и др.);
- чувство отверженности и отвержения (неприятие

- новой культурой мигранта и неприятие самим мигрантом новой культуры);
- сбой в ролевой структуре (выполнение привычных ролей);
 - чувство тревоги;
 - чувство неполноценности (вследствие невозможности справиться с новой ситуацией) [4].

При этом такие исследователи как П. Адлер и К. Дэвид установили, что культурный шок оказывает и положительное влияние на личность, заставляя приобретать новые ценности и установки. Адлер выделил пять стадий культурного шока. Каждой стадии соответствует определенный тип поведения. Первая стадия – контакт, характеризующийся любопытством, интересом к новому социальному окружению, его правилам поведения и нормам (но индивид изолирован в своей собственной культуре). Первые контакты сменяются деинтеграцией, которая сопровождается состоянием депрессии, замкнутости; на этой стадии культурные различия начинают мешать, индивид теряет старые культурные связи и не понимает/принимает новых. На стадии реинтеграции поведение индивида может быть враждебным, самоуверенным, так как отвержение второй культуры вызывает серьезную озабоченность. Стадия автономии наступает, когда индивид способен справляться с социальными и лингвистическими проблемами; на этой стадии он начинает чувствовать себя уверенней, справляться с новым опытом, контролировать свое поведение. На стадии независимости индивид способен придавать собственное значение ситуациям, делать выбор, нести ответственность, при этом чувствовать себя уверенно, осознавая социальные, психологические и культурные различия [5].

В-четвертых, стало очевидным, что попытки

противодействовать национализму и ксенофобии посредством поверхностных мер, таких как программа «Толерантность», не дают ощутимых результатов. Тяжелым грузом на нашей стране остается наследие межнациональных конфликтов на территории бывшего СССР. Представители власти в независимых теперь государствах зачастую пытаются подорвать доверие народов своих стран к России и русским, нередкими стали факты фальсификации истории.

Все это мешает осуществлению дружественного конструктивного диалога, необходимого для благополучного будущего человечества.

В сущности, толерантность является идеальным типом, этическим идеалом, таким как социальная справедливость, который вряд ли когда-либо будет достигнут и реализован в полной мере, так как нельзя сбрасывать со счетов индивидуальные особенности каждого человека, но постоянное стремление к достижению этого идеала означает желание мирового сообщества быть гуманным. Хочется выразить надежду, что стремление к диалогу и мирному сосуществованию, сможет преодолеть барьеры ксенофобии и национализма и позволит человечеству развиваться в направлении взаимоуважения и интеграции.

Примечания:

1. *Носкова, А. В.* Миграция в Россию: угрозы и последствия [Электронный ресурс] / А. В. Носкова. – Режим доступа: http://www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=44&idArt=1485 (дата обращения: 04.08.2012).
2. *Бастрыкин, А. И.* Противодействие преступности мигрантов – один из основных факторов укрепления безопасности России [Электронный ресурс] / А. И.

- Бастрыкин. – Режим доступа: http://dpr.ru/pravo/pravo_27_7.htm (дата обращения: 17.08.2012).
3. *Рыбаковский, Л. Л.* Миграционный потенциал. Понятие и критерии оценки / Л. Л. Рыбаковский // Социологические исследования. – 2009. – №2. – С. 29-36.
 4. *Oberg, K.* Cultural Shock: adjustment to new cultural environments // Practical Antropology, 7, 1960. P. 177-182.
 5. *Adler, P. S.* The transitional experience: An alternative view of culture shock // Journal of Humanistic Psychology, 15, 1975. P. 13-23.

4.4. СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ В РФ КАК ОТВЕТ НА ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Фундаментальные вызовы, стоящие перед современной российской цивилизацией (вызовы глобализации, необходимость обеспечивать конкурентоспособность в процессе вступления в ВТО, открытость информационного пространства, угрозы радикализации общества) продиктовали востребованность системного анализа институционального аспекта политической сферы, разработку моделей оптимизации системы управления. Переоценка роли государства как политического института в условиях современного мирового кризиса актуализирует научную проблематику административно-политического управления как инновационного инструмента обеспечения безопасности и эффективности общественного развития. Повышение качества государственного управления в нашей стране является политическим процессом,

инициированным федеральными органами власти и, в значительной степени, определяемым социально-культурными и политическими факторами. Актуальным стал вопрос о новых функциях государства в условиях глобализации. В связи с этим особенно важно изучить ранее сложившиеся модели государственного управления и определить, с одной стороны, имеющийся потенциал, а с другой, пределы возможностей их применения в современных условиях.

В поиске эффективных форм взаимодействия субъектов и объектов государственного управления заключается основная направленность социальных изменений, которые бы не разрушали политическую систему, а, напротив, скрепляли её элементы ценностными установками, признаваемыми гражданским обществом, что и будет способствовать обновлению российской государственности. Наиболее значимым аспектом этого процесса являются политические факторы, выступающие как движущая сила и совокупность компонентов, которые обуславливают направление изменений в обществе в соответствии с имеющимися политическими ресурсами и способностями их использования. Оптимальная модель воспроизводства эффективных государственных институтов обусловлена учётом региональной специфики в базовых взаимодействиях федерального центра и субъектов федерации. Комплексное рассмотрение применяемых в современной России административных практик и разработка методов их оптимизации позволит обнаружить проблемы и перспективы становления новой парадигмы политико-государственного управления, отвечающей вызовам третьего тысячелетия, угрозам и рискам деградации государства как политического института, наметить тенденции реформирования российской

государственности с целью обеспечения инновационного развития страны. Известно, что в течение последних десятилетий XX века сосуществовали различные концепции государства: государство благосостояния, предоставляющее обществу широкий спектр услуг, приоритет в производстве которых остаётся за ним; «малозатратное государство» предполагающее решение общественных проблем частным сектором и ограничивающее свою роль выполнением основных задач; «государство – партнёр по переговорам», которое выполняет роль посредника между бизнесом и обществом. Попыткой синтеза перечисленных подходов стала концепция «активизирующего государства», которая легла в основу философии реформ госуправления по модели Нового государственного управления (НГУ – New Public Management) [1, С. 19], согласно которой задачи государства определяются в ходе общественной дискуссии, а между обществом и государством развивается сотрудничество и разделяется ответственность. Государство инициирует процессы решения общественных проблем и выступает в роли посредника; устанавливает рамки ответственности граждан. Таким образом, важнейшими функциями государства становятся инициирование, активизация и стимулирование инновационного развития. Реформирование по модели New Public Management предполагает делегирование ряда функций, ранее осуществлявшихся государством, рыночным структурам и приход в сферу государственного управления свойственных рынку принципов и категорий (расчёт затрат, издержки, конкуренция). Вместо гегелевского сосредоточения мирового разума и творца истории государство предстаёт как организация, регулирующая и обеспечивающая процесс оказания услуг гражданам.

Проблема состоит в том, какие задачи должно выполнять само государство и какие могут и должны выполняться негосударственными институтами.

Модель «активизирующего государства» предполагает построение и изучение государства в четырёх измерениях: государство как гарант обеспечения производства и предоставления услуг; государство как институт, определяющий рамки общественной активности и создающий условия гражданам для решения проблем; государство как институт надзора за общественной и экономической деятельностью; государство как производитель работ и услуг для общества, если это диктуют, например вопросы безопасности или если государство может это сделать с меньшими затратами, чем другие производители. Взаимодополняющая модель эффективности государственного управления должна быть ориентирована на открытость; способность реализовать в рамках государственного управления публично заявленные цели и ценности, не исключая их трансформацию, а также динамику внутренних целевых и ценностных установок управленческих команд, которые разворачиваются в методиках расширенного понимания эффективности; наличие сетевых взаимодействий между различными уровнями внутри административной структуры и внешними по отношению к ней, адекватность и реалистичность оценки ситуации, что, по сути, представляет собой требования формирования и управления целевыми и ценностными установками; стабильность функционирования политической системы в динамике изменчивости политического процесса.

Полемика по поводу соотношения политики и администрирования показывает, «что за этими внешне инструментальными противоречиями стоит принципиальный разлом двух подсистем, каждая из

которых стремится самостоятельно сформулировать собственный облик данного института» [2, С. 55]. Обе регулятивные подсистемы (властная и административная), несмотря на имеющиеся противоречия, взаимозависимы, и их способность/неспособность к компромиссу обуславливает уровень динамического равновесия и баланс интересов в обществе. Государственное управление рассматривается как функция общественной координации, выполнять которую призваны не только профессионалы – управленцы, но и структура и институты гражданского общества. Государственные органы и их деятельность становится открытой для общественной дискуссии, которая является важным ресурсом выработки политико - управленческих решений. Основанием выработки последних становится стремление к достижению общего блага, которое определяется в равной степени всеми участниками процесса. Государственное управление и управление общественными делами подвергается оценке не только с точки зрения эффективности, но включает политико-моральные критерии. Этический кодекс становится важной частью оценки управленческой деятельности. Процесс политико-управленческой деятельности включает новые составляющие: общественные экспертизы, общественные форумы, государственно-общественные комиссии и др. Систему политических факторов оптимизации административного управления в современной России составляют: нормативная и программная база трансформации административно-политической системы; политическая воля лиц, принимающих решение на различных уровнях власти; политические институты как субъекты и объекты реформирования; новые вызовы и угрозы для сохранения целостности государства и обеспечения его статуса и влияния в мире; сдерживающее влияние уровня

эффективности экономической политики на содержание и качество управленческой деятельности; воздействие властных отношений на темпы экономического развития и методы антикризисного управления; способы рекрутирования элиты и, провоцирующий конфликты, кризис доверия в обществе; высокий уровень коррупции и сложность её преодоления; противоречивость политических интересов, характерных для различных ветвей и уровней власти; уровень развития институтов гражданского общества и степень их участия в реформировании системы исполнительной власти.

Понятие административных практик рассматривается как способ действия административных структур в ситуациях необходимости выбора оптимальных моделей реализации политико-управленческих решений, их достаточно жёсткой формализации, официального нормативного утверждения и разработки практических и технологических мероприятий по осуществлению. Содержательно политико-идеологические технологии основываются на идеях справедливости, общегражданской идентичности и сильного социального государства, как гарантов защиты интересов личности, этносов и общества, с учетом приоритета морально-этических принципов в решении социально-политических проблем [3, С. 297]. Функциональное поле деятельности акторов администрирования определяется возможностями влияния и объемом властных полномочий, которые должны соответствовать необходимому уровню понимания существующих ограничений и объему и степени ответственности субъекта управления, и в идеале обеспечивать координацию и взаимодополняемость интересов и приоритетов государства с интересами и приоритетами граждан полиэтнического социума. При этом субъект-объектные отношения в административных

практиках сопровождаются процессом самокоррекции и делиберации, обуславливающими оптимизацию характера их взаимодействия прежде всего на основе принципа обратной связи. О значении субпроцесса принятия и реализации государственнозначимых решений для теории и практики эффективной политики одним из первых писал в своей работе «Административное поведение» Г. Саймон [4, С. 14-29]. Поскольку жесткая регламентация компетенции не может быть абсолютной, присутствует личностно-инициативный фактор, определяющий конкретное воплощение политико-идеологической технологии, наиболее важным аспектом оптимизации административных структур является эффективная кадровая политика, обеспечивающая креативную модель селективной ротации специалистов в области организационной культуры и управленческой диагностики и создающую необходимый кадровый сегмент воспроизводства эффективной государственности.

Этот процесс невозможен без морально-этической составляющей в создании комплекса новаторских приемов и инструментария политико-идеологической направленности. Формирование ментальных взаимоотношений в области духовно-нравственной сферы полиэтнического общества характеризуется взаимопроникновением относительно устойчивых представлений и когнитивных особенностей понимания условий жизненного мира субъектами интеракции, которые проявляются в характере творческой деятельности людей и в способностях создания новых материальных и духовных ценностей. Изучение детерминирующей роли ряда параметров оптимизации административных практик в целях осуществления инновационной политики государства предполагает выявление значимости политико-идеологических технологий в процессе формирования

нооменталитета. Среди политико-идеологических факторов, влияющих на менталитет, следует выделить ценностные установки, имидж лидеров общественного мнения, электорат политических партий, семантическое пространство политического дискурса, используемые суггестивные технологии, а также проявления авантюризма, волонтаризма, бюрократизма и микрополитических интриг и других специфических проявлений конфронтационной политической деятельности. Практическую и теоретическую значимость имеет также разработка способов диагностирования ментальной составляющей в управленческом процессе и межсекторном взаимодействии, модернизация организационной культуры и освоение методов применения инновационных технологий в госслужбе. Существующие в политической науке концепции анализа административного управления оказались недостаточно полными с точки зрения учёта принципиально новых тенденций развития социума в процессе глобализации и информатизации социального пространства, что подтверждается кризисом управляемости. Например, так называемый деятельностный подход, основывающийся только на идеях производства и воспроизводства социальных отношений, конструируемых, обеспечиваемых и реализуемых человеком [5, С. 14-15], является несколько абстрактным, недостаточно учитывающим новых вызовов глобализирующегося общества. Как показывают наблюдения, в процессе госуправления могут воспроизводиться как конструктивные, функциональные способы регуляции общественных отношений, так и деструктивные, дисфункциональные феномены, являющиеся продуктом ценностных рассогласований и социальной аномии, приводящие к социальной деградации. Поэтому деятельностный подход может иметь

эвристическую значимость только в совокупности с аксиологической системой критериев, а также с учётом биотических взаимодействий, характеризующихся в соответствии с теорией социальной экологии, рассматривающей биопсихосоциальные факты детерминации адаптивных аспектов взаимодействия управляющей подсистемы и управляемой подсистемы. С точки зрения концепции социального самочувствия и социального доверия можно предложить клиническую парадигму исследования процесса управления, устанавливающую принципы и методы диагностирования негативных и разрушительных тенденций деградации социальной среды. Управленческая диагностика ориентируется на структурно-функциональный и системный анализ степени управляемости, технологий и механизмов, обеспечивающих относительную устойчивость функционирующей на основе сложившихся естественно-исторически тех административных практик, которые в настоящее время приходят в противоречие с ожиданиями граждан и новыми вызовами глобализирующегося социального пространства. Запаздывающий, инертный характер деятельности административного сегмента «профессиональных политиков» с одной стороны закономерен и объясняется спецификой администрирования как стиля мышления и деятельности [6, С. 98] в рамках установленной компетенции, следующей за принятыми решениями в ходе борьбы политических пониманий в сфере парламентской и публичной полемики лидеров общественного мнения соответствующих разнородных разнонаправленных групп интересов. Но с другой стороны, инерционность административного аппарата, воспроизводящая стереотипные образцы поведения, провоцирует «кризис доверия» и является определённым смысловым

парадоксом, заключающимся в противоречии позиций административной управленческой элиты как группы, обязанной обеспечивать общественный прогресс [7, С. 52-54], но оказывающейся в реальности основным «тормозом» этого прогресса. Научно-теоретическая модель исследования системы управления не может быть ограничена какой-то одной или несколькими привычными теориями (структурно-функциональной, системной, деятельностной, ситуационной и др.), перечисляемыми в традициях «хорошего тона» в любых темах. Принцип дополнительности и углублённого раскрытия содержания теоретико-методологических оснований исследования, базирующегося на структурно-функциональной и деятельностной парадигмах, включая аспекты системного анализа, кибернетического и ситуационного подходов, позволяют вывести корреляционные ряды методологических детерминант, которые в совокупности можно рассматривать как компоненты научно-теоретической модели исследования административных практик. Так, на примере теории структурно-функционального анализа можно проследить, как будут конкретизироваться методологические подходы к углублённому осмыслению сущности, содержания и основных характеристик административных практик, что схематично можно изобразить следующим образом:

СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ

функции и дисфункции
процессы структурирования

определение оптимальности и избыточности функций
тенденция к саморазрастанию структур как угроза
разрушения системы

анализ факторов биотического взаимодействия акторов
администрирования и социальной среды
исследование проблемы ресурсосбережения в
административно-управленческой среде

методология и методика исследования процесса адаптации
к профессии управленца
теории селективных механизмов функционирования
административно-управленческой среды

алгоритм определения коэффициента полезного действия
сложившихся административных практик
информационно-аналитические технологии коррекции
управленческой стратегии и административных практик

Используя алгоритм определения коэффициента полезного действия можно перейти к конкретному обоснованию критериев, индикаторов и пороговых значений эффективных и неэффективных административных практик и на этой основе попытаться выявить подходы, механизмы и технологии оптимизации тех административных практик, которые востребованы в управленческом процессе, но не являются оптимальными и адекватными модернизационному характеру социальных трансформаций. Последовательный междисциплинарный процесс исследования управленческой деятельности позволяет вычлнить «оптимальную административную практику» как теоретическую конструкцию, соотнесение с которой как с неким идеальным типом даст возможность определить характеристики реальной деятельности (или бездеятельности) административных структур в аспекте функциональности / дисфункциональности сложившихся макро- и микроадминистративных взаимодействий. В этом

плане немалое значение имеет научная проблема ресурсосберегающих технологий в управленческой деятельности и информационно-аналитических подходов к созданию эффективных селективных механизмов оптимизации административных практик.

Для совершенствования системы управления значимым является аспект прагматически-реалистического подхода к определению политического курса в контексте решения проблемы защиты государственных интересов, не противоречащих индивидуальным и групповым интересам граждан, а способствующих их реализации. В предметной области темы работы центральное место занимает идейное содержание процесса модернизации, как важнейшего государственного приоритета осуществляющегося в мультикультурном конфликтном пространстве разнонаправленных групп интересов. В этих условиях оптимизация административных практик предполагает обеспечение неконфликтного управленческого действия, а также выработку рациональных стилей поведения в ситуациях конфликтного взаимодействия с целью конструктивного урегулирования противоречивых взаимоисключающих интересов сторон и перевода деструктивных тенденций в консенсусное русло. В этой связи значимой представляется проблема обоснования сущностного содержания профессиональной этики как нормативного основания регулирования поведения людей в соответствии с их статусом, в их особом качестве, определяемом принадлежностью к конкретной профессиональной группе. В классическом дюркгеймовском понимании эти правила исполнения социальной роли предназначены для тех, кто в данную группу входит, однако они не простые технологические инструкции, а «общие предписания» относительно пределов допустимого для членов данной

группы и «общие принципы», регулирующие отношения между ними [8, С. 3-8]. В научно-теоретическую модель исследования административных практик необходимо включить аналитическую проблему системных составляющих профессиональной этики, которую можно рассматривать как обобщённое выражение условий воспроизводства изучаемой административной группы. Наиболее релевантная для данного исследования интерпретация административных практик соответствует понятию «функциональный стиль», проявляющийся в выборе и применении средств реализации управленческих решений, в использовании методов оперативного управления, включающих совокупность технологий, приёмов и процедур для достижения уже намеченных стратегических целей и осуществления на практике социально значимых политических программ. Осознание российской политической элитой взаимосвязи между перспективами экономического роста и качеством государственного администрирования, а также курс на укрепление «вертикали» власти стали ведущими факторами, определяющими дальнейшие усилия по проведению преобразований административной системы. Но на сегодняшний день нет исчерпывающих официальных оценок их реальности, значительности и полезности. Можно лишь констатировать, что на данном этапе проводятся масштабные мероприятия по пересмотру функций органов исполнительной власти, совершенствованию порядка их реализации и построению новой системы и структуры исполнительной власти, создаются необходимые предпосылки для дальнейшей комплексной модернизации системы государственного управления и местного самоуправления.

Таким образом, суть совершенствования государственного управления заключается не только в

изменении методов администрирования, но и в коренной перестройке стиля управления, в характере взаимоотношений элиты и общества. При этом на функционирование социально-политического механизма в условиях его трансформации существенное влияние оказывают факторы макро и микрополитической среды. Функциональная направленность государства, выражающего национальные интересы, обеспечивается институциональными структурами, призванными оптимизировать социально-политическое развитие и препятствовать проявлениям дисфункций внутри государственного механизма, обеспечить процесс политико-экономической модернизации, сформировать новый способ рекрутирования политической элиты и повысить роль мотивационной составляющей в политических технологиях эффективного функционирования государственного механизма, создана ценностно-идейную платформу для преодоления кризиса доверия в обществе.

Примечания:

1. Райнхард К. Реформирование государственного управления. Концепция активизирующего государства // Реформы государственного управления. М.: РАГС. 1999. С. 8 –94.
2. Соловьёв А. И. Власть и управление в структуре государственного регулирования// Человек. Сообщество. Управление. 2006 №4., с. 55.
3. Юрченко М.В., Юрченко Н.Н. Легитимирующая функция идеологии административно-политического режима // Политико-административные отношения: концепты, практика и качество управления. - СПб., 2010., с. 297-305.

4. Simon H. Administrative Behavior: The Study of Decision Making. Processes in Administrative Organizations. – N.Y., 1997., с. 14-29.
5. Giddens A. New rules of sociological method. Cambridge: Polity Press, 1994., с. 14-15.
6. Манхейм К. Диагноз нашего времени. – М.: Юрист, 1994., с. 98.
7. Богданов А.А. Тектология. Всеобщая организационная наука. В 2 ч. Часть 1. М., 1989., с. 52-54.
8. Durkheim E. Professional Ethics and Civic Morals. Ch. 1. Tr. C.Brookfield. L.; N. Y., 1992., с. 3-8.

ГЛАВА 5. РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЭКСТРЕМИЗМ В РОССИИ И БЛИЖНЕМ ЗАРУБЕЖЬЕ

5.1. ЭКСТРЕМИЗМ КАК ДИСКУРС

Дискурс в социальном контексте – это *ценностное языковое сообщество, полевая формация*, где участники неготируют адекватный язык описания реальности, подтверждают принадлежность к некому смысловому кластеру, воспроизводят коллективную идентичность (производственные, политические, религиозные и иные группы).

Вследствие конкуренции классов и групп, образуются публично декларируемые, доминирующие властные дискурсы и скрытые, в которых можно обнаружить другое описание статус кво. Эта ситуация характерна не только для мира власти и политики, но и для описания религии, которую сегодня как никогда ранее нельзя отделить от власти, экономики, медиа.

Анонимность и креативность составляют внутренний нерв дискурса, в котором сообщение – это не информация, а внутренняя необходимость по самоидентификации ценностной группы; дискурс состоит из конститутивных установок и выражает ментальность благодаря своей событийной серийности [1].

Анонимность дискурса растёт по мере типизации высказываний, удаления от ситуации «здесь и сейчас» (Т. Лукман). Высказывания, разделяемые с другими людьми, составляют интерсубъективную реальность, что объективирует дискурс для его участников. Через серийность, типизацию, анонимность дискурсивные формации институализируются, становятся социокультурной тканью, опредмечиваются.

Конвергенция и дивергенция дискурса есть постэффект его социальности. С одной стороны, он выступает организованной когерентной (сцепленной) конструкцией терминов, определений, идеалов, образующих замкнутую непротиворечивую систему, претендующую на полноту описания некоей области реальности.

С другой стороны, дискурс знаменует рассредоточение семантического единства, эксфолиацию бытия языков культуры (отсюда бесчисленные дискурсы власти, закона, церкви, криминологии, позитивизма, психиатрии и т.д.) [2]. Множественность дискурсов коррелирует с многоуровневостью идентичностей и социокультурных ролей. Идентичности активируются дискурсом и, напротив, дискурсы формируют идентичности. Идеологии порождают монодискурсы, силой вытесняющие инаковость (военный коммунизм, национал-социализм). Поэтому структура дискурса противоречива: в нём есть индивидуализированные акторы: авторы, основатели и есть анонимные

передаточные звенья.

Критический дискурсивный анализ (КДА) сформировался как семиотико-лингвистический метод, с помощью которого исследуется идеологическая функция языка. Голландский исследователь Ван Дейк на основании изучения газетных новостей, речей учёных, парламентских дебатов, корпоративных нарративов демонстрирует, как дискурс становится частью воспроизводства тех или иных идеологий. Ю. Хабермас также связывает дискурс с прагматикой речи: это политика знания, управление определённой нормативной лексикой: власть, доминирование, идеология, контроль СМИ, экспертократия, класс, гендер, этнические меньшинства, чёрные, беженцы, терроризм, тоталитарная секта, промывка мозгов, гипноз, дискриминация и т. п. КДА выделяет микро- и макроуровни социального порядка, а также предлагает следующую матрицу для изучения: индивиды – группы, социальные акты – процессы, структуры – контексты, личное – общественное знание.

Интересным является применение дискурсивного анализа к репрезентации новой религиозности в российском обществе. Апелляция к тоталитарным сектам, зомбированию, лже-гуру и т.п. представляется разновидностью дискурса, решающего задачи контроля, религиозной политики, этнорелигиозной идентичности и маркировки пространства свой чужой.

Мы живем в эпоху, когда следует помимо научных фактов, следует выделить ещё дискурсивные и медийные факты. Конечно, в этом случае «фактуальное» знание размывается, подменяется дискурсией, интерсубъективным процессом смыслопорождения. Если научный факт – это точный, объективный фрагмент реальности, истинность которого может быть доказана, медийные и дискурсивные факты зачастую не могут быть верифицированы, в силу: 1)

уникальности события и невозпроизводимости в других условиях, 2) большого постпиара, не оставляющего шансов на иную трактовку событий, 3) их лингвистического характера (поэтому авторы Википедии при описании таких фактов вынуждены воспроизводить все дискурсы на эту тему).

Процедуры формирования медийного и дискурсивного факта значительно отличаются от перцептивных и материально-практических фактов, в достоверности которых можно удостовериться при помощи наблюдения и эксперимента. Дискурсивно-медийный факт, однако, может быть подвергнут измерению и сравнению, благо для этого сегодня в Интернете существуют хорошие инструменты (Гугл трендс, например), способные фиксировать силу и эффект факта по степени упоминания, цитирования, обращения, комментирования. И, конечно, дискурсивно-медийные факты обладают таким свойством, как общественное признание, в этом и заключается их главная убедительность.

Итак, дискурсивно-медийный факт – это фрагмент социокультурной действительности, обладающий следующими признаками: 1) артикулированность, 2) дискретность, 3) интересубъективность. При этом особенность медиафакта заключается в том, что он опосредован техническими средствами, что может накладывать отпечаток на восприятие истинности (*media is the message*). Например, при медиатизации факта о захвате марсианами Кремля, восприятие истинности и социальный постэффект последовательно растут: а) высказывание на интернет-форуме, б) заметка в бульварной газете, в) сообщение на радио «Эхо Москвы», г) главный репортаж в новостях «Первого канала».

Подмена понятия «научный факт», понятием «дискурсивно-медийный факт» приводит к тому, что

«фактуальное» знание размывается, подменяется дискурсией. К примеру, что является фактом, стоящим за событием, описанным в разных дискурсах: 1) «студенты встречаются в дискуссионном клубе “Духовный воин”», 2) «группа верующих проводит христианское собрание по изучению Библии», 3) «сектанты устраивают незаконные сборища по зомбированию молодёжи»?

Р. Келлер, современный немецкий исследователь дискурса, предлагает соотнести герменевтический анализ и дискурс. Первое, что должно быть сделано, это ограничение дискурса. Для этого выбираются критерии ограничения: место, время, издание, автор и т. п. В то же самое время мы должны найти связь с другими дискурсами и посмотреть, есть ли интердискурсивность. Далее нам нужно структурировать наше изучение текстов. С одной стороны, нам нужно уменьшить количество материала, с другой – нам нужно увидеть, как она будет связана с другими. Также следует определить, что является ключевым текстом, с которым всегда соотносятся другие. В своей идентификации этот текст занимает особое место. Так, ключевым текстом к пониманию адорновской эстетики является его совместная работа с М. Хоркхаймером «Диалектика просвещения». Книга П. Бергера и Т. Лукмана также является ключевой для социологии знания. Для фундаменталистов важно последнее письмо Мухаммеда Аттах, написанное до того, как он совершил нападение на башни в Нью-Йорке.

Ключевой текст формирует герменевтический круг: с его помощью можно интерпретировать другие тексты, а они, в свою очередь, не могут быть поняты без него. Следует учитывать, какова роль позиции говорящего в тексте (политик, юрист, врач). Социология знания помогает эмпирически реконструировать ситуативные процессы негоциации, а также артикуляции индивидуальности,

пониманию формообразования знания на индивидуальном уровне.

Социокультурная феноменология не может постулировать возвращения к самоданному и самоочевидному миру вещей, т. к. её объекты многозначны, динамичны и активны, однако её по-прежнему отличает: стремление к беспредпосылочному познанию мира, радикальное очищение предмета познания от многочисленных наслоений, различение общественных процессов и модусов их восприятия (мифологических, религиозных, философских, научных, политических и пр.). К сожалению, в области познания религии, особенно новой религиозности, сохраняется гипостазирование явлений: *экстремизм, зомбирование, деструктивная секта, тоталитарная группа* – это фантомы, которые затрудняют познание процессов веры. Если провести феноменологическую редукцию по отношению к этим гипостазированным монстрам и заменить их более ясными терминами, с более конкретными контекстами, то мы получим нейтральное описание: *манипуляция сознанием, дезадаптация, закрытые социальные группы*.

Таким образом, существуют разные дискурсы в отношении новой религиозности. Первый исходит от самих НРД. Это **язык самоописания** и он специфичен для каждого направления; ключевые слова здесь такие: «истинная религия, спасение, святость».

Доминирующий дискурс старых религий и некоторых СМИ можно описать как «критический». В нём используются такие метафоры как «тоталитарная секта», «программирование», «зомбирование», «промывка мозгов», «гипноз», «секта».

В **научном дискурсе** термин «секта» носит нейтральный, безоценочный характер и указывает на небольшую религиозную группу, определённый начальный этап

становления религии, в отличие от других социальных форм: харизматический культ (мистерия), церковь, деноминация (вероисповедание).

«Секта» не является юридическим термином. Законодательство оперирует понятиями «религиозная организация» и «религиозная группа». Термины «тоталитарная секта» «деструктивная секта», «зомбирование» не отражают сущность проблемы, а используются для формирования негативного отношения. Никакая религия не может избежать обвинений в деструктивной социализации, т.к. религии и ставят своей целью радикальное изменение человека.

Сегодня сложилось несколько направлений описательного религиоведения, где проводится анализ НРД, динамики религиозности, межрелигиозных коммуникаций.

Межкультурная герменевтика (В. Когге, А. Неринг) ставит перед собой цель познать Другого в культуре, её предметная область – взаимодействие участников разных культур. Существуют три области культурного различия: 1) возможность воспринимать разные культуры, 2) универсальность и рациональность культуры, 3) возможность практической коммуникации с агентами чужой культуры.

Интеркультуральность – термин, который означает, что культурные агенты вступают во взаимоотношения, но возникает познавательная проблема: диалог невозможен, так как чем более отдалена другая культура, тем более я стараюсь описать её на своём языке (религия, Бог, душа, дух – это лексика христианской культуры, насколько она применима к китайской, индийской цивилизациям, культурам эвенков и лопарей?).

Обычно культура воспринимается как сущность, как система знаний; символическая система, основанная на

языковых и текстуальных структурах; институциональная система, основанная на нормах и ценностях. Это лишь эксплицитная репрезентация культуры, которая в действительности является динамичным продуктом, результатом коллективных практик, но не ментальным продуктом, не концептуализацией. То есть мы не можем понять шаманизм или любую другую религию, просто написав об этом книгу.

Существует имплицитная культура. С кем мы вступает в диалог? Кто это и чья это медиация имплицитного религиозного опыта? Можем ли мы вступить в коммуникацию со вторичными медиациями и репрезентациями? Кто представляет так называемую культурную традицию? Можно ли судить об РПЦ, например, на основании официальных высказываний руководителей церкви или для адекватной репрезентации православия нужно охватить все его пласты, включая и его народное, стихийное восприятие?

Секуляризация религии (Ю. Хабермас) – ослабление религии в публичной сфере, автономизация социальных институтов (государство, армия, семья, корпорации) от религии и потеря контроля религиозными лидерами над этими институтами; десакрализация священного (религиозные праздники, Санта Клаус, «курусумасукеки» – рождественский пирог у японцев).

Теория модернизации (Д. Поллак) – по мере прогресса общественных отношений религия как институт уходит в прошлое.

Приватизация религии (Т. Лукман) – становление религии добровольного личного выбора, уход её из публичной сферы в область частного инструмента поиска трансцендентного.

Десекуляризация религии (К. Доббелэр) – возвращение религии в общество, использование медиа в

посткоммунистических странах для ресакрализации общества.

Неинституализированная религия (С. Хувер, С. Хйарвард) – присутствие религии в обществе в разнообразной форме не только религиозных движений, но и в виде убеждений о загробной жизни, перевоплощении, карме, духов и т. п.; молодёжные движения искателей духовности (хиппи); банальная (популярная, неэкспертная) религия.

Медийность религии, религия технологии (М. Биржит, Д. Ноубл) – восприятие медиа и техники как мессий, которые могут улучшить мир – Б. Гейтс, С. Джобс; технологизм – вера в то, что прогресс сделает человека бессмертным; исчезновение грани между религией и развлечением в публичной сфере (религия в кинематографе, рекламе); зависимость религии от медиа (станок Гуттенберга, телеевангелисты, сетевая идентификация электронных религиозных сообществ).

Религиозный маркетинг – регулирование религиозного рынка и возвращение богов в публичную сферу (Р. Старк); религия как товар (Л. Мур); взаимодействие религии с шоу-бизнесом (П. Бергер).

Идеологическое конструирование религии (Т. Фицджеральд): религия – это конструкт, используемый для идеологического оправдания современности; религия как эссенциалистская абстракция, укоренённая в христианском воспитании и отдалённая от реальных практик и институтов (многолетнее изучение индуизма как религии брахманов и, лишь в небольшой степени, кшатриев, ничего не открывает нам о религии других социальных слоёв). Как сакральное тесно связано с властными практиками, текстами, общественными событиями, людьми, как подвергается сакрализации государственное?

Все перечисленные дискурсы являются рациональными, научными, толерантными и креативными. В этом их ценность для социо-гуманитарного познания. К сожалению, в России недостаточно специалистов в религии, которая является очень чувствительной областью духовной жизни общества. В этой связи жизненно важно оказать государственную поддержку научному религиоведению и религиоведам, которые представляют малочисленную, но очень важную специальность. «Сектоборцы», пользуясь религиозной неграмотностью населения, могут способствовать дестабилизации социальной устойчивости. Сегодня Закон о противодействии экстремизма используется в борьбе с новой религиозностью. Ярким примером тому – томский процесс над Бхагавад-гитой, который в конце 2011 г. стал лидером по количеству запросов в Гугл на ключевые слова «Томск» и «Бхагавад-гита» в Индии, затмив даже приезд Б. Обамы. Доминирующим дискурсом в этой борьбе стала, всё же, нейтральная религиоведческая светская подача материала, хотя отдельные фрагменты конфессионального лоббирования интересов также встречались.

В преддверии суда поисковые системы выдавали по 500 репортажей на данную тему. Крупнейшая телевизионная сеть Индии – New Delhi Television, постоянно держала зрителей в курсе событий вокруг Гиты, способствовала коммуникации общественности и видных практикующих юристов Индии.

Судья Ленинского районного суда г. Томска Г. Е. Бутенко отказала прокурору в удовлетворении его заявления о признании «Бхагавад-гиты как она есть» экстремистской литературой. Однако сколько книг совершенно безосновательно пополнили Федеральный список экстремистских материалов (www.minjust.ru/nko/fedspisok)? Это и книги Свидетелей

Иеговы и поучения турецкого богослова Саида Нурси, которые никак нельзя приравнять к «Майн Камф» или листовкам террористов.

Главным выводом всей проведённой работы по анализу томского дела является настоятельная необходимость обязательного светского религиозоведческого образования, как в школе, так и в вузах. Знание религиозного опыта разных религий позволяет пресечь на корню мифотворчество в отношении тех или иных вероучений. Если бы сотрудники правоохранительных органов обладали познаниями в области религиоведения, то обозначенного суда, выставившего Россию в неприглядном свете в глазах международного сообщества, могло и не быть.

В первую очередь это относится к «экспертам», давшими неграмотное заключение (Аванесов С.С., Свистунов В.Н. и Наумов В.Г., М.А. Осадчий, С. А. Дранишников). Несмотря на репутационный ущерб, который они нанесли цеху гуманитариев, их руководство не проводит служебной проверки их профессиональной пригодности. У академической среды не остается других средств, как этическое воздействие на коллег, которые используют свое служебное положение для дачи неквалифицированной экспертизы.

Архитектор может понести ответственность за неправильные расчёты, приведшие к падению здания и гибели людей; врач – за ошибку диагнозе и оперативном вмешательстве. Однако в России «учёные» в силу своей некомпетентности/ангажированности могут ограничить граждан России в части некоторых конституционных прав и при этом они продолжают учить студентов и занимать должности.

Уместной была бы и довольно жесткая критика в адрес российской прокуратуры, которая завывает планку

экстремизма, что, в томском случае привело к осложнению российско-индийских отношений. Представители правоохранительных органов и силовых структур, раскрутившие маховик судебной машины, лишь продемонстрировали свою некомпетентность. Если не сказать больше – используя свое служебное положение в личных целях, они своими необдуманными действиями не только подвергли серьезному испытанию устоявшиеся российско-индийские отношения, но и бросили вызов основам конституционного строя, в части прав и свобод личности. Подав в суд на «Бхагавад-гиту как она есть» за экстремизм, они сами едва не стали разжигателями межрелигиозной вражды.

Событие в Томске является также симптоматичным для нового глобализованного порядка современного мира. Сегодня, как никогда, тесно переплетаются и находятся во взаимовлиянии медиа, наука, религия, политика, экономика, что ставит на повестку дня новые теоретические вопросы 1) методология познания и неклассического общества, 2) язык описания неклассической рациональности и социальности, 3) взаимосвязь научного и юридического сообщества, 4) научных и практические критерии экспертизы, 5) воздействие постнеклассическая социологии на правовое регулирование, 6) модели развития традиционализма и глобализма. Видимо не случайно сегодня актуализировалась глобалистика как новое научное направление, объединяющее все эти вопросы, стремящаяся перейти на уровень прогнозирования социокультурной динамики. Теоретическое и практическое разрешение поставленных вопросов требует междисциплинарной консолидации, большой эрудиции и знаний, а также открытости к миру, проведения феноменологической редукции по отношению к естественным установкам

обыденного сознания.

Конституция РФ каждому гражданину гарантирует свободу совести и свободу религии, выбирать и распространять свои религиозные убеждения. Действиями томской прокуратуры, которая, пытается преследовать кришнаитов живущих в России, эти конституционные права ставятся под угрозу. В частности это выражается в попытке признать некоторые религиозные тексты экстремистскими.

Сегодня перед Россией стоят вызовы времени, на которые мы должны ответить. Одна из проблем – это формирование единого, но многонационального и многоконфессионального гражданского общества. В условиях необратимой глобальной трансформации недопустимым является преследование представителей других культур и религий.

Исторические религиозные и культурные тексты (эпосы, былины, сказки), художественные произведения не могут рассматриваться в суде как экстремистские. Мы живем в светском государстве, поэтому культурные вопросы должны решаться на «соревновательном» духовном уровне, а не на гражданско-правовом и тем более уголовном. Процессы преследования инаковерующих должны прекратиться. Назрела необходимость создания независимого и компетентного экспертного сообщества, состоящего из религиоведов, лингвистов, историков, философов, социологов, способных давать объективные, научно-обоснованные заключения. Озабоченность вызывает низкий уровень общей культуры некоторых сотрудников правоохранительных органов и государственной власти. Практические шаги для формирования толерантного дискурса в отношении религии просты: 1) введение обязательного курса религиоведения для средней и высшей формы обучения, 2)

преподавание религиоведения профильными светскими специалистами по этой специальности.

Примечания:

1. *Неретина С.С.* Автор и дискурс // www.philosophy.ru/iphras/library/wealtrue/neret1.htm

2. *Фуко М.* Дискурсия и человеческое бытие / Фуко М. Слова и вещи // www.philosophy.ru/library/foucault/01/10.html

5.2. ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Террористическое движение на Северном Кавказе постоянно видоизменяется, приспособляясь к специфическим условиям региона, где архаичная социальная система местных сообществ остается значимым ценностным ориентиром для населения. Региональная версия терроризма, опираясь на идеологическую доктрину радикального исламизма, за последние двадцать лет прошла основательную институционализацию, апогеем чего стало провозглашение в 2007 году т.н. «Имарата Кавказ». Эксперты отмечают значимое влияние внешнего фактора на эти процессы. Однако в настоящее время террористическое движение в регионе приобрело весомую степень автономности, превратившись в самостоятельный террористический кластер, входящий в сетевую структуру международного терроризма.

Главная особенность северокавказского террористического подполья заключается в его сетевой структуре и системе самообеспечения, которые базируются на инкорпорированности подполья в сложившиеся

местные социальные структуры, объективно поддерживающие радикалов. В качестве важнейшего элемента функционирования традиционного общества в северокавказских республиках лежит коллективная солидарность людей, основанная на системе социальных институтов общественного регулирования (семья, род, община, традиции, мораль, обычное право, общественное мнение), и социальных практиках, включающих, в том числе, и кровную месть.

Как известно, формы сопротивления северокавказских сепаратистов после известных августовских событий 1999 г. в Дагестане и Чечне прошли несколько этапов. Первоначально шли фронтальные сражения, апогеем чего стал штурм Грозного и последовавшее падение официальных ичкерийских политических институтов. Затем эта борьба трансформировалась в партизанское движение и, наконец, в бандитское подполье, практикующее диверсионно-террористические формы деятельности и прикрывающееся исламским вероучением. Тем не менее, знаковым стал 2007 г., когда очередной ичкерийский лидер Доку Умаров заявил о сложении президентских полномочий и назначил себя верховным правителем – «амиром моджахедов Кавказа», «предводителем джихада», а также «единственной законной властью на всех территориях, где есть моджахеды». Естественно, что виртуально существующий «Имарат Кавказ» стал очередной сетевой структурой радикальных исламистов, в данном случае – в северокавказском регионе России.

Согласно верному утверждению американского автора Марка Сейджмана, сложившийся в современном мире глобальный джихад не является конкретной организацией, но выступает общественным движением, состоящим из ряда более или менее формализованных

организаций, связанных определенными алгоритмами взаимодействия. При этом участники глобального джихада – не атомизированные индивиды, но акторы, связанные друг с другом через сложную паутину прямых или опосредованных обменов [1, с.145].

С провозглашением в 2007 г. Доку Умаровым «Имарата Кавказ» можно говорить об окончательном формировании на Северном Кавказе очередного крупного террористического кластера, ставшего частью иерархической сетевой структуры «исламского мира». Однако сетевые структуры террористов в северокавказском регионе России стали формироваться задолго до инициатив Д. Умарова. Поражение сепаратистов в Чечне, распыление салафитского движения в других республиках Северного Кавказа трансформировало «сопротивление» частично в «партизанщину», частично в мобильные, слабо связанные между собой сетевые террористические группировки.

Сегодня подполье практически во всех северокавказских республиках состоит из трех главных сетевых звеньев, обеспечивающих воспроизводство и даже усиление террористического движения [2]. Первое звено состоит из боевиков, которые принимают непосредственное участие в диверсионно-террористической деятельности. Его естественное пополнение происходит за счет второго звена, состоящего из близких и дальних родственников, входящих в состав большой семьи, рода, братства, тейпа и т.д. Однако чаще всего данное звено формируется из жен, братьев, сестер, а также из односельчан боевиков. Их главная функция состоит в обеспечении тылового прикрытия активных членов банд, а также в пополнении отрядов боевиков в результате понесенных ими потерь. Часто такое происходит, особенно в условиях Северо-Восточного Кавказа, когда в результате гибели состоявших в

джихадистской сети близких родственников начинает действовать институт кровной мести. Третье, самое многочисленное звено, занимает особо важное положение в обновленческом процессе подполья. Оно, как правило, состоит из сочувствующих и симпатизирующих исламистам молодых людей, ставших носителями исламистской идеологии, прежде всего, под влиянием специфических проповедей в местных мечетях, а также через посещение ими Интернет-форумов, которые сегодня являются эффективной базой для исламистских пропагандистов.

Сложившаяся сетевая система «Имарата Кавказ» при всей своей аморфности существенно повышает степень выживаемости всей сети в целом. Основу северокавказского подполья образуют т.н. «джамааты», которые создаются по территориальному и одновременно этническому принципу, поскольку границы населенных пунктов практически всегда совпадают с границами расселения отдельных этнических групп. В результате первичные единицы разветвленной террористической сети – джамааты – представляют собой этнически однородные коллективы. Совокупность таких первичных ячеек на уровне районов и в целом северокавказских республик образует соответствующие, сетевым образом оформленные, исламистские «сектора» и «валайяты», из которых, в свою очередь, состоит «Имарат Кавказ». Несмотря на то, что «Имарат Кавказ» отрицает значимость расового, этнического и др. факторов, отличающих мусульман друг от друга, в реальной действительности подполье не может существовать в отрыве от сложившейся системы разделения зон влияния между этносами, особенно в условиях террористической войны, когда жизнеспособность и неуязвимость подполья обеспечивают тылы, опирающиеся на родоплеменные отношения (тейпы

в Чечне и Ингушетии, родоплеменные связи в Дагестане, Кабардино-Балкарии и других северокавказских республиках). Именно в силу этого руководство Чечни и Кабардино-Балкарии достаточно эффективно используют практику коллективной ответственности родов и тейпов за связи и поддержку бандподполья [Там же].

Основную массу боевиков составляют представители северокавказских этносов. Как правило, это мужчины в возрасте от 25 до 35 лет (их доля составляет не менее 50 процентов от общей численности), вторыми по степени вовлеченности являются молодые люди до 25 лет, их доля соответственно составляет примерно 30 процентов. Представляют интерес данные последних двух лет, которые свидетельствуют о тенденции «старения» активных боевиков: если прежде среди «непримиримых» было немало юношей 16-17 лет, то сегодня их возрастная планка поднялась, в результате чего «самыми молодыми» стали люди от 20 лет и старше. Вместе с тем, как правило, активные члены бандгрупп имеют среднее и даже высшее образование, располагают стажем трудовой деятельности [3, с.28].

В рядах боевиков имеется некоторое количество наемников, как из дальнего, так и из ближнего зарубежья. Среди «дальних» чаще – идеологические проповедники, финансовые посредники, инструкторы, а «ближние», как правило, выступают просто в роли бойцов, хотя бывают и исключения. Если в «первую чеченскую», а также в начале 2000-х в регионе воевали представители стран Ближнего и Среднего Востока, то теперь их стало значительно меньше, а их место все активнее занимают граждане ныне суверенных постсоветских республик, а также и собственно России. Относительно новым явлением стало появление «русских ваххабитов» - тех русских, которые воюют и совершают диверсионно-террористические акты

на территории Северного Кавказа [3, с.29].

Появившийся на Северном Кавказе новый крупный террористический кластер можно отнести к сетевым структурам «малого мира», в отличие от глобальной иерархической сетевой структуры Усамы бен-Ладена 90-х гг. Сетевые структуры «малого мира», как подчеркивает М. Сейджман, обладают интересными свойствами: в отличие от иерархической сетевой структуры, которую можно ликвидировать, обезглавив ее, уничтожив ее руководство, сетевая структура «малого мира» сопротивляется дефрагментации по причине своей плотной взаимосвязанности. Можно произвольно удалить значительную часть составляющих ее точек-фигур без особых последствий для ее целостности. Где сетевая структура «малого мира» уязвима для прицельного удара, так это в своих узловых точках. Если достаточное количество таких узлов уничтожены, то сеть распадается на изолированные и лишённые связи острова, состоящие из точек [1, с.149].

«Имарат Кавказ» - это сетевая структура «малого мира», возникшая на базе т.н. «Кавказского фронта», включавшего в свой состав множество местных «фронтов», сконструированного Абдулхалимом Садуллаевым, предшественником Д.Умарова на посту «президента Ичкерии».

По территориальному устройству «Имарат Кавказ» состоит из ряда входящих в него субъектов – вилайетов. Первоначально он был разделен на шесть вилайетов: Дагестан, Нохчийчо (Чечня), Галгайче (Ингушетия), Иристон (Северная Осетия), Ногайская степь (Ставропольский край), а также объединенный вилайет Кабарды, Балкарии и Карачая. В мае 2009 г. указом Д.Умарова вилайет Иристон был упразднен и включен в состав вилайета Галгайче. Таким образом, верховный амир

«Имарата Кавказ» разрешил давний территориальный спор между ингушами и осетинами в рамках придуманного им «государства». При «верховном амире» «Имарата» созданы функциональные структуры – мухабарат (разведка и контрразведка), шариатский суд, «министерство по связям с общественностью», «военное министерство» и др. Весной 2009 г. Д.Умаров оснастил свой «Имарат» дополнительным атрибутом государственности, создав представительный орган – Маджлис уль-Шура. Туда входят главы вилайетов (регионов) и наиболее заметные руководители «джамаатов» (местных бандгрупп). Маджлис уль-Шура представляет собой аналог верхней палаты парламента, имеющей, однако, лишь совещательные функции, всей полнотой власти располагает только верховный «амир». В свою очередь, во главе каждого вилайета стоит свой амир (глава субъекта), обладающий властными полномочиями на курируемой территории. Он, в свою очередь, отбирается из числа амиров местных джамаатов (глав районов, совмещающих полномочия командиров мобильных банд). При амире вилайета, как и при верховном амире «Имарата», как правило, действует меджлис – совещательный орган из наиболее авторитетных представителей общины [4].

Если сравнить структуру «Имарата Кавказ» со структурами аналогичных зарубежных исламистских образований, то нетрудно обнаружить их внутреннее сходство. Например, в 90-х гг. в структуру «Аль-Каиды» входили: "Шура", или Консультационный Совет - узкий круг близких соратников бен-Ладена, большинство из которых находились с ним в тесных отношениях еще со времен Афганистана; "Шариа" и Политический комитет, отвечавшие за издание "фатв" - постановлений, основанных на законах шариата и предписывающих или оправдывающих определенные действия, включая

убийства; Военный комитет, ответственный за выбор потенциальных мишеней, разработку и осуществление операций и управление тренировочными лагерями; Финансовый комитет, ответственный за сбор средств, финансирование тренировочных лагерей, оплату проживания, расходов, поездок членов сети и движение финансовых потоков, необходимых для проведения операций; Комитет иностранных закупок, отвечавший за приобретение оружия, взрывчатых веществ и оборудования; Комитет безопасности, отвечавший за защиту членов сети, сбор разведывательной информации и контрразведку; Комитет информации, отвечавший за ведение пропагандистской работы [5].

Не стоит думать, что эта структура отражала цепочку командования при организации каждой конкретной террористической операции. С ее помощью осуществлялась общая координация действий "Аль-Каиды", в том числе и обеспечение материальной поддержки терактов. Но как только принималось решение о проведении конкретной акции, ее организация поручалась засекреченной ячейке "Аль-Каиды", состоявшей из тщательно отобранных членов сети. Такую ячейку всегда возглавлял один из высокопоставленных боевиков "Аль-Каиды", подчинявшийся лично бен- Ладену.

Аналогичное можно сказать и об «Имарате Кавказ», имеющей в своем составе, в том числе, и засекреченные ячейки типа пресловутой «Риядус-Салихийн». Отсюда усматривается, что не только в идеологическом, но и в организационном отношении северокавказские террористы следуют в фарватере построений их более опытных коллег из других стран мусульманского Востока.

Итак, трансформация террористических сообществ в последнее время идет главным образом по пути адаптации сетевых форм организации к потребностям

террористических групп. Имеет место отход террористических организаций от иерархических и линейных моделей организации и переход к сетевым. Новая, сетевая модель террористической организации позволяет достигать большей конспиративности и эффективности, а ее финансовые возможности в глобализирующемся мире оказываются самодостаточными. В связи с распространением информационных технологий у террористических организаций появляется возможность оперативно координировать любые акции отдельных боевых групп в любых масштабах. Таким образом, на смену централизованным террористическим организациям прошлого приходят транснациональные сетевые структуры, состоящие из автономных ячеек, способные в русле общего идейно-политического направления проводить террористические атаки в любой географической точке планеты. В структурном плане наиболее распространенной и опасной моделью построения международной террористической сети является сегментированная, полицентричная, идеологически интегрированная сеть. В рамках таких сетей свое место могут найти и криминальные организованные группы, и теневой бизнес. Круг потенциальных участников подобных сетей оказывается практически неограниченным. Переплетение различных сетей друг с другом (террористических, финансовых, криминальных (наркотрафик, нелегальная торговля оружием, людьми и др.)) вообще придает возникающему сетевому конгломерату новые качества и делает его совершенно автономным, еще более аморфным, чем ранее, и при этом трудно уязвимым [6, с.18-20].

Эффективность организации таких террористических сетей и входящих в их состав боевых групп обуславливается повышением уровня координации

действий, расширением организационных возможностей, а также активизацией обменов информацией, в том числе в режиме реального времени. В результате такого рода террористические сети оказываются почти идеально адаптированными к условиям так называемых «роевых» войн или войн с использованием принципа «боевой стаи» [7, с.76], когда за нанесением четко скоординированного по месту и времени удара прибывающих с разных направлений (из разных районов, республик и даже стран) боевиков и подразделений поддержки следует буквально «исчезновение», «растворение» боевой или террористической группы, вновь распадающейся на отдельные сегменты, стремительно исчезающие с места действия или сливающиеся с массами населения. Применение подобной тактики в конфликтах малой интенсивности было и остается весьма результативным даже против защищенных целей и военных объектов. Эффективна она и в современных крупных мегаполисах, поскольку целями террористических актов выступают слабо защищенные гражданские объекты и собственно население.

Имеющиеся материалы свидетельствуют, что в деятельности практически всех экстремистских структур на территории Северного Кавказа проявляются тенденции координации и взаимодействия в вопросах инспирирования дальнейших дезинтеграционных процессов в регионе. Управляемость этих структур объясняется ещё и тем, что они в весомой степени финансируются спецслужбами и организациями иностранных государств либо непосредственно, либо опосредованно, через международные неправительственные структуры, вследствие чего, они нередко лишены политической самостоятельности. Правда, уровень финансовой зависимости северокавказских

экстремистов от внешних спонсоров неуклонно снижается, что объясняется значимым отвлечением в последнее десятилетие средств международного терроризма на финансирование исламистских боевиков во многих странах Ближнего, Среднего Востока и Северной Африки.

В этой связи следует отметить, что важной особенностью современного северокавказского терроризма выступает и то, что оно представляет собой устойчивую и уже достаточно независимую в финансовом плане систему, имеющую многоуровневый бюджет, состоящий из бюджетов «джамаатов», секторов, валайатов и, наконец, собственно «Имарата Кавказ». Формирование этих бюджетов происходит за счет т.н. «налога на джихад», который боевиками представляется в качестве одного из «столпов ислама» - закята, им исламисты облагают бизнесменов и чиновников в северокавказских республиках, а также соплеменников за их пределами. Суть системы налогообложения основана на вымогательстве, которому руководство «Имарата» придало теологическое обоснование. Сбор средств идет снизу – вверх, начиная с уровня джамаатов сел, и завершая республиками и всей зоной, подконтрольной «Имарату». Сбором средств при этом занимаются и сами боевики, их родственники, а также сочувствующие и симпатизирующие террористам. Отказ в уплате «налога, нередко завершается казнью «виновного» [2].

Как известно, «налог на джихад» не является изобретением северокавказских радикалов, он практикуется в аналогичных условиях повсеместно в государствах Ближнего, Среднего Востока и в Северной Африке. Например, во время советского военного присутствия в Афганистане аналогичный налог бандитам выплачивали государственные и партийные функционеры, включая министров, членов Ревсовета и Политбюро

правлящей Народно-демократической партии. Четкое взаимодействие всех звеньев «налогообложения» на Северном Кавказе обеспечило подполью значительный приток финансовых средств, который укрепил подполье и расширил его ряды, обеспечил независимость от ослабших внешних поступлений.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что сложившаяся в северокавказском регионе России террористическая модель основательно адаптирована под локальные социальные и этнополитические условия, прошла поступательный процесс институционализации. Сегодня в регионе сложилась разветвленная сетевая террористическая структура, обладающая такими специфическими институтами, как судебная власть (кадии), хорошо отработанной фискальной системой, а также и исполнительной властью в лице т.н. «амиров» различных уровней, от «джамаата» - до «Имарата». Живучесть сложившейся системе придает сращивание идеологии радикального исламизма с северокавказскими традиционными социальными институтами и сложившимися современными общественно-политическими условиями. Родоплеменные связи, этнический фактор, территориальная привязанность помогает бандгруппам эффективно противостоять республиканским и федеральным силовым структурам. Иными словами, сращивание специфической радикальной исламистской идеологии с северокавказскими социально-экономическими и этнополитическими реалиями сделало проект «Имарат Кавказ» жизнеспособным, что позволяет не только противостоять государству, но даже расширять географию своего влияния. Отсюда следует необходимость разработки новых, более эффективных направлений противодействия религиозно-политическому экстремизму и терроризму.

Примечания:

1. *Сейджман М.* Сетевые структуры терроризма / М. Сейджман. - М., 2008.
2. *Текушев И.* Имарат Кавказ как особая исламская «этно-фундаменталистская модель» [Электронный ресурс] / И. Текушев. – Режим доступа: // <http://www.bs-kavkaz.org/2012/03/> (дата обращения: 25.09.2012).
3. *Матишов Г.Г.* Терроризм как главная угроза национальной безопасности на Юге России / Г.Г. Матишов, И.В. Пащенко // Приоритетные направления стратегии национальной безопасности Российской Федерации. – Ростов н/Дону: Изд-во СКАГС, 2011.
4. *Боброва О.* Имарат Кавказ. Государство, которого нет / О. Боброва // Новая газета. № 22. - 2010. 3 марта
5. "Аль-Каида" отрачивает новые головы взамен отрубленных // Lenta.ru. - 2004. - 11 авг.
6. *Соловьев Э.Г.* Трансформация террористических организаций в условиях глобализации / Э.Г. Соловьев. - М.: ЛЕНАНД, 2006.
7. *Добаев И.П.* Роль и место «цветных революций» в геополитических трансформациях в Каспийско-Черноморском регионе / И.П. Добаев, А.Г. Дугин // Евразийский проект: кавказский вектор / Южнороссийское обозрение. Вып. 30. - Ростов н/Дону, 2005.

5.3. АНАЛИЗ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА «ИМАРАТА КАВКАЗ»

Введение. Северный Кавказ уже второе десятилетие является территорией террористических и идеологических атак. Развитие глобальной сети интернет позволяет сделать

процесс информационного освещения деятельности экстремистских образований и распространения антигосударственной пропаганды более доступным и менее уязвимым к официальному противодействию. Запрещенные судом информационные ресурсы продолжают свое активное существование, при необходимости меняя виртуальные адреса или же распространяя инструкции легкого доступа на заблокированные сайты. Поэтому для формирования стратегий противодействия, в том числе, с использованием информационных технологий, важно осуществлять мониторинг подобных ресурсов, отслеживать динамику подходов к психологическому воздействию на аудиторию.

Наличие в свободном доступе огромного массива видео роликов, публикаций экстремистского содержания, легкий доступ к коммуникации с людьми, разделяющими подобные взгляды, позволяют говорить о возможности развития процесса «саморадикализации [1, с. 2]», когда заинтересованным индивидам не обязательно быть частью группы, чтобы совершать противоправные действия террористической направленности. Данная тенденция получила распространение в Европе, особенно, в Великобритании. Что касается Северного Кавказа, то дрейфующая в глобальной сети информация экстремистского содержания, отражающая специфический взгляд на процессы, проходящие в регионе, служит средством привлечения радикально мыслящих элементов из других регионов Российской Федерации (Татарстан, Башкортостан), а также из государств-соседей (Казахстан). Однако эти случаи единичны, и, безусловно, пропорциональное большинство остается за выходцами из республик Северного Кавказа[1, с. 29], на которых и направлена основная пропаганда.

Конечно, влияние интернета ограничено и является

лишь частью процесса вовлечения (провоцирование повышенного интереса к противоправной активности, основанной на политических/религиозных идеологических постулатах и демонстрируемой несправедливости). Но это первый этап, подавляющий возможное неприятие, перед личным контактом и «живым» общением внутри группы.

Для формирования адекватных мер противодействия распространению экстремизма необходим детальный анализ содержания того посыла, с каким радикальные группировки обращаются к своим аудиториям. Образы, символы, идеи, используемые в процессе вовлечения очень важны, именно на их основе мы можем понять мотивацию молодых людей, приобщающихся к радикалам, и подходы к манипуляции общественным мнением, используемые в рассматриваемом регионе. Для выявления первоначальной мотивации мы обратимся к контент-анализу сайтов экстремистского содержания.

Методологический аспект контент-анализа.

Контент-анализ предполагает качественно-количественный анализ содержания документов с целью выявления или измерения различных фактов и тенденций, отраженных в этих документах в их социальном контексте.

В процессе рассмотрения ресурсов экстремистского содержания в категории анализа следует включать систему рекрутирования, идеологию, способы осуществления коммуникации, пропаганду и т.д. Так же при работе с интернет источниками в рамках контент-анализа рекомендуется использовать целевую выборку показателей, то есть учитывать определенную структуру исследования, по которой осуществляется анализ интернет ресурсов экстремистского содержания.

Сайт можно рассматривать по следующим параметрам [3, с. 31–33]:

Тип сайта, страна, провайдер;

Внешние ссылки: ссылки на сайты, ссылки на другие группы;

Тип содержания: язык, мультимедиа, информация для скачивания, использование запрещенных символов, использованные символы, способы подталкивания к осуществлению насилия, цитирование специфической литературы и уважаемых лидеров террористических организаций, интерпретации религиозных догматов и цитирование религиозной литературы, наличие опций по продаже товаров через интернет;

Членство: наличие/отсутствие регистрации членов, членских форм и другой обязательной информации о членах.

Данная схема была использована при подготовке статьи, но так как анализ был проведен на основе сайтов, признанных экстремистскими в Российской Федерации, то публикация таблиц невозможна. Также используемые цитаты будут даны без ссылок на источник.

Информационное пространство «Имарата Кавказ». Основной движущей и объединяющей силой северокавказских сепаратистов является организация «Имарат Кавказ» («Кавказский Эмират», ИК) [4], признанная террористической не только на территории Российской Федерации. В мае 2011 года ИК был признан как международная террористическая организация в рамках указа президента США № 13224 от 23.09.2001[5].

Главными ньюсмейкерами информационного пространства северокавказских экстремистов являются сайты территориальных подразделений ИК – вилайатов: официальный сайт Вилайата Дагестан[6], официальный сайт Объединенного Вилайата Кабарды, Балкарии и Карачая[7], официальный сайт Вилайата Галглайче (Ингушетия) [8], официальный сайт Вилайата Нохчийчов

(Чеченская Республика). Кроме этих ресурсов существует более 20 русскоязычных сайтов и блогов, которые транслируют новостные сводки по джихаду, осуществляемому не только в регионе Северного Кавказа, но и на Ближнем Востоке, в зоне АфПака, Европе. Все сайты имеют перекрестные ссылки друг на друга и зачастую публикуют одни и те же тексты (инструкции, обращения религиозных лидеров и т.д.). Специфическими являются только новости, которые формируются по территориальному принципу, за исключением сайтов, охватывающих несколько регионов.

Тематически статьи, публикуемые на данных сайтах, можно разделить на несколько видов: новостные сводки (включая отчеты о совершенных АДТН[9] и комментарии редакции по факту произошедших событий), идеологические основы джихада, призывы и обращения, советы и напутствия, некрологи, кадровые перестановки, инструкции (военная медицина, основы ведения джихада, организация засады, наблюдения и т.д.).

Новостные сводки сайтов отражают «альтернативную» трактовку происходящих в регионе АДТН, а также ответной и профилактической деятельности правоохранительных органов (спецоперации, КТО, задержания и т.д.). Приводится статистика убийств сотрудников силовых структур, особенно подчеркиваются факты казней местных жителей, оказывавших помощь следствию, также дается разъяснение относительно целей атак и жертв, убитых по ошибке. К примеру, крупный теракт – подрыв смертника[10] – унесший жизни 7 сотрудников МВД и причинивший тяжелые ранения 15 мирным жителям, по заявлениям редакции сайта Вилаята Палглайче (Ингушетия), был совершен по ошибке, так как целью атаки был начальник местного РОВД. Кроме того среди констатации фактов АДТН появляются некрологи,

возвеличивающие «подвиг» членов бандподполья.

В новостных статьях широко употребляются специфическая лексика: «муртады» [11], «кафиры» [12], «кафирские СМИ», «банды «МВД», «ФСБ»», «полицейские каратели», «марионеточные имамы», «муджахиды» [13]]. Используемые термины направлены на демонстрацию «нелегитимности» деятельности представителей государственных структур Российской Федерации и формируют у аудитории восприятие государственности как явления, носящего временный «оккупационный» характер. В качестве иллюстраций публикуются материалы, дискредитирующие российскую государственность и государственных деятелей с целью показать несостоятельность практик управления как дополнительного аргумента вести вооруженную борьбу. Общая риторика носит явный антигосударственный характер и пропагандирует углубление социальных конфликтов.

В статьях активно продвигается утверждение о ненависти представителей официальных властных структур к мусульманам, повторяется идея о невозможности сосуществования и осуществляются латентные и открытые призывы к насилию через религию.

Реакция на реализацию социально-политических проектов, по понятным причинам, резко негативная. Любые инициативы федеральных и республиканских властных структур, включая медицинскую помощь, представляются в виде акций, приносящих значительный ущерб духовному развитию населения. К примеру, работа мобильного госпиталя [14], дислоцированного в с. Кидеро Цунтинского района Республики Дагестан, оказывающего высококвалифицированную медицинскую и профилактическую помощь населению трудно доступных районов, характеризуется как акция, призванная «...

отвлечь молодежь от джихада...». При этом для обозначения местности используется историческое название области «Дидойский район» и игнорируется его современное официальное название «Цунтинский район».

Процесс частичного разминирования горных районов Ингушетии (Джейрахский, Сунженский), необходимого для развития туризма, представляется как мера несвоевременная и доставляющая массу проблем местным жителям. Безусловно, позитивные изменения значительно усложнят пополнение социальной базы бандподполья, так как местное население будет ориентировано на стабилизацию социально-экономической ситуации и нормальное поступательное развитие.

Идеологические основы джихада направлены на объяснение целей и задач борьбы. Статьи также нацелены на повышение мотивации и поднятие боевого духа посредством хвалебных оценок деятельности ярых последователей вооруженной борьбы.

Обоснование легитимности противоправной деятельности идет по 2 основным направлениям: массовые теракты как акции масштабного устрашения и точечные удары по сотрудникам правоохранительных структур и мирным жителям, оказывающим им какую-либо поддержку. Открыто называются группы населения, находящиеся в зоне особого риска: «...Каждого доносчика ... каждого участкового, совершающего поквартирный обход и сбор информации о мусульманах, каждого лесника и охотника, ищущих базы муджахидов... каждого представителя «МВД» и «ФСБ»... гадалок, хозяев спиртных заведений, колдунов, всех кто встал по ту сторону баррикад, своими речами, делами или деньгами... мы будем лишать головы...».

Кроме врагов «внутренних» четко определены враги «внешние»: Россия, Испания, Франция, США,

Великобритания, Израиль, Эфиопия, Камбоджа[15]. Российская Федерация лидирует в этом «черном» списке. Критике подвергаются не только государства, но и сама система демократического управления, в том числе в исламских странах. К примеру, осуждается участие мусульман в прошедших президентских выборах в Арабской Республике Египет. Внимание акцентируется на результатах «неверного» выбора пути развития, когда джихад теряет свою первостепенную значимость и социальные трансформации являются следствием движений национального сопротивления, основанных на национальной идентичности в ущерб религиозному радикализму (примером выступает Сирия).

И наилучшим временем в году для ведения вооруженной борьбы называется священный месяц Рамадан, который позиционируется как «месяц джихада». Специфическое отношение к Рамадану обусловлено следующим подходом: «...месяц Рамадан ... был месяцем приложения усилий. Самые великие битвы ... произошли в этом благословенном месяце, месяце джихада, усердия и энтузиазма». Этого правила придерживаются и радикальные группировки, действующие на территории Северного Кавказа.

Особое место занимает работа с молодежью как наиболее активной и мобильной группой населения. Осуществляются призывы быть более активными в распространении идей джихада среди широких масс населения. Группой, на которую направлены массированные информационные атаки, являются студенты исламских вузов, которые не оказывают содействия в поддержании функционирования сайтов экстремистского содержания. Безусловно, очень важным является воспитание молодого поколения богословов, которые будут разъяснять основы веры и

противодействовать распространению насилия. Однако тексты, побуждающие к осуществлению противоправной деятельности в открытой или латентной форме, все же находят своих адресатов. Поэтому очень важно, чтобы в информационном поле существовали авторитетные ресурсы, транслирующие корректную трактовку основ ислама.

Прямые обращения к молодежи направлены на поднятие боевого духа и желания сопротивляться демократической системе. Формируется ощущение угрозы со стороны государства, внедряются идеи «гонений» на всех мусульман. И основной причиной конфликта называется конфликт между государством и целой религией – исламом. Усиливается воздействие на сознание молодых людей посредством акцентирования межэтнической составляющей социальных процессов, дискредитируются судебные и исполнительные институты. Создается атмосфера напряженности, в которой опасно быть «кавказцем» и «мусульманином». Это очень распространенный пропагандистский прием – формирование страха перед группой или государством, твердого убеждения в существовании ненависти с его стороны к адресату послания: «...Вы думаете, раз вы ничего не делаете, вас не коснется их зло? Вы не участвуете в джихаде...Но даже в этом случае вас могут похитить, убить... Пусть у вас не хватает духа выйти на джихад, но чтобы не стать добычей...не быть убитым... просто потому, что ты мусульманин...– вооружайтесь. Мы должны перестать быть жертвами...». В этом отрывке мы видим ярко окрашенную с эмоциональной точки зрения речь с четкой психологической апелляцией к недопущению рабского существования, судьбы безмолвной жертвы, что может быть очень эффективным на Кавказе - регионе, где населяющие его народы имеют особое отношение к

понятию «достоинство».

Отдельные статьи посвящены тем, кто отказался от вооруженной борьбы (явки с повинной, участие в реабилитационных программах). Осознание набирающего силу влияния комиссий по адаптации подталкивает авторов сайтов экстремистского содержания всячески «предостерегать» членов бандподполья от совершения подобной «ошибки». Решившим вернуться к мирной жизни адресованы 2 посылы: «одуматься», т.е. не оставлять идею попасть в рай путем джихада, и «опасаться», так как после избрания пути отказа от вооруженной борьбы они сами могут стать ее целями.

Призывы заключаются в обращениях религиозных лидеров, носящих как побудительный к совершению насилия характер, так и характер угроз сотрудникам правоохранительных структур и попыток их «образумить» и «отречься» от бесполезной и опасной деятельности.

Инструкции представляют собой советы, рекомендации по ведению джихада, в которых молодое поколение получает проверенную опытным путем информацию по использованию средств связи, оружия, оказанию первой медицинской помощи, основам организации деятельности подполья, а также корректного поведения, не вызывающего подозрений. К примеру, декларируется необходимость отказаться от «индикаторов» причастности к радикальной религиозной группе во внешности (борода, специфическая одежда) и поведении; не рекомендуются посещение мечетей и внешние контакты за пределами группы (даже с родственниками).

Кадровые перестановки внутри структуры «Имарата Кавказ» в том числе носят характер важной информации. Новые назначения широко обнародуются для демонстрации «вертикали» - четкой системы подчинения. Здесь необходимо отметить борьбу с сепаратистскими

тенденциями внутри организации и попытки установления контроля над вновь появившимися группами. Структура стремится к централизации: «...любое действие со стороны таких джамаатов, которые работают отдельно от общего джамаата считается не законным и ... приносящими раскол в единый джамаат, и мы будем их преследовать по закону шариата...». Появление подобных текстов может говорить о существовании конкуренции за лидерские позиции на местах. А криминальная статистика, в свою очередь, намекает на укрепление тенденции к перерождению религиозного экстремизма в обычный криминал (способ самофинансирования), использующий ряд религиозных догм для достижения экономических целей. Если речь идет о нападениях на торговые центры, продуктовые магазины, бары, то, как правило, осуществляются подрывы, не наносящие тяжелых повреждений зданию и продукции (у входа) как акции устраниения с целью шантажа.

Информационное противодействие экстремизму.

Как уже было сказано ранее, стратегии противодействия должны быть достаточно мобильными в зависимости от специфики информационных атак экстремистов. Информационное воздействие на аудиторию региона Северного Кавказа нацелено на формирование основы реального вовлечения индивидов в деятельность бандгрупп на ментальном уровне, что может быть транслировано посредством 2 дополняющих друг друга установок. Первым треком является дискредитация существующей системы управления: общество и государство не являются справедливыми; государство не способно осуществлять свои прямые функции по обеспечению безопасности населения и других конституционно закрепленных норм (равенство прав и свобод человека[16], особенно, в вопросах свободы

вероисповедания); нерациональность использования природных ресурсов; ангажированность суда, дискриминация по этническому и религиозному принципу в органах государственного управления и т.д. Второй трек заключается в формировании чувства солидарности с теми, кто оказался достаточно смелым и сознательным, чтобы бороться с этими несовершенствами. И более того, отстаивать права региона в создании своей собственной государственности. Однако акцент все же делается именно на борьбе с недостатками общества и государства доступными методами (АДТН), то есть подчеркивается не подрывная функция существующих противоправных объединений, а именно социальная, призывающая «братьев и сестер» оказывать разностороннюю поддержку в рамках социума, а тех, кто «силен духом» присоединяться к джихаду. Существование потенциальной социальной группы «сочувствующих» может быть достаточно не только для ментального, но и физического пополнения экстремистских групп в случае срабатывания «пускового механизма», к примеру, масштабной спецоперации, в которой пострадало мирное население, отказе в приеме на работу, ссоры в семье и т.д.

На наш взгляд, информационное противодействие должно быть качественным обрамлением основных мероприятий в рамках общей стратегии противодействия экстремизму, осуществляемых как на уровне государства, так и на уровне гражданского общества. Наиболее эффективно оно может быть реализовано в рамках:

религиозного образования путем повышение компетентности в вопросах трактовки религиозных догм среди широких масс населения, исповедующего ислам, для выработки психологической устойчивости к экстремистской пропаганде;

снижения уровня внутриконфессиональной

конфликтности путем налаживания гражданского диалога с мирными салафитами, что нивелирует аргумент экстремистов относительно дискриминации по религиозному принципу (опыт Татарстана, гражданские инициативы в Дагестане);

популяризации результатов деятельности комиссий по адаптации путем демонстрации большей степени транспарентности при соблюдении необходимых условий обеспечения безопасности решившимся на контакт экстремистам. Сейчас возможности комиссий оцениваются не высоко, и в первую очередь это связано с кризисом доверия к деятельности органов государственной власти. Однако работа подобных комиссий должна стать неотъемлемой частью процесса восстановления баланса в обществе и снижения напряженности в регионе. При этом необходимо включать в процесс развития этих инициатив формирование позитивного восприятия результатов деятельности для привлечения большего числа лиц, желающих вернуться к мирной жизни. Это возможно достичь с помощью постоянного информационного освещения, что сделает работу структуры и рамки ее компетенции максимально транспарентными и понятными, а также привлечения в команду большего числа правозащитников и авторитетных лиц.

Кроме того необходимо параллельное продвижение корректного освещения *усилий по решению существующих проблем социально-экономического и правового характера*, которые, по сути своей, не являются уникальными и свойственными только Югу России, однако, значительно портят имидж России и создают благоприятные условия для дискредитации государственности, используя, действительно, слабые места в управлении. Речь, во-первых, идет о нарушениях прав человека на Северном Кавказе, факты нарушений давно перестали быть

«внутренним» делом, и многие из них рассматриваются в Европейском суде по правам человека. Одной из основных проблем Северного Кавказа являются похищения (незаконные аресты) людей. Среди республик по количеству похищений, зарегистрированных в ЕСПЧ, выделяется Чечня, особенно центральные районы, также это характерно для Дагестана и Ингушетии. Явление приняло настолько широкие масштабы, что жители готовы выходить на улицы, вступать в конфронтацию с полицией и открыто заявлять о неэффективности расследования дел об исчезновениях их родственников и знакомых. Также значительное количество исков были поданы с требованием компенсации ущерба, нанесенного в ходе боевых действий или КТО. Во-вторых, это преодоление существующего восприятия региона в рамках следующего ассоциативного ряда: «нестабильность», «неэффективность», «сепаратизм», «экстремизм», «терроризм», «конфликты», «бесперспективность», «дотационность», что создает идеологическую основу для неприятия региона на уровне гражданского общества. Поэтому программы повышения уровня социально-экономического развития требуют более подробного освещения (успехи восстановления сельского хозяйства, промышленности региона, ведущие к созданию рабочих мест). В рамках информационного противодействия экстремизму очень важно понимание молодым поколением собственных перспектив, существования отлаженного механизма интеграции молодых людей с различным уровнем подготовки в общество и их самореализация на рынке труда. Брендом должно стать получение образования для достижения социального благополучия.

Выводы. Информационное пространство «Имарата Кавказ» в полной мере отражает подрывную функцию данной организации. Аудитория сайтов экстремистского

содержания получает переработанный образ реальности, формируемый специфической интерпретацией новостных лент, разъяснениям по идеологическим основам джихада, доступным инструкциям и т.д. Ввиду этого необходима постоянная целенаправленная работа государственных и гражданских институтов по нейтрализации эффекта экстремистской пропаганды. Информационное противодействие должно строиться с одной стороны на мобильном реагировании на действия экстремистов в информационном пространстве, с другой стороны стабильно освещать инициативы в рамках программ противодействия. К тому же особенно важным является снижение количества информационных поводов для дискредитации государственности (нарушения прав человека и т.д.). Необходимо стремиться к балансированию негативной и позитивной информации о регионе, широкому обнародованию успехов поступательного развития. На Северном Кавказе – регионе, имеющем большой потенциал для развития, но сталкиваемом с сложными проблемами социально-экономического характера, а также проблемами в обеспечении безопасности – к содержанию информационного поля необходимо подходить с большей долей ответственности. Информационное поле формирует восприятие субъектов Северного Кавказа и процессов, происходящих на данной территории. А существующая несбалансированность его содержания, свойственная Северному Кавказу, с превалированием негативной информации формирует демонизированный образ региона и его жителей, который только способствует усилению убежденности о конфликтной природе государства и общества. В связи с этим необходимо выработать и в будущем поощрять внутреннюю политику информационных ресурсов относительно создания баланса позитивной и негативной

информации, уделять повышенное внимание процессам развития в регионе, при этом, безусловно, не пытаться скрыть существующие проблемы.

Примечания:

1. Radicalisation: the role of the internet. A working paper of the PPN. Institute for strategic dialogue [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.strategicdialogue.org/allnewmats/idandsc2011/StockholmPPN2011_BackgroundPaper_FINAL.pdf (дата обращения: 30.05.2012)
2. Приоритетные направления стратегии национальной безопасности Российской Федерации. Коллективная монография. – Ростов н/Д.:Изд-во СКАГС, 2011. – 672 с., С. 29
3. *Phyllis B. Gerstenfeld, Diana R. Grant, Chau-Pu Chiang*. Hate Online: A Content Analysis of Extremist Internet Sites/ Analyses of Social Issues and Public Policy, Vol. 3, No. 1, 2003, pp. 29—44
4. Признана террористической решением Верховного Суда Российской Федерации от 08 февраля 2010 года / Единый федеральный список организаций, признанных террористическими Верховным Судом Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://nak.fsb.ru/nac/ter_org.htm (дата обращения: 15.09.2012); и внесена в список международных террористических организаций, признанных террористическими США / Designation of Caucasus Emirate 26.05.2011[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2011/05/164312.htm> (дата обращения: 15.09.2012)
5. Executive Order 13224 of September 23, 2001[Электронный ресурс]. – Режим доступа:

- <http://www.fas.org/irp/offdocs/eo/eo-13224.htm> (дата обращения: 15.09.2012)
6. Признан экстремистским по решению Интинского городского суда Республики Коми от 19.06.2012/Федеральный список экстремистских материалов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.minjust.ru/nko/fedspisok> (дата обращения: 11.09.2012)
 7. Признан экстремистским решение Интинского городского суда Республики Коми от 08.06.2012 и определение Интинского городского суда Республики Коми от 21.06.2012 /Федеральный список экстремистских материалов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.minjust.ru/nko/fedspisok> (дата обращения: 12.09.2012)
 8. Признан экстремистским по решению Магасского районного суда Республики Ингушетия от 12.04.2010/Федеральный список экстремистских материалов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.minjust.ru/nko/fedspisok> (дата обращения: 14.09.2012)
 9. АДТН – акции диверсионно-террористической направленности
 10. Подрыв смертника на похоронах убитого 18.08.2012 сотрудника МВД, 7 убито, 15 ранены; с. Сагопши, Малгобекский район, Ингушетия; 19.08.2012/ В результате взрыва в Ингушетии погибло восемь человек [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/211419/> (дата обращения: 14.09.2012)
 11. Муртады – «...вероотступники, которые отреклись от Ислама и перешли либо в другие религии, либо же в другие формы неверия...» /А. Али-заде.

- Исламский энциклопедический словарь, Изд.: Ансар, 2007 г, 400 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://slovar-islam.ru/books/M.html> (дата обращения: 14.09.2012)
12. Кяфир - «...неверный, неблагодарный, скрывающий, не признающий истины, не верующий в существование или единство Аллаха...»/А. Ализаде. Исламский энциклопедический словарь, Изд.: Ансар, 2007 г, 400 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://slovar-islam.ru/books/k.html#Kufr52> (дата обращения: 14.09.2012)
13. Муджахид - от «муджахида» - «...усердие, совершение джихада во имя Аллаха...»/ А. Ализаде. Исламский энциклопедический словарь, Изд.: Ансар, 2007 г, 400 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://slovar-islam.ru/books/M.html> (дата обращения: 14.09.2012)
14. Совместный проект Всероссийского Центра медицины катастроф «Защита» и Центрального клинического военного госпиталя ФСБ России// РИА Дагестан: «Врачи Межведомственного мобильного госпиталя проводят обследование жителей Цунтинского района» от 10.09.2012 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.riadagestan.ru/news/2012/9/10/142230/> (дата обращения: 18.09.2012)
15. Рубрика «Знай врага» на одном из ресурсов Вилайята Дагестан
16. Конституция Российской Федерации, Глава 2, ст. 19, 28 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.constitution.ru/10003000/10003000-4.htm> (дата обращения: 19.09.2012)

5.4. ТИПОЛОГИЗАЦИЯ ВИДЕО МАТЕРИАЛОВ ЭКСТРЕМИСТСКОГО СОДЕРЖАНИЯ

Введение. Длительное состояние напряженности, свойственное южно-российским регионам в последние десятилетия, обусловлено постоянным воспроизводством радикальных формирований, действующих на территории Северного Кавказа и за его пределами. Члены бандподполья осуществляют распространение экстремистских идей с целью создания и поддержания социальной базы «симпатизирующих», часть которых при определенных обстоятельствах заменяют ранее ликвидированных боевиков. Ограниченность непосредственной коммуникации с аудиторией заменяют широкие возможности современных технологий распространения информации. Одним из эффективных и доступных элементов пропаганды является производство видео роликов экстремистского содержания. Видео ряд является важным элементом в процессе коммуникации экстремистских организаций и их аудитории. Видео как совокупность образов, символов, звуков и текстов воздействует на сознание человека на более глубоком уровне, вызывая часто неосознанные побуждения к действию, так как формирует ощущение присутствия и ответственности зрителя как очевидца происходящего. Более того, видео ролики и сопутствующие тексты способны подтолкнуть группу лиц к «саморадикализации» без существующей институциональной поддержки на локальном уровне. Легкий доступ к видео материалам, в особенности, к инструкциям по производству взрывчатых веществ в домашних условиях тут же отражается на статистике подрывов и самоподрывов по неосторожности. Образы, символы, идеи, используемые в процессе вовлечения важны для понимания мотивации людей,

приобщающихся к радикалам. В данной статье мы проведем краткий анализ видео ряда, подготовленного экстремистскими и террористическими объединениями, преимущественно, организацией «Имарат Кавказ» (ИК) [1].

Типологизация экстремистских видео роликов.

Видео можно проанализировать с точки зрения типа: *вдохновляющий ролик*: речи, изложение определенной трактовки религиозных догм; *инструкция*: производство СВУ, подготовка к вооруженной борьбе и т.д. А также с помощью выстраивания логической связки «оправдание – мотивация - действие» или в зависимости от специфики предполагаемого группового действия, подходов к коммуникации, качества производства самого видео ролика (качество видео ряда, наличие перевода, субтитров)[2]. Типологизация видео роликов была предложена компанией the IntelCenter [3] в исследовании «Evolution of Jihad Video» [4]. Отчасти она была основана на видео материалах, отснятых во время чеченских кампаний. На роликах запечатлены вооруженные столкновения чеченских бандформирований и отрядов федеральных сил, пытки и показательные убийства российских военнослужащих. Идея популяризации жестокости чеченских повстанцев, распространение страха среди российской армии принадлежала Амиру ибн аль-Хаттабу – одному из лидеров чеченских сепаратистов. Также в работе были проанализированы видео ролики других групп экстремистов.

Видео материалы подразделены на следующие виды:

- *Фильмы*: качественно смонтированные 1-2 часовые ролики, посвященные той или иной проблематике;
- *«Живые» кадры осуществленных атак*: как правило, несколько минутные ролики, отснятые в

режиме реального времени, с минимальным редактированием;

- *Похищения*: видео ролики «с мест событий», привлекающие дополнительное внимание к действиям группы;
- *Идеологические ролики*: направлены на достижение определенной цели и теоретическое объяснение причин и официальных позиций членов группы, т.е. требование осуществления атак, реакция на изменение политического контекста, призывы к присоединению, идеологические положения, поиск финансирования;
- *Некрологи*: короткие ролики, сообщающие о смерти лидеров, влиятельных членов группы или большого числа рядовых членов, особенно, тех, кто принял мученическую смерть;
- *Обучающие материалы*: ролики, на которых запечатлено практическое обучение членов группы, используется для ДПС;
- *Инструкции*: ролики как наглядное обучающее пособие (производство СВУ, тактическая подготовка членов группы по какому-либо заданию).

Также видео ролики делят по принципу отношения к насилию [5]:

- *насильственные акции*: документальные фильмы, похищения, взятие в заложники, теракты с вовлечением смертников, казни и пытки;
- *ненасильственные акции*: послания, обращения, отчеты и обновления, инструкции и т.д.

Еще одна схема анализа видео роликов, основанная на смешанной методологии[6], была предложена в статье «Content Analysis of Jihadi Extremist Groups' Videos» [7].

СХЕМА КОДИРОВАНИЯ ВИДЕО РОЛИКОВ [8]		
ТИП ВИДЕО (вооруженная атака)		
Атака	Планирование, мотивация, цель, оружие	Все виды атак (за исключением атак смертников, взятия в заложники)
Взятие заложники	Имена заложников, национальность, требования, переговорный процесс, заявления	Удержание лица против его воли
Атака террориста-смертника	Метод, имя и национальность смертника, заявления, цель	Атака приводит к смерти атакующего
ТИП ВИДЕО (другие)		
Послание	Некролог, обращение лидера, новостная сводка	Заявления экстремистских групп
Обучающий ролик	Инструкции, тренинги	Видео-уроки
СПЕЦИФИКА СОДЕРЖАНИЯ		
Жертвы	Имя, национальность, представитель военных/правоохранительных структур/мирный житель	Убит/ранен

Дата атаки		
Место		
Цель атаки	Личность, организация, страна	
ГРУППА		
Экстремистская группа	Название, подразделение, страна	Задействованные группы
ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ		
Цитаты	Религиозные догмы, экстремистская литература	
Ссылки на СМИ	Страна, язык	Ссылки на другие источники
КАЧЕСТВО ВИДЕО РОЛИКА		
Качественные показатели	Название, качество звука и видеоряда, адрес ролика	

Наиболее соответствующей региональным особенностям северокавказского бандподполья мы считаем типологизацию, предложенную компанией the IntelCenter. *В виду того, что анализ был проведен на основе видео материалов, многие из которых признаны экстремистскими в Российской Федерации, ссылки на источник даны не будут.*

Анализ видео материалов экстремистского содержания. Производство социально-ориентированных экстремистских роликов, отражающих специфическую трактовку региональных реалий Северного Кавказа, осуществляют различные группы, так или иначе связанные со структурами ИК. Архивы видео материалов, преимущественно, размещены на сайтах территориальных

подразделений ИК – вилайатов: официальный сайт Вилайата Дагестан[9], официальный сайт Объединенного Вилайата Кабарды, Балкарии и Карачая[10], официальный сайт Вилайата Глалглайче (Ингушетия) [11], официальный сайт Вилайата Нохчийчоь (Чеченская Республика). А также на более 20 русскоязычных сайтах и блогах, транслирующих новостные сводки по джихаду. Кроме того видео ролики загружают на такие общеизвестные сервисы, предоставляющие услуги видеохостинга, как youtube.com, smotri.com и т.д. Однако на популярных сервисах подобные видео чаще обнаруживаются и удаляются за несоответствие правилам публикации, что не мешает их появлению под другими интернет адресами. В целом все видео материалы находятся в относительно легком доступе. Иногда появляются текстовые сообщения об удаленных роликах, содержащих наиболее жестокие сцены насилия, с разнообразными ссылками для скачивания. Все это дает возможность при определенном желании и некоторых временных затратах найти если не все, то многое из интересующих материалов, что говорит о значительной степени неэффективности противодействия распространению радикальной идеологии в информационном поле.

В большинстве роликов присутствует символика «Имарата Кавказ» в виде флага, как правило, заменяющего фон. В качестве заставки иногда используются такие образы, как небеса, облака, солнце, солнечные лучи, символизирующие стремление к завершению земной жизни, а также встречается образ пробиваемых стен, что создает впечатление мощной скрытой на первый взгляд силы. Как правило, язык, используемый в роликах – русский, но в том числе достаточно популярны местные языки национальных республик Северного Кавказа. Распространение получили материалы на арабском языке с

русскими субтитрами, объясняющие необходимость мирового джихада, основ его ведения и т.д. На данном этапе наиболее востребованы видео следующих видов.

Фильмы. Завершенные сюжетные линии продолжительностью от 30 минут до нескольких часов. Существующие фильмы отражают два основных направления пропаганды: возвеличивание борьбы северокавказского бандподполья и дискредитация российской государственности. Активно формируется образ жестокого врага в лице действующей власти, приводятся выдержки из выступлений официальных лиц, содержащие жесткие высказывания, цитаты даются без социально-политического контекста и вне связи со спецификой произносимой речи. Такие кадры, как тела убитых участников сопротивления, покалеченные жертвы вооруженных столкновений (особенно, сюжеты, относящиеся к двум чеченским кампаниям), пострадавшие мирные жители, контртеррористические операции, разрушенные дома, должны служить доказательствами бескомпромиссности «оккупационной» системы управления и ее ориентированности на уничтожение. С другой стороны происходит укрепление образа защитника религии, отважного борца с государством, демонстрируются съемки акций диверсионно-террористической направленности как примеры реального осуществления угроз.

«Живые» кадры присутствуют практически во всех видео материалах, но, особенно, в отчетах о деятельности группы за определенный период. Так, к примеру, рассмотрим один из видео отчетов об операциях боевиков в Кабардино-Балкарии, смонтированный с использованием образа сцены. Кадры «живой» съемки сменяются мультипликационными вставками. Ролик состоит из галереи убитых сотрудников полиции и съемок операций

по их «ликвидации». На видеозаписях сложно различить участников, съемка велась с удаленного расстояния от места действия, преимущественно, в темное время суток. Галерея проиллюстрирована фотографиями убитых сотрудников правоохранительных органов и властных структур, религиозных деятелей. Необходимо отметить, что на перечеркнутых фотографиях представителей силовых структур указываются их должности в том виде, в котором они официально приняты в Российской Федерации, а должности/звания религиозных деятелей и административных работников изменены с использованием своеобразной терминологии: «марионеточный муфтий», «ставленник оккупантов». Другим распространенным типом роликов являются «зарисовки» жизни в лесных лагерях. К примеру, переход по горно-лесистой местности одного из отрядов бандподполья и стоянка в лесном лагере. В кадре мы видим хорошо экипированных и вооруженных молодых людей, идущих под композицию Т. Муцураева [12] «Корабли поминания [13]» («...Там за пределами Земли, ждут нас прекрасные миры, ты направь поминания корабли в гавань счастья, в гавань мира и любви...»). Сочетание видео и звукового ряда создает атмосферу земной жизни как «явления проходящего и мимолетного» в ожидании «райских садов».

Идеологические ролики касаются различных аспектов существования и воспроизводства радикальных группировок. Часто представители управляющих элементов структуры ИК дают комментарии относительно современных событий на подотчетной территории и в мире, что формирует отношение аудитории к тем или иным изменениям, конструирует мнение и восприятие реальности. К примеру, достаточно чувствительным оказался факт признания ИК как международной

террористической организация в рамках указа президента США № 13224 от 23.09.2001[14]. Это было трактовано как своеобразный «удар» по «легитимности» организации, поэтому адресатам послания приходится разьяснять сущность США как «нечестивцев», претендующих на статус «владык мира», что нивелирует их решения. Или другой пример - разьяснения относительно убийств тех или иных граждан Российской Федерации. Так мотивация «ликвидации» одного из предпринимателей, подвергнувшегося шантажу со стороны представителей бандподполья, была совершена ввиду нескольких причин: отказа в плате (военного налога), взаимодействия с правоохранительными структурами по факту шантажа, содействия правоохранительным структурам в раскрытии деятельности группировки. В качестве выводов ролик содержит угрозы тем, кто оказывает содействие полиции и т.д.

Периодически внимание уделяют информированию аудитории о состоянии дел внутри группировок, кадровым перестановкам – знакомству с новыми амирами, заменившими ликвидированных ранее. Обнародуются угрозы правоохранительным органам, журналистам, освещающим события по контртеррору, осуществляются призывы присоединиться к джихаду в качестве реакции на несправедливость общества, необоснованность действий правоохранительных органов, неспособность населения отстаивать свои права, особенно, право на жизнь. Посылком, содержащимся практически в каждом обращении, является критика «преступного» бездействия мусульман Кавказа, которые не участвуют в борьбе, что предлагают осуществлять с разным уровнем вовлечения: джихад, пособничество, помощь семьям тех, кто участвует в джихаде.

Некрологи представляет собой презентации,

состоящие из фотографий ликвидированных в ходе спецоперации членов бандподполья при жизни (в лесном лагере, с оружием, среди «братьев») и по факту смерти. Иногда фотографии дополняют видео обращения ликвидированных участников бандподполья, представляющих разные уровни иерархии ИК. В обращениях декларируется непримиримая борьба с российской государственностью и ее представителями.

Обучающие материалы/инструкции разнообразны по продолжительности и информационной наполненности. Большинство из них в доступной форме информирует о способах производства взрывчатых веществ, использования огнестрельного оружия, организации лесного лагеря и т.д. В пример можно привести сюжет об изготовлении в домашних условиях иницирующего [15] взрывчатого вещества (триперекись ацетона), используемого в самодельных детонаторах. Детально показан полный цикл процесса изготовления, включая полевые испытания получившегося вещества. Лицо инструктора и телосложение скрыто.

Выводы. Большое количество экстремистских видео материалов содержат в себе значительную угрозу радикализации части населения республик Северного Кавказа. Они формируют культуру насилия и восприятия насилия как единственного возможного пути решения социальных конфликтов. К тому же видеозаписи обращений лидеров бандподполья являются имитацией личного общения и могут в большей степени подтолкнуть социально уязвимых индивидов к преступной деятельности. Следования инструкциям по производству самодельных взрывных устройств в домашних условиях приводит к тяжелым ранениям как самих «экспериментаторов», так и членов их семей, что даже в случае неудачи запланированных терактов уже

представляет реальную угрозу для мирных жителей.

В целом, видео ролики обеспечивают информационное насыщение аудитории по вопросам формирования идентичности, выработки некоего понимания легитимности внутри групп, демонстрации силы и разъяснения основных причин для ведения преступной деятельности. Безусловно, нужна более активная работа по удалению роликов из сети интернет, что, конечно, не исключает их распространение другими способами.

Примечания:

1. Признана террористической решением Верховного Суда Российской Федерации от 08 февраля 2010 года / Единый федеральный список организаций, признанных террористическими Верховным Судом Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://nak.fsb.ru/nac/ter_org.htm (дата обращения: 15.09.2012); и внесена в список международных террористических организаций, признанных террористическими США / Designation of Caucasus Emirate 26.05.2011 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2011/05/164312.htm> (дата обращения: 15.09.2012)
2. Edna Reid. Analysis of Jihadi Extremist Groups' Videos, Volume 11, Number 3, July 2009 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.fbi.gov/about-us/lab/forensic-science-communications/fsc/july2009/research_tech/2009_07_research01.htm (дата обращения: 06.06.2012)
3. Intelcenter – частная компания, основанная в 1989 г., со специализацией на аналитической работе в области противодействия терроризму (анализ структуры, методов деятельности террористических

- и повстанческих групп по всему миру).
4. Evolution of Jihad Video. The IntelCenter/Tempest Publishing LLC, 2005 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.intelcenter.com/EJV-PUB-v1-0.pdf> (дата обращения: 08.06.2012)
 5. Edna Reid. Analysis of Jihadi Extremist Groups' Videos, Volume 11, Number 3, July 2009 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.fbi.gov/about-us/lab/forensic-science-communications/fsc/july2009/research_tech/2009_07_research01.htm (дата обращения: 06.06.2012)
 6. The IntelCenter; Mannes, A. and J. Golbeck Building a Terrorism Ontology. ISWC Workshop on Ontology Patterns for the Semantic Web, 2005
 7. Arab Salem, Edna Reid, Hsinchun Chen. Content Analysis of Jihadi Extremist Groups' Videos, Department of Management Information Systems, The University of Arizona, Tucson, AZ 85721, USA [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.icadl.org/intranet/papers/isi_content_analysis_jihadi.pdf (дата обращения: 08.06.2012)
 8. The IntelCenter; Mannes, A. and J. Golbeck Building a Terrorism Ontology. ISWC Workshop on Ontology Patterns for the Semantic Web, 2005
 9. Признан экстремистским по решению Интинского городского суда Республики Коми от 19.06.2012/Федеральный список экстремистских материалов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.minjust.ru/nko/fedspisok> (дата обращения: 11.09.2012)
 10. Признан экстремистским решение Интинского городского суда Республики Коми от 08.06.2012 и определение Интинского городского суда Республики Коми от 21.06.2012 /Федеральный

- список экстремистских материалов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.minjust.ru/nko/fedspisok> (дата обращения: 12.09.2012)
11. Признан экстремистским по решению Магасского районного суда Республики Ингушетия от 12.04.2010/Федеральный список экстремистских материалов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.minjust.ru/nko/fedspisok> (дата обращения: 14.09.2012)
 12. Т. Муцураев – автор и исполнитель песен; некоторые тексты его песен признаны экстремистскими в Российской Федерации по решению Юргинского городского суда Кемеровской области от 14.04.2010)/ Федеральный список экстремистских материалов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.minjust.ru/nko/fedspisok?theme=minjust> (дата обращения: 14.09.2012)
 13. Текст песни «Корабли поминания» Т. Муцураева [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://jooov.net/text/423572/timur_mutsuraev_new_-_korabli_pominaniya.htmls (дата обращения: 14.09.2012)
 14. Executive Order 13224 of September 23, 2001 материалов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fas.org/irp/offdocs/eo/eo-13224.htm> 14.09.2012)
 15. Иницирующие взрывчатые вещества - взрывчатые вещества, характеризующиеся чрезвычайно высокой скоростью взрывного превращения; высокой чувствительностью к тепловому, механическому, электрическому и другим внешним воздействиям; неустойчивым горением; быстрым

переходом в детонацию уже при атмосферном давлении. Иницирующие взрывчатые вещества используются для возбуждения взрывчатого превращения других веществ [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

http://glossword.info/index.php/term/_.6ea3ac6f595855925f52569f549b685a6f6a609a699fb055526755685faca0589a6aa85ca25a61ae955757a4699aa4566e6b64a062aa5565d936f9363949f60585f719458689f5a6f6155b062a19f5e95.xhtml (дата обращения: 12.09.2012)

5.5. ПОСТМОДЕРНИСТСКИЕ ВЫЗОВЫ ДЛЯ ХРИСТИАНСТВА: НЕОЯЗЫЧЕСТВО

Ярким проявлением трансформационных процессов в области религии есть так называемый религиозный постмодернизм. Характерной его чертой стало формирование новых религиозных систем и концепций. Мы не будем вдаваться в подробный анализ дефиниции «постмодернизм», отметим только, что рассматривать данное явление стоит, в первую очередь, как особое умонастроение, доминирующее в разных сферах человеческой деятельности, как интеллектуальную плюралистическую тенденцию, которая охватывает и религиозную сферу. Как отмечает философ-религиовед Анатолий Колодный, «в отличие от модерна постмодерн выходит не столько на вопросы мировоззрения, сколько на мироощущение индивидуума, где на первый план выдвигается не какое-то логически оформленное, рационализированное вероучение, а глубоко эмоционально прочувствованная реакция человека на окружающий его мир» [1, с. 13]. Современная секуляризация западного общества подразумевает и присутствие человека в той или

иной конфессии, и одновременно функционирование вне ее, и даже, как это не парадоксально, ее критическую оценку. То есть, современному человеку по-прежнему нужна религия, вера, система религиозных установок, но не навязанная обществом, семьей, культурными традициями, а выбранная (или даже придуманная) собственноручно. Ярким примером таких религиозных трансформаций есть также неоязычество. О причинах появления этого религиозно-культурного феномена в последние годы сказано немало в научной, публицистической литературе, разнообразных Интернет-сообществах. Поэтому отметим только коротко основные предпосылки, которые способствовали становлению и развитию неоязычества на постсоветском пространстве, в частности, Украине. Во-первых, «перестроечные» процессы в Советском Союзе активизировали контакты с украинской диаспорой, где это религиозно-культурное явление присутствовало в жизни людей. Во-вторых, официальное разрешение «верить в Бога», причем в любого. В-третьих, амбивалентное состояние религиозности верующего (или вчерашнего атеиста, у которого отняли веру «в светлое будущее»), эклектика в сознании догматов разных учений. В-четвертых, в связи с серьезными мировоззренческими изменениями в сознании и огромным количеством новой информации, исчезает убежденность в правильности своего конфессионального выбора. К тому же в современном западном мире религия, религиозный выбор все более переходит из коллективной сферы в индивидуальную, исчезает необходимость придерживаться традиций именно «своей» конфессии. Религия также лишилась роли морального регулятора, что приводит к поиску других морально-регуляторных установок.

Таким образом, неоязычество есть одним из вариантов

религиозно-моральных и культурных феноменов современности. Учитывая его социальную базу, в первую очередь – это научная и творческая интеллигенция, студенчество, креативная молодежь, - можно вести речь о его некой элитарности. Распространение неоязычества среди наиболее рефлексирующей гуманитарной части общества вызывает серьезные опасения со стороны православных конфессий. Об этом свидетельствует ряд публикаций в соответствующих журналах, газетах, Интернет-сайтах, выступлениях на телевидении, радио и пр. Тем более, что, по мнению и исследователей, и самих православных иерархов, православие в Украине сейчас переживает не лучшие для себя времена. Об этом свидетельствует:

- наличие нескольких православных конфессий, отношение между которыми далеки от принципов братской любви и толерантности;

- потеря православными конфессиями своего абсолютно доминирующего статуса на конфессионной карте Украины;

- дробление православия Украины на новые организационные образования, которые целью своей деятельности ставят экуменические или реформационные задания в православной среде (Украинская Апостольская Православная Церковь, Украинская Реформированная Православная Церковь);

- в отличие от протестантских и католических конфессий, православные Церкви не в полной мере проводят миссионерскую и благотворительную работу, что приводит к уменьшению их роли в религиозной жизни страны;

- недостаточное количество высокообразованных кадров духовенства, что часто превращает православие в просто обрядодействие, без необходимого знания религии;

- заметно уменьшение в православии количества действительных христиан и увеличение числа номинальных;

- консервативность православия, его нежелание или неготовность оперативно реагировать на вызовы современности приводит к определенной отстраненности от насущных потребностей общества, ограничивает духовность своих последователей будничной религиозностью [2, с. 93].

Что касается неоязычества, то исследователи предлагают выделить следующие основные подходы к его рассмотрению: конфессиональный (церковный), негативистский, объективно-научный [3, с. 44]. Можно добавить также и труды самих неоязычников о своих религиозно-мировоззренческих взглядах, организациях, общинах и пр. Современное украинское язычество – это «не столько возвращение к примитивным верованиям (как это может трактоваться с позиций православия), а, в первую очередь, стремление нации к духовному самоопределению, поиску своих этнических корней. Украинские язычники пытаются доказать, что национальная религия, проходя этапы эволюции вместе со своим этносом, в состоянии удовлетворять все его духовные запросы» [4, с. 162].

Наибольшие православные конфессии Украины – Украинская Православная Церковь Московского Патриархата (УПЦ МП) и Украинская православная Церковь Киевского Патриархата (УПЦ КП) однозначно осуждают неоязычество во всех его проявлениях. Речь идет не только (и, возможно, не столько) об неоязычестве как религиозно-культурном движении, но и об увлечении магией, астрологией, эзотерикой. Русская Православная Церковь (РПЦ), составной частью которой есть и УПЦ МП, считает, «что неоязыческие культы являются

заблуждением и потому действительно представляют опасность для духовного состояния человека, для его временной и вечной жизни». Под неоязычеством РПЦ понимает «новообразованные культы, которые используют языческую символику и пытаются на новой основе «возродить» историческое язычество, которое среди славянских народов изжило себя много веков назад», также «под неоязычеством понимается сегодня православными не столько культовая практика идолопоклонства, сколько преклонение перед новыми фетишами, ложными богами, которыми для многих наших современников стали власть, деньги и наслаждения» [5]. В одной из проповедей патриарха Филарета (УПЦ КП) звучит предостережение от «утонченного богоотступничества»: «Правда, теперь нет вокруг нас язычников, которые окружали коринфских христиан, нет у нас храмов ни Юпитера, ни Венеры, нет также и широкого отпадания от христианство в язычество. Но мы не можем не замечать, как некоторые патриоты-украинцы предают Христа Спасителя и обращаются в так называемую рунверу... Кто пересчитает среди нынешних христиан всех безбожников и вероотступников? Имеются ввиду те, что приняли православное крещение, а потом отошли от Церкви Христовой... тяжело найти человека, у которого не было бы какого-нибудь своего идола. Одни поклоняются Бахусу – богу пьянства, принося ему в жертву свое здоровье. Другие предаются разврату, и этим как бы почитают Венеру – богиню разврата. У третьих богом есть их чрево. Четвертые поклоняются золотому тельцу; их богом есть богатство, страсть к наживе. Другие гонятся за славой и ради нее предают и веру, и совесть, и честь. Есть и такие люди, для которых богом стало достижение власти... Все это – идолопоклонство..., скверна тела и скверна духа» [6]. Такое же отношение к неоязычеству и у Украинской Греко-Католической Церкви.

Особое беспокойство у представителей православного и греко-католической Церквей вызывает РУНВера (Родная Украинская Национальная Вера), однозначно причисляемая ими к тоталитарным и агрессивным сектам, которая «воспитывает в людях психологическую ограниченность, закрытость и эксклюзивизм» и где происходит «воспитание эгоистичной гордыни, поиск врагов среди ближних и убеждение, что только и исключительно они [*последователи РУНВеры – О.С.*] едино правильные, спасенные и способны познать правду» [7]. Часто в трудах православных авторов отождествляются неоязычество и нацизм, неоязычество и сатанизм («неоязычество является в некоторой степени оберткой для сатанизма») [8]. Обращение к языческому прошлому трактуется как расстройство психики, моральная деградация, что ведет даже к увеличению самоубийств, особенно среди молодежи. На одну чашу весов ставятся неоязычество, скинхеды, некоторые музыкальные течения, алкоголизм, наркомания, никотиновая зависимость, сексуальные извращения, «сатанистические компьютерные игры», игромания, увлечение оккультизмом, астрологией, нетрадиционной медициной и пр. [9].

Также резкую критику в православной и греко-католической среде вызывает один из ключевых аспектов неоязыческой идеологии, касающийся развенчания христианства как чужой, чужеродной религии для украинцев, как такой, что привела к их культурному и национальному угнетению. Поэтому крайне необходимо возрождать и развивать свою, родную веру, не навязанную извне. Современный христианский публицист Игорь Загребельный считает такие обвинения неоязычников беспочвенными и абсурдным. Ведь и другие народы (поляки, немцы, французы) тоже приняли христианство на определенном этапе своего развития. И это не помешало

им культурно, экономически и политически развиваться. Что касается возрождения родной веры, то какую именно нужно возродить, ведь «наше прошлое - это полиэтническая мозаика: трипольская культура, арийские племена Левобережья, культура шнуровой керамики, более поздние племена Лесостепи, скифы, сарматы, греки, фракийцы, кельты, германцы...» [10].

Неоднократно звучат обвинения и в искусственности, псевдорелигиозности неоязычества, обыкновенной моде на оригинальное вероучение: «быть язычником удобно... никаких напряжений, постов, никаких неотступных заповедей и смертных грехов – живи себе в мире с природой, уважай предков, носи красивую древнерусскую бороду и загадочную одежду, кланяйся идолам – вот тебе и вся специфика» [11]. Как утверждал главный редактор газеты «Наша Віра» Евгений Сверстюк, «это большая беда для народа, когда есть большое количество полуобразованных людей, которые могут принять декларативный, по сути, гротескный патриотизм за настоящий, а антирелигиозность и воинственное антихристианство за новую религию» [12, с. 1].

Еще в конце 1980-х гг. Украину накрыла активная религиозная волна, что напоминало собой ситуацию, когда истощенного голодом человека допустили к столу, уставленному разнообразными блюдами, в том числе и отравленными. Такая ситуация привела, кроме, несомненно, положительных последствий, и к возникновению острого межконфессионального кризиса. Межконфессиональный кризис традиционных церквей, официальное «разрешение верить в Бога», общественно-экономические и социально-политические проблемы, относительная открытость границ ускорили появление и распространение новых религиозных течений, что привело к ряду проблем. Во-первых, юридический статус новых

религиозных образований. Во-вторых, отсутствие религиозного плюрализма относительно новых явлений в религиозной сфере со стороны традиционных церквей, некоторых представителей государственных властей, средств массовой информации и рядовых верующих традиционных конфессий. Что касается неоязычества, то его главным критиком стали наибольшие христианские конфессии Украины. Неоязычество есть одной из форм современного национального возрождения, своеобразным соединением этнического и духовного. Закономерно, что главным критиком неоязычества выступают христианские конфессии. Ведь язычество на протяжении многих веков было оппонентом христианства, его главным идеологическим врагом и конкурентом. Исследование этого явления с исторического, философского, этнографического аспектов есть крайне важным для современной гуманитарной сферы науки. Что касается христианских конфессий, то им нужно научиться жить в современном мире в условиях конкуренции за души верных.

Примечания:

1. *Колодний А.* Премодерн, модерн і постмодерн в контексті історії християнства / Колодний А. // Українське релігієзнавство. Християнство доби постмодерну (Коллективна монографія). – 2005. - № 35. – С. 5-32.
2. *Сморжевська О.* Релігійно-церковне життя України (кінець ХХ – початок ХХІ ст.) / Сморжевська О. – Київ, 2011.
3. *Силаков Е.* К вопросу о современном славянском неоязычестве // Вопросы культурологии. – 2009. - № 4. – С. 43-48 [Электронный ресурс] / Информационно-консультативный центр им. препод. Иосифа, игумена

- Волоцкого (Беларусь). - Режим доступа: <http://sobor.by/center/books/Silakov.plf> (дата обращения: 9.07.2012).
4. *Преображенський С.* Чи має православний українець православну релігійну свідомість? (Самоідентифікація віруючого та реалії релігійного життя) / Преображенський С. // Науковий вісник Чернівецького університету. Збірник наукових праць. Філософія. – 2008. – Випуск 414-415. – С. 160-163.
 5. РПЦ осуждает неоязычество, но не относится к нему нетерпимо [Электронный ресурс] / REGNUM. Информационное агентство. – Режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/361145.html> (дата обращения: 3.11.2012).
 6. Неділя 17-та. Слово про сучасне ідолопоклонство. Проповіді Патріарха Філарета [Электронный ресурс] / Православний апологетичний портал. – Режим доступа: <http://www.apologet.kiev.ua/biblioteka/14-pratsi-sviatilislovo-patriarha-filareta/> (дата обращения: 23.07.2012).
 7. *Марцинюк В.* Неоязичницькі секти – жахлива небезпека сьогодення [Электронный ресурс] / Фастів. Інтернет-портал міста. – Режим доступа: <http://fastiv.in.ua/content/neoyazichnitsk%D1%96-sekti-%E2%80%93-zhakhлива-neb...> (дата обращения: 26.07.2012); *Алімамедов Р., Лозинський Н.* Погляд християнської церкви на вчення Рідної Української Національної Віри [Электронный ресурс] / Аратта. Український національний портал. – Режим доступа: http://aratta-ukraine.com/prn_text ua.php?id=2232 (дата обращения: 08.07.2012).
 8. *Адоньев Д.* Обзор неоязычества [Электронный ресурс] / Православная электронная библиотека Оцинцовского благочиния Московской епархии. – Режим доступа:

<http://www.odinblago.ru/sektovedenie/obzorneoyazichestva/> (дата обращения: 06.08.2012).

9. Пасторське звернення-пересторога сучасному християнину [Електронний ресурс] / Світло Любові. - Режим доступу: <http://svitlo.ucoz.ua/publ/10-1-0-69> (дата обращения: 24.07.2012).
10. *Загребельний І.* Християнин має право і на гостре слово, і на кулак, і на меч, і на автомат Калашнікова... [Електронний ресурс] / Свята Традиція Української Греко-Католицької Церкви. - Режим доступу: http://www.traduzionalist.info/blog/igor_zagrebelnij_khristijanin_mae_pravo_i_na... (дата обращения: 11.07.2012).
11. *Томило Д.* Чому зручно бути язичником? [Електронний ресурс] / Духовно-просвітницький часопис (м. Львів), листопад, 2010. - Режим доступу: <http://rodynneslovo.org/?p=265> (дата обращения: 10.07.2012).
12. *Григоренко В.* Інтерв'ю з головним редактором «Нашої Віри» п. Євгеном Сверстюком // Наша Віра. Всеукраїнське видання УАПЦ. – 1992. - № 9(24). – С. 1.

5.6. МАНИФЕСТАЦІЯ РАДИКАЛЬНОГО ЕТОСА В ОНТОЛОГІЧЕСКИХ И ИСТОРИОСОФСКИХ ПРЕДСТАВЛЕННЯХ НЕОЯЗЫЧЕСТВА

При разрушении цементирующей советское общество идеологической системы ценностей и отказа вообще от каких бы то ни было высших оснований справедливости, обнаружилось, что в распавшемся обществе, прошедшем длительный период радикального пересоздания культурно-ценностного фундамента социального и исторического бытия русского народа, и внезапно очутившемся в территориально расколотом, социально атомизированном и аксиологически дезориентированном состоянии. В такой социокультурной ситуации русские,

утерявшие как семейно-родовые ценности и духовный идеал соборности (сочетающего в себе обостренную персональную духовно-нравственную ответственность с общинностью), так и коллективизма-коммунитаризма, организуемого и созидаемого в соответствии с официальными марксистскими установками государственной власти, попали в некотором смысле в состояние гораздо более худшее (в плане устойчивости социальных связей и социальных форм жизни), чем многие этнические общности, интегрированные ранее в рамках советского строя.

Эти обстоятельства создали в России почву для развития и значительного распространения идеологий, апеллирующих к «древней традиции» и родовым ценностям, получившим наименование неоязычества (бурное развитие приходится на 1990-е годы, хотя истоки его восходят к отдельным течениям диссидентства 1970-х).. Движение состоит из широкого спектра разнородных течений (от умеренно-радикального мистического до экстремистского политизированного толка) и представляет собой слабо интегрированное и принципиально идейно плюралистичное явление интеллектуального и контркультурного порядка, которое занимает все более значимый сегмент в маргинальном пространстве современного социума и культуры. Последнее время пропаганда неоязыческих трактовок истории в стиле «новой хронологии», родовых ценностей архаичного общества и национального духа русского народа приобретает более распространенный и привлекательный по форме (популярные видеофильмы и пр.) характер. В свою очередь, светский антиклерикализм и массовое сознание в антихристианской полемике все заметней неосознанно оперируют нравственными категориями и аргументами, принадлежащими неоязыческому дискурсу. Неоязычество часто смыкается с националистическими движениями (поскольку строит свою идеологию на своеобразно интерпретируемой этничности) и часто оценивается учеными как вариант радикального или экстремистского национализма.

Нет никакого сомнения, что общие константы этоса, которые заложены в духовном фундаменте движения за возрождение дохристианских ценностей в любой из его

идеологических вариаций, выражают принцип морального радикализма и духовной оппозиционности, причем не столько в смысле оппозиции политическому режиму или исторически сложившемуся социальному устройству, сколько в значении более глубокого экзистенциального отказа от социокультурных и духовных реалий современного социума и его идеально-нормативной сферы. Последняя представлена в виде иерархии духовно-нравственных и культурных ценностей, заданных многовековой национально-исторической традицией. Этот характер неоязыческого этоса замечается даже в том факте, что при создании собственной доктрины идеологи «родноверия» занимаются столько же реконструкцией древних мифологических представлений славян (ариев), сколько опровержением христианства как лжеучения и «троянского коня» в русской культуре. Радикальный этос – общая духовная основа для всего неоязыческого движения в целом. В более политизированных и воинственных по духу течениях он перерастает в настоящий идеологический экстремизм.

Проблема радикального этоса неоязычества многопланова. Нам бы хотелось обратить внимание лишь на некоторые аспекты проблемы. Основное внимание мы посвятим проблеме историософской интерпретации национальной истории, развертывающейся в рамках феноменологических координат неоязыческого этоса. В данном разрезе проблематики радикального этоса вычленяется несколько важных тем, структурирующих неоязыческий дискурс и мировоззренческий «универсум», – русская идея, понимание традиции, определение роли религиозного начала в историческом и социокультурном процессах. Попробуем развернуть клубок этих вопросов для лучшего понимания феноменологических оснований метафизического протеста современного городского почитателя родовых богов.

Но прежде чем мы приступим к рассмотрению этих тем, следует сделать краткое введение в онтологические установки неоязычества, что поможет зафиксировать аксиологические и мировоззренческие границы религиозно-идеологического сознания ревнителей языческого ренессанса.

*Природоцентризм вместо антропоцентризма:
онтологические представления неоязычества*

Неоязыческое сознание фундировано принципом радикального разрыва с теистическим мировоззрением. Все основные положения идеологической доктрины неоязычества нацелены на полемику с христианским теизмом и представляют собой инверсию христианского вероучения: вместо монотеизма – реконструируемый политеизм, вместо Промысла – онтологический волонтаризм и самовольность движения материи, вместо поклонения Богу – почитание «родовых» предков и богов, но акцентированный отказ от религиозного благоговения даже перед ними. Нравственно-психологическая основа этого разрыва коренится в желании ниспровержения метафизической иерархии бытия, отказ от онтологической вертикали в пользу горизонтали и равноценности всего сущего (при номинальном признании единого сакрального центра развертывания космического миропорядка).

Язычник отказывается признать свою онтологическую зависимость от трансцендентного Абсолюта, стоящего над ним и миром. Священным он объявляет своих предков (культ предков, как правило, переплетается с доктриной реинкарнации – а значит, обращается культом коллективной индивидуальности, воображаемой в виде рода, циклически регенерирующегося в идеале бесконечно), и племенных богов, которые представляют собой источник природных энергий и оккультных сил. Это выражается в сакральной формуле «Мы дети богов», а «не рабы Божьи». «Дети богов» означает рождение от божественного бытия, отделение части Божества в автономную сферу существования, децентрализация божественного начала в виде самостоятельной в разумно-сознательном, волевом и деятельностном смыслах эманации. Тварность, сотворенность, создание человеческого существа из праха для неоязыческого морального сознания равноценно онтологической неполноценности, чуть ли не попранием нравственного достоинства. Достоинство человека только органическая имманентная сопричастность человека божественному, что ведет к смешению Творца и твари, а значит

признанию совечности человека божественному, или, что одно и то же – обожествлению человеческой сущности.

Широкое хождение в неоязыческой среде получило понятие естественной религии, которая считается органически встроенной в природный мир в отличие от авраамическо-монотеистической веры. «Естественная религия» выступает в качестве средства освобождения своего сознания от чувства падшести, несовершенства, греховности, потребности в покаянии, т.е. всего комплекса мировоззренческих представлений и экзистенциальных переживаний, связанных с христианской духовностью и культурой. Это проект дехристианизации, натурализации сознания.

Несмотря на пантеистические представления о Божестве, повсеместно присутствующие во всех направлениях неоязычества, для религиозного сознания совсем не характерны интенции по растворению своего эго в сверхличном начале. Скорее, наоборот, эмпирическое эго становится точкой отсчета для всех действий и оценок язычника. Язычник не желает быть проводником божественной воли ни одного из богов, которых он почитает. Но это в рамках его мирозерцания и вряд ли выглядело бы достойной задачей, поскольку каждый из сакральных мифологических персонажей – персонификация какой-либо природной силы полицентрического бытия, а в конечном итоге – одно из проявлений единого безличного начала (как правило, именуемого Родом). Эго неоязычника, как правило, не осуществляет попытку трансцендирования себя к надличностному Абсолюту.

В неоязычестве мы не встретим разработанных доктрин подобных ведантистским учениям индуизма, где теологическая концепция личного Бога критикуется с позиций самобытного ведического пантеизма, восходящего к Упанишадам и признается в качестве жажды объективации несовершенным сознанием безмерного и бесконечного божественного начала, в действительности не вменяемого ни в какие рамки рационально-логического мышления и воображения. Для ведантизма, как и в целом, индийской религиозности пантеистический монизм – основополагающий принцип религиозного мировоззрения. При

этом мир и Абсолют не равнозначны друг другу. Бог трансцендентен и имманентен одновременно. Он составляет основу мира, Он пребывает в вещах мира, но не сливается со всей совокупностью сущего, поскольку Он «гораздо больше, чем вселенная, которая является его производением» [1, с.92]. Визуально это можно представить в виде образа двух кругов, меньший из которых вписан в больший, охватывающий его. Меньший круг – это мир, больший – Абсолют. В неоязыческом сознании эти два круга совпадают, а Абсолют в его предвечном состоянии помещается в центр круга как первоисточник космической жизни.

Принцип пантеистического монизма получает совершенно иную интерпретацию в неоязыческой мысли. Здесь он получает статус доказательства изначальной сопричастности индивида гармоническому природному миропорядку, выше которого ничего нет и которым все исчерпывается. Таким образом, мирозерцание неоязычества можно назвать природопоклонством – культом идеализированной природы, осмысляемой и переживаемой пантеистически¹.

От историософии к историофобии

Осмысление исторического процесса и судьбы Отечества – крайне популярная тема в неоязыческих сочинениях. Среди всех прочих проблем, привлекающих внимание идеологов новых язычников в этом направлении выделяется одна из центральных

¹ Следует оговориться, что за рамки таких представлений выходят учения, ориентированные на духовно-мистические практики и эксперименты с состояниями измененного сознания. Метафизику природы и теологию, близкую к индийской ведической традиции, могут исповедовать те течения, которые наиболее с ней знакомы и частично интегрируют индуистскую традицию в свое учение, «переводя» ее на язык, стилизованный под архаично-славянский. В качестве примера можно привести учение Родолубия волхва Велеслава (Черкасова). Согласно Велеславу «Природа есть Плоть Всемирья, в Кою облечён Дух Всебожья. Природа — Божественна по существу Своему и нераздельна с Самим Родом Всебогом, будучи Его воплощением в мире Яви. Сам же Всебог Род, хотя и объемлет Собой Природу, не исчерпывается Ею, как человек не исчерпывается одной лишь своей плотью» [2].

для неоязыческого дискурса – национальная идея. Иногда она становится предметом целенаправленного теоретического анализа, но чаще лишь подразумевается как исходная для смысложизненных и историософских поисков экзистенциальная проблема. Методы теоретической рефлексии над этой темой у адептов неоязыческих течений значительно отличаются от научно-гуманитарного и философского обоснования самобытности национальной жизни и судьбы родного Отечества. Связано это не только с научным или, точнее, квазинаучным дилетантизмом, но также и с характером явных или подспудных этических оценок социальной и исторической действительности, выдающим отчетливую моралистическую тенденциозность.

Если мы обратимся к классикам русской философии, которые положили начало фундаментальной философской рефлексии на тему русской идеи (В. С. Соловьев, Н. А. Бердяев, Л. П. Карсавин, И. А. Ильин и др.), мы заметим, что все они пытаются интуитивно в целостном предметном созерцании увидеть и описать своеобразие коллективной народной души, имеющей преломление в оригинальных началах культуры (формах культа, искусстве, морали, права), национальной психологии и национальном характере, а также определить духовное предназначение русского народа и его связь с исторической судьбой. В качестве аксиомы здесь принимается целостность исторической ткани, несмотря на все взлеты и падения, радикальные разрывы в традиции и возвращения к ней, в которой соборная душа народа свершает свои интенции и волевые акты. Русская идея выросла из сотериологических исканий русской философии, сочетавшей в себе как опыт православной духовности, так и некоторую степень свободомыслия в отношении церковного учения о спасении: «... Это идея о том, как *сохранить, преобразить и спасти Россию и русского человека*» [3, с. 57] При этом русская национальная идея изначально была чужда какому-либо национализму, поскольку ее экзистенциальным корнем было стремление обретения пути преодоления смерти в самом широком смысле (как гибели личности, народа и человечества), что делает ее не

просто решением социальных и духовных проблем отдельного народа, но универсальной идеей «о сохранении, преобразении и спасении человека вообще» с перспективы русской ментальности и духовности [Там же].

Для теоретиков неоязычества русская идея, скорее, идеологема, которую следует наиболее верно рационально-логически сформулировать и предложить в качестве основы, «нового закона» для «новой эпохи», способного вновь объединить духовно и нравственно распавшийся русский народ. Вся эта интеллектуальная процедура выдается как теоретическая экспликация первоначального образа национального духа, очищенного от всех позднейших культурных и идеологических наслоений. Сотериология неоязычества не имеет того универсального характера, который присущ традиции русской религиозной философии. Спасение народа и человека здесь видится в целенаправленной этнической самоизоляции, отказа от любых духовных ценностей, которые могут быть определены как универсальные и «космополитические». Апелляция к «этнографическому периоду» культуры (Н. Я. Данилевский), наиболее архаичному ее пласту, теряющемуся в веках и тысячелетиях формирования праславянского племени, считается вполне оправданной в перспективе углубляющегося кризиса цивилизации. Можно подумать, что эту попытку выявления неких исконных, еще «неискаженных» начал русской культуры следовало бы классифицировать в качестве разновидности идейного фундаментализма. Но это фундаментализм только кажущийся. Указанный своеобразный «фундаментализм» не сопряжен ни с ретроградским консерватизмом, цепляющимся за отжившие формы при утере духа национальной культуры, ни со здоровым и гибким традиционалистским мироощущением, для которого ценна своя традиция как хранитель и транслятор родных, имманентных духу своего народа ценностей, нравов, идеалов, обычаев. Он устремлен к культурной основе, сохранившейся лишь в виде развалин бессистемного исторического и этнографического материала, которые волюнтаристски собираются в относительно непротиворечивый искомый образ.

Для живой традиции необходим активный субъект, сохраняющий ее и ретранслирующий из поколения в поколение. Каков же субъект русской истории, носитель национального духа в мировосприятии новых язычников? Субъект представляется затерянным в исторической действительности, утерявшим подлинность социально-исторического бытия. Народная стихия, самоорганизующаяся сила социальной жизни (светлое и подлинное начало исторического бытия) воспринимается захваченной в тиски политической власти (этнокультурно чуждое и репрессивное начало), задушенной институционально и идеологически. Вся история русского народа с определенной временной точки в далеком прошлом (Крещения Руси) есть череда ошибок и падений, и, что важнее, есть объект манипуляции. Ключевой в этой своеобразной герменевтике истории выступает мифологема о Владимире Святославовиче, который из святого равноапостольного князя превращается в изгоя-полукровку и предателя собственного этноса. В русле этой мифологемы сложилась конспирологическая версия реформы языческой обрядности и централизации пантеона князем до принятия крещения как целенаправленного извращения гуманного духа языческой религиозности и первого, подготовительного этапа идеологического переворота в сознании народных масс (см., к примеру, [4]).

Такое мирозерцание можно назвать *историософским гностицизмом*, поскольку народный дух воспринимается как заключенный в оковы ложной исторической судьбы, навязанной могущественными социальными силами с враждебной волей. Причем такое смешение тотально. Это - не просто доминирование этнически чуждой политической элиты над народом страны, не внешнее завоевание, при котором возможна ассимиляция самих завоевателей. Это - захват самого духа и ценностного ядра культуры. Выход из данной ситуации видится в бескомпромиссном нравственном отрицании исторической традиции в сторону возрождения примордиального состояния народа. Так происходит конструирование нового мифа об изначальной расово-антропологической сущности и

историческом предназначении русского народа. Миф этот имеет различные вариации, но, так или иначе, облечен в форму славяно-арийской мифологемы. Таким образом, русская идея из национально-культурной, возвышающейся до всечеловеческой сотериологической идеи, превращается в идею этническую. Следствием этого становится формирование *этноцентрического этоса*, который призван создать новое значение «русскости», сводящееся к расово-племенным антропологическим и этнографическим признакам. «Националистический» – не точный предикат для смысловой фиксации характера такого этоса, поскольку, отрицая модернистскую цивилизацию и ее последствия в виде унифицированного государственно-гражданского порядка, технократизма и утилитарной системы ценностей, многие идеологи неоязычества часто отказывают в праве на объективное существование концепту нации. Другие используют его, но наполняют, скорее, дорефлективным этническим значением.

Если народ на столь длительный период обрел ложные формы исторического и социального бытия, возникает вопрос, возможно ли такое средство, способное сковать на многие века самобытную волю народа? Ответом на этот вопрос будет рассмотрение проблемы роли религиозного начала в историософии неоязычества. Религия, по мнению неоязычников, – это одновременно и средство освобождения, и средство закабаления.

Роль религиозного начала в истории – ключевая тема в историософском гностицизме неоязычества. История русского народа и Государства Российского интерпретируется неоязычниками в свете гносеологического скептицизма и априорной аксиологической установки, нацеленной на коренную переоценку роли христианской духовности и Православной Церкви в истории и развитии русской культуры. Что касается гносеологического аспекта, известная историческая реальность не воспринимается в качестве объективной действительности, частично реконструируемой по эмпирическим свидетельствам в соединении с интерпретативным теоретическим компонентом.

Более чем тысячелетний период русской истории оценивается как тотально фальсифицированный. Фальсифицирована не только историко-научная реконструкция исторического бытия (в отношении к академической традиции царит тотальный скептицизм и попытка пересмотра всей истории), но фальсифицировано само это бытие с внедрением в него чуждых культурных начал. Христианство оценивается конспирологически как проект идеологического и духовного порабощения славяно-русских народностей Древней Руси.

Согласно историософии неоязычества, в истории столкнулись два религиозных духа, стоящих за социальными силами свободного существования народа или его порабощения. Семитическая религиозность получила свое воплощение в иудаизме, христианстве и, позднее, исламе. Славяно-арийская религиозность легла в основу множества культур индоевропейских языческих народов – славян, индусов, персов, греков и римлян и т.д. Если славяно-арийская религиозность ориентирована на замкнутые этнокультурные сообщества народов, семитическая религиозность имеет экспансивный характер, стремится к агрессивному подчинению своему духу других культур и народов. Далее, что не менее важно, христианство воспринимается как космополитическая доктрина в сравнении с мировоззрением языческим, которое всегда привязано к конкретной этнокультурной общности и выражает ее ментальность. Спасение от наступающих угроз глобализма и всемирного экологического дисбаланса, которые в действительности стали реальностью после разрыва западно-христианской цивилизации с ориентацией на трансцендентные ценности в пользу имманентных, в неоязычестве видится в отказе от универсальных ценностей христианства и каких-либо других мировых религий и попытке воссоздания замкнутой «родовой» модели общества, что на деле представляет собой следование постмодернистской установке децентрализации и спонтанной фрагментации единой национальной культуры, раздробление ее на отдельные субкультурные сегменты и эклектические мировоззренческие проекты.

Радикальный этос в историософском сознании

Интерпретация национальной истории неоязычеством далека даже от самой критично настроенной и проникнутой духом крайнего скептицизма научной методологии. Нравственная оценка здесь первична по отношению к объективной реконструкции исторического процесса. Романтизация архаики времен предков своего народа (и шире – славяно-арийской расы) при отвержении более чем тысячелетней традиционной культуры и духовности русского народа есть не что иное, как *новый нигилизм*.

Миросозерцание неоязыческого движения в современной России компаративно сопоставимо с революционно-народническим духом леворадикальной интеллигенции пореформенного и предреволюционного времени. Более того, оно связано с последним историко-генетически. Об этом свидетельствует наследование ряда феноменологических эмоционально-заряженных концептов, таких, как «государство» (политическая власть), которое воспринимается в качестве экзистенциально чуждой силы, «царства зверя», «народ» в виде пассивного объекта идеологических манипуляций (как со стороны врага-власти, так и собственной – хоть и в завуалированной форме), социальной жертвы с «рабской психологией» [5, с. 129-131].

Субъектом идеологического конструирования системы мировоззрения, несущего метафизический переворот, вновь выступает та же социальная сила – секулярная интеллигенция с радикализированным миросозерцанием. На этот раз она обращается к обществу с проповедью, облеченной в архаические и внешне религиозные формы. Отечественные социологи давно зафиксировали факт преимущественно интеллигентского и городского характера неоязыческого движения: «Не секрет, что уже сегодня во многих регионах Евразии большинство языческих общин составляет так называемая городская интеллигенция, – люди, как правило, оторванные от какой бы то ни было исторической религиозной традиции» [6, с. 302]. Не скрывают этого и сами адепты неоязычества. Скажем, весьма показательно определяет ближайшую задачу движения один из его идеологов:

«Большинство современных русских язычников – люди городского проживания и культуры. Но надо попытаться создать хотя бы одну языческую деревню» [7]!

Экзистенциальная оторванность, отколотость от общенациональной жизни и народного бытия не менее явно, чем у народников ощущается во всей палитре феноменологических реакций и оценок новых язычников. Но механизм компенсации этого экзистенциального переживания избирается совершенно иной, что связано как с изменившимися политическими (либеральная идеология и парламентская демократия с российской спецификой), так и социокультурными условиями (аномичное состояние общественных нравов, дезинтеграция социальных связей, поглощенность социума потребительской культурой). Неоязычество – это новая попытка исхода в «народ», но только не в исторически наличный социум, а в мысленно формируемый гипостазированный образ «славного прошлого» этого социума. Исход не реально-исторический, но метафизический, равный духовному и нравственному эскапизму.

Все эти симптомы говорят о том, что часть маргинальной, теперь уже постсоветской интеллигенции захвачена очередным идейным фантомом. Феноменология ее сознания показывает ту же нигилистическую ориентацию, что и у дореволюционной интеллигенции. Однако по содержанию этот нигилизм имеет иное аксиологическое наполнение и другую интенциональность.

Народническо-революционное мирозерцание, вне зависимости от его вариаций (религиозно-жертвенное сознание, воинственное безбожие с хилиастическими интенциями и др.), имело корреляцию с христианской духовностью и христианским самоотречением, прошедшим через неполную нигилистическую переоценку (этика служения народу как замена заповеди любви к ближнему, социализм как царство Божие на земле, героизм и борьба с правительством как мученичество и принесение в жертву субстанциального «я»). Современное сознание маргинальной интеллигенции, выступающей в качестве субъекта, конструирующего оппозиционную и контркультурную идеологию, своим характером указывает на разочарование в

социально-жертвенной этике революционно-народнической и, шире, леворадикальной традиции, которая задала импульс для революционного брожения умов в царской России и впоследствии стала фундаментом советского мировоззрения. Жертвенность, мученичество, самоотверженное служение Богу и ближнему (или народу) – понятия крайне не свойственные неоязыческому дискурсу. И это не случайно, поскольку социокультурные реалии постсоветского состояния русского общества крайне сложно идеализировать. Уже давно нет того русского патриархального быта и чистоты нравов русской провинции, которыми восхищались русские поэты и революционеры-народники, нет и советского коллективизма и товарищеской социальной солидарности, сменившей первое. Все это – достояние былого.

Поворот к этнографическому прошлому, поиск величия в седой древности – вполне закономерный логический ход. Необычна глубина проникновения в мысленно осязаемые исторические пласты прошлого, что указывает на подлинный нравственный импульс такого хода мысли, а именно – акт отречения от существующего исторического и социального бытия, ресентиментный по своей нравственно-психологической сущности. Народническое нигилистическое сознание с его страстным увлечением новой «верой» (социализмом) также было укоренено в ресентиментном мотиве отречения от старых ценностей, где новое было средством радикального отрицания старого [7, с. 132]. Однако народническая этика, сформированная вокруг абсолютизации и сакрализации народной стихии (своеобразное идолопоклонство), сочетала в себе элементы христианской духовности, хоть и в аберрационной форме. Отрицание совокупного социального порядка вместе с Церковью, оборачивалось эсхатологическим исканием новой, обновленной квазихристианской «церкви». В духовном облике неоязычества мотив отречения сочетается с другим ресентиментным мотивом – романтизацией воображаемого прошлого при ценностной девальвации большей части истории российской цивилизации. Если добавить к этому доктринальный пантеизм и природопоклонство (вместо

народнического народопоклонства), целенаправленно замещающие теизм и космологический антропоцентризм религий Единобожия, то все это свидетельствует о еще большей степени отстраненности неоязыческого сознания от социокультурных реалий настоящего в его метафизическом бунте против самой истории и онтологических основ национальной культуры.

Подводя итог, следует заметить, что онтологические и историософские представления неоязычества в минимальной степени продукт чисто объективно-исследовательского интереса, но в максимальной – отражение определенного типа нравственного сознания. Таким образом, онтологические построения и тем более историософию неоязычества следует рассматривать в качестве своеобразного проявления его радикального этоса.

Примечания:

1. *Радхакришнан С.* Индийская философия / С. Радхакришнан. – М.: «МИФ», 1993. – Т.1.
2. *Велеслав.* Книга Родной Веры: Основы Родового Ведания Русов и Славян [Электронный ресурс] / Велеслав. (Ч.IV. Ответы на вопросы. 3. Правда о Родной Вере) – Режим доступа: http://www.koob.ru/cherkasov/kniga_rodnoi_veri (дата обращения: 20.08.2012).
3. *Сабиров В. Ш.* Идея спасения в русской философии / В. Ш. Сабиров, О. С. Соина. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2010.
4. *Емельянов В. Н.* Десионизация / В.Н. Емельянов. – М.: Русская правда, 2002.
5. *Чудинов С. И.* Терроризм как социокультурный феномен: социально-философский анализ: монография / С.И. Чудинов. – Новосибирск: НГАСУ (Сибстрин), 2007.
6. *Коскелло А.* Современные языческие религии Евразии: крайности глобализма и антиглобализма / А. Коскелло // Религия и глобализация на просторах Евразии / под ред. А. Малашенко и С. Филатова. – М.: РОССПЭН; Моск. Центр Карнеги, 2009. С. 295-329.

7. *Щеглов А.* Языческая заря: перспективы языческого движения [Электронный ресурс] / А. Щеглов. – М.: ПРОБЕЛ-2000, 2002. – Режим доступа: http://royallib.ru/book/shcheglov_aleksey/yazicheskaya_zary_a.html (дата обращения: 20.08.2012).
8. *Шелер М.* Ресентимент в структуре моралей / М. Шелер. – СПб.: Наука; Университетская книга, 1999. 231 с.

5.7. К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ РЕЛИГИОЗНОГО ЭКСТРЕМИЗМА

Социальная сущность религиозного экстремизма определяется, в первую очередь, противоречием между стремлением экстремистских групп к быстрому переустройству общества в соответствии со своими ценностями и стремлением общества к сохранению стабильности и потенциала эволюционных изменений. И экстремисты, и власть являются носителями определенных систем ценностей. Поэтому причиной развития религиозного экстремизма будет осмысление некоторыми личностями религиозных ценностей как несовместимых с ценностями ведущих институтов общества, принятие на себя социальной роли их защитников и распространителей, вывод о допустимости любых методов решения этой задачи. Экстремисты стремятся отстоять свои ценности перед властью, то есть добиться от власти их признания; это является их основным мотивом и означает, что религиозный экстремизм обладает в том числе и политической функцией. В свою очередь власть оценивает ценности других субъектов через свою ценностную систему, которая тождественна системе ценностей ведущих социальных групп и институтов. Чем дальше отстоят друг от друга, чем менее совместимы системы ценностей, тем более отчетливо будет проявляться экстремистский характер поставленных целей и избираемых средств,

доходя, в конце концов, до цели захвата власти. Это противостояние, могущее быть описанным как ценностная состязательность, то есть противоречивость, порождаемая действиями субъектов (как индивидов, так и социальных общностей), направленными на то, чтобы превзойти друг друга с целью доказательства преимущества своей системы ценностей [1, с. 50], придает экстремистской деятельности устойчивый характер. Через специфические приемы деятельности складывается особый тип социальных отношений – экстремизм. Если же взаимно оспариваемые ценности власти и экстремистов носят религиозный характер, то развивается религиозный экстремизм. Здесь проявляется определенная сложность: связывая религиозный экстремизм с властью и считая, что он обладает политической функцией, мы тем не менее не считаем его политическим феноменом. Это объясняется тем, что политические задачи являются промежуточными, подлинной целью является утверждение религиозной ценностей, и, следовательно, мотивация носит неполитический характер.

Религиозный экстремизм представляется многоплановым проявлением (деструктивность целей, деструктивность средств, деструктивность влияния на личность, деструктивность неопределенности последствий и круга вовлеченных в противостояние групп и институтов, и деструктивность исторического опыта) социальной деструкции, безусловным социальным злом. Он заостряет противоречия, возникающие в религиозной сфере общества, распространяет их на другие сферы и канализует их в направлении комплексной социальной деструкции, каковую можно считать последствием религиозного экстремизма.

Итак, для преодоления религиозного экстремизма, рассматриваемого в рамках обозначенной выше

концепции, необходимо создать условия, при которых стало бы невозможно: 1) использование борьбы за власть в целях утверждения религиозных ценностей, 2) чтобы в религиозных группах осуществлялась ценностная подмена – возведение авторитета лидера, статуса организации и произвольно избранного частного аспекта религиозной традиции в ранг высшей религиозной ценности, 3) возникновение социальной деструкции: использование деструктивных средств, нарастание деструктивности. Эти цели могут быть достигнуты на следующих направлениях социальной практики государства: 1) формулирование национального комплекса ценностей, включающего помимо ценностей, актуальных для элит, ценности традиционных конфессий и культур; 2) создание общедоступных каналов распространения сведений о подлинном содержании традиционных религий; 3) создание механизмов учета религиозных ценностей в деятельности всех институтов общества; 4) решительная борьба с уже проявившимся экстремизмом.

Так как мы исходим из того, что основанием религиозного экстремизма являются ценности и их защита, то и основанием противодействия религиозному экстремизму также должны быть ценности и их защита. Без осмысления ценностных основ общества силовая борьба бессмысленна. К таким основам можно отнести: 1) национальную религиозную и историко-политическую традицию; 2) государственность, законность, порядок, обороноспособность; 3) права человека в том виде, в каком они зафиксированы в известных международных документах; 4) семью, материнство и детство; 5) сложившуюся экономическую структуру, материальное благополучие; 6) сохранность интеллектуального и творческого потенциала; 7) стабильность элитного слоя и институционально одобряемых каналов социальной

мобильности.

При этом необходимо учитывать, что описанный ценностный комплекс также не един. В нем отчетливо видны два уровня: 1) Ценности, объективно проистекающие из природы человека и национальной социокультурной традиции и 2) ценности, навязанные обществу элитой. Такое разделение наметил М. Вебер, в одной из работ которого содержится рассуждение о том, что «государство», с «интересами» которого мы склонны связывать многие отдельные интересы, часто служит просто маскировкой очень сложного переплетения ценностных идей [2, с. 411]. К ним М. Вебер относит: обеспечение господствующего положения династии или определенных классов внутри страны; сохранение и укрепление формального государственного единства и нации в интересах самой нации или для того, чтобы сохранить определенные объективные, весьма различные по своей природе, культурные ценности, олицетворяемые в качестве объединенного в государство народа; преобразование социального строя государства в соответствии с определенными, также весьма различными культурными идеалами и т. д. [2, с. 411] Такая разделенность социально значимых структурообразующих ценностей уже сама по себе содержит определенное поле для развертывания экстремизма.

Интересы общества неизбежно заключаются в прекращении активной экстремистской деятельности. Это прекращение может в реальной социальной практике заключаться в наступлении одной из следующих ситуаций: **1)** силовое уничтожение экстремистской группы, **2)** самораспад экстремистской группы, **3)** интеграция экстремистской группы в общество путем превращения в легальный социальный институт, **4)** отказ экстремистов от ненормативных средств борьбы при формальном

сохранении экстремистской идеологии и 5) достижение экстремистами всех поставленных целей, иными словами, уничтожение общественной структуры и создание новой в соответствии с установками победителей.

Для понимания диалектики взаимоотношений общества и экстремистов важнее проанализировать именно позицию общества, так как позиция экстремистов вполне очевидна. Прежде всего, имманентным качеством общества является то, что оно на любые вызовы своей целостности реагирует с помощью специально уполномоченных формализованных институтов – таких как ведущие политические и религиозные группы, армия, полиция, судебные инстанции, сообщество экспертов по общественным наукам. Это качество предопределяет высокую степень стандартизации применяемых методов и ожидаемых результатов. Интересно отметить, что какой-либо из названных институтов может вызывать бóльшую, чем остальные неприязнь со стороны экстремистов, занимать в их планах переустройства общества более значительное место, но в силу системного характера государства и общества другие институты также будут вовлечены в конфликт. В контексте предложенной нами типологии вариантов снятия социального противоречия, основанного на экстремистском вызове, будет наблюдаться следующее: обществу, противостоящему религиозному экстремизму, пятый вариант как наиболее желательный для экстремистов безусловно неприемлем. Третий вариант не подходит для обществ, в которых религиозные конфессии в силу исторически сложившихся социальных условий не пользуются равным *de-facto* или *de-jure* статусом. Второй, третий и четвертый требуют для реализации неопределенно продолжительного времени, неопределенных условий, к тому же слабо поддаются управленческому вмешательству. Поэтому для общества,

осознающего угрозу своим ценностям в ситуации вызова со стороны религиозного экстремизма всегда соблазнительно пойти по первому, силовому варианту. Особенно желание ответить ударом на удар возрастает, когда экстремисты избирают своим методом терроризм.

Здесь мы сталкиваемся с переходом количественных изменений в качественные: с каждым новым открытым, силовым проявлением экстремистской деятельности общество становится все более жестким и готовым также на силовые решения для воспрепятствования дальнейшим действиям экстремистов. Возможности современных государств в этом плане очень велики, но мы здесь останавливаемся перед одним из важнейших вопросов социальной философии, поставленных в XX веке. У насильственных или ненасильственных действий больше возможностей остановить разрастание зла? А в том, что религиозный экстремизм – зло, сомнений нет.

Сущность ненасильственного проекта в следующем. Люди демонстративно совершают мирные по форме действия, свидетельствующие о неприятии чего-либо, и, видя их единодушие и решимость, носители отрицаемых ценностей отказываются от активных действий. Такой вид данный социальный проект приобрел в результате деятельности М. К. Ганди и М. Л. Кинга. («Участник сакьяграхи (предложенного Ганди способа ненасильственного протеста, В. Г.) призван добиваться своих целей, не причиняя «противнику» физического или материального ущерба» [3, с. 26].) Исторический опыт показывает, что ненасильственные действия имеют успех в специфических социокультурных условиях. И Ганди, и Кинг действовали против легитимных, демократических органов власти. Опыта противодействия экстремистским группам у них не было. Экстремисты нигилистически относятся к обществу, они полностью ориентированы на

достижение цели, а значит, в средствах они не разбираются. А значит, попытку мирного сопротивления воспримут, скорее всего, как признак слабости обществом и, вдохновленные этим открытием, ринутся в «последний и решительный бой».

И теперь нам нужно рассмотреть насилие. По мнению А. Е. Зимбули, перед любой культурой стоит важнейший вопрос о сферах и пределах допустимости «культурно организованной агрессии» [4, с. 137]. Велик риск того, что «борьба с экстремизмом сама может становиться формой экстремизма» [5, с. 79]. Тем более, что мы уже сталкивались, с тем что объективные признаки экстремизма подменяются идеологическими схемами, и экстремистское при одном режиме вполне может не считаться таковым при другом. И здесь нам необходимо обратиться к работе И. А. Ильина «О сопротивлении злу силою». Прежде всего, вслед за великим представителем русской религиозной философии, не согласимся с постановкой вопроса о насилии и ненасилии: Он вообще предлагает отказаться от использования слова «насилие» как несущего негативную эмоциональную нагрузку [6]. Философ предпочитал говорить о «понуждении» или «принуждении». Принуждение экстремистов к прекращению экстремистской деятельности, в том числе, в случае необходимости и путем физического уничтожения, необходимо. Это так, потому что объектом их посягательства становятся не только отвлеченные теории, но и конкретные люди. Отказ от силового ответа экстремизму означал бы немотивированное насилие по отношению к этим людям. Именно поэтому социальную программу ненасилия в этом мире, сопричастном и добру и злу, необходимо воспринимать как утопию [7, с. 97]. Ответ на поставленный вопрос именно таков: экстремизм как явление заслуживает жесткого ответа, но при полном

осознании ответственности за верность своим идеалам и разумным границам применения насилия, потому что «владеть силою и мечом может лишь тот, кто владеет собой» [6]. Или же в другом источнике: «Лишь победа над злом в своей душе открывает человеку возможность справедливого применения силы. Такой взгляд, утверждая в отношениях между людьми главенство любви, решительно отвергает идею непротивления злу силою. Нравственный христианский закон (подобные же суждения можно найти во всех мировых религиях, В. Г.) осуждает не борьбу со злом, не применение силы по отношению к его носителю и даже не лишение жизни в качестве последней меры, но злобу сердца человеческого, желание унижения и гибели кому бы то ни было» [8, с. 60]. На социальном уровне это означает недостаточность только силовых методов. Прежде чем обратиться к ним обществу необходимо, во-первых, изжить в себе, то что породило экстремистский вызов, эта необходимость порождает потребность в идеологических, политических, экономических и иных несиловых методах противодействия экстремизму, а также в изживании внутренних противоречий; во-вторых, освоить технологии локализации экстремизма; и, в-третьих, самое главное, укрепиться в собственных основаниях. Таков, на наш взгляд, наиболее социально оправданный вариант снятия противоречия между обществом и экстремистской группой. Но общество, победившее экстремистов, согласно закону отрицания отрицания, уже не может быть прежним; оно, проделав всю упомянутую нами работу должно стать более единым, более социально ответственным, более готовым к новым вызовам. Изложенное означает, что необходима разница в подходах к религиозно-политическому и апологетическому религиозному экстремизму. По отношению к первому силовые действия

неизбежно будут преобладать, а второй устраняется путем культурно-просветительской работы и грамотного выстраивания государственно-конфессиональных отношений.

Необходимо помнить, что полностью религиозный экстремизм не устраним, на смену одним экстремистам придут другие, так как в основе экстремизма лежит такой глубоко укорененный в человеческой природе механизм как ценностная состязательность. Это означает на социальном уровне необходимость постоянной готовности к силовым действиям, решительной борьбы за ценности традиционной культуры, национальное и государственное единство. Нельзя забывать: экстремисты всегда готовы перейти от слов к делу: их главная цель, как мы выяснили, навязать свои ценности всему обществу. Поэтому институтами, ответственными за противодействие экстремизму являются не только традиционные конфессии, армия, полиция, экспертное сообщество по общественным наукам, но и семья, образование, культура и искусство, средства массовой информации, так как борьба с экстремизмом – это, повторимся, прежде всего, отстаивание социальных ценностей.

Примечания:

1. *Худякова Н. Л.* Аксиологические основы поведения человека. Учебное пособие. / Н. Л. Худякова. – Челябинск: изд-во ЧелГУ, 2010.
2. *Вебер М.* «Объективность» социально-научного и социально-политического познания. / М. Вебер.// Вебер М. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990.
3. *Степанянц М. Т.* Махатма Ганди – апостол ненасилия XX века. / М. Т. Степанянц.// Насилие и ненасилие:

- философия, политика, этика... – С. 22-39.
4. *Зимбули А. Е.* Полярна ли толерантность агрессии? /А. Е. Зимбули.// От экстремизма к толерантности: этические и социокультурные аспекты: коллективная монография/ науч. ред. В. Ш. Сабиров. – Новосибирск: НГАСУ (Сибстрин), 2010. – С. 135-146.
 5. *Плотникова Е. В.* Экстремизм или умеренность? Договор! / Е. В. Плотникова.// Экстремизм как философская проблема: коллективная монография/ науч. ред. В. Ш. Сабиров. – Новосибирск: НГАСУ (Сибстрин), 2011. – С. 76-81.
 6. *Ильин И. А.* О сопротивлению злу силою. [Электронный ресурс]/ И. А. Ильин. – Режим доступа: <http://ru.philosophy.kiev.ua/library/il/01> (дата обращения 17. 02.2012)
 7. *Матвеев П. Е.* Насилие как зло и грех. / П. Е. Матвеев.// Насилие и ненасилие: философия, политика, этика. Материалы международной интернет-конференции. – М.: Институт «Открытое общество» (Фонд Сороса), 2003.– С. 95-105.
 8. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. – М.: Отдел внешних церковных связей Московского Патриархата, 2001.

ГЛАВА 6.

ФИЛОСОФСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ПРОФИЛАКТИКИ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ

6.1. ПАРАЛЛЕЛИЗМ ФИЛОСОФСКИХ ОСНОВАНИЙ ЭКСТРЕМИЗМА В ПОЛИТИКЕ И ЛИТЕРАТУРЕ

Несмотря на то, что философия в современном мире касается самых животрепещущих и насущных проблем, следует отметить, что философскому аспекту исследований такого ярчайшего проявления специфики современного общества, как экстремизм (или, в крайнем выражении, терроризм), уделено до сих пор недостаточное внимание. Например, в фундаментальной энциклопедии исследований по терроризму 2011 г., изданной под эгидой института исследований терроризма (TRI), раздел о философских теориях терроризма отсутствует вообще, а в сборнике «Философские перспективы «войны против терроризма» (2007 г.) фактически только последняя статья может считаться собственно философской [см.: 1]. И хотя в нашей стране попытки фундаментального осмысления данного феномена более многочисленны, всё же в большинстве случаев в них отсутствует привязка исследования к классической философской традиции, – без которой оно теряет необходимую степень основательности и глубины. Попытке исправить данное досадное упущение и посвящена настоящая работа. А то, что проблема терроризма не столь проста, можно легко увидеть с помощью простого мысленного эксперимента: допустим, нам удалось уничтожить все существующие террористические организации, – исчезнет ли тогда данный феномен? Ясно, что нет, – поскольку останутся его идеологи, идеи которых будут находить отклик в новых людях, – просто потому, что основания, которые вызывают к жизни сам терроризм, будут продолжать действовать. Непонимание истинных истоков происхождения данного феномена приводит к тому, что наши попытки борьбы с ним оказываются изначально обречёнными на провал: «Мы боремся с международным терроризмом, с растущей нищетой, с новыми формами преступности, с межкультурными конфликтами, <...> используя тот же тип

мышления, те же средства и методы, которые и явились причиной возникновения всех этих проблем» [2, с.12-13].

Экстремизм в своих конкретных проявлениях – в политической сфере, в культуре, в литературе – основан на вполне определённой эпистемологической ошибке – подмене идеи свободы идеей произвола. Собственно, её разоблачение было осуществлено ещё Аристотелем в этическом принципе «среднего». Согласно данному принципу, добродетель (как продукт осуществления (эргон) нравственной способности (как энергея) есть «среднее» между крайностями; например, мужество есть среднее между трусостью и безрассудной храбростью. Среднее не есть смесь крайностей в равных пропорциях, это есть способ введения вертикального, онтологического измерения в эмпирически наблюдающуюся мораль – т.е., экспликация соотнесённости данного феномена с предельными основаниями бытия человека. Мужество есть, по Сократу, упорядоченная структура души, – которая фиксирует осуществление акта сознания как предусловие всех нравственных поступков. Именно участие сознания определяет преодоление чисто эмпирически обусловленного плана осуществления нравственного поступка, т.е., феномен свободы. Свобода у Аристотеля, таким образом, всегда существует в некоторой специфической форме – символе реализованной структуры сознания. Крайние же варианты – всегда бесструктурны, поскольку представляют собой деградацию, разрушение исходной структуры сознания. Свобода как трансцендирование наличного состояния всегда осуществляется за счёт выхода к более фундаментальному основанию, чем то, которое уже действует в настоящем. Наличное состояние, тем самым, не разрушается, а получает какое-то более глубокое осмысление, – выявляющее глубинный смысл произошедшего (т.е.,

придающий ему свойство неотвратимости), – но, в то же время, и ограниченность этого состояния. Истинно мужественен, в понимании Аристотелю, не тот, кто в поисках «адреналина» решается на опасный трюк, а тот, кто способен, ясно осознавая свой страх, преодолеть его, защищая, например, своих близких. Именно разрушение этой фундаментальной формы-структуры сознания как основания нравственности позволяет извлечь ту бесструктурную «энергию», которая является причиной психического забвения в поступке безрассудной храбрости. Причина подобного рода действий – в особенностях психического состояния человека в данный момент, – а не в существе человека как сознательного существа. Другими словами, в неразличении мужества и безрассудной храбрости происходит нивелирование онтологических корней нравственности и низведение последней до уровня онтического. Энергия, тем самым, играет роль соединительного звена между онтологическим и онтическим планами нравственного поступка, между физическим сущим и личностным бытием.

Специфичность современного мира заключена как раз в уплощении, онтизации онтологической глубины реальности: как пишет Ж.Делез, «существуют только поверхности». А то, что мы воспринимаем в качестве глубинного, духовного измерения, есть только складки и сгибы «голой материи». Подобное сведение психического к внешне видимому предметно-материальному миру связано с экспансией естественнонаучного подхода на область специфически духовного. Так, например, уже в 19 в. Сеченов, пытаясь выявить природу психического, свёл последнее лишь к его внешним физическим проявлениям: «Смеётся ли ребёнок при виде игрушки, улыбается ли Гарибальди, когда его гонят за излишнюю любовь к родине, дрожит ли девушка при первой мысли о любви,

создаёт ли Ньютон мировые законы и пишет их на бумаге – везде окончательным фактом является мышечное движение» [4, с.5]. С феноменологической точки зрения, отсутствие онтологической глубины есть продукт деформации сознания: «если первичный опыт сознания – это опыт различий, то первичные деформации опыта – это нехватка различий. Любая норма предполагает многообразие (набор) определённых различий. Любая аномалия – их нехватку» [5, с.448]. Гармоничная структура сознания в своей форме удерживает единство онтического и онтологического уровней поступка, – не сводя их при этом друг к другу. Энергия, наличествующая в данной структуре – это способность данной формы оказать действие, – также не исчерпывающееся лишь онтическим своим планом. Разрушение формы приводит к ненаправленному выбросу неуправляемой энергии – способной только к разрушению.

Терроризм и экстремизм – это «досадное грязное пятно» на розовой картинке «всеобщей глобализации». Извращённое сознание террориста – на деле обратная сторона извращённого сознания «глобального демократа», – оказывающегося на поверку не меньшим террористом, чем тот, против которого этот «псевдо-демократ» выступает. И у первого, и у второго не хватает различий «своего» и «чужого»: террорист в стремлении к обретению национальной идентификации опирается на принцип автономии, понимаемой им как атомизация, глобальный демократ в стремлении к единению подчиняет чужое своему. И оба не достигают искомого «бытия-с-другим».

Различие, которого не хватает у обоих – есть различие онтического и онтологического. Отсутствие последнего приводит к неразличению тех моментов онтического, которые выступают адекватными репрезентантами онтологического уровня реальности, и тех, которые

онтологической глубины вообще лишены, – которые исчерпываются исполненным ими непосредственным онтическим значением (в частности, прагматическим – так, например, весь смысл записки, в которой содержится некоторая просьба, исчерпывается тем действием, которое просят совершить). Террорист поэтому не видит различий между отрицательной «свободой от» – как независимостью, и позитивной «свободой для», о которых говорил ещё Ф.Ницше. Если первая имеет истоком недостаток силы (как неспособность сохранить свою идентичность), то вторая происходит из её избытка. В этом смысле только такая «избыточная» свобода является действительной свободой, а отрицательная свобода есть только видимость, онтическая «свобода». Глобалист же неспособен различать *единение*, при котором сообщающиеся единицы сохраняют свою идентичность, и *единство*, которое подразумевает борьбу своего и чужого и в итоге подавление одного из них – более слабого – сильным. Отношения между мировыми державами и террористами поэтому подобны разговору двух глухих. Проблема не в самих по себе террористах, а в нарушении коммуникации с террористами. Нарушения же коммуникации всегда двусторонни, – т.е., имеют причину в обеих взаимодействующих сторонах, а не какой-то одной.

Унижение и подавление «сильным» слабого приводит к тому, что слабый, избегая прямых и открытых форм столкновения, прибегает к хитрости и ищет тот способ воздействия, против которого сильный не может ничего противопоставить. В частности, он разрушает то, что для сильного наиболее ценно. И если этой ценностью западного общества является «всеобщий мировой порядок», то против него он и начинает атаку. Его цель – подрыв самого фундамента западного общества, основанного на демократических принципах. И он

осуществляет максимально антидемократическое действие – террористический акт, который принципиально лишён какой-либо справедливости вообще. Как отмечает С.Жижек, энергия террористического акта укоренена в рессентименте – зависти, связанной с осознанием себя хуже другого: «проблема фундаменталистов не в том, что мы считаем их хуже себя, а скорее в том, что они сами втайне считают себя хуже нас <...> Проблема не в культурном различии (их попытках сохранить свою идентичность), а совсем наоборот – в том, что они в глубине души уже усвоили наши стандарты и оценивают себя по ним» [6, с.70]. Ненаправленность, а тем самым и разрушительность, энергии рессентимента проявляется в том, что террористический акт имеет дело не с истинными противниками – властными структурами и военными – а с мирным населением, – которые к самому геноциду, против которого и осуществляется сам акт, не имеют никакого отношения.

Политический рессентимент террориста оказывается аналогичен психологическому неврозу, – когда подавляемое желание всё же реализуется – но только в извращённой, а потому и разрушительной форме. Психоаналитическая процедура излечения невроза известна: она заключается в создании условий для нового сознательного опыта, т.е., в задании программы поведения, альтернативной имеющейся у невротика деструктивной программе и «уходе в сторону» от тех предпосылок отношения к миру, которые приводят к соответствующему «невротическому комплексу». Момент осознания исходного события, повлекшего за собой возникновение данного комплекса, имеет при этом только вторичное значение. Парадокс, присутствующий в процедуре психоанализа, состоит в том, что не существующие формы поведения плохи, – просто пациент оказывается

неспособен вместить в них свою индивидуальность, – а используемая им альтернативная форма поведения оказывается неадекватной. Излечение происходит в снятии иллюзорного противоречия между личностной спецификой и общепринятыми формами её выражения – но не в подчинении индивидуального общественному, а в осознании необходимости собственнлично́го усилия для наполнения данной общепринятой формы своим индивидуальным содержанием. Таким образом, исходный исток невротического комплекса – в неспособности проявить свою индивидуальность, т.е., в её недостаточности, – а вовсе не в подавлении её со стороны общества.

Надо отметить, правда, что в современном мире вышеприведённый механизм уже не столь действенен: дело в том, что количество «превращённых форм» в культуре достигло своей «критической массы», – так что существует реальная опасность того, что потенциальная возможность осуществления свободного действия, удержанная в его культурной форме, никогда не будет реализованной. По этой же причине и психоанализ в плане психологической техники для XXI века уже не столь актуален, а на сцену выходят техники типа НЛП, которые ориентированы на достижение эффективного результата в будущем (психически здорового состояния), а не на выявление истоков невроза. Фактически это есть результат влияния научного мировоззрения на культуру, – поскольку в науке всегда господствовал культ новизны, и отсюда значимость способов осуществления потенциально заложенной в человеке креативности (как онтического выражении изначально присущей человеку устремлённости к свободе). В действительности, конечно, эти две техники не противостоят друг другу: превращённая форма может выступить источником свободы благодаря

присутствию предельных основания человеческого бытия наряду с конкретной культурной формой её осуществления. И если мы эти основания в новой установке отбрасываем и сразу устремляемся к свободе, то только через их преодоление, – которое невозможно без предварительного их выявления (или хотя бы их учитывания и актуализации). Проблема противостояния Парменида (идеи бытия как субстанции) и Гераклита (понимание бытия как становления) в этом смысле – надуманная: бытие всегда есть нечто действующее, и в этом смысле – свободное, – а значит, наличные основания не являются раз и навсегда заданными. Даже в классическом психоанализе возвращение к прошлому связано в действительности с заданием основания для *нового* сознательного опыта, – а потому исходное травмирующее событие в прошлом как источника невроза на деле фиктивно (хотя бы потому, что включает наряду с самим событием его новую интерпретацию).

Излечение «политического невроза» осуществимо аналогичным образом: если существующие способы коммуникации глобальных демократов и узких националистов оказываются вырожденными, следует испробовать иные способы использования существующих уже форм, исходящие из онтологических предпосылок взаимопонимания (которого наличные способы коммуникации оказываются лишены). Другими словами, вырожденная коммуникация происходит только на онтическом уровне, а действительная коммуникация всегда предполагает онтологическое измерение её осуществления. Стремление *понять* другого в действительности сводится к *присвоению* чужого, к тому, чтобы сделать его «своим»: понимание фактически сводит онтическое проявление Другого к своему собственному онтологическому центру, т.е., к бытию нашей собственной личности.

Онтологический же аспект коммуникации предполагает бытие-с-другим в качестве первичной данности, как того, благодаря чему возможно наше собственное бытие. Мы принимаем Другого именно тогда, когда принимаем его во всей его чуждости, а не тогда, когда стремимся его понять: «Чужое притязание сталкивает нас с непонятым, поскольку предшествует любому осмысленному пониманию и любому взаимопониманию, как и выходит за их пределы. Мы имеем дело с пред- и сверхпонятым, которое не добавляется к стандарту понятности» [7, с.19]. То, что действительная коммуникация вовсе не обязательно связана с пониманием, можно увидеть на примере личных взаимоотношений: так, например, женщину нужно не постигать, а любить. Именно этого не хватает нам в отношениях с чуждой культурой или верой: непринятие другого в его инаковости фактически ставит под сомнение само его существование, и то, что он изо всех сил стремится сохранить свою идентичность, оказывается для него онтологически оправданным. Отсюда и возникает такая деформация сознания, как, например, представление иноверца в качестве врага по определению, уничтожение которого оправдано во всех возможных смыслах. Уже в эллинистическом мире иноверцы рассматривались как варвары («не имеющие языка»), т.е., не в качестве людей вообще. Но непринятие другого в качестве человека есть лишь обратная сторона нежелания осознавать, что основания собственного бытия оказались разрушенными. Восстановление онтологического основания коммуникации предполагает воспроизводство способности восприятия человека как человека, – в том числе, и способности террориста принимать в качестве человека, в котором тоже сокрыта «искра божья». Поэтому следует переместить внимание с вопроса о том, что нам делать с террористами и экстремистами разных мастей на вопрос о

том, что нам делать с нами самими. Террористу же следует понять, что достигнутый им такой кровавой ценой успех будет являться временным и недостаточным: никогда никакое государство на серьёзные уступки террористам не шло, – а вот отрицательный эффект может быть довольно значительным. В отношении литературы о подобном писал Экзюпери: «Вот стихотворец, он прославился, сломав общепринятые правила синтаксиса. Шоковый эффект часто ведёт к успеху. Но он – браконьер, из личной выгоды он разбил сосуд с всеобщим достоянием <...> Нарушения войдут в привычку, я никого не изумлю неожиданностью. Но мне уже не воспользоваться благородной красотой утраченного стиля. Я сам обессмыслил его фигуры, прищур, умолчания, намёки – всю гамму условных знаков, которую так долго и так тщательно отработывали, научившись говорить с их помощью о самом тайном, самом сокровенном» [8, с.598]. Т.е., сломав выработанные веками формы взаимоотношений между государствами как наиболее адекватно выражающие нравственные идеи, террорист обрекает свою страну на то, что в дальнейшем дипломатические вопросы будут решаться её противниками с позиции силы, и что крайние меры в отношении террористов – «war on terror» – станут привычными.

Рессентимент всегда имеет две стороны: подавляемую и подавляющую. Прекрасно это было показано Гегелем в диалектике раба и господина: тот, кто считает себя господином, оказывается в действительности зачастую зависимым от раба, поскольку для проявления своей силы ему нужна соответствующая внешняя аудитория. Истинный же господин в рабе не нуждается, он самовластен. Проблема терроризма, таким образом – это не только проблема того, что нам делать с террористами, но и, как даже более важная, проблема того, что нам делать с

самими собой. Мудрецы всех времён для осуществления действительного изменения мира советовали всегда начинать прежде с самого себя: ведь именно через выявление предельного основания нашего собственного бытия мы постигаем исходные принципы, на которых стоит мир, и тем самым оказываемся способными что-то в нём сделать, не нарушая его глубинные законы. Так, для легитимации наличного властного порядка следует стремиться к достижению соответствующего уровня правосознания, а не к устрашающей демонстрации власти: конечно, всегда можно при возникновении какого-то конфликта в сфере властных отношений просто применить силу – однако утрата доверия к правительству приведёт в действие механизм оппозиции, который, будучи поддержан достаточным количеством недовольных, в итоге свергнет наличную власть.

Но действительно онтологически обеспеченное состояние и не подвержено внешним влияниям, оно внутренне свободно и независимо. Так, Слоно не реагирует на Моську, а человек сильный и мужественный – на нападки в свой адрес. Человеку творческому всё равно, откуда брать материал, – и он не озабочен вопросами об оригинальности и новизне. Поэтому он может даже составить своё произведение из кусков уже написанных кем-то текстов (как, например, это сделал Саша Соколов в романе «Школа для дураков»), не лишая при этом своё произведение художественности и талантливости. Если же человек стремится к оригинальности ради неё самой, то и внимание его будет направлено прежде всего не на то, как наиболее адекватно передать родившиеся в нём оригинальные чувства и мысли, а на словесную форму, которую он и будет стремиться переделать – предварительно, конечно, разрушив уже имеющиеся формы. Весь фокус, однако, в том, что новое содержание

иногда требует для себя и новой формы, – но только в отдельных, особых случаях. Кроме того, степень талантливости произведения никогда не определяется наличием просто новой формы: великие произведения чаще всего написаны в традиционной манере своего времени, и их истинное величие определяется в первую очередь глубиной постановки и решения фундаментальных проблем человеческого бытия. «Поминки по Финнегану» Джойса, «Человек без свойств» Музиля, «В поисках утраченного времени» Пруста значительны не новой словесной формой – романа «потока сознания», а точностью передачи тончайших душевных движений человеческой личности. Собственно, именно способность всматривания в устройство человеческой души и вызвала к жизни данную словесную форму, – хотя, строго говоря, это же содержание вполне может быть передано и классической формой романа – как это и было сделано, например, Л.Толстым и В.Гюго.

Ж.Полан в произведении «Гарбские цветы, или Террор в изящной словесности» всесторонне рассмотрел экстремистскую установку на уход от каких-либо устоявшихся форм выражения, т.е., от штампов. Его вывод следующий: «Если я хочу признания, мне не надо требовать, чтобы оно было сделано на каком-то удивительном языке, – достаточно самых простых слов. Так и в Словесности, если оригинальность должна ограничиться выявлением некой личности, она может спокойно воспользоваться принятыми сюжетами и идеями. Два писателя, пользующиеся установленными жанрами и общими темами, подобны двум людям, которые, говоря на одном языке, не столько теряют индивидуальность, сколько её раскрывают и в некотором роде порождают» [9, с.160].

Выход за рамки языка есть разрушение той структуры, которая делает саму литературу возможной в качестве

литературы. У В.Хлебникова изобретение нового языка присутствует лишь в качестве момента, подчинённого общелитературным канонам, вписано в качестве момента обычных чисто литературных приёмов художественного воздействия. Аналогично этому нет необходимости в том, чтобы изобретать какие-то принципиально новые формы коммуникации с террористами – достаточно уже имеющихся. Однако использовать эти формы нужно всё же по-другому, учитывая, что условия их применения изменились по сравнению с теми, при которых они были изобретены. Любая форма взаимоотношений между людьми есть осуществление некоторого нравственного содержания, – но, будучи формальной схемой последнего, никогда в полной мере не учитывает уникальность реального осуществления данного вида отношения. По этой же причине невозможности выведения из общего определения добра того, будет ли данный конкретный поступок добрым, формальное применение юридических норм может противоречить действительной нравственности. Аналогично, только содержательное применение демократических форм коммуникации может привести к её реальному осуществлению. В связи с этим возрастает значение конкретных личностей, осуществляющих коммуникацию: террористы хотят разговаривать только с определёнными людьми – так, например, при захвате заложников театра в Москве был приглашён певец Иосиф Кобзон. Правитель, дипломат – не просто индивид, играющий определённую социальную роль – формального представителя некоторого государства. Если подобное происходит, коммуникация изначально оказывается неэффективной – разве что она с самого начала и не имела никакой роли: там, где говорят пушки, слова не имеют значения, – как, например, в случае с американской оккупацией Ливии.

Следует подчеркнуть, что речь выше шла, конечно, не о том, оправдан ли терроризм – поскольку подобные акты никак не могут быть оправданы. И если конкретная проблема заключается в том, чтобы уничтожить физически какого-то террориста, чтобы предотвратить террористический акт, не может быть сомнения в том, стоит ли это делать. Но в то же время следует задуматься о самом феномене терроризма как крайнем и жестоком проявлении специфики бытия современного мира – с которым следует считаться, принимая его не в качестве частного и случайного онтического феномена, а в качестве проблемы, требующей перехода к онтологическому уровню анализа. Поскольку, только приняв реальность того положения, в котором мы в данный момент находимся, возможно что-то действительно изменить.

Примечания:

1. The Routledge handbook of terrorism research / ed. by Alex P. Schmid. – New York: Taylor & Francis Group, 2011. Philosophical perspectives on the “War on terrorism” /ed. by Gail M. Presbey. – Amsterdam - New York, NY 2007.
2. Сефирот познания / Аршинов В.И., Лайтман М., Свирский Я.И. – М.: Издательство ЛКИ, 2007.
3. Черняков А.Г. Онтология времени. Бытие и время в философии Аристотеля, Гуссерля и Хайдеггера / А.Г.Черняков. – СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 2001.
4. Сеченов И.М. Элементы мысли /И.М.Сеченов. – СПб.: Питер, 2001.
5. Молчанов В.И. Исследования по феноменологии сознания /В.И.Молчанов. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2007.
6. Жижек С. О насилии. – М.: Издательство «Европа»,

- 2010.
7. Вальденфельс Б. Границы понимания и слушания (способности слышать) Чужого / Б.Вальденфельс // Понимание и существование. – Минск: Издательство Европейского гуманитарного университета «Пропилеи», 2000. – С.5-20.
 8. *Экзюпери Антуан де Сент*. Цитадель /А.де С.-Экзюпери. – СПб.: Азбука-классика, 2001.
 9. *Полан Ж*. Тарбские цветы, или Террор в изящной словесности / Ж.Полан. – СПб.: Наука, 2002.

6.2. ФИЛОСОФСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ О ТЕРРОРИЗМЕ (НА ПРИМЕРЕ ФИЛОСОФИИ А. КАМЮ)

Терроризм – примета времени. Эти слова все чаще и чаще можно слышать сегодня. Это не совсем верно, ведь бунтари и террористы напоминали о себе практически во все времена. Однако сегодняшних террористов отличает ярко выраженный экстремизм и безапелляционность. Для них нет ничего святого. Терроризм приобрел массовые масштабы. И это действительно, к сожалению, примета *нашего* времени. Осознание данной проблемы возможно различными путями. И не последнее место среди этих путей занимает путь философского осмысления причин, условий и особенностей современного терроризма.

Одним из тех, кто глубоко и проникновенно занимался данными вопросами, был французский философ-экзистенциалист А. Камю. Наиболее ярко свои мысли по этой проблеме он выразил в одном из самых известных и значимых своих трудов – эссе «Бунтующий человек». Камю писал это произведение в 1950 году, когда сталинизм достиг апогея своего могущества, а марксизм превратился в государственную идеологию, система распространилась

на Китай, началась война в Корее. Безусловно, эти исторические события не могли не повлиять на политические и философские воззрения французского мыслителя. В «Бунтующем человеке» он рассматривает теорию и практику протеста против власти на протяжении столетий, критикуя диктаторские идеологии, в том числе коммунизм и прочие формы тоталитаризма, которые посягают на свободу и, следовательно, на достоинство человека.

Что же является главной темой эссе? Отвечая на этот вопрос, автор вступительной статьи к произведениям французского философа А. Руткевич пишет: ««Бунтующий человек» – это история идеи бунта – метафизического и политического – против несправедливости человеческого удела. Если первым вопросом «Мифа о Сизифе» был вопрос о допустимости самоубийства, то эта работа начинается с вопроса об оправданности убийства. Люди во все времена убивали друг друга, - это истина факта. Тот, кто убивает в порыве страсти, предстает перед судом, иногда отправляется на гильотину. Но сегодня подлинную угрозу представляют не эти преступные одиночки, а государственные чиновники, хладнокровно отправляющие на смерть миллионы людей, оправдывающие массовые убийства интересами нации, государственной безопасности, прогресса человечества, логикой истории» [1, с. 17]. Камю – современник XX века, в котором человек оказался перед лицом тоталитарных идеологий, служащих оправданием убийства. Главная проблема, которую усматривает здесь французский мыслитель, заключается в том, что сами эти идеологии родились из идеи бунта, преобразившейся в нигилистическое «все дозволено». Он рассматривает и трагедию философии, превращающейся в идеологию, оправдывающую государственный террор. Переломным моментом в резком усилении могущества

государства послужила первая мировая война, которая, как утверждает Камю, разделалась с остатками «божественного права». Государство взяло на себя функцию созидания «града людей» взамен разрушенного «града божьего». Об этом и пишет философ в своем эссе: «После того как с идеей «града божьего» было покончено, пророческие мечты Маркса и смелые провидения Гегеля или Ницше в конце концов привели к созданию нового типа государства, рационального или иррационального, но в обоих случаях – террористического» [2, с.225]. Террор тем самым приобретает государственные масштабы. Главную «заслугу» в этом Камю приписывает Муссолини и Гитлеру: «Они первые построили государство, исходя из идеи, что ничто на свете не имеет смысла и что история – всего лишь случайное противоборство сил» [2, с.225]. На примере нацистской Германии французский философ прослеживает путь: к чему может привести подобная политика. В 1933 году эта страна принимает низкопробные ценности, более того – она пытается навязать их всему миру. Это мораль уголовного мира и Германия поплатилась за это: «Германия потерпела крах, потому что развязала всемирную бойню, руководствуясь при этом местечковым политическим мышлением» [2, с.257]. Вера в тотальность государства, а значит и в тотальную правдивость его устремлений, приводит, в конце концов, к видению тотальной опасности, нависшей над данным государством или нацией. Исходя из этого, государство пытается защитить себя террором и оправдывает этим свой террор: «...Вечные поиски врага предполагают вечный террор – теперь уже на государственном уровне. Государство отождествляется с «аппаратом», т.е. с совокупностью механизмов завоевания и подавления. Завоевание, обращенное внутрь страны, называется пропагандой или репрессией. Направленное вовне, оно порождает военную

экспансию. Таким образом, все государственные проблемы милитаризуются, переводятся в область насилия» [2, с.258-259].

Государственный террор гитлеровской Германии Камю считает иррациональным. Любые попытки посягнуть на суверенитет народа, который якобы охраняется фюрером при помощи партии, должны решительно пресекаться. В такой ситуации человек, по выражению французского философа, исчезает. Ибо, являясь членом партии, он превращается в орудие фюрера, винтиком «аппарата», а, будучи врагом фюрера, он перемалывается жерновами этого «аппарата». Машина направлена на уничтожение человеческого в человеке: «Иррациональный порыв, порожденный бунтом, направлен теперь только к одному: подавить в человеке то, что не позволяет ему стать простым винтиком, то есть его страсть к бунту... Иррациональный террор превращает человека в вещь, в «планетарную бактерию», согласно выражению Гитлера. Он ставит своей целью не только разрушение личности, но и уничтожение заложенных в ней возможностей, таких, как способность к мышлению, тяга к единению, призыв к абсолютной любви» [2, с.260].

Иррациональность гитлеровских преступлений Камю доказывает на примере уничтожения деревни Лидице. «Гибель этой деревни, - пишет французский писатель, - показывает, на какие зверства способно иррациональное мышление, подобного которому невозможно отыскать в истории» [2, с.261]. Действительно, как можно разумно объяснить тот факт, что в течение нескольких месяцев специальные воинские бригады расчищали пепелище деревни при помощи динамита, вывозили обломки камней, засыпали пруд, отводили речку в новое русло и даже разравнивали дорогу, которая вела к деревне. Все это делалось для того, чтобы от Лидице не осталось ровным

счетом ничего. В довершение ко всему каратели опустошили местное кладбище, которое напоминало о существовании деревни. Этому нет объяснения, ибо в этих действиях нет никакой логики.

Нацистская Германия во главе с Гитлером попыталась создать религию на основе идеи уничтожения, и эта попытка привела к уничтожению самой этой религии. Камю вспоминает гегелевское отрицание, призванное созидать. Но в данном случае отрицание было лишь разрушительным, а Гитлер остался для своего народа и для всего мира воплощением истребления и самоистребления. Французский философ называет его единственным в истории тираном, не оставившим после себя ничего положительного.

Претендуя на руководящую роль в мире, фашисты, по мнению Камю, никогда всерьез не помышляли о создании вселенской империи. «Русский же коммунизм, пишет французский философ, – напротив, как раз в силу своего происхождения открыто претендует на создание всемирной империи. В этом его сила, его продуманная глубина и его историческое значение... Это первое в истории политическое учение и движение, которое, опираясь на силу оружия, ставит своей целью свершение последней революции и окончательное объединение всего мира» [2, с.262-263].

Русский коммунизм в отличие от германского фашизма рационален: «...Русский марксизм в общем и целом отвергает мир иррационального, хотя очень неплохо умеет им воспользоваться. Иррациональное может служить Империи, а может ее и подорвать. Оно не поддается расчету, а в Империи все должно быть рассчитано. Человек всего лишь игрушка внешних сил, которыми можно рационально управлять» [2, с.303]. И хотя Ленин борется против терроризма, считая его «напыщенным и

бессмысленным позерством», но это относится только к одиночным борцам. Отречение от бунта происходит ради Империи и рабства. Под знаменем идеи свободы свершается тотальный террор: «Отдельные личности при тоталитарном режиме порабощены, хотя человеческий коллектив можно считать свободным. В конце концов, когда Империя освободит весь род человеческий, свобода будет царить над стадом рабов, которые, по меньшей мере, будут освобождены от Бога, да и вообще от всего трансцендентного. Именно здесь проясняется пресловутое диалектическое чудо, переход количества в качество: всеобщее рабство выступает отныне под именем свободы» [2, с.300].

Камю пытается провести сравнение между фашизмом и русским коммунизмом, которое на первый взгляд приводит к их отождествлению: «Те, кто рискнул ринуться в историю во имя иррационального, говоря, что она лишена какого бы то ни было смысла, находят в ней рабство и террор и в конце концов оказываются в мире концлагерей. Те, кто ломится в нее, проповедуя абсолютный рационализм, находят то же рабство и террор и упираются в ту же лагерную систему» [2, с.310]. Фашизм пытался обозначить пришествие ницшеанского сверхчеловека, но человек, претендующий стать Богом, должен присвоить себе право на жизнь и смерть других людей. Так он становится «поставщиком трупов», «гнусным прислужником смерти», превращаясь в недочеловека. Рациональная революция стремилась реализовать всечеловека, появление которого предсказывал Маркс. Но, приняв логику истории в ее тотальности, она все сильнее калечила человека, превратившись в итоге в объективное преступление.

Между фашизмом, являющимся воплощением иррационального государственного террора, и русским

коммунизмом, осуществляющим государственный террор на основе рациональности, тем не менее, нельзя поставить знак тождества: «Было бы несправедливо отождествлять цели фашизма и русского коммунизма. Фашизм предполагает восхваление палача самим палачом. Коммунизм более драматичен: его суть – это восхваление палача жертвами. Фашизм никогда не стремился освободить человечество целиком; его целью было освобождение одних за счет порабощения других. Коммунизм, исходя из своих глубочайших принципов, стремится к освобождению всех людей посредством их всеобщего временного закабаления. Ему не откажешь в величии замыслов. Но вполне справедливо отождествление их средств – политический цинизм оба они черпали из одного источника – морального нигилизма» [2, с.310].

Интересно, что еще в первой половине 30-х годов XX века русский философ Н.А. Бердяев в своей работе «Судьба человека в современном мире. К пониманию нашей эпохи» анализирует русский коммунизм и фашизм как явления мировые, называя их «детонацией войны». Он так же замечает: «Фашизм же есть не только порождение войны, но и реакция против коммунизма» [3, с.337]. Несчастья и унижения немецкого народа породили фашизм. Далее русский философ переходит к мысли о том, что и коммунизм, и фашизм восстанут против вырождения формальной свободы, означающей скептицизм, безверие и равнодушие к истине. Но это восстание не приводит к реальной свободе человека как целостного существа. Фашизм и коммунизм лишь переходят к формальному и реальному отрицанию свободы. Свобода и личность отрицаются в духовном смысле: «Совершается великое предательство относительно человека. Человек перестал быть верховной ценностью, он подменяется иными ценностями, которые стоят не выше, а ниже человека.

Наша эпоха ставит вопрос, будет ли дальше существовать человек, или он будет заменен совсем иным существом, которое будет выработано дрессировкой социально-классовой или государственно-расовой» [3, с.337]. Тут вспоминаются рассуждения Камю о нищезанематом сверхчеловеке и всечеловеке Маркса.

Сравнивая взгляды идеолога фашизма Муссолини и идеолога коммунизма Маркса по поводу конфликта личности и общества, Бердяев находит, что они схожи: «Для Муссолини абсолютным становится государство, для Маркса абсолютным становится общество, но принцип один и тот же, одинаково отрицается вечный трагический конфликт личности и государства, личности и общества и отрицаются неотъемлемые свободы личности» [3, с.339]. Русский философ предвидел время диктатур с их тягостными последствиями. Избежать их можно было бы, по его мнению, лишь моральным перерождением и проявлением творческой духовной силы. Как мы уже знаем, к сожалению, этого не произошло. Бердяев предостерегает нас, и его слова не потеряли своей актуальности и сегодня: «Мир вступает в периоды, когда свобода духа агонизирует. Человек потрясен до своих первооснов процессом дегуманизации. Идеал человека померк. Это очень мучительный переходный период. Человек, может быть, должен быть распят, умереть, чтобы ожить для новой жизни. Ни коммунизм, ни фашизм не есть еще эта новая жизнь, это лишь переходные формы, в которых элементы правды перемешаны со страшной неправдой. Эти переходные формы порождены несчастьем и нуждой, они не от творческого избытка родились. Все старые авторитеты рухнули, и миру грозит анархический распад» [3, с.340].

Французский философ, писатель А. Камю во второй половине XX века так же искренне «болел» за человека и

человечество, видя огромную опасность в государственном терроризме, уничтожающем все человеческое в человеке, калечащем личность. В этом смысле взгляды Камю и Бердяева созвучны друг другу. В этот же ряд можно поставить и немецкого философа К. Ясперса. Вот как характеризует его антитоталитаристскую деятельность П.П. Гайденко: «В послевоенные годы Ясперс – один из духовных лидеров Германии. Он обращается к соотечественникам не только в своих книгах и статьях, но и в выступлениях по радио, и везде его главная мысль – как спасти человечество от тоталитаризма, этой главной опасности XX века, ввергающей людей в кровавые революции и истребительные войны. Обращение к гуманистическим традициям – к Лессингу, Гете, Канту – вот один путь, который видится здесь Ясперсу; другой – более серьезный, более надежный путь для всех, кто утратил непосредственную жизнь в традиционной ее форме и пробудился к автономии, к духовной самостоятельности, - обретение философской веры» [4, с.8]. Безусловно, основанием такой деятельности немецкого мыслителя явился непосредственно пережитый им опыт нацистской диктатуры и размышления над природой и истоками тоталитарных режимов в России, Италии, Испании.

Хотя творчество Камю вызвало после его смерти оживленные споры, многие критики считают его одной из наиболее значительных фигур своего времени. Он показал отчужденность и разочарованность послевоенного поколения, однако упорно искал выход из абсурдности современного существования: «Камю пытается найти ответы на смыслообразующие вопросы человеческой жизни и стремится выработать новый гуманизм, который объединил бы людей и принес им свободу» [5, с.193].

Философия бунта Камю – выдающееся достижение

гуманистической мысли современности. Она возникла в пламени антифашистского Сопротивления и была основана на осмыслении катастрофического опыта XX века, поставившего под сомнение само существование человека: «Камю выступает против революций, он – за постепенные реформы, в результате которых должна установиться человеческая солидарность, общий для всех людей смысл существования» [6, с.434].

Примечания:

1. *Руткевич А. М.* Философия А. Камю // Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство: Пер. с фр. – М. : Политиздат, 1990. С. 5–14.
2. *Камю А.* Бунтующий человек // Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство: Пер. с фр. – М. : Политиздат, 1990.
3. *Бердяев Н.А.* Судьба человека в современном мире. К пониманию нашей эпохи // Бердяев Н.А. Философия свободного духа. – М. : Республика, 1994.
4. *Гайденко П.П.* Человек и история в экзистенциальной философии Карла Ясперса // Ясперс К. Смысл и назначение истории: Пер. с нем. – М. : Политиздат, 1991. С. 5-26.
5. Современная философия: Словарь и хрестоматия. – Ростов-н/Д. : Феникс, 1995.
6. *Ильин В.В.* История философии: Учебник для вузов. – СПб. : Питер, 2003.
7. *Ясперс К.* Смысл и назначение истории: Пер. с нем. – М. : Политиздат, 1991.

6.3. ЧЕЛОВЕК БЕЗ СВОЙСТВ – ФИГУРАНТ ЭКСТРЕМИЗМА

"Изречение Маркса «Бытие определяет сознание»
верно лишь до тех пор, пока сознание
не овладело искусством отчуждения; далее оно живет
самостоятельно и может как регулировать,
так и игнорировать существование»
И.Бродский

Раскроем тему не в аналитике фактического наполнения максимальных видов борьбы за социальные права или предельных форм проявления религиозной энергии, а в аспекте отношения экстремальных состояний сознания к свободе, как к одному из важнейших экзистенциалов. Исследуем вязущие свойства гиперболических бесструктурных представлений, а также возможности и средства быть свободным ненасильственным образом.

Отношение к одному из основных вопросов существования «нужны ли мы друг другу» конституирует тип личности.

Традиция этой темы определяет основной антропологический параметр как «человеческий элемент». Человеческий элемент – это виртуальный орган, который знает, что наша личностная матрица целиком распределена за контурами нашего тела и все ее потенциалы защиты в формулах связей. И этот орган умеет вести сборку целостностей, которые мы признаем и принимаем за актуальные формы нашего «я». Именно поэтому мы разные в присутствии разных лиц в их социальных масках и интимных стилях. Получаем разную форму. А без формы, как известно, ничего человеческого не бывает /1/. И мастерство этих перформансов делает нас диковинными в присутствии самого Бога, который умеет одним своим присутствием дать нам такую сложность, которой мы от природы не имеем. И это его доля в нашем таланте в

редкие минуты сотрудничества. А в редкие минуты поддержки он приходит к нам эфирными тканями, которыми заканчивается каждый его контакт с гениями. И только для производства этих материй нам нужны контакты с богами, потому что музыка и поэзия производят вещество, которым питается душа.

«Быть» для человека – это значит эксплуатировать те части своего распределенного вонне существа, которое имеет резонансы, отклики, эхо и тому подобные ответы, на которых и держится наше мистическое ощущение реальности. Реальности нас самих и реальности внешнего света. Только такие акты лоцирования обнаруживают то, что «есть на самом деле». Все остальное в долготекущую минуту открытости «есть совсем слегка». Реальность – это то, что по-настоящему мерещится, то есть резонирует со структурами нашего сознания. А эти структуры, не показывая нам технических подробностей своей работы, покрывают все открывшееся конденсатом нашей радости, сопровождающей возбуждение этих магических структур. И в такие моменты мир совпадает с любой формой бытия. Да и форма не важна, она – только возглас по поводу этого главного в наших судьбах действия. Это то, что было с нами после того, как встроенный культурой «человеческий элемент» распределил нас по миру мозаикой вложений, из которых только иногда можно собрать что-то достойное.

Договорные объекты (деньги, собственность...) не имеют внутренней структуры и этим не похожи на природные объекты, структура которых бесконечна вглубь). Поэтому эти объекты не имеют свойств, а только функцию. Функция же не является свойством. Отвертка – не свойство объекта, а его связь с деятельностью субъекта, при которой используется одна характеристика этого объекта – механическая прочность /2/. Человек без свойств – это человек, который произвел необратимую

идентификацию. Идентификация дает ему квазиструктуру, которая выводит в поле договорных отношений (правил и инструкций). Но эта опора превращает личность в функцию. Социум дает поле правил, вера – поле онтологической подмены, культура – поле онтологии, которая почти эквивалентна природной. Потому, что онтологическая матрица культуры – это партитуры, дающие возможность получить временную внутреннюю структуру. Вера тоже дает подобие внутренней структуры, но почти постоянно действующую и фиксированную (с зачаточным личностным спектром типа сознания Христа, сознания Кришны и т.п.). Социализация не дает внутренней структуры, поэтому социальный человек безличностен.

В социальной среде события легко превращаются в факты, потому что только продукты идеологической обработки более всего доступны усвоению человеку без свойств.

Индивидуумы, не имеющие опыта сознания, то есть не привыкшие быть внутренне структурированными, не имеют иммунитета к зомбированию, абсолютно функциональны и управляемы снаружи.

Неструктурированное сознание гарантирует жизнь во сне. Структурированное – в иллюзии. Но корпус иллюзий при их реализации посредством массы технических приемов создает все доступные формы человеческих реальностей. Причем иллюзия не накладывается на «объективную» реальность, а используется в онтологической функции. Они становятся причинами всех типов бодрствования от духовного натурализма до материализованного экстаза.

Малая плотность иллюзий в социуме вырабатывает слабую реальность по причине дефицита структурированных субъектов. И в таком социуме

большинство открыто рекламе товара и декларации банальностей, мемам и пошлости. Энергия индивидов без свойств может быть сфокусирована на глупых, диких и деструктивных действиях. Потому что если действие не управляется иллюзией, то это действие со снятым будущим. А потеря перспективы ослабляет предохранители осторожности на общественных силах.

Реальность мутирует или под давлением очарования иллюзий, или под нажимом догматических тисков. Выбор способа производства собственных реальностей полностью определяет вид судьбы. И субъекты разных судеб, объединенные в одно социальное тело, могут изготовить действительность только статистического вида. Гармонической действительности не может быть при аннигиляции в общественном поле противоположных координатных систем.

Бесструктурность простых душ принуждает их привлекать для добычи свободы силы того этажа реальности, на котором они находятся. Это оккультные силы в мистическом подслое и физические силы в социальном. Соответственно активность сводится к подкупу (при помощи жертв) избранных богов и к наращиванию инструментов прямого насилия.

Частное лицо – субъект, исповедующий уникальность. Он занят поисками мест личного вложения, идентификации по резонансу (по отклику предназначения), ищет знакомств с ярко структурированными личностями, активно ждет удачных встреч с нужной книгой, с любыми формами овеществленной интенции. В этом слое социума субъекты нужны друг другу, поскольку они «обмениваются реальностями», что составляет основу их активности. Человек по своей избыточной сути обречен создавать произведения искусства, как говорил персонаж в «Сталкере». И все потому, что свобода для человека – это

получение возможности путешествий по реальностям, а другого способа обмена реальностями кроме искусства не найдено. Перефразируя формулу Ф.Энгельса «Сколько языков ты знаешь, столько раз ты человек», рискнем настаивать, что только пластичность тела, его способность быть всегда другим и получать чувствительность к совершенно разным реальностям, только умение использовать эти странные человекообразующие силы дает шансы быть человеком столько раз, сколько реальностей он пережил. Мастерство обмена реальностями становится высшим умением по результату. Умением быть свободным.

Экстремизм расцветает в области связей. Субъекты, связанные великой идеей, да еще идентифицировавшиеся на ней, образуют фундаментальный социум. Одинаковые всерьез, они жертвуют правом быть частными лицами. Это состояние сознания опасно тем, что когда гибнет, теряет актуальность идея, то социум бывает обречен. Апокалипсис может иметь формы, далекие от метафор евангелического пророчества, но одичание неизбежно.

Другое дело, что славянский элемент, обладающий странной креативностью, способностью, с одной стороны, строить громадные неподконтрольные сферы свобод в самых жестких системах, а с другой стороны, во времена аморфных катастроф держать форму запасами личностных структур, фабрикует особую практику отношений. Она стоит на том тонком ощущении, что каждый бывает другим в присутствии другого. Если этот другой – личность, свободная по многим измерениям (виртуальным координатам). Так создаются круги общения, философские и научные школы, которые незаменимы.

Хотя воспользоваться этим ресурсом не дают орды потерявших опору обезличенных адептов империй, государств, королевств и сакральных единств. В руинах каркаса они становятся не нужны друг другу и

развлекаются тем, что уничтожают уникальность и оригинальность, сводя структуру сообщества до состояния муравейника.

Человек без свойств в современном социуме представляет себе свободу только в коллективных форматах, как мерещилась она пролетариату, зомбированному учением Ленина. В таком социуме аналогично тому, как предметы твердого мира используются только с наложением функции, человек идентифицирует себя с социальной маской. Но опыт такой свободы дал знание о чудовищной кабале этого состояния, о невозможности стать частным лицом (человеком со свойствами) под давлением социально-религиозного фанатизма. Социум с кристаллически жесткой структурой, наполнен монадическими объектами, в которые невозможны личные экзистенциальные вклады, потому что он ограничен в формах и не имеет ниш для огромного разнообразия личных предназначений подданных. А невозможность распределения себя в реальности замыкает образ самого себя на функцию. В такой ситуации есть только три способа поведения: идентификация на том, что есть (со значительной потерей личной судьбы), уход в более гибкие подсистемы, например, в религию, но уход фанатичный, и бунт – борьба с системой (диссидентство). Диссидентство в сочетании с демонстративным типом поведения – это тоже экстремизм чистой воды, и даже не «позитивный» экстремизм. Религиозность в сочетании с мимикрией дает частичную личностную реализацию. Лояльность же (идентификация на ценностях системы) – самый опасный способ, сопровождающийся полной потерей личности.

Взрослея, мы застаем ситуацию «плохой» реальности, которая без личного труда обживания – необитаема. Но следует именно обживать реальность, а не вживаться в нее

как это делают животные. Обживать – значит вводить в реальность свои детали, которых недостает до Рая. Производить места других измерений, где все наполнено только «лишними» для природы вещами.

Спасение души в такой реальности сводится к получению умения переживать вместо энергозатратных состояний состояния энергоосвобождающие. То есть заботится о постоянной замене переживания статических форм «Я» переживаниями протеических превращений. Ничто так не утомляет, как усилие быть только самим собой. И нет в мире более легкого путешествия, чем беззаботные приключения формы собственного тела. Эти два полярных типа напряжения различаются способом поддержки активности: первый производится за свой счет, второй – за счет Бога. Классика отличала их как состояния возбуждения (напряжения воли) и состояние покоя (гармонии). В современном социуме жизненная работа больше не состоит в целевом преобразовании себя для получения одной сильной (идеальной) формы тела. Она имеет содержанием научение искусству протеичности. В изменении стратегии видится отличие классической эпохи работы над телом от постнонклассической эпохи.

Человек спектрален в личностном плане. И пытается для определенности сделать себе опорный формат через интерпелляцию на чем угодно. Интерпелляция – то же, что идентификация на идее, миссии или личности. К ней относится и такой менингит, как «православие головного мозга». Процедура интерпелляции становится опасной для личности в том случае, если отфильтровывается только один класс распределений, или если для самосборки используется (добровольно или волонтаристски) ограниченное множество отражений. Так, личный опыт, нормированный эдиповым шаблоном, намертво закрывает доступ к драгоценнейшим деталям открытой реальности.

Религиозно ангажированный человек не вкладывается, а накладывает шаблон. Покрытие шаблоном так надежно и скучно, что цена полученного смысла бессмысленно высока. Да и шаблон набрасывается на материал, полученный очень разном. Столько веков мы для этого протягивали миру зеркало, потом еще полстолько времени облучали его идеальными камертонами, и вот теперь щекочем резонаторами искусства. Оно производит партитуры динамической закладки внутренней структуры сознания, которая разворачиваются при исполнении естественным путем, показывая что может быть, когда действие лично, а не машинально, трафаретно или бессознательно.

Свою частную онтологическую платформу, пригодную для свободной жизни в социуме мы строим тем, что вкладываемся. Вкладываемся в объекты, в структуры и в отношения. Такая платформа производит массу реальностей и если вести себя пластично, то все реальности достоверны, то есть существуют в определенном смысле одинаково, в стиле режима существования культурного слоя. Я познаю себя не уходя «в себя», а наблюдая за тем каким я становлюсь, расширяясь до резонанса с внешними объектами, потоками и потенциалами.

Человек тверд, когда у него есть характер, модель хаосмоса и стабильный круг чтения. Но сколько это стоит и какую реальность гарантирует? Ребенок пластичен, и его реальностям нет числа, его действительность полна чудес и поэтому он неуязвим. То, что он умеет, нельзя отнять. Блаженная жизнь в Раю длится ровно столько, чтобы суметь стать взрослым. Далее он твердеет, застывая в своих привычках, в своем стиле и в своей правоте. И теряет Рай, сделав все положенные традицией вклады, из которых собрать что-нибудь интересное для самого себя не

получается. Образ самого себя попадает в зависимость от социального статуса, а не от внутренней карьеры. Мало кто верит, что его райская личная пластичность может вернуться, если умело пользоваться инструментами пластификации – произведениями искусства. Что правда, тогда придется терпеть неприятную симптоматику комплекса неполноценности, но это духовные мучения, а не физиологические. Зато эпизодические выходы в Рай всегда доступны и несомненны, если развивать мастерство чтения, к примеру. И эта работа дает гарантии полной жизни, не зависящей от действительности (если она не абсолютно патологична, как в королевствах или в сакральных системах). Партитуры «произведений заполняют нас бесконечными превращениями» [3, с. 425]. Не имея опыта таких превращений, направленных цепочек рекристаллизаций, субъект теряет будущее. Если же он попадает под влияние какой-либо сакральной технологии, то его определенность становится фиксированной навеки. Ведь все религиозные техники ограничивают круг объектов, с которыми можно входить в контакт. Включая в это число продукты светской духовности.

Отмена самого себя ради статического внешнего предмета идентификации в бинарном мире христианства – это предательство души, а не ее спасение. Сам по себе «полезный» акт выхода в богатую возможностями реальность теряет свою ценность из-за канонизации этой реальности как единственной, в которой только и возможно посмертное спасение души. Этот дополнительно введенный параметр полезности обедняет сакральную реальность до Абсолюта. И речи о технике такой жизни вписываются в формулу «вывести из тьмы на свет». Но такой формулы не существует для современного человека, в распоряжении которого громадная коллекция партитур, переводящих его сознания из одного «света» в другой

«свет», в двадцатый свет. «Светов» разного качества так же много, как и времен. И нет выделенного «света» и абсолютных Истин. Есть равноправные истины разных реальностей.

Свобода добывается не насилием, а искусным поведением. А предрасположенность большинства к огрублению реальности, к *обмену структур на силы*, их тяга к состоянию «без свойств» воспроизводит действительность, в которой антропологические катастрофы (дефицит человеческого элемента с социумах) неизбежны, как и экономические войны.

Пассионарии Л.Н.Гумилева /4/ производят именно этот роковой обмен, могут быть полностью идентифицированы в качестве экстремистов и страдают (в отличие от интеллигентов, то есть субъектов с максимально структурированным сознанием) комплексом полноценности, что освобождает их от нравственности.

За примерами экстремистских событий ходить далеко не нужно. Свежие реакции мусульман на антиисламский ролик демонстрируют жестко сфокусированное сознание адептов этой религии. Здесь фанатизм и экстремизм показывают почти чистые формы перехода невроза в менингит. Полная статическая идентификация и отсутствие опыта перехода в другие реальности становятся прекрасной платформой для озверения. Детонатором событий служит мем по имени «верность». А фоном – неверие. Для каждого верующего покушение на святыню смертельно опасно, потому что Аллах накажет. Но неверные делают со святынями что хотят, и им за это ничего не бывает со стороны Аллаха. Это может значить и то, что бога не существует, и тогда для верующих все пропало. Фанатики наказывают святотатцев сами, и даже не за оскорбление чувств, а за эксперимент, который сами боятся провести, чтобы определиться с проблемой

существования бога.

Христиане, в свою очередь, в ситуации последствий «осквернения» храма Христа Спасителя продемонстрировали полное неверие в своего Бога. Если бы вера была, они молились бы за хулиганок, зная что наказание их будет ужасно и неизбежно. Но никто не верит в формулу «мне отмщение, и аз воздам...». Верующие защищаются физически и юридически, то есть при помощи тех сил, которые им доступны. Сил, которые больше их самих только потому, что верующих в реальности нет. Они сами себя отменили своим неверием. И божья благодать им так же неизвестна, как духовность светских произведений, к которым они относятся негативно и подозрительно.

Как знания – это только отходы методов, а методы живы бесконечными трансформациями в другие методы, так социальные и сакральные ценности – это капитал, а не сокровища. А капитал неуловим для атак присвоения, поскольку не является ни объектом, ни предметом, а только неким динамическим оператором среды особого качества. Отнять можно только сокровища. Фанатизм превращает неуязвимые духовные капиталы в пошлые клады мудрости и святости, которые противятся любым попыткам изменения, модернизации и приватизации. Ироническое же отношение к застывшим сокровищам воспринимается стерегущими веру как посягательство на место, на котором бросили пожизненный якорь их души. А места такого просто не должно быть для живой души, для которой все реальности мира – это места для путешествий, для собственного бесконечного преображения. Охранять сокровища – значит погубить душу, потому что страх стать другим экранирует действие всех человекообразующих структур. Это не просто дикость. Дикости в простых социумах соответствует пошлость в сложных. Это ловушки

интерпелляции, ведущие к утрате реальности.

Примечания:

1. М.К.Мамардашвили, Мысль в культуре, <http://philosophy.ru/library/mmk/kultura.html>
2. Джон Серл, Конструирование социальной реальности, <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/searle.htm>
3. Валери Поль. Об искусстве / Предисловие А. А. Вишневого. -М.: "Искусство", 1976.
4. Гумилев, Этнические системы, <http://gumilevica.kulichki.net/EBE/ebe07.htm#ebe07chapter29>

6.4. КУЛЬТУРА ТОЛЕРАНТНОСТИ И ЕЕ ФОРМИРОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ

В условиях террористических угроз на современном этапе мирового развития особое значение придается проблеме культуры толерантности. Становление и развитие социокультурной толерантности – одно из важнейших условий диалога культур и межкультурной коммуникации.

Толерантность лежит и в основе российской государственности, поскольку Россия на всем протяжении своей тысячелетней истории складывалась как многонациональное и многоконфессиональное государство.

Французский термин *tolerant*, используемый в общественно-политической практике и гуманитарных науках, характеризует способ нахождения взаимопонимания между личностью и цивилизацией [3, с. 103].

В диалоге культур, в межцивилизационном общении толерантность может быть рассмотрена в двух плоскостях: терпения и терпимости. Терпение в большей мере связано с социальной сферой, социальными ожиданиями, социальной справедливостью. Оно предполагает, что экономические и социальные трудности преходящи, вслед за спадом и рецессией следует стабилизация, а затем и подъем. Люди вправе ожидать и надеяться на улучшение материального положения в ближайшей перспективе. Они, как показывают выборочные социологические опросы, выражают согласие потерпеть «немножко», подождать, когда общество выйдет на устойчивые параметры развития.

Терпение в российском обществе исторически обусловлено. Россияне традиционно ориентированы на православную этику, придерживаются принципа соборности и коллективизма в социальной жизни, правила решать повседневные вопросы «всем миром». Евангелистский принцип «живи бедно, но честно» в российской культуре считается этической нормой.

Достаточно стабильная жизнь человека в советском обществе, уверенность его в профессиональной занятости, государственном обеспечении здравоохранения, образования и других жизненно важных сфер определяла, как правило, его оптимистический взгляд на будущее.

Что касается современной России, то в нашей стране, как наиболее уязвимом звене мирового кризиса, ситуация нетерпимости усугубляется не только кризисом экономики, но и несовершенством как структуры экономики, так и системы управления государством, наличием резкой поляризации в обществе, ростом организованной преступности, коррупции, экологическим беспределом.

В более широком смысле толерантность как терпимость и уважение ко всему «иному» – понимают

приверженцы социокультурного подхода. Они связывают толерантность с необходимостью просвещать общество, воспитывать терпимость и уважение, уничтожать психологические барьеры, способствующие возникновению фобий [3, с. 105].

Человек по своей природе нетерпим ко многим вещам, явлениям окружающего мира. Толерантность как способ взаимопонимания предполагает постоянный контроль предрассудков и стереотипов, присущих каждому человеку.

Формирование социокультурной толерантности связано с реализацией механизма понимания в межкультурной коммуникации. Феномен понимания рассматривается как самостоятельная, теоретико-методологическая и конкретно-практическая проблема.

По мнению В. Дильтея, человек понимает в другом человеке то, что понимает в себе самом [3, с. 15]. М. Вебер рассматривает понимание как возможность воспроизводить мотивы действия другого и учитывать в своем поведении [1, с. 60].

В обществе переходного типа, каким является современный российский социум, особую роль играют ценности. Без новой системы ценностей не может быть и нового общества. Однако отношение к ним у людей может быть различным и избирательным: доброжелательным и толерантным или враждебным и агрессивным.

Доброжелательное отношение к новым ценностям характерно для определенной части населения, ориентированной на изменения, олицетворяющие реформы. Принимаются новые ценности, пропагандируются и теоретически обосновываются, а агрессивность, враждебность в отношении новых ценностей проявляется в их полном отрицании, огульной критике. Такое отношение к новым ценностям характерно

для лиц, выступающих против реформ (модернизации), идеализирующих предыдущий строй или предшествующий этап развития общества, не способных воспринимать инновации.

Значимой проблемой является и то, что сегодня нация и все, связанное с приоритетом национального, не является больше абсолютным благом. Все больше и чаще национализм выливается в ксенофобию, принимает антигуманные формы, привносит в социальную реальность много тревожных, даже опасных тенденций, которые взрывают не только общество в отдельной стране, но и весь мир. Для нашей страны нерешенность проблем национального и территориального единства и национальной идентичности особенно опасна в силу этнического многообразия российского общества.

Национализм трактует «нацию» как высшую внеисторическую и надклассовую форму общественного единства [2, с. 13]. Для национализма характерны идеи национального единства и исключительности, получающие развитие в зависимости от исторической обстановки и межнационального общения [5, с. 30].

В России в настоящее время национализм часто трактуется как принцип, требующий, чтобы совпадали политические и этнические единицы, а также, чтобы управляющие и управляемые силы внутри этих политических единиц принадлежали к одному этносу (Э. Геллнер). При таком подходе национализм может выступать как поле творческого раскрытия нации, средство ее очищения и саморазвития. В этом качестве национализм выступает не только на постсоветских территориях, но и в России, на ее исконно русских территориях [4, с. 55].

Опыт стран, возникших на территории постсоветского пространства, свидетельствует, что процесс развития может не только тормозиться, но и кардинально

деформироваться в сторону несовместимого с демократией, если имеет место систематическое притеснение тех или иных национальных групп или даже построение под прикрытием демократической риторики открыто этнократических государств. Это может привести к обособлению этнических групп, и соответственно полностью исключает возрождение России как многонациональной державы.

Для решения национальных проблем, на наш взгляд, необходимо обратиться к еще свежему в памяти опыту «мировой империи» под названием СССР. Советская нация объединяла десятки групп со своими региональными лояльностями, которые принимали общую лояльность по отношению к государству, на основании существующей национальной идеи.

В качестве вывода отметим, что Россия – поликультурное и многонациональное государство, поэтому необходимость и обязательность толерантности особенно актуальна. Толерантное отношение к иному, чужому – это требование времени. Оно предполагает не только уважение и признание прав и свобод другого человека, независимо от его расовой, конфессиональной, национальной принадлежности, но и поддержку реформ и инноваций, проводимых сегодня в стране.

Примечания:

1. Вебер М. Избранные произведения / М. Вебер. – М.: МОНФ, 2000.
2. Лебон Г. Психология толпы. Сборник работ / Г. Лебон. – М.; СПб., 2009.
3. Марченко Ю. Г. «Культурная революция» в России: ее смысл, содержание и последствия / Ю. Г. Марченко. – М.: АСТ, 2003.
4. Турченко В. Н. Генезис и характеристика подходов к

изучению духовности человека / В.Н. Турченко. – М., 2007.

5. Хантингтон С. Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности / С. Хантингтон; пер. с англ. А.Башкирова. – М.: АСТ, 2008.

6.5. ТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК ФАКТОР ПРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ ЛИЧНОСТИ

Проблема толерантности, - терпимого отношения к иному рода взглядам, традициям, нравам, - в настоящее время становится одной из наиболее значимых и актуальных областей научного анализа. Толерантность исключает любые формы национальной, религиозной нетерпимости к другим людям, их социального притеснения. Доброжелательное, уважительное отношение человека к политическим взглядам других людей свидетельствует об уровне его культуры, воспитанности.

Толерантность – это особая составляющая в структуре личности, один из важнейших ее компонентов. Собственно, говорить о человеке как о личности, при отсутствии данного компонента довольно сложно. Маловероятно, что человек сформируется как личность, если он не терпим к людям с иными обычаями, культурой. Более того, вообще, общество не может нормально функционировать, (особенно многонациональное) если большая часть граждан нетерпима ко всему «чужому». Воспитание толерантности у каждого человека является объективной необходимостью и для личностного развития каждого человека, и для динамичного развития общества в целом.

Стремление человека самоутвердиться, реализовать себя – это его естественное желание как «существа

политического», «общественного». Вместе с тем самоутверждение предполагает принятие им определенных норм, правил, принятых в обществе и, свои личные интересы подчинять общественным. Здесь немало противоречий.

Личный интерес является важнейшим стимулом человеческой деятельности в течение всей жизни. Если человек встречает препятствия, которые трудно преодолеть, он выбирает различные варианты деятельности.

Первый вариант: ищет способы преодолеть эти трудности и согласовать свои интересы с общими.

Второй – замыкается в собственном мире и уходит «в себя». Временами он может действовать сообразно с общественными интересами, но это момент конформизма и не более.

Третий вариант. Может выразиться в агрессивности, зависти, злорадстве и других отрицательных чертах характера.

Поведение человека определяется преимущественно внешними причинами, которые формируют внутреннюю мотивацию его деятельности, характер. Внутренний мотив является результатом и продуктом взаимодействия человека с окружающей средой, поэтому от содержания, методов воспитания зависит развитие его личности, формирование нравственных качеств.

Внешнее воздействие и внутренняя саморегуляция – две органически взаимосвязанные части, определяющие содержание и характер поведения человека, формирование его личности. В жизни человека, в его поведении фактически нет таких сфер, таких видов деятельности, которые бы не регулировались социально с помощью разнообразных форм, правил, методов, которым вынужден соподчиняться индивид. С другой стороны, личность не

просто «соподчиненный элемент», но и самоорганизующаяся система со своим чувственным «Я». По этому человек «привносит личностное «Я» в процессе своей деятельности, оценивая существующие нормы, правила. Естественно, что в детском возрасте особенно многообразен спектр оценок, правил, не отвечающих общественным стандартам.

В ходе интериоризации ребенок «присваивает» социальные, знаково-символические структуры и средства деятельности и общения, на основе которых формируется его сознание, личность. В зависимости от того, как ребенок понимает те или иные явления, процессы общественной жизни, нормы, правила, несколько адекватно на них реагирует и воспринимает, зависит и его поведение.

Но нередко дети, особенно подростки, поступают в чем-то вопреки обстоятельствам, ориентируясь в своих поступках на определенные ценности, не отвечающие общепринятым нормам. Объясняется это тем, что наряду с внешними факторами, большое влияние на ребенка оказывают внутренние факторы, «охватывающие» личностный мир субъекта – потребности, чувства, интересы и т.д. Например, интерес, будучи выражением высокой степени эмоционально-чувственного мира человека, содержит в себе идею свободы. Ложное понимание этой идеи подростком может проявиться в его поступках, не отвечающих педагогическим требованиям.

Одна из отрицательных черт характера человека, препятствующая формированию у него терпимости к другим - это зависть. Зависть свойственна человеческой природе, она наблюдается уже в раннем детском возрасте. У взрослых она проявляется чаще в скрытой форме и в ней обычно не решаются открыто признаться. У детей зависть может быть вызвана заниженной самооценкой, жестким воспитанием в семье, плохими отношениями со

сверстниками и др.

Гельвеций считал, что человека сделала завистливым природа и когда человек теряет надежду сравниться с тем, кем восхищается, то на смену восхищения приходит ненависть.

Ницше считал, что мы не ненавидим еще человека, коль скоро считаем его ниже себя; мы ненавидим лишь тогда, когда считаем его равным себе или выше себя.

Зависть может привести к вражде, ненависти, поэтому одной из важнейших задач семейного и школьного воспитания является формирование у детей отрицательной реакции, обусловленной завистью.

Воспитанию толерантности препятствует и агрессивность. Часто агрессивность возникает как реакция субъекта на фрустрацию и сопровождается эмоциональным состоянием враждебности, ненависти. Если ученик сталкивается с непреодолимыми трудностями (как он считает) в учебе, в отношениях со сверстниками, учителями и т.д., то это может негативно проявиться в его поведении: уход с урока, отказ выполнять задание и др.

Агрессивность имеет две разновидности – оборонительную и деструктивную. Причем первая (оборонительная) не всегда носит отрицательный заряд. Она может быть фактором социальной адаптации, выраженной через психические реакции, по мобилизации своих защитных механизмов. Например, ученик 6-го класса, отличающийся хорошим поведением, успевающий неожиданно уходить из класса во время урока. Причиной такой «агрессивности» может быть желание показать свою «смелость» перед одноклассниками с целью преодоления отчуждения и установления с ними более дружественных отношений. У взрослых агрессивная реакция на какие-либо социальные процессы можно быть обусловлена религиозными, политическими или другими причинами и

вызваться в разных формах экстремизма, террористических актах.

Одной из причин, влияющих на формирование толерантности, является страх. Страх – это естественное состояние всякого живого существа, природное психическое проявление человека. По мере взросления ребенка страх начинает уменьшаться и пропадать в отдельных проявлениях, но в целом инстинкт сохраняется. Целесообразность страха сохраняется пока он служит средством самозащиты. Но если человек не получает должного воспитания, не приучается к нормальному общению с окружающими его людьми, не в состоянии контролировать свое поведение, то это может стать серьезной помехой раскрытия его личности. В таком случае страх может порождать недоверие, злобу в отношении других людей, а также обусловленные этим гневливость, мстительность, бесчестность и др. Все это, в общем итоге, подрывает у человека инициативу, уверенность в своих силах; он ищет виновных в своих неудачах. Конечно, в таких случаях говорить о его толерантности невозможно.

Умение учителя, воспитателя вовремя и правильно «раскрыть» внутренние помыслы, цели, переживания учащегося помогает правильному воспитанию детей. Важной найти доминирующие факторы эффективного воспитательного воздействия на конкретного ребенка, определив его интересы, стремления, мотивацию поведения.

Э.Ш. Натанзон [1] подчеркивает, что для правильного понимания глубинных процессов, которые происходят в сознании школьника, целесообразно рассматривать поступки конкретного ученика сквозь призму понятия, «направление развития личности». Она выделяет четыре направления:

- правильное направление развития личности школьника;

- возникновение тупика в развитии личности;
- развитие личности по нисходящей линии;
- выпрямление личности.

Ученик, у которого сформировался высокий уровень устойчивости мотивов, отвечающих педагогическим требованиям, моральным нормам, скорее всего не изменит своего поведения в трудной ситуации, будет «в меру завистлив», «оборонительно агрессивен», сдержанным и т.д. Он не будет развиваться по «нисходящей линии».

В основном такое возможно в старшем школьном возрасте, когда ученик может воспроизвести идеальный образ своей деятельности и абстрактно представить в ней позицию других людей. В этом возрасте направленность его деятельности приобретает все более устойчивый, системный характер, на основе сформировавшихся интересов, убеждений, волевых качеств. Формируется моральное сознание, высшим уровнем которого является автономная мораль – ориентация на определенную внутреннюю, автономную систему принципов. Автономная мораль, как высшая форма нравственного самоопределения школьника, обеспечивается совестью и ответственностью, которые во всей полноте вошли в сознание ребенка.

Процесс нравственного воспитания осуществляется на уровне общей социальной среды, конкретной среды и микросреды. На каждом из этих уровней имеется своя специфика, выражающаяся как в объеме и характере необходимой для нее исходной информации, так и в особенностях организации воспитательного процесса. Успех организации работы по нравственному воспитанию зависит от того, кто воспитывает, как воспитывает, от умения педагога воздействовать на нравственный мир

личности учащегося.

Примечания:

1. Натанзон Э.Ш. Психологический анализ поступков ученика. – М.,1994.

6.6. СТАНОВЛЕНИЕ ИДЕАЛОВ ТОЛЕРАНТНОСТИ В ТАТАРСКОЙ ФИЛОСОФИИ XIX-XX ВВ.

В современном российском обществе в последние десятилетия наблюдается рост экстремизма на почве религиозной ненависти, стремлений посеять вражду между народами по религиозному признаку. Не является исключением и Республика Татарстан. В тоже время, республику часто ставят в пример как образец веротерпимости в отношениях разных народов. Очевидно, что такое положение дел было достигнуто далеко не сразу и отнюдь не просто. Наиболее явно эволюция отношений между основными религиозными общинами (мусульманской и христианской) на территории РТ можно проследить сквозь призму эволюции в философских воззрениях татарских философов и богословов последних двух веков. Данная статья является попыткой взглянуть на историю татарской философии в контексте эволюции взглядов в отношении татар-мусульман к русским и другим народам. Процесс развития отношений между мусульманскими и немусульманскими народами на территории Поволжья представляет особый интерес. Поволжье – это регион, в котором традиционно проживают мусульмане. Необходимость жить бок о бок с немусульманским населением привела к изменению в традиционных взглядах мусульман на другие народы. Данный факт нашел отражение в трудах татарских богословов 19-нач. 20 вв.

Можно четко выделить несколько этапов в отношении татарских богословов Казанского края этого периода к немусульманским народам. На первом этапе (до первой половины 19 в.) мы видим настроенное отношение, стремление к обособлению, сохранению культурных традиций, неприятие всего чужого и нового. Данная позиция нашла яркое отражение в трудах Г.Утыз-Имяни. На втором этапе, с расширением контактов между татарами и русскими мы видим смягчение этих позиций. Активное сотрудничество Ш. Марджани и К.Насыри с русскоязычным научным сообществом Казани постепенно отражается в трудах мыслителей. Неприятие любых контактов с русскими, немусульманами сменяется призывами к интеграции татарского мусульманского населения в Российское общество. Третий этап, условно выделяемый нами, совпадает с началом 20 в. и развитием татарской богословской мысли в царской России, а после 1917 г. – в эмиграции. К этому этапу относится философское и богословское творчество татарского богослова, М. Бигиева, а также взгляды З. Камали. В частности, М. Бигиев выдвигает принцип Божественного милосердия, согласно которому не делается различия между мусульманами и немусульманами – все народы в равной мере подпадают под безграничную милость и милосердие Аллаха. Такая позиция означает отход от жестких привязанностей к традиционным ценностям, толерантность к другим народам и религиям, составляет основу для совместного общежития представителей различных культур и обществ.

Итак, начнем с первого этапа (конец 18-первая половина 19 вв.). Падение Казанского ханства в 1552 г. имело известные последствия для мусульманского населения. Это и ограничение для занятия ремеслом, торговлей, юридические ограничения на наследование

земель. Например, если после смерти землевладельца-мусульманина у него не оставалось крещеных родственников, то эти земли отходили к государству. Таким образом, мусульмане вставали перед выбором – либо принять крещение, либо терять свои землевладения. Все это сопровождалось попытками насильственной христианизации. Существовала особая миссионерская комиссия в составе православной церкви, которая специально занималась пропагандой христианского учения в мусульманской среде. Единственным исключением среди мусульманских народов России в этом плане были башкиры. Они имели особый статус, оставаясь владельцами своих земель, и сдавали их в аренду поволжским татарам.

В 17-18 вв. антиисламская политика царских властей достигла пика. Так, в 1742 г. только в Казанской губернии было разрушено 418 из 536 имеющихся мечетей под различными предлогами. Это повлекло за собой локально ограниченные восстания и беспорядки. После изгнания татар из Казани в 1552 г. за пределы городских стен появляются татарские поселения (слободы). Но контакты не прекращаются. Татарские и русские купцы торговали друг с другом на многих базарах. В 18 веке у татар развивается мануфактурная промышленность, появляются свои «олигархи»: Юнусовы, Апанаевы, Замановы. С 1768 г. усилиями Хальфиных в Казани возобновляется преподавание татарского языка.

При Екатерине II антиисламская политика была официально прекращена, что подкреплялось известным указом 1773 г. о веротерпимости ко всем религиям. В этом указе впервые ислам объявлялся как официальная религия в Российской империи. Впоследствии появляются новые мечети: Марджани, Апанаевская и др. В 1801 г. в Казани открывается мусульманская типография. Первой книгой,

изданной в этой типографии, стал, конечно, Коран. В то же время, мусульмане, в целом, оставались отделены от образования. После открытия в 1804 г. Казанского императорского университета мусульмане имели туда очень ограниченный доступ и в качестве студентов, и в качестве преподавателей. Проект муфтия Мухаммаджана открыть «особенное училище» для мусульман в Казани, которое бы имело статус гимназии и открывало бы выпускникам дорогу в университет, не был одобрен властями. Также и другой проект ректора казанского университета Гавриила Солнцева о создании татарского учебного заведения в прямом подчинении Совета Казанского университета с целью приобщить татар к европейскому образованию был отклонен. Если к этому присовокупить факты отклонения заявок на открытие татарских газет (а в 19 в. было отклонено в общей сложности 19 подобных заявок), то невольно приходишь к выводу, что правительство намеренно не желало улучшения мусульманской образовательной системы, включения в нее европейских элементов, что в итоге привело к культурной изоляции мусульман. Мусульмане оставались привязанными к собственным медресе. Отсюда понятно стремление многих видных татарских мыслителей XIX в. к реформированию мусульманского образования в медресе, которое, однако, нельзя рассматривать как попытку модернизировать сам ислам, а просто как стремление приобщить мусульман к научным знаниям цивилизованного мира.

Первым из казанских ученых-богословов, кто ярко выразил свою реакцию на общественную ситуацию, был Габдрахим Утыз-Имяни (аль-Булгари). В его богословских трудах прослеживается линия на критику европейского образа жизни, жесткое дистанцирование от обычаев «неверных», аскетизм суфийской традиции, глубокий

пессимизм в связи с распадом обычаев и традиций.

Свое отношение к христианам Г. Утыз-Имяни высказывает в поэтических произведениях и богословских трактатах. Так, в одной из поэм «Авариф-аз-Заман» есть такие строки: «если кто-то строит свой образ жизни как каффар [неверующий], есть ли у тебя сомнения в его неверии?». Еще более жестко свое отношение к христианам Г. Утыз-Имяни выразил в поэме «Танзих ал-афкар». Герой поэмы говорит от лица крещеного татарина о христианстве так: «Эта религия была однажды нам навязана. Как мы теперь должны покинуть плохую религию?»[1, с. 279-292].

Среди богословских трактатов интересен в этом отношении небольшой трактат «О выделке кож». С философской точки зрения этот трактат, может быть, не самый важный в творчестве Утыз-Имяни, но с точки зрения нашего вопроса он является достаточно характерным. Обсуждается достаточно частный вопрос: могут ли мусульмане использовать кожи, выделанные ремесленниками-христианами? Для большинства мусульман в этот период этой проблемы не было. Путем скрупулезного анализа, цитируя и критикуя различные источники, Утыз-Имяни приходит к выводу, что если кожи выделаны неверными, то они в любом случае считаются оскверненными [2, с. 79-90]. Почему эта тема кажется ему настолько важной, что заслуживает отдельного трактата? Примечательно само использование прилагательного «чистый», ведь именно о чистоту кожи ставит под сомнение автор этого трактата. Нечистота может здесь рассматриваться двояко. С одной стороны, это ритуальная чистота, присущая исламу в целом (омовение и т.д.). С другой стороны, возможно, речь идет о чистоте веры и религии. Нечистым считается нечто потому, что оно сделано «нечистыми», «нечестивыми».

Для интерпретации такого отношения можно привести две точки зрения. М.Кемпер, например, считает, что такое отношение обусловлено тем, что Г. Утыз-Имяни считает весь Волжско-Уральский регион территорией войны (дар аль-харб). А если ведется война (против оккупантов, неверных), то какие тут могут быть компромиссы? Другие исследователи, в частности Р. Адыгамов, делают противоположный вывод. Точнее, не склонны в этом вопросе заострять противоречия между мусульманами и русскими. По Адыгамову, дело просто в том, что немусульмане, по мнению Утыз-Имяни, не знают требований, которые предъявляются к выделке кож, предъявляемых исламом, не обладают знанием определенных технологий. Поэтому вопрос не богословско-философского характера, а чисто технический [2, с. 47].

Еще одна интерпретация этого трактата (можно сказать, марксистская) заключается в том, что причины здесь могут быть чисто экономические. Татары вкладывали деньги в переработку кожи и к 1812 г. в Казани среди 91 кожевенных мастерских 22 были татарскими. Самые крупные кожевенные мастерские принадлежали как раз русским. Таким образом, трактат о выделке кож косвенно был направлен на защиту экономических интересов татарских мануфактурщиков в конкуренции с русскими.

Другой татарский мусульманский автор, живший в Казанском крае приблизительно в это время, – Абу Наср Курсави. Ему также принадлежит ряд богословских трактатов, где он, в частности, защищает право современных мусульман на иджитihad (вынесение самостоятельных суждений по вопросам веры). Это само по себе было шагом вперед для развития отношений к немусульманским народам, так как позволяло отбросить старые традиции и предрассудки и приспособливаться к

новым реалиям. Правда, у самого Курсави мы находим жесткую критику любых новшеств в религии («бида»). Но, впоследствии, у других авторов, например, у Марджани, эти рассуждения найдут более благодарную почву и приведут к более радикальным выводам. Хотя, в целом, Марджани оставался последователем А. Курсави.

Вопрос, который интересует нас в данном контексте, это мнение Курсави о том, как вообще рассматривать христиан (в частности, православных христиан): верующими или неверующими? Известно, что ислам среди всех религий выделяет аврамические («Божественные») религии – иудаизм, христианство и ислам, рассматривая их как пророческие. Ислам признает всех ветхозаветных пророков, начиная с Адама. Также в исламе существует особое отношение к Иисусу (Исе), который тоже рассматривается как великий пророк и посланник Аллаха. Представители всех перечисленных народов называются в исламе «людьми Книги». Являются ли русские (православные христиане) людьми книги для Курсави? Этот вопрос является ключевым, потому что от ответа на него зависит то, как должно относиться татарам-мусульманам к русским. Можно ли с ними общаться, работать, вместе торговать или нет? Это проявляется также в том, можно ли мусульманину брать в жены христианку? В Коране мусульманам разрешается брать в жены не только мусульманок (по наложницам ограничения вообще нет), но и, как говорит Коран, «благопристойных женщин (из сообщества тех, кто перед вами получил Писание)» (сура «аль-Маида», аят 5). Хотя, необходимо отметить, что на этот счет у разных мазхабов имеются свои точки зрения.

Курсави, в целом, не дает четкого ответа на этот вопрос. Дело в том, что православные христиане почитают святых и молятся иконам, что, в принципе, с точки зрения ислама, может быть истолковано как ширк (многобожие). В

то же время, однозначно считать православных нехристианами, с т.з. Курсави, тоже нельзя. Надо отметить, что татарские богословы, при всем их образовании, все же были весьма приблизительно осведомлены о богословских различиях между, например, католиками и православными. Поэтому, окончательные суждения в этих вопросах они старались выносить с осторожностью. Известный исследователь творчества А.Курсави Г.Идиятуллина называет его сторонником религиозной терпимости [3, с. 71].

Что же касается другой проблемы, а именно дебатов по вопросу, является ли Поволжье «землей войны» (дар-ал-харб), Курсави высказывается однозначно. Он спрашивает: в условиях господства немусульманской власти сохраняют ли свою легитимность пятничные и праздничные молитвы, в которых, по обычаю мусульман, упоминается имя главы государства (который в данном случае православный царь)? Утыз-Имяни на этом основании, например, отрицал легитимность пятничной совместной молитвы мусульман. Напротив, для Курсави вне всякого сомнения то, что мусульмане Поволжья проживают на «земле ислама» (дар ал-ислам), а не на «земле войны». По его аргументам, тот, кто живет в доме войны не в состоянии познакомиться с предписаниями ислама, потому что они там в принципе неизвестны и не могут преподаваться. Такой ситуации Курсави, в любом случае, не видел в мусульманском регионе Поволжья.

Во второй половине 19 в. в жизни мусульман Поволжья произошло мало изменений. К сожалению, многие важнейшие события и экономические, политические и социальные изменения прошли мимо мусульман. Освобождение крестьян не затронуло мусульман, усилилась рабочая миграция. Мусульманское общество все больше впадало в оборонительный

консерватизм. На этом фоне пионером, кто первым стал осторожно критиковать отдельные мусульманские традиции и прокладывал путь для движения обновления (джадидизма) стал Ш. Марджани.

Все жизнь прослуживший имамом в Казани, Шигабутдин Марджани, во многом, поддерживал точку зрения Курсави. Поскольку он занимался историографией, он внес большой вклад в понимание татарами-мусульманами своей истории. Кстати, он не дистанцировался от этнонима «татары», рассматривал историю татар как болгарско-татарскую и даже критиковал «болгарский ислам».

Марджани во многом способствовал на посту имама легитимации совместной работы мусульман с немусульманскими учреждениями. Он поддерживал связи с казанскими ориенталистами, через своих учеников налаживал контакты с петербургскими востоковедами. Он, как и Каюм Насыри, являлся членом Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Марджани призывал мусульман России изучать русский язык. Одновременно с этим он призывал к сохранению родного языка (хотя сам писал, в основном, по арабски, так как считал, что этот язык более пригоден для изложения научных взглядов).

В то же время, Марджани считал, что мусульмане не должны покупать мясо у русских или жениться на русских женщинах. Также он высказывал сомнения по вопросу о принадлежности православных христиан к людям Книги. В основном, ему не нравилось в православии иконопочитание, которое рассматривалось им сугубо как идолопоклонство. Однако, как историк, Марджани интересовался русской культурой, призывал к изучению наук, интеграции татар в европейскую цивилизацию. Хотя степень влияния на него европейского мышления не

изучена в достаточной мере. В основном, он опирался на более известные ему мусульманские труды. Он стремился подчеркнуть связь Волжской Булгарии и Древней Руси. Общеизвестно, что история Волжской Булгарии тесно связана с историей русских княжеств. «Когда жителей Суздальского княжества охватил голод, – пишет Марджани, – болгары снабдили их большим количеством хлеба» [цит. по 4, с. 76-77]. А когда Владимир посетил Булгарию в 985 г., он заключает мирный договор, и «болгары и славяне обязались не нарушать этот мирный договор до тех пор, пока камни не приобретут способность плавать, а хмель – погружаться в воду» [там же, с. 75]

В XX в. татары-мусульмане испытали на себе все перипетии российской истории. Поддержав по началу большевиков, в которых они видели освободителей от царского гнета, они очень быстро разочаровались и поняли, что одно рабство в России сменилось другим рабством. Очень быстро после прихода к власти большевиков мусульманское движение было подавлено. Многие мусульманские деятели были уничтожены в Гулаге советскими властями наравне с христианскими. Среди них татарский богослов, проживавший в Уфе, Зия Камали. Другим мусульманским деятелям повезло больше. К таким относится рано эмигрировавший из России татарский мыслитель и богослов Муса Биги.

В своих трудах З. Камали не уставал подчеркивать миролюбивый характер ислама как религии. Интересно в этом смысле проанализировать отрывок из первой части его «Философии ислама», где он прямо обсуждает вопрос о взаимоотношении между исламом и другими религиями [5, с. 102-104]. Эта часть повествования построена в форме схоластического трактата: возражения и ответы на них. Выше [5, с. 93] З. Камали обосновывает убеждение, что «для каждого приверженца религии его единоведец

является самым дорогим существом, имеющим преимущества в правах перед остальными». Вроде бы сам заголовок красноречиво свидетельствует о позиции автора в отношении других религий. Однако после внимательного прочтения мы обнаруживаем, что в данном отрывке З. Камали говорит, прежде всего, о своем народе, нации, о заботе о соотечественниках. Во всем тексте, следующем за заголовком мы не находим ни одного употребления слова «религия». Данный текст проникнут истинным духом патриотизма. Причем, даже в этническом контексте, речь идет лишь о том, чтобы «состязаться с другими нациями в совершении добрых дел и приобретении прекрасных качеств» [там же]. Возвращаясь к этой теме снова, З. Камали в уста своего оппонента вкладывает следующее рассуждение: «Если каждый верующий будет жить с убеждением, что «лишь мой единоведец прав, а остальные заблуждаются», то... в результате будет разрушено всеобщее братство среди людей... вернется эпоха варварства, предшествующая культуре» [5, с. 102]. Но спорит ли с этим на самом деле З. Камали? Читаем в ответе на возражение: «Факты противостояния религиозных деятелей друг другу, их стремление обойти представителей других религий, подозрительность во взаимоотношениях – все это противоречит духу небесных религий» [5, с. 103]. И далее: «разногласия между религиозными деятелями порождены дурным обучением, которое предлагают сами учителя религии... Вина лежит на тех, кто обучает религии, не понимая ее сущности и смысла» [5, с. 104]. Из данного текста совершенно очевидно, что защищая исламское мировоззрение (будучи мусульманином), З. Камали ни в коем случае не собирается противопоставлять его другим религиям, что ясно видно из процитированных отрывков и соответствует, в целом, духу всего трактата. В богословских трактатах, которые строятся по форме

«возражение-ответ», часто было принято вкладывать в уста оппонентов собственную точку зрения, поэтому собственную точку зрения автора установить подчас весьма трудно, и лишь по характеру ответа мы можем определить его отношение к проблеме. В данном случае, ответ не только не противоречит возражению, но, по сути, обосновывает его.

Что касается М. Биги, то его можно охарактеризовать как достаточно разностороннюю личность, обладавшую обширными богословскими и научными знаниями. Для нашего вопроса будет интересно рассмотреть одну из его концепций, а именно концепцию божественного милосердия, изложенную в одноименном трактате. Суть этой концепции в следующем. Согласно традиционным представлениям мусульман, после смерти их ожидает Страшный Суд, в результате которого грешники будут наказаны, а праведники попадут в рай. Вот эта концепция вечного наказания и стала предметом рассуждения Биги. Он не был согласен принять факт, что мучения в аду будут длиться вечно. Мучения в потустороннем мире должны когда-нибудь прекратиться. Может ли существо, которое дает, по мнению Биги, своим рабам лишь миг наслаждения, потом обречь их на ужасные вечные муки. длящиеся мириады и мириады веков? Может ли это существо быть наимилостивейшим и наимилосерднейшим? Кроме того, возникает вопрос о том, как быть с немусульманами и с теми, кто вообще не слышал Божественного Откровения? Неужели они должны пострадать только за то, что родились где-нибудь в Австралии и до них не дошли ни ислам, ни христианство, ни иудаизм?

М. Биги считает, что каждому народу Аллах посылает своего пророка (как минимум одного), поэтому ислам должен относиться с уважением ко всем религиям. М. Биги

настаивал на необходимости изучения истории религий. Он говорил, что если мы считаем, что ислам есть религия превосходящая все остальные, то мы, как минимум, должны познакомиться с учением всех древних, а также существующих и поныне религий. Согласно Биги, все религии – звенья в одной цепи. Каждый человек, будь то муваххид (приверженец единобожия) или мункир (отрицающий Бога) навечно останется в лоне бескрайней милости Аллаха. Он критикует узость некоторых исламских ученых, которые привыкли говорить: о такой-то! веруй, как веруют те-то, а если нет, то гори в аду! По мнению Биги, исламская вера должна быть очищена от основанных на гордыне убеждений, в том, что только я буду спасен [6, с. 88-89].

М. Биги исследует этимологию понятий Рахман и Рахим, которыми характеризуется Аллах. Если второе означает милосердие только к тем, кто творит добро, то первое подразумевает милосердие ко всем людям. Здесь он цитирует Коран: «Скажи, о рабы Мои, которые преступили против самих себя, не отчаивайтесь в милости Аллаха! Поистине, Аллах прощает грехи полностью, ведь Он – Прощающий, Милостивый» [6, с. 105-106]. По Биги, под «моими рабами» имеются в виду все люди, а не только мусульмане, так как в другом месте в Коране сказано: «Всякий, кто на Небесах и на Земле приходит к Милосердному только как раб» (Сура 19, аят 93). А в понятие «грехи полностью» из вышеприведенной цитаты он вкладывает все грехи, в т.ч. и куфр (неверие). «Если я верю, – говорит Биги, – что спасение коснется только меня, то я могу сказать всем остальным людям, что поскольку они будут подвергнуты вечным мукам за свои убеждения и веру, то им нет смысла творить добро, а зло, творимое ими, не ухудшит их положения. А посему оставьте добро и совершайте преступления!» [там же].

По мнению Биги, главное – вера, живущая в сердце человека. Ислам обращает на это особое внимание и восхваляет веру больше всего остального, считая, что она является ценностью как для дольного, так и для горнего мира. Таким образом, М. Биги призывает к уважению всех вер и всех народов и толерантному к ним отношению, также как Аллах свою милость распространяет на все народы и все верования. Подобные рассуждения особенно актуальны в настоящее время, когда обостряются межконфессиональные конфликты и особенно необходима толерантность и веротерпимость.

Подведем итоги:

1. Важной темой для современной России является проблема межконфессионального взаимодействия и роста экстермизма на религиозной почве.

2. Поволжский регион представляет собой уникальный пример совместного проживания мусульманских и немусульманских народов в мире и согласии в течение многих веков.

3. Одной из важных тем казанской татарской богословской мысли является отношение татар к немусульманским народам.

4. Это отношение претерпело эволюцию на протяжении 19-нач. 20 вв. и шло параллельно с процессами интеграции татар в российское общество и приобщением к ценностям европейской цивилизации.

5. На первом этапе (конец 18- пер. пол. 19 вв.) отношение к немусульманам среди татарских философов, в целом, настороженное, защитное, консервативное (Г. Утыз-Имяни, А. Курсави).

6. На втором этапе (со второй пол. 19 в.) происходит поворот в сторону европейской цивилизации, улучшается отношение в целом к немусульманским народам (Ш. Марджани, А.Насыри).

7. На третьем этапе (начало 20 в.) формулируется идея толерантности и веротерпимости в отношении всех народов (З. Камали, М. Биги).

В заключение отметим, что гуманистические идеи татарских мусульманских мыслителей поддерживают и представители современной татарской общественной мысли. Вот что пишет, например, Р. Хаким в своем «Манифесте евроислама», рефлексировав по поводу учения М.Биги о Божественном милосердии: «Для нас Европа всегда была источником мудрости и знания. Таковой она остается и сейчас. Наша задача не в построении заборов, отделяющих татар от других народов, не в замыкании в искусственной этноконфессиональной резервации, а в создании мостиков между разными религиями, между различным пониманием ислама, между исламом и христианством. Наша миссия в распространении взаимопонимания, которое поможет скрепить общими узами все человечество» [7, с. 326].

Примечания:

1. *Кемпер М.* Суфии и ученые в Татарстане и Башкортостане. Исламский дискурс под русским господством. – Казань, российский исламский университет, 2008. – 675 с.

2. *Утыз-Имяни Г.* Избранное. – Казань, Татар. кн. изд-во, 2007. – 320 с.

3. *Курсави А.* Наставление людей на путь истины, – Казань, Татар. кн. изд-во, 2005. – 304 с.

4. *Юсупов М.* Шигабутдин Марджани. – Казань, Татар. кн. изд-во, 2005. – 271 с.

5. *Камали З.Д.* Философия ислама. Т.1. Казань, Татар. кн. изд-во, 2010. – 319 с.

6. *Бигиев М.* Избранные труды В двух томах. Т.1. – Казань, Татар. кн. изд-во, 2005. – 336 с.

7. *Хакимов Р.С.* Тернистый путь к свободе. (Сочинения 1989-2006) – Казань, Татар. кн. изд-во, 2007. – 368 с.

6.7. ВОСПИТАНИЕ СПОСОБНОСТИ РАЗЛИЧЕНИЯ КАК ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ЭКСТРЕМИЗМА

Круг явлений, объединяемых понятием экстремизма, рассматривается на этой конференции в цивилизационном измерении. Цивилизация же явлена не только в ключевых, переломных событиях эпохи, но и во множестве событий повседневности. Именно в повседневности нам представляется возможным найти причины и способы предупреждения формирования экстремистского мировоззрения и экстремистской деятельности. Не притязая на открытие методов «переубеждения» существующих экстремистских организаций, мы полагаем возможным обсуждать методы духовно-нравственного воспитания, которые позволят детям и молодежи отклонить выбор экстремистской позиции по отношению к людям, общностям, миру.

Прежде всего, допустим, что экстремизм не имеет собственной природы, но является проявлением чего-то другого, имеющего и другие проявления. Логично предположить, исходя из распространенных определений понятия экстремизма, что это общее есть выбор **меры** в постановке целей и способов воздействия на что-либо (природу, культурные объекты, технические устройства и пр.) или кого-либо (людей, общности).

Воспользовавшись концепцией антропологической соразмерности (В.И.Курашов и др.), можем определить понятие экстремизма как несоразмерности, а именно - **чрезмерности** целей и способов воздействия на другого человека, человеческую общность, - несоразмерность относительно человеческой природы. Действительно, цели,

связанные с уничтожением или подавлением людей иных социокультурных групп и способы, связанные с насилием по отношению к мирному населению, являются отрицанием законов, выработанных человечеством, и представляются притязанием на сверхчеловеческое господство, что превышает антропологическую размерность и масштабы решаемых проблем. Все организованные экстремисты оправдывают свою деятельность служению метафизической идее, превосходящей человеческое измерение.

Другим явлением несоразмерности будет **недостаточность** целей и способов воздействия на другого человека, человеческую общность, которая связана с изоляционизмом, эскапизмом, отказом от активной жизненной позиции, участия в совершенствовании законодательства, правового поля взаимодействия субъектов, от взаимодействия вообще.

Наконец, **соразмерность** цели и способов воздействия на партнера, будь то человек или общность, и является, по-видимому, тем отношением, которое мы квалифицируем как умеренность – постановку целей, учитывающих интересы и других людей, выбор таких способов, как договор, кооперация или конкуренция в правовом поле.

Каковы же причины, порождающие чрезмерность воздействия на другого? Психология повседневности содержит множество хорошо известных житейских ситуаций, обобщение которых может подвести к одному из ответов на этот вопрос. Всем знакома ситуация, в которой один человек повышает голос на другого. Родитель, например, обращается к ребенку: «сколько раз можно повторять одно и то же, почему ты не слышишь, пока я не перейду на крик?». Школьник обижается на учителя: «не кричите на меня!», и слышит в ответ: «я тебе несколько раз сказал спокойно, но ты меня не слышал». Объяснение

лежит на поверхности – один человек порой действительно не слышит тихого, спокойного обращения другого – **не различает** пока еще слабых признаков недовольства другого, не замечает первых примет угрозы будущего конфликта, и собственным неразличением сигналов порождает конфликт, в котором используются крайние, в контексте повседневности, меры.

Происхождение этого неразличения, нечувствительности к сигналам окружающего мира, может быть различным. Если оставить за скобками **органические нарушения**, то это может быть **эмоциональная тупость** (клинический термин) детей, переживших материнскую, эмоциональную депривацию. Это **дистресс**, длительная сверхмобилизация организма, ресурсов которого теперь хватает только для различения сильных, угрожающих воздействий. Это **хроническая фрустрация**, снижающая способность к эмпатии (различению эмоциональных состояний другого) и вызывающая избирательную чувствительность только к предметам, связанным с фрустрированной потребностью. Наконец, это **хронический внутриличностный конфликт**, делающий человека, вообще невосприимчивым к той части информации, которая связана с одной из конфликтующих потребностей (мотивом, смыслом, ценностью), подавленной в силу работы психологических защитных механизмов. Оставим за скобками вопрос, чем могут быть вызваны дистресс, хроническая фрустрация и хронический конфликт, хотя и логичный, но наводящий на слишком очевидные ответы.

В целях предупреждения всякой чрезмерности, в том числе, в виде экстремизма, предлагаем обратиться к вопросу о возможности восстановления или развития **способности различения**.

Эвристичное наблюдение было сделано случайно. Мы

с группой специалистов, посещавших открытый урок по программе «Образ и мысль» в 4-м классе екатеринбургской школы, задержались в классе после урока. В кабинет зашла работница школы, убиравшая помещение, и, не обращая на нас внимания, рассуждала вслух: «вот дети как дети, не шумят, не безобразничают...». Мы подошли к ней с расспросами, и оказалось, что, по мнению интервьюированной, класс в котором преподавался экспериментальный курс «Образ и мысль» отличался от других классов в школе. Дети общались не очень громко, обращались друг к другу по именам, замечали эту работницу, всегда здоровались и иногда помогали, редко ссорились и никогда не дрались.

Единственным объективным отличием класса было то, что в нем преподавался особый предмет. «Образ и мысль» - курс занятий для начальной школы (один урок в неделю), разработанный Санкт-Петербургскими учеными (Ванюшкина Л.М., Копылов Л.Ю., Соколова А.А.) при участии специалистов Русского музея и Эрмитажа на основе предложенных педагогами Музея современного искусства в Нью-Йорке (группа «Development Through Art» - «Развитие через искусство») «Стратегий визуального мышления» – «Visual Thinking Strategies» («VTS»). «VTS» претерпели существенную переработку, предпринятую специалистами г. С.-Петербурга с целью их адаптации к условиям и традициям отечественной школы, а также специалистами Екатеринбурга с целью расширения первоначальных задач программы.

Цель программы Санкт-Петербургских ученых заключалась в том, чтобы содействовать развитию способности детей к глубокому, личностному освоению ценностей диалога с искусством, восприятию художественных ценностей, установлению собственной, естественной системы связей с искусством, которая будет

служить основой для их дальнейшего развития.

Программа «Образ и мысль» для учащихся начальных классов, не столько переработанная, сколько методически дополненная нашей группой (Кислов А.Г., Мельник Н.Б., Плотникова Е.В. и др.), призвана, помимо названной цели, формировать потребность всматриваться и вдумываться, вслушиваться и подбирать точные слова для высказывания мысли, вступая в диалог и с произведением искусства, и с людьми, реальными собеседниками. Мы прогнозировали, что отсроченными эффектами обучения будут уважение к людям с разными точками зрения, терпимость, объективность.

Свидетельство работницы, не являющейся педагогом, но наблюдавшей детей каждый день, было очень важным и, вместе с тем, требовало объективной проверки.

Подтверждение гипотезы о том, что социальная компетентность учащихся по программе «Образ и мысль» выше таковой у контрольных классов было получено в специальном исследовании, проведенном в рамках областных контрольных работ для учащихся Свердловской области. Инновационный способ контроля качества образования предусматривал выполнение учащимися индивидуальной творческой проектной работы, а затем групповое обсуждение проблемы и ее решений в классе. Не отвлекаясь на содержание проблем, обсуждаемых учащимися, отметим наиболее существенные отличия способов обсуждения в 3-х классах, обучавшихся по программе «Образ и мысль» от способов обсуждения других 3-х классов, а также 8-х, 10-х классов и первых курсов учреждений среднего педагогического образования (УСПО).

Обучавшиеся по программе «Образ и мысль» в полной мере использовали все виды коммуникативных действий (эти виды - высказывание согласия, аргументация, ответ на

вопрос, спонтанное высказывание идеи или предложения, задавание вопроса, высказывание сомнения, высказывание несогласия), тогда как учащиеся всех других групп использовали преимущественно ответ на вопрос. Обучавшиеся по программе «Образ и мысль» чаще всего использовали собственное высказывание и аргументацию, часто задавали вопросы, высказывали сомнения и несогласие, чего избегали другие группы, уклоняясь от противоречий и уплощая дискуссию. В результате обсуждения обучавшиеся по программе «Образ и мысль» предложили решения, далекие от крайностей, таких как «заставить» или «запретить», предусматривающие кооперацию и собственное участие, а не указания абстрактным субъектам (такие, как «пусть они...»). Ближе всего к результатам обучавшихся по программе «Образ и мысль» подходили результаты УСПО, но и они в дискуссии опирались в большей степени на сообщения в виде ответа на вопрос и выражения согласия, т.е. не самостоятельно развивали обсуждение, а рассчитывали на вклад других – учителя или активных дискуссионщиков. Следовательно, уважение к людям с разными точками зрения, терпимость, объективность, ответственность участия в обсуждении, детальность проработки решения были в достаточной мере проявлены учащимися по программе «Образ и мысль». Это как раз те качества, которые мы противопоставляем экстремистским установкам на пресечение диалога и грубые линейные решения, граничащие с крайностями.

Какие же особенности программы обеспечили этот результат? Полагаем, что это, в первую очередь, методология и методы педагогической фасилитации, а также многомерный визуальный материал – произведения изобразительного искусства, специально подобранные по ряду педагогических оснований. Учащиеся один раз в

неделю вместе с учителем рассматривали и обсуждали две картины на экране и несколько раз в год рассматривали и обсуждали оригинальные произведения в музее изобразительных искусств. Учитель задавал методически выверенные вопросы, приглашающие всматриваться, вдумываться, исключаящие подсказку, наведение на «правильный» ответ и искусствоведческий разбор произведения, а также пользовался различными приемами парафразы (прямой, обобщенный и пр.). В условиях фасилитированной (свободной, не директивной, но облегчаемой учителем) дискуссии учащиеся постепенно учились видеть в произведении искусства больше, чем можно заметить при беглом рассмотрении, **учились различать** детали, оттенки, нюансы, мелочи, оказывающиеся иногда ключевыми для схватывания смысла образа в целом. Школьники учились различать виды высказываний, подбирать точные слова, продвигаясь от использования приблизительных, житейски сформулированных описаний к использованию точной лексики, средств речевой выразительности, позволяющих создать не протокол восприятия, а эмоционально-смысловое высказывание о впечатлении, производимом картиной. Учащиеся систематически получали опыт встречи с точкой зрения другого, слушая друг друга, всматриваясь, чтобы понять, что и как этот другой увидел, что он увидел такого, что позволяет ему высказать ту или иную мысль. Учащиеся привыкли учитывать предшествующее высказывание другого человека и относиться к нему («я согласен с Машей, что...»), («хочу возразить Саше...»), обращаться к первоисточнику («я вижу глубокую тень вверху картины и предполагаю...»), различать фантазию и факт, гипотезу и доказательство, мнение и знание и многое другое, что способствует точности, взвешенности взаимодействия. Учащиеся

открыли для себя существенное отличие оригинала картины и репродукции, заложив основания для различения вообще подлинников и копий. Различая точные и приблизительные высказывания, учащиеся сотрудничали в создании настолько точного высказывания, «чтобы оно близко подходило к замыслу и смыслу картины» (из высказывания ученика 3-го класса).

Учителям в процессе освоения методов фасилитации пришлось принять новый язык и способы общения. Они отказались от «языка вражды», нерефлексивно присутствующего в традиционной педагогической практике. Так, они не «разбивают» класс на группы, а «объединяют» детей в группы для выполнения частных задач, чтобы объединиться классом для решения общей, не «добиваются», а «достигают», не «включают» участников, а приглашают к деятельности и т.п. Имея дело с таким сложным материалом, как произведения искусства, учителя не информируют, инструктируют и оценивают, а способствуют извлечению информации, высказыванию об увиденном и самооценке точности высказывания с последующими поправками самим ребенком. Приведу одну иллюстрацию. Учащийся, приехавший с Кавказа, в каждом произведении искусства видел взрыв. Не отрицая и не обесценивая его высказываний, учитель отмечал «М. видит взрыв» и продолжал вопросом «что вы еще видите?», и школьники без споров продолжали всматриваться в изображение и обсуждать то, что видят, а не то, чего не видят. Через несколько месяцев учащийся М. начал видеть в картинах то, о чем говорили и другие учащиеся, а также много интересных деталей, помогающих точнее уловить смысл образа. Фасилитация, таким образом, способствует становлению субъектности. Особенностью освоения метода является и то, что педагоги стали переносить его на другие предметы начальной

школы.

В контексте нашего обсуждения можно сказать, что программа «Образ и мысль» направлена на развитие способности к различению – оттенков образа, мысли, речевого высказывания и пр.

Именно способность различать слабые сигналы – видеть неярые картины (произведения живописи бледны по сравнению с рекламой, например) и нюансы образов, слышать негромкий голос и оттенки речи, понимать оттенки смыслов – позволяет человеку своевременно заметить состояние другого человека, настроения общности, не лежащие на поверхности смыслы деятельности и предвидеть направления развития ситуации, предотвратить обращение к крайним, чрезмерным, избыточным способам.

Если принять утверждение, что в основе экстремизма лежит неспособность усматривать тонкие различия, высокий порог чувствительности к межличностным, социальным, культурным сигналам, знакам, смыслам, то и в основу профилактики экстремизма должна быть положена образовательная, социокультурная, духовная деятельность по восстановлению и развитию способности различения. Деятельность, направленная на воспитание способности различения духовных сущностей, особенно значима в культуре потребления, когда люди различают сотни потребительских качеств товаров, но иронично относятся к вопросам различения, например, священного и мирского, греха и добродетели, пожертвования и инвестиции, полагая все имматериальное, тем более, метафизическое, несущественным. По-видимому, организованная образовательная деятельность в этом направлении предусмотрена в виде преподавания в школе курса «Основы религиозных культур и светской этики». Деятельность эта, однако, еще не изучена и не обобщена.

Итак, основываясь на предположении о том, что экстремизм является одним из проявлений антропологической несоразмерности, вызванной неспособностью субъектов к различению, рассмотрев опыт образовательной деятельности на основе методологии фасилитации, мы нашли подтверждения тому, что воспитание способности различения приводит к выбору диалогичных стратегий взаимодействия и, следовательно, предупреждению экстремизма.

Сведения об авторах

Андронов Илья Сергеевич (Санкт-Петербург) – аспирант кафедры социологии и управления персоналом Санкт-Петербургского Университета Управления и Экономики

Бабич Николай Сергеевич (Москва) – кандидат социологических наук, научный сотрудник Института социологии РАН

Барышкова Надежда Геннадьевна (Саратов) – кандидат философских наук, доцент Саратовского института (филиала) Российского государственного торгового-экономического университета

Боровой Евгений Михайлович (Новосибирск) – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и истории Сибирского государственного университета телекоммуникаций и информатики (СибГУТИ)

Буряк Александр Афанасьевич (Днепропетровск, Украина) – Научный сотрудник Института транспортных систем и технологий НАН Украины.

Гаджибеков Руслан Гаджибекович (Пятигорск) – аспирант Пятигорского государственного лингвистического университета

Гурский Валентин Владимирович (Челябинск) – к. филос. н., начальник охраны объекта, ООО частная

охранная организация «Городская когорта», г. Челябинск.

Добаев Игорь Прокопьевич (Ростов-на-Дону) – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теоретической и прикладной регионалистики Южного федерального университета;

Егоров Михаил Игоревич (Санкт-Петербург) – аспирант кафедры связей с общественностью Санкт-Петербургского Университета Управления и Экономики

Жирухина Елена Владимировна (Ростов-на-Дону) – м.н.с., соискатель, Учреждение Российской академии наук, Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра, Лаборатория проблем Северного Кавказа;

Зети Полина Петровна (Ростов-на-Дону) – к.п.н., научный сотрудник, Учреждение Российской академии наук Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра, отдел политологии и конфликтологии

Зимбули Андрей Евгеньевич (Санкт-Петербург) – доктор философских наук, профессор кафедры эстетики и этики РГПУ им. А.И. Герцена

Исаев Андрей Анатольевич (Уфа) – кандидат философских наук, доцент, начальник кафедры социально-гуманитарных дисциплин Уфимского юридического института МВД России

Каримов Артур Равилевич (Казань) – кандидат философских наук, доцент, и.о. зав. кафедрой философской антропологии Казанского федерального университета

Кобзистая Марина Валерьевна (Воронеж) – преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А.

Гагарина»

Коновалов Александр Владимирович (Бердск) – канд. филос. н., доц. кафедры философии и истории Сибирского государственного университета телекоммуникаций и информатики (СибГУТИ).

Кушнаренок Сергей Петрович (Новосибирск) –

к. филос. н., доц. кафедры философии НГАСУ (Сибстрин)

Левикова Светлана Игоревна (Москва) – доктор философских наук, профессор, профессор Московского педагогического государственного университета

Мартынова Ольга Александровна (Пенза) – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии Пензенского государственного университета.

Мартьянов Виктор Сергеевич (Екатеринбург) – кандидат политических наук, доцент, ученый секретарь Института философии и права УрО РАН

Мельников Михаил Васильевич (Новосибирск) – канд. социол. н., доц. кафедры социологии, педагогики и психологии НГАСУ (Сибстрин).

Павлий Ганна Юрьевна (Волгоград) – специалист аналитического отдела, Государственное бюджетное учреждение Волгоградской области «Молодёжный информационно-аналитический центр» (ГБУ ВО «МИАЦ»), магистрант направления подготовки «политология» ВолГУ.

Парменов Анатолий Александрович (Пенза) – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии Пензенского государственного университета

Плешивцева Елена Юрьевна (Новосибирск) – к. филос. н., доц. кафедры философии НГАСУ (Сибстрин).

Плотникова Елена Владимировна (Екатеринбург) – кандидат философских наук, начальник учебного отдела МБУ информационно-методический центр «Развивающее образование»

Рязанов Даниил Сергеевич (Махачкала) – кандидат философских наук, доцент кафедры связи с общественностью Дагестанского государственного технического университета

Сабилов Владимир Шакирович (Новосибирск) – д.филос.н., проф., зав. кафедрой философии НГАСУ (Сибстрин)

Смагулов Есбосын Меркешевич (Астана, Республика Казахстан) – кандидат философских наук, начальник отдела Научно-исследовательского и аналитического центра по вопросам религии Агентства Республики Казахстан по делам религий

Сморжевская Оксана Александровна (Киев) – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры новейшей истории Украины исторического факультета Киевского национального университета имени Тараса Шевченко

Соина Ольга Сергеевна (Новосибирск) – д.филос.н., проф., проф. кафедры философии НГАСУ (Сибстрин)

Тепляков Олег Викторович (Ленинградская область) – кандидат политических наук, доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности, Северо-Западного института повышения квалификации ФСКН России

Тимощук Алексей Станиславович (Владимир) – доктор философских наук, профессор ВЮИ ФСИН России

Тимощук Елена Андреевна (Владимир) – кандидат философских наук, старший преподаватель ВФ НГЛУ

Щекотин Евгений Викторович (Новосибирск) – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и права Новосибирской государственной академии водного транспорта

Чудинов Сергей Иванович (Новосибирск) – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии НГАСУ (Сибстрин).

Чуркина Наталья Анатольевна (Новосибирск) –

кандидат философских наук, доцент кафедры социологии, педагогики и психологии НГАСУ (Сибстрин)

Юрченко Инна Вадимовна (Краснодар) – доктор политических наук, доцент, главный научный сотрудник ИСЭГИ Южного научного центра РАН

Юрченко Наталья Николаевна (Краснодар) – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета